

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

5

СЕНТЯБРЬ - ОКТЯБРЬ

1 9 6 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. И. В. БАБУШКИНА

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
Н. А. Баскаков, член-корр. АН СССР А. В. Ефимов, М. О. Косвен,
П. И. Кушнер, М. Г. Левин, Л. Ф. Моногарова (зам. главного редактора),
А. И. Першиц (зам. главного редактора), Л. П. Погапов, И. И. Потехин,
Я. Я. Рогинский, академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Л. Н. Терентьева, Н. Н. Чебоксаров, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва В-36, 1-я Черёмушкинская, 19

Т-09192 Подписано к печати 12/X — 1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Тираж 1930 экз. Бум. л. 6¹/₂ Зак. 3946 Печ. л. 17,81 + 2вкл. Уч.-изд л. 22,2
2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ВЕЛИЧАЙШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ СОВРЕМЕННОСТИ

Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза — Коммунистический манифест нашего времени, базирующийся на замечательных достижениях советской науки.

Велико научное и практическое значение положений проекта Программы КПСС, освещающих пути дальнейшего развития советского общества. В результате завершения построения в СССР социалистического общества обеспечена реальная возможность постепенного перерастания социализма в коммунизм. В проекте Программы КПСС, научно обоснованы закономерности развития общества в период развернутого строительства коммунизма.

Работа Коммунистической партии, возглавляемой ее Центральным Комитетом, в области марксистско-ленинской идеологии оказывает огромное влияние на дальнейшее развитие всех общественных наук. «Прямой долг кадров, занятых в области общественных наук, — способствовать своими исследовательскими работами правильному решению вопросов, выдвигаемых ходом развития общества, дать научно обоснованные рекомендации, опирающиеся на анализ статистических и других данных»¹.

Реализация задач, поставленных замечательным документом научного коммунизма — проектом Программы КПСС, требует от ученых, работающих в области различных общественных наук (истории, этнографии, экономики, лингвистики и других), решения неотложной задачи — проблемы комплексности в научной работе.

Работникам исторической науки, в частности этнографам, предстоит принять участие в исследовании процессов национальных взаимоотношений в переходный период от социалистического общества к коммунистическому, в изучении яркого и очень сложного процесса развития национальных культур, все большего сближения наций в нашей стране.

Одной из основных задач этнографов является также изучение процессов, происходящих в семейно-бытовом укладе народов СССР в период развернутого строительства коммунизма и изучение причин живучести различных пережитков, в частности религиозных.

Значительны задачи этнографов в исследовании национального движения в зависимых и колониальных странах.

* * *

В проекте новой Программы Коммунистической партии Советского Союза воплощены ленинские идеи по национальному вопросу, отражен огромный опыт национальной политики Коммунистической партии нашей страны, определены перспективы дальнейшего развития национальных отношений в СССР.

---

¹ «Повысить роль общественных наук в строительстве коммунизма», «Коммунист», 1961, № 10, стр. 35.

Многонациональность нашей страны на всех этапах ее истории побуждала Коммунистическую партию Советского Союза уделять перво-степенное внимание национальному вопросу. Великая Октябрьская социалистическая революция, свергнув самодержавие и разбив цепи национального гнета, осуществила задачи в области национального вопроса, поставленные перед партией большевиков первой Программой, составленной при участии В. И. Ленина еще в 1903 году. В «Декларации прав народов России» были провозглашены равенство и суверенность народов, право их на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования свободных государств, отмена всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп. В Советской России были созданы условия для проведения в жизнь ленинской программы национально-государственного строительства, для установления отношений доверия и дружбы между народами страны.

Вторая Программа Коммунистической партии Советского Союза, также разработанная при непосредственном участии В. И. Ленина и принятая в 1919 г., определила следующий этап развития национальных взаимоотношений в нашей стране, соответствующий задачам борьбы за победу социализма. Выполняя эту программу, Коммунистическая партия претворила в жизнь право наций на самоопределение под эгидой Советской власти. Народы, образовавшие национальные советские социалистические республики, добровольно объединились в могущественный Советский Союз, создав новый тип интернационального социалистического государства. Установившиеся между народами Советского Союза с первых лет его образования отношения дружбы, всестороннего сотрудничества и братской взаимопомощи обеспечили победу над объединенными силами контрреволюции в тяжелые годы интервенции и гражданской войны; была осуществлена ликвидация унаследованных от старого строя последствий политического, экономического и культурного неравенства наций и народностей России. Отсталые народы прежних окраин царской России в течение жизни одного поколения совершили скачок от феодализма к социализму, достигли невиданных темпов развития народного хозяйства, высокого уровня социалистической по содержанию и национальной по форме культуры.

Опыт Советского Союза в разрешении национального вопроса, в установлении подлинно интернациональных, братских взаимоотношений между народами многонационального Советского государства имеет всемирно-историческое значение; он стал наглядным примером для всех народов мира, борющихся с империализмом и колониальной системой.

В условиях социализма создались все возможности для подлинного расцвета наций, укрепления их суверенитета и вместе с тем — для все большего их общения и тесного сближения.

У людей разных национальностей, жизнь которых строится на единой социалистической основе, сложились общие черты духовного облика; все они объединены общими интересами и единой целью и стремлением — созиданием коммунистического общества.

Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза, одобренный июньским Пленумом ЦК КПСС и определяющий главные закономерности дальнейшего поступательного движения нашей страны к коммунизму, знаменует и новый этап национальной политики Коммунистической партии. В условиях развернутого коммунистического строительства национальные отношения в СССР будут характеризоваться дальнейшим всесторонним сближением наций и достижением их полного единства. Возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика. Од-

нако стирание национальных, и в частности языковых, различий партия рассматривает как длительный процесс. Предупреждая о недопустимости ни игнорирования, ни раздувания национальных особенностей, она выдвигает в новой Программе ряд важнейших задач в области национальной политики в период построения коммунистического общества. Использование и совершенствование различных форм национальной государственности будет сочетаться с всемерным укреплением Союза ССР. Продолжая курс на всестороннее развитие экономики Советских республик, необходимо обеспечить рациональное размещение производства и социалистическое разделение труда, правильно сочетая интересы всего государства с интересами каждой республики. В некоторых природно-географических и экономических зонах будут создаваться межреспубликанские хозяйственные органы. Важнейшей задачей является также обеспечение дальнейшего всестороннего развития социалистической по содержанию, национальной по форме культуры народов СССР. Чрезвычайно важно при этом обеспечить правильное направление развития национальных форм культуры. Как показывает исторический опыт, национальные формы культуры в условиях социализма не отмирают, а видоизменяются, совершенствуются, освобождаясь от всего устарелого и противоречащего новым условиям жизни народов. Культура каждой нации обогащается за счет заимствования прогрессивных элементов национальной культуры других наций. Усиливается идейное единство наций, сближение их культур. Новая Программа партии призывает всемерно содействовать их дальнейшему взаимобогащению и сближению, бороться с отжившими обычаями и нравами и поддерживать прогрессивные национальные традиции, укрепляя интернациональную основу, на базе которой будет формироваться единая общечеловеческая культура коммунистического общества. Носителем этой общечеловеческой интернациональной культуры явится новый человек — член коммунистического общества.

* * *

Великая культурная революция, свершившаяся в нашей стране, должна найти свое завершение в начавшийся период развернутого строительства коммунистического общества. «На этом этапе обеспечивается создание всех необходимых идеологических и культурных условий для победы коммунизма»². Культурное развитие, в основе которого лежит мощный взлет производительных сил, бурный подъем производства и техники, в свою очередь само является в нашем обществе могучим стимулом экономического и технического развития, как и условием постоянного повышения уровня общественной жизни. «От культурного роста населения в огромной мере зависят подъем производительных сил, прогресс техники и организация производства, повышение общественной активности трудящихся, развитие демократических основ самоуправления, коммунистическое переустройство быта»³.

Задачи, выдвигаемые проектом Программы в области идеологии, воспитания, образования, науки и культуры, подчинены общей великой и благородной цели формирования нового человека, члена коммунистического общества. Исходя из этой цели, проект Программы формулирует положение о главном, основном содержании всей нашей идеологической работы на современном этапе. «Партия считает главным в идеологической работе на современном этапе — воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистиче-

² «Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза», «Коммунист», 1961, № 11, стр. 74.

³ Там же.

ского отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры»⁴.

Неисчислимое множество раз в истории человечества моралисты, проповедники, основатели религий, идеологи различных родов и разновидностей выдвигали задачу морального и духовного совершенствования человека, задачу воспитания прекрасной человеческой личности. Предлагавшиеся ими методы решения этой задачи не могли не быть утопическими, ибо общественное бытие определяет сознание людей, а бытие человека антагонистического общества никак не могло способствовать ее решению. Строительство коммунистического общества впервые в истории открыло реальную перспективу воспитания широчайших масс населения в духе лучших идеалов благороднейших умов человечества. Это воспитание осуществляется не методами «чистого просветительства», а в ходе самой борьбы за новую жизнь. «Формирование нового человека происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни, под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций...»⁵. Таким образом, происходящее в самом ходе строительства коммунизма массовое формирование нового человека не является стихийным процессом, оно идет под целенаправленным и организованным воспитательным воздействием партии и всей системы руководимых ею государственных и общественных организаций.

Одной из главных задач коммунистического воспитания является неустанная систематическая борьба против пережитков капитализма и докапиталистических формаций в сознании людей.

* * *

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское государство на всех этапах развития социалистического общества постоянно уделяли большое внимание улучшению материального положения и повышению культурного уровня трудящихся, благоустройству и преобразованию их быта.

Однако необходимость сосредоточения больших средств на увеличении мощи советской экономики в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, а в послевоенные годы — на ликвидации тяжелых последствий войны, обусловила известные ограничения в удовлетворении материальных потребностей трудящихся нашей страны.

В настоящее время, в период развернутого строительства коммунистического общества в СССР, созданы все условия для неуклонного роста материального уровня жизни всего населения.

«Теперь у нас другой уровень развития,— указывал Н. С. Хрущев в докладе на XXI съезде КПСС,— другие возможности, другие силы, и мы решительно ставим задачу значительного повышения благосостояния советского народа»⁶.

В проекте Программы КПСС определены пути, обеспечивающие дальнейший неуклонный рост материального уровня жизни населения СССР, выдвинута задача, имеющая всемирноисторическое значение,— достичь в СССР самого высокого жизненного уровня по сравнению с

⁴ «Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза», «Коммунист», 1961, № 11, стр. 67.

⁵ Там же.

⁶ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР за 1959—1965 гг., М., 1959, стр. 58.

любой страной капиталистического лагеря. Эта задача осуществляется путем повышения индивидуальной оплаты трудящимся по количеству и качеству их труда, со снижением розничных цен и отменой налогов с населения, а также путем расширения общественных фондов, распределяемых между членами общества бесплатно.

Решение этой задачи, как и всех задач, связанных со строительством коммунизма, будет осуществляться последовательными этапами. Уже в ближайшее десятилетие (1961—1971) одновременно с созданием материально-технической базы коммунизма проектом Программы КПСС предусматривается значительный подъем материального благосостояния и культурно-технического уровня трудящихся.

В течение первых десяти лет реальные доходы рабочих и служащих (с учетом общественных фондов) в среднем на одного работающего возрастут почти в два раза, а за 20 лет — примерно в три, три с половиной раза.

«Во втором десятилетии,— указывается в проекте Программы КПСС,— будет достигнуто изобилие материальных и культурных благ для всего населения, созданы материальные предпосылки для завершения перехода в последующий период к коммунистическому принципу распределения по потребностям»⁷.

Большие перспективы открываются для благоустройства быта. Коммунистической партией Советского Союза выдвинута задача — полностью разрешить жилищную проблему, обеспечить выполнение обширного плана благоустройства городов и рабочих поселков, осуществить коренные преобразования в типе и облике крестьянских поселений.

Широкая программа мер, отражающих заботу партии и государства о народном благосостоянии, намечена для улучшения условий труда, дальнейшего сокращения рабочего дня и улучшения здоровья населения нашей страны.

Большое внимание в проекте Программы КПСС уделено вопросам улучшения бытовых условий семьи и положения женщины. Совокупность мер, предлагаемых Коммунистической партией Советского Союза, обеспечит полное устранение сохраняющихся еще при социализме пережитков неравного с мужчиной положения женщины в быту и создаст все необходимые условия для сочетания счастливого материнства с творческим участием женщин в общественном труде и общественной деятельности. Большое значение имеют и мероприятия, предусмотренные проектом Программы КПСС для обеспечения счастливого детства и меры по материальному обеспечению граждан, потерявших трудоспособность.

По мере создания обилия материальных и культурных благ будут возрастать общественные фонды потребления. К концу двадцатилетия, как предусмотрено проектом Программы КПСС, они должны составить примерно половину всей суммы реальных расходов населения.

В проекте Программы КПСС определены конкретные пути, обеспечивающие полное исчезновение социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней. Совокупность мер, которые должны быть осуществлены в процессе строительства коммунизма в нашей стране, обеспечит поднятие уровня жизни сельского населения по степени развития производительных сил, характеру труда, формам производственных отношений, бытовым условиям, степени благоустройства до уровня жизни городского населения.

В программном документе строительства коммунизма, в проекте Программы КПСС, нашли яркое отражение социальные процессы, происходящие в советском обществе.

⁷ «Проект Программы Коммунистической партии Советского Союза», «Коммунист», 1961, № 11, стр. 54.

* * *

Всемирноисторическое значение проекта Программы КПСС определяется не только научным марксистским анализом практических мероприятий в процессе строительства коммунистического общества в СССР, но и в обобщении опыта построения бесклассового социалистического общества народами нашей страны, в указании путей, облегчающих построение социализма в странах социалистического лагеря и революционизирующем влиянии на трудящихся в других странах мира, особенно трудящихся колониальных и зависимых стран.

Важное значение в этом отношении имеет VI раздел проекта Программы КПСС, касающийся национально-освободительного движения. В нем дан подлинно научный анализ важнейшего явления современности — крушения колониальной системы и образования новых независимых государств. После второй мировой войны освободились от колониальной зависимости более 40 стран с населением в 1,5 миллиарда человек. Молодые суверенные государства, — говорится в проекте Программы, не входят ни в систему империалистических государств, ни в систему социалистических государств, хотя их все еще продолжают эксплуатировать капиталистические монополии.

Народы государств, сбросивших иго колониализма, могут развиваться, идти по пути прогресса только в результате последовательной борьбы с империализмом.

США давно уже превратились в главный оплот современного колониализма. Вот красноречивые данные, подтверждающие этот тезис Программы, опубликованные уолл-стритовским журналом «Форчун». Если Англия за свою историю завоевала 5 600 000 км² земель, то США огнем и мечом приобрели с 1776 г. 4 460 000 км². В 1902 г. у США было 270 тыс. км² колоний с населением в 10 млн., в начале второй мировой войны США контролировали уже 1 459 136 км² с населением в 21 684 000 человек, а теперь под контролем США (подразумеваются страны, находящиеся в военных блоках, которыми руководят американские империалисты) находятся 23 560 000 тыс. км² с населением в 667 815 000 человек, кроме 154 392 000 км² океанов, морей и проливов. Но эта гигантская колониальная империя трещит по всем швам. Пример героической Кубы весьма показателен. Куба показывает, что даже маленькая страна, находящаяся почти у самой пасти американского империалистического чудовища, может добиться свободы, если становится на путь социалистических преобразований и ее народ осуществляет революционные социальные преобразования — осуществляет широкую аграрную реформу, решительно выкорчевывает из экономики страны иностранные монополии, проводит независимую внешнюю политику.

В проекте Программы КПСС дан анализ движущих сил национально-освободительного движения в нашу эпоху, указаны огромные преимущества некапиталистического пути развития, в частности посредством образования и развития государств национальной демократии, политической основой которого является блок всех патриотических сил, борющихся за полное обеспечение национальной независимости, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции.

Теоретические положения важнейшего исторического документа нашего времени — проекта Программы КПСС — могут и должны стать мощным идеологическим оружием в руках советских этнографов, стремящихся своими исследованиями внести достойный советских ученых вклад во всемирноисторическое дело построения коммунизма.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

С. И. БРУК, В. И. КОЗЛОВ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТОГРАФИИ

В настоящее время сильно возрос интерес широкой общественности к познанию жизни народов различных стран, их этническим и культурным особенностям, территориальным и национальным взаимоотношениям. В результате происшедших политических изменений во многих странах мира бурно развиваются этнические процессы. Для большинства стран, освободившихся от колониального ига, характерны процессы консолидации и формирования новых народностей и наций из ранее разобщенных племен и этнографических групп. Широкий размах приобрело национальное строительство в странах социалистического лагеря, где подобные процессы значительно ускоряются. Этнические карты (карты национального состава, или карты народов) помогают понять важнейшие события политической жизни и вскрыть сущность национальных движений, развивающихся в различных странах мира.

Роль этнических карт¹ при этнографических исследованиях совершенно очевидна. Каждый народ характеризуется определенной территорией своего расселения; географическое положение этой территории и связанные с ним природные условия оказывают существенное влияние на особенности развития различных сторон материальной и духовной культуры народа, а территориальные отношения его с другими народами определяют многие особенности его этнической истории. Карта, являющаяся, по выражению Н. Н. Баранского, «вторым языком географии»

¹ Существует более широкое понятие — «этнографические карты», которым обозначается группа специальных карт, показывающих географическое размещение и пространственные взаимоотношения явлений и объектов, изучаемых этнографической наукой. Кроме этнических карт, образующих основную подгруппу этнографических карт, в эту группу войдут карты типов хозяйственной деятельности и связанные с ними карты материальной культуры (одежды, жилища и др.), а также карты духовной культуры, в том числе карты религий.

Следует отметить, что этнические карты не получили до сих пор достаточно полного освещения в картографической литературе. Характерно, что даже самый общий вопрос о том, к какой из групп специальных карт их следует относить, в разных работах решается по-разному: одни авторы включают этнические карты в группу экономических карт (см.: А. И. Преображенский, Экономическая картография. М., 1953, стр. 161), другие — в группу исторических карт (см.: З. Ф. Караваева, Некоторые вопросы создания исторических карт, М., 1956, стр. 14). Действительно, этнические карты можно использовать как при характеристике особенностей размещения населения и его хозяйственной деятельности, так и при исследовании исторических процессов. Однако основная классификация карт должна производиться не на основании возможности их использования той или другой наукой, а на основании того, какие объекты являются основными в содержании данных карт, какая наука изучает эти объекты и устанавливает закономерности их территориального размещения. Исходя из этих соображений, этнографические карты составляют самостоятельную группу, которая в общей системе классификации специальных карт должна занять место рядом с группой экономических и группой исторических карт.

(можно добавить «и этнографии»), позволяет детально и в то же время наиболее наглядно отразить пространственные отношения и связи этнографических фактов и явлений и тем самым превращается из иллюстрации к тексту в новый источник познания этнографических закономерностей.

* * *

Этнические карты принадлежат к числу древнейших. Уже первые из известных нам карт, например карта Гекатея Милетского (V в. до н. э.) или карта Эратосфена (III в. до н. э.), могут быть названы не только географическими, но и этническими, так как одним из основных объектов их содержания были народы, показанные надписями в районах их расселения. В течение многих веков этнические элементы (географическое размещение народов, некоторые сведения об их жизни и пр.) играли заметную роль почти на всех географических картах.

Специальные этнические карты, основным назначением которых был показ народов, известны с XVII в. Однако в течение длительного времени они составлялись примитивными способами и были весьма схематичными. Лишь с середины XIX в. и особенно с начала XX в., когда в переписях населения ряда стран появились показатели национальности или родного языка, стало возможным составлять подробные этнические карты. Именно в этот период вышли в свет многие карты народов стран Европы и особенно тех многонациональных государств Восточной Европы, где развивались национальные движения². После первой мировой войны и связанной с ней перекройки политических границ значительное развитие получили региональные этнические карты, преимущественно карты «спорных» территорий (Трансильвании, Македонии и т. д.).

С развитием империализма национальный вопрос перерастает, как отмечал В. И. Ленин, в национально-колониальный вопрос; многие народы колониальных и зависимых стран пробуждаются к самостоятельной жизни. В последние несколько десятилетий этническим картографированием были в основном охвачены колониальные и зависимые страны, что объясняется стремлением империалистических государств подробнее изучить свои владения с целью их более усиленной эксплуатации. Весьма подробные карты были составлены по бывшему французскому Индокитаю, многим колониям в Африке и т. д. Несмотря на сравнительно большой охват территории и крупный масштаб, карты эти в методологическом отношении далеко не совершенны. Как правило, этнический состав населения на этих картах изображается как конгломерат множества ничем между собой не связанных племен.

В России первая этническая карта появилась уже в 1672 г.; это была карта размещения народов Сибири и прилегающих районов Европейской России и Средней Азии; позже она была включена в атлас, известный под названием «Чертежной книги Сибири»³. Несмотря на то, что непосредственная цель этой карты была связана со сбором ясака, она пред-

² Из числа таких карт необходимо отметить, в частности, этнографическую карту славянского мира Любора Нидерле (м. 1:3 700 000) в книге «Обозрение современного славянства. Энциклопедия славянской филологии», вып. 2, СПб., 1909 и «Этнографическую карту Балканского полуострова» Я. Цвиича (м. 1:2 000 000) в кн. J. Cvijić, *La péninsule Balkanique. Géographie humaine*, Paris, 1908).

³ «Чертежная книга... всей Сибири и городов и земель...» была составлена С. У. Ремезовым в 1701 г. Отметим, что включение этой карты в атлас, а также нанесение некоторых этнических элементов на другие карты атласа (характеристика занятий местного населения и пр.) было непосредственно связано с правительственным указом 1696 г., который предписывал русским картографам: «...описать, в котором месте какие народы кочуют и живут, также с которой стороны к порубежным местам какие народы подошли...» (цит. по кн.: К. А. Салищев, Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы, М., 1948, стр. 130).

ставляет выдающееся для своего времени картографическое произведение, имеющее большое научное значение.

Постоянный интерес русских ученых к этническому картографированию своей страны объясняется необычайной сложностью ее этнического состава. Во второй половине XIX в. появляются детальные карты народов Европейской России, составленные П. И. Кеппеном и А. Ф. Риттихом⁴, и ряд региональных карт народов.

Большой размах этнической картографии наблюдается после Октябрьской революции в связи с возникшими задачами национального строительства. Именно в это время разворачивается деятельность созданной при Академии наук Комиссии по изучению племенного состава России и сопредельных стран (КИПС), одна из основных задач которой заключалась в составлении этнических карт. КИПС была составлена и опубликована многолистная «Этнографическая карта Сибири»⁵; кроме того, был издан ряд карт по национальному размежеванию Средней Азии и других районов. В 1933 г. появилась интересная карта расселения народностей Крайнего Севера, составленная П. Е. Терлецким⁶.

Новый этап в развитии советской этнической картографии начался после окончания второй мировой войны, когда бурный рост национально-освободительной борьбы народов колониальных и зависимых стран привлек к себе внимание самых широких кругов советской общественности. В это время в Институте этнографии АН СССР началось планомерное картографирование всех стран мира; в 1948 г. была составлена рукописная карта народов Европы (в масштабе 1 : 2 000 000). В 1951 г. была опубликована учебная карта народов СССР⁷. Затем, начиная с 1956 г., последовательно выходят в свет карты народов Индостана, Китая, МНР и Кореи, Индокитая, Передней Азии, Африки⁸. В ближайшее время выйдет из печати созданная в результате многолетнего труда карта народов мира (масштаб 1 : 15 000 000), а также карта народов Индонезии, Малайи и Филиппин (масштаб 1 : 5 000 000). За последние годы много этнических карт было опубликовано в различных изданиях Института этнографии АН СССР⁹. Наконец, сейчас в лаборатории этнической статистики и картографии Института совместно с Научно-редакционной картосоставительской частью Главного управления геодезии и картографии начата работа по составлению большого «Атласа народов мира», состоящего более чем из 70 карт.

Таким образом, в течение сравнительно короткого времени этническим картографированием с разной степенью подробности были охвачены все районы земного шара. При этой работе возник ряд вопросов методологического характера, которые были разрешены в процессе составления карт или еще требуют своего разрешения. К их числу относятся прежде всего вопросы определения объектов исследования, их классификации, а также методики составления этнических карт.

⁴ П. И. Кеппен, Этнографическая карта Европейской России, м. 1 : 3 150 000, СПб., 1851; А. Ф. Риттих, Этнографическая карта Европейской России, м. 1 : 2 520 000, СПб., 1875.

⁵ Комиссия по изучению племенного состава СССР и сопредельных стран. Этнографическая карта Сибири, м. 1 : 4 200 000, Л., 1927.

⁶ П. Е. Терлецкий, Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР, м. 1 : 5 000 000, М., 1933.

⁷ «Народы СССР», учебная карта для средней школы, м. 1 : 5 000 000, М., 1951 (2-е издание — 1955 г., 3-е издание — 1958 г.).

⁸ М. Я. Берзина, Карта народов Индостана, м. 1 : 5 000 000, М., 1956; С. И. Брук, Карта народов Китая, МНР и Кореи, м. 1 : 5 000 000, М., 1959; его же, Карта народов Индокитая, м. 1 : 5 000 000, М., 1959; его же, Народы Передней Азии, м. 1 : 5 000 000, М., 1961; Б. В. Андрианов, Народы Африки, м. 1 : 8 000 000, М., 1961. Карты составлены под общим руководством П. Е. Терлецкого.

⁹ Особенно подробные этнические карты опубликованы в вышедших томах серии «Народы мира», посвященных народам Африки, Австралии и Океании, Америки, Передней Азии, Сибири и Кавказа.

Определение объектов исследования

Основными единицами, которые выделяются на карте, являются народы — исторически сложившиеся группы людей, связанные общностью территории своего формирования, языка, культуры и т. д. Понятие «народ» — весьма широкое и охватывает все типы этнических общностей — нации, народности, группы родственных племен, отдельные племена.

Возникновение всех этих общностей относится к различным историческим эпохам: племена впервые возникли при первобытно-общинном строе, народности — при рабовладельческом и феодальном, нации — при капиталистическом. Однако в результате неравномерного социально-экономического развития различных стран и народов сейчас одновременно существуют все типы этнических общностей.

При выделении народов важнейшая проблема — это решение вопроса о том, к какому типу общности относится та или иная группа населения: является ли она этнической общностью, т. е. народом, или частью народа (этнографической группой¹⁰), или относится к какой-то другой общности (политической, религиозной, расовой и т. д.). Решение этого вопроса представляет трудность даже в тех случаях, когда в распоряжении исследователя имеются подробные статистические данные о национальном составе населения, так как в связи с развитием процессов консолидации и ассимиляции во многих странах имеются довольно значительные группы населения с переходными формами культуры, быта и национального самосознания. Одни из этих групп населения, а иногда и целые народы (обычно отдельные племена или народности) находятся в процессе слияния в новые этнические общности, другие группы, оказавшись в окружении инациональной среды, ассимилируются, т. е. этнически растворяются среди своих соседей. Однако наибольшие трудности возникают при выделении народов в тех многонациональных странах, где нет учета национального (или языкового) состава населения и где национальный вопрос подменяется религиозным или расовым вопросом.

Религиозный фактор играл видную роль в историческом процессе образования ряда современных народов; его действие было особенно сильным в средние века, когда, как отметил Ф. Энгельс, «мировоззрение ... было по преимуществу теологическим»¹¹. В некоторых случаях, как это произошло, например, в отдельных странах Европы, религиозные различия оказали решающее влияние на этническое разграничение сравнительно однородных в языковом отношении групп населения (сербы, хорваты и боснийцы¹²; голландцы и фламандцы; ирландцы и ольстерцы). Однако с течением времени религиозный фактор в большинстве стран мира потерял свое значение. Большинство современных народов включает в свой состав как группы населения, принадлежащие к различным религиям (немцы — протестанты и католики и т. п.), так и неверующих

¹⁰ Этнографические группы представляют собой территориально обособленные части народности или нации, у которых сохраняются особые элементы местной культуры и быта (особые наречия или говоры, специфика в материальной и духовной культуре, религиозные отличия и т. д.). Они обычно образуются путем ассимиляции народностью или нацией инациональных групп или же при слиянии племен в народность, когда эти племена еще не утратили своих этнографических особенностей. Очень часты случаи их образования путем дифференциации одного народа в процессе его расселения (например, поморы у русских).

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 295.

¹² П. И. Кушнер, рассматривая процесс этнического разделения сербов и хорватов, пишет, что «письменность на латинской основе (в то время как сербская письменность имеет основу, общую с русской) и католицизм, глубоко проникший в быт, создали такую обстановку, при которой религиозные отличия хорватов от сербов приобрели характер отличий этнических» (см. П. И. Кушнер, Этнические территории и этнические границы, М., 1951, стр. 8).

так что искать органические связи между религиозной и этнической принадлежностью было бы крайне ошибочным. Это не значит, конечно, что в отдельных случаях, при отсутствии прямых данных о национальной принадлежности, исследователь не может пользоваться данными о вероисповедании, выделяя, например, армян по их принадлежности к армяно-грегорианской и армяно-католической церкви, а евреев — к иудаизму.

Остановимся несколько подробнее на анализе роли расового фактора, имеющего существенное значение для многих стран Америки, где в формировании этнических общностей участвовали различные антропологические компоненты.

Буржуазные ученые, основываясь на антинаучном представлении о будто бы существующей причинной связи между «этносом» и расой, выделяют из состава латиноамериканских народов негритянские группы, считая их самостоятельными народами. Однако подобная «теория» не выдерживает критики.

Марксизм-ленинизм учит, что национальные образования имеют общественный, а не биологический характер. Национальные общности не совпадают с расовыми группировками, биологическими по своей природе. Расовые различия между людьми возникли в глубокой древности в связи с длительной территориальной разобщенностью групп первобытных людей и влиянием физико-географических условий их обитания. Первые этнические общности — племена — были внутри себя вполне однородными в расовом отношении, однако в ходе дальнейшего социально-экономического развития, когда племенные кровнородственные связи уступили место связям территориальным, группы людей разных рас стали объединяться и смешиваться друг с другом.

В странах Америки образование народов при сильном смешении расовых типов происходило не в глубокой древности (как это имело место в Старом Свете), а в новое и новейшее время. Этот процесс в очень широких размерах продолжается и в настоящее время.

Предки негритянского населения Америки, вывезенные из различных областей Африки, не представляли какого-то этнического единства и принадлежали к разноразличным негроидным племенам. Будучи расселены в Америке попеременно с белыми, представители этих разноразличных групп африканцев довольно быстро утратили свои племенные языки, сменив их на языки того населения среди которого они жили (английский, испанский, португальский, французский и др.), а дальнейшее развитие их культуры стало резко отличаться от культуры африканских народов. Смешиваясь с окружающим населением (число мулатов в большинстве стран резко превышает число негров), группы негритянского населения активно участвовали в общей экономической и политической жизни соответствующих стран Америки, вносили свой вклад в складывающиеся национальные культуры этих стран, а сами являлись одним из основных этнических компонентов формирующихся наций (таких, как бразильская, кубинская и др.). В некоторых странах процесс их слияния с белым населением тормозился политикой расовой дискриминации, проводимой правящими кругами. Особенно это относится к США, где дискриминация и сегрегация, в отличие от всех других стран Америки, приобрели универсальный и исключительно острый характер и тормозят окончательную интеграцию негров. Поэтому негров США можно рассматривать как этнографическую группу американского народа.

Народы характеризуются рядом признаков — языком, особенностями культуры и быта и т. д., однако один из них — язык, — как правило, является определяющим. Язык — основной этнический определитель, причем названия большинства народов совпадают с названием языка, на

котором они говорят. Каждый народ говорит на одном языке¹³ (мы здесь не рассматриваем такого распространенного явления, как двуязычие, когда народ, кроме своего родного языка, говорит и на втором языке, в большинстве случаев на языке основной нации или официальном языке государства), но довольно часты случаи, когда одним и тем же языком (английским, испанским и др.) пользуются несколько народов. В этих случаях различные народы между собой помогают другие признаки, находящие отражение в национальном самосознании.

Говоря о выделении народов по языку и национальному самосознанию, нельзя не отметить существующей в зарубежной этнографической науке тенденции игнорировать широкое развитие процессов этнической консолидации в странах Азии и Африки и представлять их чрезвычайно пестрыми в национальном отношении. Так, например, Тессман¹⁴ в одном только Камеруне выделил ареалы двухсот двадцати пяти языков. На изданной Американским музеем естественной истории карте народов Тропической Африки¹⁵ выделено свыше 1000 племен, а их классификация заменена алфавитным списком. Все эти подробнейшим образом составленные карты должны создать впечатление «этнического хаоса» и крайней отсталости населения. По существу, они отражают не современное положение народов, а давно прошедшее их племенное состояние.

При выделении народов приходится учитывать и факторы картографического порядка: возможность показа тех или иных народов при данном масштабе карты и необходимость единообразного выделения народов с тем, чтобы разные участки карты не получили излишне раздробленными или излишне обобщенными. Так, например, в Европе, где живут в основном крупные народы, достигшие высокой степени национальной консолидации и имеющие свою государственность, в любом масштабе выделяются примерно одни и те же народы. В то же время для многих стран Африки, Юго-Восточной Азии и некоторых других, на региональных картах, составляемых в более крупном масштабе, должно быть выделено большее количество народов, чем на мировой карте, где объединяются в группы не только отдельные племена, но и близкие между собой мелкие народности. На карте Индонезии, Малайи и Филиппин, издаваемой Институтом этнографии в м. 1 : 5 000 000, выделено 150 народов, по этому же району карты народов мира (м. 1 : 15 000 000) выделено менее 50 народов. В зависимости от поставленной задачи и масштаба карты индейские народы Америки могут выделяться в целом (на самых мелкомасштабных схемах), по языковым семьям или народностям или же могут быть выделены даже самые мелкие индейские племена (на крупномасштабных картах).

Принципы классификации объектов исследования

Научная классификация картографируемых явлений — обязательное условие обеспечения высокого качества любой специальной карты. Такая классификация, основанная на объективных и существенных признаках и отраженная в системе условных знаков (где сходство признаков подчеркивается сходством цветов, штриховок или других обозначений), создает у читателя представление о закономерностях разме-

¹³ Из этого правила есть лишь небольшое количество исключений: мордва (мокшанский и эрзянский языки), ирландцы, часть которых говорит на своем языке кельтской группы, остальные — на английском; евреи Европы и Америки, большинство которых говорит на языках окружающих народов и т. д.

Перепись населения СССР 1959 г., учитывавшая национальную принадлежность и родной язык, показала, что значительная часть населения (свыше 10 млн. чел.) показала своим родным языком язык другой национальности, главным образом, русский.

¹⁴ G. T e s s m a n n, *Volksstämme Cameruns*, «Petermanns Mitteilungen», 1932, № 78.

¹⁵ Hunter - Bruce, *Tribal map of Negro Africa*, New York, 1956.

щения тех или иных объектов по земной поверхности. При отсутствии такой системы карта превращается в некую абстрактную картину, где наблюдаемые сходства или различия цветов как основных элементов зрительного восприятия картографического изображения не отражают какой-либо логической связи между изображаемыми объектами. Говоря о классификации картографических явлений, следует отметить также, что карта является, по сравнению с текстом, более «категорической» формой отображения явлений и объектов; если в тексте могут быть помещены параллельно несколько систем классификаций, дополняющих в той или иной степени друг друга, то карта требует какой-то единой системы классификации.

По каким признакам может быть произведено объединение народов в группы? Отмеченное нами несовпадение этнических и расовых, этнических и религиозных границ говорит о том, что ни раса, ни тем более религиозная принадлежность не могут служить основанием для группировки народов¹⁶. Для этой цели подходят лишь основные признаки, характеризующие близость между народами.

Группировка народов по территориальному признаку (народы Европы, народы Америки, народы Сибири и т. д.) — наиболее простая, нередко используется для учебных карт, но мало что дает в научном отношении. Несравненно больший интерес представляет распространенная в этнографической литературе группировка народов по особенностям их традиционных форм хозяйства и культуры в первую очередь и классификация по хозяйственно-культурным типам и историко-этнографическим областям.

Хозяйственно-культурные типы — это исторически сложившиеся комплексы взаимосвязанных особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, находящихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития и живущих в сходных естественно-географических условиях. Сходные типы, как правило, могут встречаться в отдаленных друг от друга районах земного шара. Так, тип охотников и собирателей встречается в тропических лесах Африки, на юго-востоке Азии и в Южной Америке. Тип рыболовов характерен для таких далеко расположенных друг от друга народов, как нивхи, ханты, манси, тлинкиты, хайда. Тип мотыжных земледельцев жаркого пояса объединяет большие группы населения Индии, Индокитая, Индонезии, Китая, Тропической Африки, бассейнов Амазонки и Ориноко в Америке. Скотоводами-кочевниками степной полосы являются монголы, часть тибетцев, казахи, киргизы, туркмены, кочевые тюркские, иранские, арабские и берберские племена Передней Азии и Северной Африки.

Историко-этнографические области — это территории, на которых в результате длительного взаимного общения обитающих здесь народов, связанных общностью исторических судеб, складывается определенная культурная общность. Примером таких областей могут служить: западносибирская, алтае-саянская, восточносибирская, амуро-сахалинская, волго-камская, прибалтийская и др.¹⁷.

¹⁶ В зарубежной литературе и особенно на мировых этнографических картах часто делается попытка классификации народов по признаку их расового родства и одновременно по языковой близости. Такое смешение антропологической и лингвистической классификации порочно в методологическом отношении; на таких картах неизбежно возникает путаница, и целые народы показываются принадлежащими не к той расе, к которой они в действительности относятся. Так, на карте народов, помещенной в Оксфордском экономическом атласе, уральская и алтайская семьи языков включены полностью в состав большой монголоидной расы, хотя ряд народов, говорящих на языках этих семей, — турки, финны, венгры, являются европеоидами (см. J. Bartholomew, Oxford Economic Atlas, 8-th ed., Oxford, 1937).

¹⁷ М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4.

Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области выделяются по признакам, складывающимся в течение длительного исторического развития, и характеризуют во многих случаях прошлое народов. Сейчас наиболее четко они выделяются лишь в преимущественно сельскохозяйственных районах, у тех народов Азии и Африки, которые стоят на низких ступенях общественного развития. Провести общую классификацию по всем районам земного шара вряд ли возможно, хотя для некоторых региональных карт она вполне уместна.

В настоящее время наиболее общеупотребительной для карт народов является система лингвистической классификации. Сходство языков позволяет судить и о культурной близости народов.

Для целей этнического картографирования может быть использована генеалогическая классификация языков, в основе которой лежит понятие о языковых семьях, объединяющих языки, происходящие от существовавшего в прошлом языка-основы. Изучение основного словарного фонда и грамматического строя языков одной семьи позволяет утверждать, что эти языки являются общими по происхождению, материально-родственными языками. Семьи делятся на ветви, группы и подгруппы.

Процесс формирования языковых семей был тесно связан с расселением человечества по земному шару. Наиболее близкие между собой языки встречаются обычно у соседних народов, связанных общим происхождением, длительной совместной жизнью в одном государстве и имеющих тесные хозяйственные и культурные связи. В некоторых случаях имеется сходство языков и у народов, расположенных далеко друг от друга (например, у малайцев и мальгашей, венгров и манси, якутов и турок и т. д.). Объясняется это широко развитыми миграционными процессами; в далеком прошлом народы, говорящие на этих языках, жили на одной территории или были связаны общностью происхождения.

Следует отметить, что границы языковых семей и групп находятся в процессе непрерывного изменения. Если даже взять сравнительно ограниченный период в развитии человечества — период нашей эры, — то и здесь можно видеть огромные изменения. Арабский язык, область распространения которого до седьмого века охватывала лишь небольшие пространства на Аравийском полуострове, сейчас распространился на огромные территории, занимающие почти 10% суши. Во много раз расширили ареал своего распространения языки тюркской группы, которые простираются сейчас от Малой Азии до Северо-восточной Сибири. Английский язык, господствовавший до XV в. лишь на Британских островах, сейчас является основным в ряде районов всех пяти континентов. По всей Латинской Америке, за исключением Бразилии, распространился испанский язык. В результате всего этого языковые группы включают в себя народы самого различного антропологического состава.

Говоря о лингвистической классификации, следует отметить, что многие языки в остальных странах, у групп населения, находящихся на низких ступенях формирования этнических общностей, изучены недостаточно, и их место в генеалогической классификации является спорным. В первую очередь это относится к языкам индейцев Америки и к языкам народов Тропической Африки¹⁸. Имеется ряд изолированных языков, родственные отношения которых окончательно не выяснены (баскский, кетский, корейский, японский и др.). Многие лингвисты пытаются найти

¹⁸ В настоящей статье нет возможности остановиться на характеристике существующих в настоящее время многочисленных систем классификации этих народов. О значительных расхождениях между этими системами можно судить, например, потому, что Лоукотка и Риве (см. A. Meillet, *Les Langues du Monde*, Paris, 1952) объединили языки южноамериканских индейцев в 108 семей, а Гринберг (S. H. Greenberg, *The general classification of central and south American languages*, Philadelphia, 1960) — в три крупные семьи с 12 ветвями.

близость этих языков с теми или иными семьями, иногда территориально отдаленными (баскского — с кавказскими языками, кетского — с тибето-бирманскими и т. д.).

Особенно необходимо остановиться на гипотезах, которые до настоящего времени не получили достаточного научного подтверждения, хотя и имели или имеют довольно широкое распространение. Мы имеем в виду стремление некоторых исследователей найти сходство в языках различных семей и конструирование ими крупных «надсемей». Вестерман¹⁹ пытался объединить в одну семью все языки негроидного населения Африки. Существуют теории о родстве всех или, по крайней мере, североамериканских индейских языков. Отрицая это единство, Риве²⁰ пытается найти связи отдельных групп индейских языков Центральной Америки и Калифорнии с языками малайско-полинезийской семьи, в первую очередь с меланезийскими. Были неоднократные попытки установить связи дравидских языков с уральскими, мунда и другими семьями. В. Шмидт²¹ сближал аустроазиатскую семью (существование самой этой семьи является гипотетическим) с малайско-полинезийской. Бенедикт²² объединяет все языки Юго-Восточной Азии (индонезийские, мон-кхмерские, а также вьетнамские, мяо-яо и тайские, входящие в состав китайско-тибетской семьи) в одну протоаустрическую семью. Все эти гипотезы, до настоящего времени не получившие достаточного подтверждения, вряд ли целесообразно учитывать при этническом картографировании.

В настоящее время лингвистическая классификация служит основой для группировки народов; вместе с тем нельзя не отметить ряд трудностей, связанных с ее применением, и недостатков, проистекающих оттого, что в основе классификации лежит лишь один из признаков народа — язык. Эта классификация не дает возможности учесть важные этнические процессы, одним из показателей которых является двуязычие, все шире распространяющееся во многих районах мира, а также — постепенный переход отдельных народов и групп народов с одного языка на другой²³.

Известный недостаток системы лингвистической классификации — в том, что, будучи положенной в основу цветной (или штриховой) шкалы условных знаков, она нередко создает представление о существовании резких национальных или культурных контрастов там, где этого в действительности нет. В настоящее время уже можно с большим основанием говорить, например, о формировании единой швейцарской нации. Между тем, по лингвистической системе классификации швейцарская нация, как таковая, вообще не имеет права на существование, и на этнических картах, составляемых по этой системе, подлежит разъединению на три разноязычные группы: германо-швейцарцев, франко-швейцарцев и итало-швейцарцев, не говоря уже о группе ретороманцев. Каждая из этих групп получает условный знак, отличный от другой и близкий к знаку соседних народов: немцев, французов или итальянцев, хотя между ними и нет сколько-нибудь сильных национальных связей. Эта система классификации в ряде случаев (на стыках между языковыми семьями) затрудняет показ существующей близости между соседними народами.

¹⁹ H. Baumann, R. Thurnwald and D. Westermann, *Völkerkunde von Afrika*, Essen, 1941.

²⁰ P. Rivet, *Les origines de l'homme americain*, Montreal, 1943.

²¹ W. Schmidt, *Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde*, Heidelberg, 1926.

²² P. K. Benedict, *Thai, Kadani and Indonesian. A new Alignment in South-Eastern Asia*, *American Anthropologist*, 1942. т. 44, № 4, ч. 1.

²³ В этом отношении характерны народы кельтской группы индоевропейской языковой семьи — ирландцы, три четверти которых говорит сейчас только на английском языке (не кельтской, а германской группы), уэльсцы, подавляющая часть которых говорит на уэльском и английском или только на английском языке, и бретонцы, говорящие, кроме бретонского, также и на французском языке (романской группы).

Так, например, Индия оказывается разделенной на две резко различающиеся части — индийскую и дравидскую, несмотря на этнографическую и культурную близость соседних народов этих групп, таких, как телугу и маратхи и др.

При выборе той или иной системы классификации картографируемых явлений необходимо учитывать назначение карты. Лингвистическая система, наряду с антропологической, оказывается наиболее ценной для характеристики исторического прошлого народов, в частности для решения вопросов, связанных с их этногенезом.

Для характеристики современного состояния народов, для освещения вопросов, связанных с развитием этнических процессов, большой интерес представляли бы карты, где в основу классификации народов были бы положены такие этно-исторические категории, как племя, народность и нация. Эти термины, обозначающие различные стадии развития этнических общностей, широко используются в этнографической и политической литературе, но на этнических картах, как правило, отсутствуют. Трудность подобной классификации объясняется тем, что все типы этнических общностей (племена, народности, нации) находятся в процессе непрерывного развития и связаны между собой целым рядом переходов, а также тем, что в настоящее время нет достаточно четкого определения каждой из этих общностей.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы разработать систему классификации народов, которая, наряду с учетом языка, принимала бы во внимание и другие признаки.

Методы этнического картографирования

Для составления этнических карт применяется довольно много методов картографирования; часть из них (способ надписей, способ ареалов, способ качественного или цветного фона и др.) широко применяется и для других специальных карт и подробно описана в курсах картографии²⁴, часть (метод этнических территорий, метод совмещенного показа этнического состава и плотности населения) применяется только в этнической картографии. Практическое применение каждого из этих методов обусловлено конкретными задачами составляемой карты и ее назначением, а также исходными материалами, которые находятся в распоряжении составителя. Существенное значение имеет в этом отношении и масштаб карты, однако сам он, в конечном счете, зависит от назначения и задач карты.

Совершенно очевидно, что задачи, которые стоят перед учебной этнической картой, значительно отличаются от задач, которые стоят перед картой, используемой в научных целях, или, например, для решения вопросов, связанных с установлением национально-политических границ. Область применения этнических карт чрезвычайно обширна, и поэтому ниже мы остановимся главным образом на тех проблемах, которые возникают при использовании этнических карт в этнографических исследованиях, касаясь других вопросов лишь попутно.

Основные задачи, которые стоят сейчас перед этнической картографией, сводятся к определению этнических границ различных народов, а также к показу некоторых важнейших особенностей расселения народов.

Расселение народов характеризуется особенностями географического положения населенных пунктов, типов населенных пунктов (город, поселок, село и др.) и т. п., а также особенностями территориальных взаимоотношений между народами (раздельное или смешанное расселение).

²⁴ См., например, К. А. Салищев, А. В. Гедымин, *Картография*, М., 1955; А. С. Гараевская, *Картография*, М. 1955.

Существенное значение имеет количественная характеристика расселения: численность отдельных групп народа, проживающих в определенных районах или селениях, национальный состав районов или селений, людность населенных пунктов, плотность населения и т. п. Кроме того, полное представление о расселении того или иного народа может быть получено, если все перечисленные выше показатели будут представлены на фоне природных условий, создающих «естественную базу» расселения народов.

Говоря о показе особенностей расселения народов на этнических картах, необходимо сразу же указать, что возможности карт в этом отношении довольно ограничены. Карта по своей сущности — комбинация условных знаков, каждый из которых изображает объект или явление, их численную характеристику или какие-то связи между ними. Поскольку основной задачей этнических карт является показ территориальных взаимоотношений народов, то основным объектом их содержания всегда являются народы, изображаемые определенными условными знаками; столь же непеременимыми элементами содержания этнических карт являются общегеографическая основа карт (градусная сетка, береговая линия и гидрография), а также государственные границы и крупные города. Введение каждого нового условного знака с целью отразить какую-либо особенность расселения или численную характеристику, например условного знака районов со смешанным национальным составом, условных знаков кочевого и оседлого, городского и сельского населения и т. д., обогащая содержание этнической карты, т. е. повышая ее познавательное значение, в то же время усложняет ее и затрудняет в какой-то степени ее чтение. При недостаточно продуманном подборе условных знаков или при обилии их может наступить момент, когда карта полностью потеряет читаемость и превратится в калейдоскоп условных знаков. Именно это обстоятельство и препятствует созданию таких карт, которые, выполняя свою основную задачу — показ народов, одновременно отражали бы и все основные особенности их расселения. Такая задача в полном объеме может быть решена лишь путем создания серии карт; когда же речь идет о создании одной карты, то приходится ограничиться показом лишь некоторых особенностей расселения. Отметим также, что подобная задача несколько облегчается при составлении региональных карт, на которых показывается сравнительно небольшое число народов, а тем более — на картах, показывающих расселение одного народа, и значительно усложняется на картах материков и, особенно, всего мира, где показываются многие десятки, а иногда и сотни народов.

Исторически развитие этнической картографии шло от применения простых методов, позволяющих показать лишь некоторые особенности расселения, к более сложным.

Проследивая развитие этнических карт, можно легко заметить, как наиболее древний способ картографирования — способ надписей, позволяющий показать лишь местоположение района обитания того или иного народа²⁵, уступил место способу ареалов, при котором на карты наносились границы максимального расселения народов, а тот, в свою очередь, — способу качественного или цветного фона, при котором территории расселения народов (этнические территории) закрашивались разными цветами или заштриховывались.

²⁵ В настоящее время метод надписей употребляется главным образом при составлении карто-схем очень мелкого масштаба, а также при выделении этнических общностей, не имеющих определенных границ (например, кочевых народов, различных отсталых племен собирателей и охотников и т. д.). Применение метода надписей оправдано также при составлении исторических карт народов, когда имеющиеся материалы не позволяют применять более совершенные способы картографирования.

Способ качественного или цветного фона получил в прошлом довольно большое распространение; его использовали при составлении, в частности, упомянутых этнографических карт Европейской России П. И. Кеппена и А. Ф. Риттиха. Существенный недостаток способа цветного фона заключается в том, что при картографировании смешанных в национальном отношении районов на карте показывается лишь одна национальность, численно преобладающая в данном районе, либо представляющая особый интерес в этнографическом отношении, и не показываются другие, а это приводит к искаженному представлению о границах распространения того или иного народа и его территориальных взаимоотношениях с другими народами. Очень часто используется мажоритарный способ, при котором границы расселения господствующих и, как правило, наиболее многочисленных народов значительно расширяются, а небольшие народы, особенно живущие смешанно с другими народами, нередко вообще пропадают на карте²⁶. Поэтому дальнейшее развитие способа цветного фона пошло по пути нанесения на карты условного знака смешанного расселения (полоски или точки соответствующего цвета); полученный в результате этого способ в настоящее время обычно называется методом этнических территорий.

Метод этнических территорий до настоящего времени является основным при составлении карт народов мелких и средних масштабов. Характеризуя задачи этнических карт, П. И. Кушнер в книге «Этнические территории и этнические границы» — одной из немногих работ, рассматривающих методологию этнического картографирования — писал: «Карта национального состава, как бы ни был мал в географическом отношении охваченный ею район, должна дать наиболее полное отображение географического размещения всех живущих в данном районе этнических групп населения. Она должна дать представление об удельном весе показанных на карте наций, народностей и других более примитивных этнических образований. Она должна отражать географическое размещение населения не только в виде территорий так называемых этнических массивов, т. е. районов, заселенных сплошь одной какой-либо национальностью, но и в смешанных районах, заселенных представителями разных национальностей. Это минимум тех требований, которые предъявляются к карте национального состава»²⁷.

Нетрудно установить, что карты, составленные методом этнических территорий, по существу удовлетворяют этому минимуму требований. Показ сплошных этнических территорий дополняется на этих картах показом территорий смешанного национального состава с отражением удельного веса национальностей в каждом из таких смешанных районов. Так, например, на составленной этим методом учебной карте народов СССР (м. 1 : 5 000 000) каждый народ выделен своим условным знаком — цветным фоном, характеризующим территорию его основного расселения, смешанное же расселение показывается путем комбинирования полосок фоновых цветов, причем ширина этих полосок отражает удельный вес каждого народа (20—40%, 40—60%, 60—80%). Обычно на картах показывается смешение в каком-либо районе двух основных национальностей, однако практически на картах такого масштаба нетрудно показать и смешение трех национальностей, и известны карты, где показывается смешение пяти национальностей в одном районе²⁸.

²⁶ В ряде случаев для целей национального строительства или при этнографическом изучении отдельных народов или районов составляются карты народов с показом максимального распространения национальных меньшинств (при этом основной народ на карту вообще не наносится).

²⁷ П. И. Кушнер, Указ. раб., стр. 81.

²⁸ См., например, фрагмент карты национального состава Балкан в кн.: H. R. Wilkinson, Maps and Politics, Liverpool, 1951.

Карты, составленные методом этнических территорий, также не лишены недостатков. Существенный недостаток их заключается, в частности, в том, что этнические территории на них изображаются сплошным фоновым знаком (цветным или штриховым), хотя в действительности народы в пределах этих территорий не распространены равномерно — они концентрируются в одних районах и оставляют слабозаселенными другие.

Плотность населения у различных народов колеблется в очень больших пределах. Некоторые малочисленные народы занимают территорию значительно большую, чем крупные народы. При чтении карты, составленной по методу этнических территорий, создается искаженное представление о численности и значимости того или иного народа, ибо при отсутствии непосредственных данных о численности народов читатель вынужден исходить из размеров этнической территории. Так, например, в Сибири этническая территория эвенков больше территории, занятой русскими; между тем, русских там почти в 1000 раз больше, чем эвенков. В Китайской Народной Республике тибетцы, численность которых менее 3 млн. человек, заселяют территорию лишь в 2,5 раза меньшую, чем китайцы, насчитывающие более 600 млн. человек. При взгляде на этническую карту Канады можно сделать вывод, что основное население страны составляют не англо- и франко-канадцы, а малочисленные группы индейцев и эскимосов, заселяющие огромные приполярные районы. Перечень таких примеров можно умножить.

Составители этнических карт пытались различными способами избежать от этого недостатка или хотя бы ослабить его. В первую очередь это достигалось подбором цветов: самые крупные народы окрашивались наиболее интенсивными красками. Некоторые авторы заштриховывали районы с высокой плотностью населения черной сеткой; другие, как это сделано, в частности, на учебной карте народов СССР и на картах, приложенных к томам «Народы мира», издаваемым Институтом этнографии АН СССР, вводили знак редкого населения, показывая редкозаселенные районы не сплошным фоном, а значками (полосками, кружочками и пр.) на белом или сером фоне; незаселенные территории оставались при этом незакрашенными. С этой же целью этнические карты в общегеографических атласах помещались обычно рядом с составленными в том же масштабе картами плотности населения.

Говоря о совмещении на этнических картах качественных и количественных показателей, нельзя не остановиться на одном из наиболее совершенных методов этнического картографирования — методе людности (способ значков). При этом методе на карте определенными значками (квадратами, кружками) показываются все, или, по крайней мере, большинство населенных пунктов, причем размеры каждого значка отражают численность жителей данного селения, а внутренняя закрашка — национальный состав его²⁹. Метод людности позволяет отразить существенные особенности расселения народов, связанные с географическим положением селений, и одновременно создает представление об их численности; следует подчеркнуть, что метод людности позволяет отделить случаи действительного смешения народов, т. е. смешения их в пределах населенных пунктов, от случаев совместного нахождения их в различных селениях в пределах какого-то одного района. К сожалению, на практике этот метод имеет ограниченное применение, так как он связан не только с крупным масштабом (а следовательно, и с большими разме-

²⁹ См., например, карту южной Македонии — I. Ivanov, Carte Ethnographique de la Macédoine du Sud, м. 1 : 2 000 000, Sofia, 1912; см. также П. Е. Терлецкий Карта расселения народностей Крайнего Севера СССР, м. 1 : 5 000 000, М., 1933. Сравнительно мелкий масштаб последней объясняется слабой заселенностью картографируемого района.

рами) карты, но и с наличием подробных статистических сведений об этническом составе и численности жителей в каждом населенном пункте.

Сложность показа особенностей расселения народов на наиболее распространенных — мелкомасштабных — этнических картах связана с ограниченным числом таких способов картографирования и таких условных знаков, которые позволяли бы совместить качественную характеристику населения — характеристику этнического состава, классифицируемого по лингвистическим семьям и группам, с показом особенностей расселения и количественной характеристикой. Задача решается сравнительно просто лишь в том случае, если составитель карты показывает на ней расселение небольшого числа народов, каждый из которых занимает определенную, отдельную от других территорию. В этом случае можно применить, например, точечный метод (расселение народа показывается точками, имеющими определенный количественный показатель, например, — 100, 500 или 1 000 чел.³⁰). В случае же, когда на карте показывается большое число народов, задача сильно усложняется.

Составителей этнических карт уже довольно давно привлекала мысль о совмещении этнической карты и карты плотности населения или путем наложения на этническую карту карты плотности населения, отпечатанной на кальке, или путем расчленения этнических территорий на участки с различной плотностью, как это сделано, например, на мелкомасштабной этнической карте Центральной Европы в книге Мартона³¹. Новое радикальное решение этой задачи было предложено лишь в 1953 г., когда в Институте этнографии АН СССР под руководством П. Е. Терлецкого был разработан новый метод этнического картографирования.

На картах, составленных этим новым методом, части народов, проживающие в районах со средней плотностью, изображаются сплошным цветным фоном; для изображения групп этих же народов, обитающих в районах с меньшей плотностью, их основные фоновые цвета разрежаются все утолщающимися белыми полосами, а в районах с более высокой плотностью — сгущаются полосами черного цвета.

Мысль о дополнении этнических карт показателями, характеризующими расселение, в данном случае — плотностью населения, представляется весьма плодотворной. Совмещение на одной карте показа этнического состава и плотности населения, несомненно, обогащает ее содержание и повышает ее познавательную ценность. Такая карта может не только показать особенности размещения народов по занимаемой ими территории, но и позволяет создать представление об их численности. За последние годы новый метод получил большое распространение, а составленные по нему карты (народов Индостана, народов Индокитая и др.) — положительную оценку. Вместе с тем, практическая работа над картами, составляемыми новым методом, поставила исследователей перед серьезными проблемами.

Обосновывая предложенный им метод картографирования, П. Е. Терлецкий пишет, что именно в нем находит «наиболее полное выражение идея картографирования этнического расселения» и что карта, составленная таким методом, «должна отразить весьма существенные моменты общественной жизни — взаимоотношения различных народов на почве их распространения, характера их расселения, сосуществования их друг с другом и соотношения их численной характеристики. Такая карта должна, по нашему мнению, помочь выявить закономерности в расселении, например вскрыть обусловленность расселения направлением хо-

³⁰ Ценность этого метода значительно увеличивается, если точки располагаются не равномерно по административному району, а локализуются в местах сосредоточения населенных пунктов, и если вес точек невелик. Примером такой карты является карта национального состава Юлийской Краины на 1910—1911 гг. (м. 1:250 000) в атласе «Юлийская Краина. Страна и люди», 1946.

³¹ Э. Мартонн, Центральная Европа, М., 1938, пер. с франц., стр. 127.

зяйственной деятельности, общественным и культурным развитием того или иного народа»³².

Однако с некоторыми из высказанных здесь положений вряд ли можно согласиться.

Начнем с того, что применение на этнических картах показателя плотности не вполне соответствует «идее картографирования этнического расселения». Показатель плотности, отражающий количество человек, приходящихся в данном районе на квадратный километр, сам по себе вряд ли способен полностью отразить на карте ту связь расселения с «направлением хозяйственной деятельности, общественным и культурным развитием того или иного народа», о которой пишет П. Е. Терлецкий. Так, например, районы расселения народов Крайнего Севера и народов тропических лесов имеют примерно одну и ту же плотность, однако из этого нельзя делать какие-либо выводы об единообразии характера их расселения или о сходности факторов, обусловивших это расселение. Попытки некоторых ученых, вслед за Ратцелем, найти органическую связь между определенными ступенями плотности и определенными типами хозяйства населения уже давно признаны неудачными. В настоящее время общепризнано, что даже при характеристике производственной деятельности населения показатели плотности должны иметь совершенно конкретное содержание и дополняться другими показателями.

Показатели плотности имеют сравнительно слабое применение в практике этнографических исследований. Это вполне понятно, так как для этнографа и для других специалистов, изучающих жизнь народов, существенное значение имеют другие показатели, более тесно связанные с особенностями культуры и быта населения. Большое значение в этом отношении имеет, как уже отмечалось выше, подразделение населения на кочевое и оседлое, сельское и городское.

На картах, составленных по методу совмещения показа этнического состава и плотности населения, пока отсутствует само понятие города, так как шкала плотностей, предложенная П. Е. Терлецким (до 1 чел. на 1 км², 1—10, 11—50, 51—200, 201—700, 701—2000 и свыше 2000 чел. на 1 км²) и повторяющаяся с небольшими отклонениями на всех выпущенных картах, должна якобы охватить все население — как сельское, так и городское. При этом две последние ступени плотности условно введены для выделения крупных городов — от 300 тыс. человек и выше; все остальные города изображаются теми же самыми ступенями и теми же самыми условными знаками, которыми показаны на карте районы густого сельского населения.

Единообразное изображение городского и сельского населения на этнических картах, одной из главных задач которых является показ особенностей расселения народов, не может считаться удовлетворительным по целому ряду причин. Понятие городского населения, как известно, отличается от понятия сельского населения по своему качественному содержанию. Существуют значительные различия в этническом составе городского и сельского населения, в его материальной и духовной культуре и т. п.

Плотность городского населения является особой категорией, имеющей не только количественное, но и качественное отличие от плотности сельского населения. Плотность сельского населения получается при отнесении численности жителей селения (или группы селений) к площади их земельного пользования или ко всей окружающей территории. Такое отнесение вполне обоснованно, так как значительная часть жителей сельских населенных пунктов работает на этой территории, осваивает ее в хозяйственном отношении; при этом полученными показателями плот-

³² П. Е. Терлецкий, О новом методе этнического картографирования, «Сов. этнографии», 1953, № 1, стр. 27.

ности можно отчасти характеризовать и некоторые особенности жизни населения. В отличие от сельского населения, деятельность и жизнь городского населения протекает, как правило, в пределах городской черты. Относя численность жителей города к площади городской территории, мы получаем огромные показатели плотности (нередко свыше 10 тыс. на 1 км²), которые связаны главным образом с характером застройки городской территории и не отражают ни типа хозяйства, ни каких-либо особенностей «этнического расселения».

По существу, почти все города, имеющие свыше 50 тыс. жителей, должны быть показаны наивысшей ступенью плотности, ибо плотность населения внутри них превышает 2000 чел. на 1 км². Показ большинства городов в более низких градациях плотности чрезвычайно условен, тем более, что плотность населения в мелких городах нередко бывает выше, чем в крупных городах, имеющих редкую застройку или большое число нежилых помещений. Правда, по условиям масштаба, на карте изображаются не сами города, а участки территорий, в центре которой они находятся, однако распространение их численности на эту территорию не имеет достаточного теоретического обоснования и приводит к полному растворению городского населения в сельском. При таком изображении городского населения самые урбанизированные районы мира (например, район Пура) не отличаются на карте от районов интенсивного земледелия (например, дельты Ганга — Брахмапутры).

Города характеризуются, прежде всего, не плотностью населения, а численностью жителей, однако изображение их ступенями плотности не позволяет передать эту характеристику достаточно четко. Пример изображения городов на опубликованных картах говорит о том, что даже крупнейшие города мира (Калькутта на карте народов Индостана и т. п.) могут быть лишь с трудом обнаружены среди окружающих их районов густого сельского населения, сравнивать же численность одного города с другим часто бывает совершенно невозможно. Следует указать, что составители мелкомасштабных карт плотности населения, учитывая эти обстоятельства, всегда выделяют города особыми условными знаками (обычно — пунсонами), размеры которых отражают численность жителей в каждом городе, и что карты, составленные по новому методу этнического картографирования, в этом отношении уступают им.

Что же касается изображения самой плотности населения, то можно отметить, что карты, составленные по новому методу, менее «рельефны», чем специальные карты плотности населения, где каждая ступень резко отличается от другой. Кроме того, они и менее наглядны, так как каждая ступень плотности изображается не каким-то одним цветом, а разными цветами — светлыми и темными, бледными и насыщенными, а в связи с этим с трудом читается даже на ограниченном участке карты и почти совершенно не прослеживается по всей карте. Этот недостаток, совершенно неизбежный на всех картах, где изображается большое число народов (вследствие чего составители вынуждены использовать самые разнообразные по цвету и насыщенности краски), сильно затрудняет и показ численности народов. Сравнить численность народов по картам, составленным новым методом, весьма трудно. Поскольку каждый народ имеет, как правило, сложную по конфигурации территорию расселения, разбитую на такие же сложные участки с разными ступенями плотности, читатель вряд ли способен правильно «на глаз» синтезировать все эти элементы и получить представление об истинной численности народа. На многокрасочных картах на первый план вообще выступают не градации плотности, а различия в интенсивности или насыщенности цветов, принятых для обозначения народов. Не каждый читатель может представить, например, что бенгальцы, изображенные на карте народов Индостана бледно-зеленым цветом, имеют вдвое большую численность, чем телугу, которые обозначены насыщенным красным цветом.

Отмеченные выше недостатки нового метода этнического картографирования связаны главным образом с ограниченностью показателя плотности, не способного отразить многие существенные особенности расселения народов. Группа других не менее важных недостатков этого метода связана с тем обстоятельством, что введение на этническую карту показателя плотности населения сильно затрудняет показ этнического состава и территориальных взаимоотношений народов, а это является основной задачей такой карты. Следует подчеркнуть, что обе эти группы недостатков органически связаны между собой и обусловлены самой сущностью нового метода картографирования — сочетанием двух самостоятельных карт, каждая из которых имеет в своей основе противоположный принцип: карта плотности требует четкого разграничения ступеней плотности, вплоть до показа каждой ступени своим цветом; карта этнического состава требует четкого разграничения народов и показа каждого народа своим условным знаком, т. е. своим цветом.

Разбивка основного условного знака, обозначающего народы, — фонового знака — на несколько ступеней плотности путем смешения основного цвета с той или иной долей белого или черного цвета приводит к тому, что каждая из этих ступеней может читаться как самостоятельный цвет, т. е. как самостоятельный условный знак, не говоря уже о том, что за такой самостоятельный условный знак может быть принята и черная штриховка. При взгляде на подобную карту не создается достаточно целостного представления об этнических территориях. И если в районах средней, а отчасти и высокой плотности этнические границы выступают еще довольно четко, то в районах низкой плотности, где народы изображаются узкими цветными полосками, найти эти границы довольно трудно.

В связи с необходимостью показа в каждом этническом контуре значка плотности карта, составленная по новому методу, не допускает показа столь мелких этнических контуров, как это позволяет сделать карта, составленная методом этнических территорий. Менее детально отражаются на таких картах и районы смешанного национального состава в связи со сложностью сочетания градаций плотности и градаций этнического смешения. Смешанные районы, как и этнические территории, достаточно хорошо читаются лишь там, где имеется полная фоновая заливка, и менее четко — где она в соответствии с изменением плотности разрезается полосками белого цвета или затемняется черной штриховкой. Весьма затруднен показ смешанного национального состава городов, которые, как правильно подметил в своей статье П. Е. Терлецкий, обычно имеют более сложный национальный состав. Применяющийся на картах способ выделения городов путем все утолщающейся черной штриховки, за которой почти полностью скрываются фоновые цвета, затрудняет показ даже двух основных национальностей города, не говоря уже о показе трех или четырех национальностей.

Анализ метода совмещенного показа этнического состава и плотности населения, предложенного для отражения характера расселения народов на мелкомасштабных этнических картах, заставляет сделать вывод, что этот метод не решает полностью данной проблемы. Показатель плотности может отразить лишь одну, хотя и существенную особенность расселения; кроме того, карты, составленные таким методом, в части показа плотности уступают специальным картам плотности населения, а в части показа этнического состава — картам, составленным по методу этнических территорий. Отмеченные недостатки данного метода в некоторых случаях компенсируются положительными результатами, которые при этом достигаются, в других случаях применение нового метода оказывается, по-видимому, нецелесообразным. Наиболее благоприятные результаты получаются при использовании нового метода картографирования для составления региональных карт с небольшим числом народов,

так как в этом случае для изображения этих народов удастся подобрать одинаковые по насыщенности краски и тем самым смягчить противоречие между ступенями плотности и насыщенностью красок.

Если в целом сочетание на одной карте двух показателей с одинаковой степенью подробности (в частности — национального состава и плотности населения) связано с большими трудностями и в некоторых случаях дает отрицательные результаты, то значительные перспективы имеет дальнейшее развитие метода этнических территорий, при котором на карту, помимо этнического состава, с меньшей детальностью может быть нанесен ряд других показателей, имеющих важное значение для этнографии.

Выше уже говорилось о выделении на таких картах редкозаселенных и незаселенных районов. Весьма целесообразным представляется показ этнического состава городов особыми условными знаками (например, пунсонами), размер которых будет отражать численность жителей, а внутренняя закрашка — национальный состав, а также показ кочевого и полукочевого населения. Последнее важно не столько из-за общей численности кочевников (которая все время уменьшается), сколько в связи с громадными размерами используемых ими территорий и спецификой их культуры и быта. Основной особенностью расселения кочевников является их мобильность; совершенно очевидно, что отражение этой особенности расселения на этнических картах требует не только показа мест сезонных кочевий, но и применения особых — динамических условных знаков (так называемых «линий движений»).

При помощи специальных знаков и надписей нетрудно будет сочетать на этой карте показ редкозаселенных районов и городов с показом кочевого населения. Можно с уверенностью надеяться, что в ближайшие годы появятся карты, на которых будет дано решение и этой проблемы.

В заключение следует отметить, что, хотя идея синтеза на картах народов этнических показателей и показателей, характеризующих те или иные особенности расселения, заслуживает самого пристального внимания и такие методы картографирования должны совершенствоваться, все же наиболее детальная характеристика расселения народов может быть получена лишь при сопоставлении этнических карт, в частности карт составленных методом этнических территорий, с другими специальными и общегеографическими картами.

SUMMARY

The past years are marked by a rapid rise of national movements in different countries of the world. This leads to an increase of interest in ethnic maps showing the distribution of peoples and their territorial interrelations. Development of ethnic cartography in the USSR has brought to the fore a number of major problems of methods, e. g. problems of defining the subjects under investigation, classification of peoples and methods of compiling ethnic maps. The present article considers the principles according to which peoples are singled out, especially in those countries with a multinational population where the national (or linguistic) composition of the population is not statistically enumerated different systems of the classification of peoples are critically compared (specifically the advantages and deficiencies of the linguistic system of classification) and the existing methods of ethnic cartography are characterized. Particular prominence is given to analysing a new method of ethnic cartography which consists in combining on a single map indices both of the ethnic composition and the density of population.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Т. А. ЖДАНКО

БЫТ КОЛХОЗНИКОВ РЫБОЛОВЕЦКИХ АРТЕЛЕЙ НА ОСТРОВАХ ЮЖНОГО АРАЛА

Северная, приморская территория Кара-Калпакской АССР, включающая весь Муйнакский и западную часть Тахта-Купырского района республики, отличается большим природным и историко-культурным своеобразием. В пределах этой территории расположены в нижней части дельты Аму-Дарьи, южное побережье Аральского моря и острова южного Арала.

В обширной дельтовой области великой среднеазиатской реки с ее изменчивым водным режимом, на местности, прорезанной множеством действующих и отмирающих дельтовых протоков, постоянно меняющих свое направление, среди озер, плавней, тугайных и камышовых зарослей — население с древнейших времен занималось комплексным хозяйством, сочетая скотоводство с примитивным, неустойчивым земледелием и рыболовством. Этот тип хозяйства, сложившийся в дельтовых областях Приаралья, еще до недавнего времени составлял этнографическую особенность местного населения — каракалпаков, так называемых «аральских» узбеков северного Хорезма, части присырдарьинских казахов и туркмен севера Ташаузской области¹. В особенности устойчивые и яркие черты этого типа хозяйства и обусловленного им полупоседлого образа жизни сохраняли каракалпаки, жившие в приморской полосе Кара-Калпакской АССР.

Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР уже в 1946 г. начал свои полевые исследования среди населения северной Кара-Калпакии². С 1956 по 1959 г. эти работы приняли характер систематического изучения исторического прошлого и современного быта населения расположенных в приморской Кара-Калпакии поселков рыболовецких колхозов³. В 1958 г. отряд, совместно с группой этнографов Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, провел работу сперва на полу-

¹ См. Т. А. Жданко, Проблема полупоседлого населения в истории Средней Азии и Казахстана, «Сов. этнография», 1961, № 2, стр. 53—59.

² В 1946 г. отряд работал в поселках рыболовецких колхозов Муйнакского района Кара-Калпакской АССР: «Кзыл аскар», им. Ворошилова, «Кенес», им. Марата, им. Калинина.

³ См. отчеты отряда: Т. А. Жданко, Работы Каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959, стр. 190—208; ее же, Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4, М., 1960, стр. 157—160.

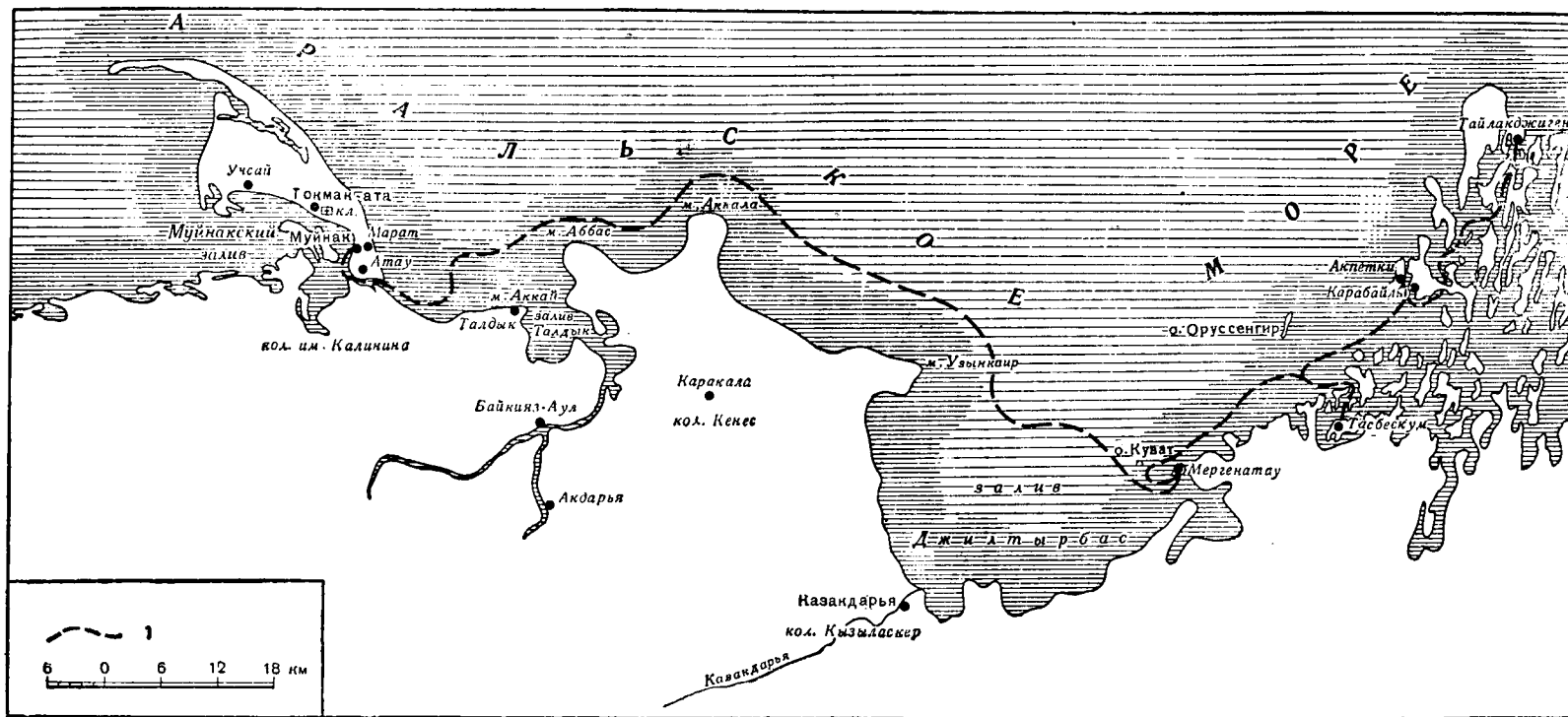

Рис. 1. Маршрут Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1958 г. по островам южного Арала

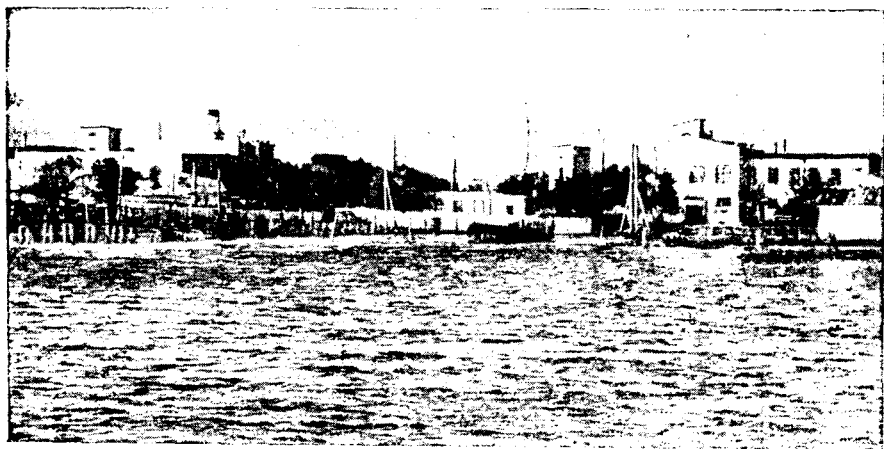

Рис. 2. Муйнакский рыбоконсервный комбинат

острове Муйнак, в двух рыболовецких колхозах — им. Марата и «40 лет Октября», а затем на морском сейнере, выделенном для экспедиции Муйнакским рыбоконсервным комбинатом, вышел в море и продолжил свои исследования на пяти островах южного Арала, в расположенных там рыболовецких колхозах и рабочих поселках.

Эти пять небольших островов — Карабайлы, Акпетки, Тайлакджиген, Тасбескум и Мергенатау — входят в состав Акпеткинского аулсовета Муйнакского района Кара-Калпакии. На них расположены рыбоприемочные пункты Муйнакского рыбоконсервного комбината; большая часть населения объединена в образовавшийся в 1931 г. рыболовецкий колхоз «Красный рыбак», остальные работают на рыбоприемочных пунктах. Общее число жителей Акпеткинского аулсовета на 1 мая 1958 г. составляло 1153 чел.

Самый большой поселок — на с-ве Карабайлы, где находится центр аулсовета; там живет 337 чел., в том числе 312 казахов и 25 каракалпаков. На о-ве Тайлакджиген — 302 чел., в том числе 296 казахов. На о-ве Акпетки сплошь казахское население — 164 чел. На остальных двух островах население каракалпакское: на о-ве Тасбескум — 124 чел., на Мергенатау всего 209 чел., из них только 7 (2 хозяйства из 41) казахи, остальные каракалпаки⁴.

К Акпеткинскому аулсовету относится также животноводческая ферма колхоза «Красный рыбак», расположенная на материке, возле Шейхамана, на севере Чимбайского района. Там, близ возвышенности Кушканатау живут и работают 35 человек, по национальности в большинстве казахи.

По своей этнической принадлежности каракалпаки изучаемого района относились в прошлом к родоплеменному объединению конграт⁵. В колхозах им. Марата и «40 лет Октября» на п-ве Муйнак преобладают этнографические (прежние родоплеменные) группы колдаулы и кият. Каракалпаки, живущие на островах, почти все относятся к группе мюйтен, а казахи — к издавна жившей по соседству с мюйтенами в низовьях Сыр-Дарьи племенной группе алим.

⁴ Данные о численности и национальном составе населения поселков получены в Акпеткинском аулсовете во время работы отряда в 1958 г.

⁵ Родоплеменная система каракалпаков подразделялась на два основных отдела (арыс) — конграт и он-торт уру (14 родов). См. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М., 1950.

Отрядом⁶ в 1958 г. собран большой историко-этнографический материал, освещающий прошлое и настоящее этого отдаленного района, социалистические преобразования, происшедшие за годы советской власти в хозяйстве, быту и культуре жителей островов — исконных опытных рыболовов, превосходных знатоков бурного Арала и его рыбных богатств.

* * *

У приморских каракалпаков — мюйтенгов, колдаулы, ашамайлы, кият и других — занятие рыболовством имеет глубокие исторические традиции. У мюйтенгов даже роловая тамга изображала острогу (шанышкы) — старинное орудие рыболовства каракалпаков. В то же время приморские каракалпаки знали и земледелие, и скотоводство. Тип их хозяйства особенно хорошо выражен у мюйтенгов. Мюйтенги в XIX в. жили у берегов крупных Даукаринских озер, в бассейне р. Коксу и на протоке Кок-Узяк, занимаясь там в летнее время земледелием; на искусственно орошаемых угодьях они сеяли рис, просо, возделывали бахчи.

Жители мюйтенских аулов имели также стада (главным образом крупного рогатого скота), которые выпасали на расположенных неподалеку пастбищных угодьях, и, наконец, третьей отраслью их хозяйства было занятие рыболовством в озерах, протоках и в прибрежной полосе моря; выходить на лов в открытое море каракалпаки в то время не решались — их лодки (кайык) были для этого слишком малы, неустойчивы и непрочны. Кайык не имел руля; парус каракалпаки знали только прямоугольный, не позволявший маневрировать при плавании на море.

Во время рыбной ловли каракалпаки достигали расположенных поблизости от берега островов, однако условия жизни на них были неблагоприятны. Острова невелики, песчаные и безволны, представляя собой как бы небольшие участки пустыни, заброшенные в открытое, бурное море; они подвержены постоянным сильным северо-восточным ветрам и штормам, во время которых нередко их низменные участки затапливают морские волны. Жара, безводье и штормы сменяются зимой холодом и снежными вьюгами; море вокруг островов замерзает. И все же жители приморья, каракалпаки и казахи, большей частью прикочевывали на острова зимой: у большинства небогатых хозяйств не хватало на зиму скудных запасов продуктов земледелия и скотоводства; начиналась голодовка, и каракалпаки целыми семьями, а иногда и целыми родственными аулами уходили к морю, где всегда могли, применяя разные способы подледного лова, добыть обильную пищу — рыбу. Используя сани и поставленные на полозья лодки, они кочевали по льду к островам, где ставили у подножья песчаных бугров свои легкие юрты, утепляя их камышовыми изгородями и циновками. В песках они находили топливо — кусты жангыла и саксаула, а пресную воду получали, растапливая лед и снег. К весне каракалпаки уходили с островов, возвращаясь на «большой земле» к занятиям земледелием и бахчеводством. Лишь вследствие изменений в географических условиях, последовавших в конце XIX — начале XX в., — пересыхания Даукаринских озер, реки Янысу и Кок-Узяка и затопления водами Арала некоторых районов прибрежной полосы — каракалпаки-

⁶ В состав этнографического отряда, работавшего на островах южного Арала, входили: начальник отряда Т. А. Жданко мл. науч. сотрудник Н. П. Лобачева, топограф Н. И. Игннин, фотограф Ю. А. Аргиропуло, художник Т. В. Полетика, архитектор Ю. В. Стелюк и группа этнографов Каракалпакского филиала АН УзССР: ст. науч. сотрудник У. Х. Шалекенов, мл. научные сотрудники А. Туреев, У. Калниязов, С. Аметов, студент-практикант А. Джарылкаганов.

бедняки стали переселяться на острова, расположенные близ устья Янысу, переключившись на рыболовство как основное занятие и окончательно оставив земледельческое хозяйство.

«Когда мы жили на Кок-Узьяке, — сообщил наш информатор каракалпак Каняз Хсжагулов, житель о-ва Тасбескум, — мой дед и отец еще занимались земледелием. Когда же Кок-Узьяк обмелел, волостной управитель четыре года подряд получал с мюйтенов взятки за обещание пустить воду из Кок-Узьяка на их земли. Взятки брали, но воду так и не отвели. Тогда мюйтены ушли с Кок-Узьяка в места, удобные для рыболовства». Другой старик сообщил: «Отец мой жил на Кок-Узьяке и занимался земледелием, это было лет 90 тому назад. Но уже лет 50—60 тому назад там земледелия не было. Сам уж я никогда не занимался ни земледелием, ни скотоводством, только рыболовством». Жители Тасбескума помнят то время, когда остров был еще соединен с сушей; здесь были озера, пресная вода, сеяли рис.

Казахское население, меньше связанное с земледелием, чаще переселялось на острова на более или менее длительное время. 70-летний рыбак, житель Тайлакджигена, рассказывал нам: «На острова ранше каракалпаков пришли казахи. Отец мой родился на острове Карабайлы, сам я — тоже уроженец этого острова. Занимались бедняки рыболовством, у баев же был скот, который здесь пасся». Другой старик, с о-ва Карабайлы, сообщил: «Раньше наша аул находился на острове Шахсхи; мы кочевали, переходили с острова на остров; был у нас мелкий рогатый скот, но в основном занимались рыболовством. Земледелием совсем не занимались». Но некоторые группы казахского населения прежде были связаны и с земледелием. 98-летний старик-казах, родившийся на о-ве Кыргыш, помнит, что раньше этот остров был соединен с сушей, там была пресная вода, и казахи его аула занимались скотоводством и земледелием — сеяли дыни, просо, джугару.

Каракалпаки и казахи Аральского приморья знали много разнообразных снастей и орудий лова, приспособленных для рыболовства в различных водоемах: в протоках реки и озерах, в море. Но все они были довольно примитивны, соответствуя общему техническому уровню отсталого хозяйства этих народов. Для ловли крупной рыбы — шипа (бекре), усача (суен) и др. в протоках дельты каракалпаки устраивали так называемое «каза» — сооружение из связок камыша, которым перегораживали протоки. Посредине этой загородки оставляли отверстие; через него рыба, шедшая против течения, попадала в большую, тоже камышовую западню, круглую в плане, откуда уже не могла выбраться; рыбаки доставали ее оттуда острогой или вылавливали руками. Несколько более сложна была снасть, называемая «керши», для ловли сома и некоторых других рыб. Это большая треугольная рама из длинных жердей, на которой укреплена сделанная в виде сачка сетка. При погружении в воду сачок располагали горизонтально. Отверстие рамы заплетали бечевкой, но в нем оставляли широкий круглый проход. Этот вид сачка укрепляли близ берега на дне реки или протоки, причем повыше его рыбаки делали небольшую загородку, возле которой образовывался водоворот — излюбленное место лежки сомов. От керши протягивали веревку, которую держал лежащий на берегу рыбак. По рывку веревки он узнавал, что в керши попала рыба, поднимал раму с сачком и доставал добычу. Для ловли рыбы в реках и на морском побережье применялась также острога «шанышкы» — трезубая, с более коротким средним зубом. С острогой иногда охотились по ночам, привлекая рыбу к лодке ярким светом от камышового факела, зажженного на корме. Каракалпакские рыбаки отличались изумительной ловкостью в бое рыбы острогой. Ловили рыбу также удочкой «кармак» с особыми крючьями для каждой рыбы — сома, леща, усача и др. На озерах применялась рыболовная сеть, сплетенная из волокна

кендыря. Зимой рыбачили в прорубях, извлекая оттуда рыбу сетями и орудием, называемым «илме», представлявшим собой длинную, как у остроги, рукоятку с железным, круго загнутым острым наконечником, который осторожно подводили под проплывающую рыбу и быстро подсекали ее под брюхо, вытаскивая затем на лед. Сеть на круглом обруче, опускавшаяся в прорубь, называлась «жлым». Употребляли рыбаки также бредни «дагды».

Во время рыболовного сезона каракалпаки, работавшие при помощи каза и других снастей, жили среди камышей в плавучих шалашах, устроенных на плотках, — «сал». Плоты вязали из снопов тростника-джикена. Иногда вместо плотов шалаша устанавливали на искусственных островах: срезав повыше уровня воды густой камыш, на образовавшуюся «щетку» клали вязанки камыша и получалась небольшая, но достаточно устойчивая площадка, на которой и располагались рыбаки.

После присоединения территории южного Приаралья к России (1873) каракалпакское рыболовство обогатилось новыми техническими приемами, заимствованными главным образом от переселенных в низовья Аму-Дарьи ссыльных казаков-уральцев, искусных рыбаков. От них каракалпаки переняли большие невода (дарья жлым), вентерь (на-рете), научились строить прочные устойчивые рыбацьи лодки уральского образца, наконец — овладели парусом треугольной формы, имевшим значительные преимущества по сравнению с четырехугольным, облегчая лучшее использование ветра и маневрирование лодки. Однако прогрессивное русское влияние на технику рыболовства сильно снижалось закабалением каракалпакских рыбаков русскими рыбопромышленниками, кулаками-уральцами и местными баями, разбогатевшими на торговле рыбой с Россией.

Рыбные промыслы, возникшие на Аральском побережье уже с 1876 г., стали расти после проведения в 1905 г. железной дороги, соединившей Ташкент с Оренбургом. Если раньше рыба использовалась местным населением главным образом как продукт питания и вывозилась преимущественно на местные базары Хивинского оазиса, то после присоединения этой территории к России рыбороторговцы стали отправлять ее большими партиями по железной дороге в Оренбург, Бухару, Чарджоу и другие отдаленные города.

На промыслах работали жестоко эксплуатируемые русскими промышленниками рыбаки и рабочие, главным образом каракалпаки и казахи. Скудного заработка им не хватало даже на пропитание. С утра до ночи работали рыбаки, нанимавшиеся за мизерную плату. В буран и стужу гнали их хозяева в море на небольших гребных лодках. И все же низкие заработки не обеспечивали прожиточного минимума рыбацких семей, влечивших нищенское существование. Заниматься рыболовством самостоятельно становилось все труднее. Все лучшие, изобилующие рыбой водоемы захватили в свое пользование рыбопромышленники. Бедняки-каракалпаки не имели возможности приобретать дорогие неводы и лодки и обычно, собираясь артелями, арендовали их у богатых владельцев, отдавая за это половину улова. Таким образом, и не нанимавшиеся к кулакам и рыбопромышленникам рыболовы оказывались у них в кабале.

Очень многие из нынешних жителей обследованных нами поселков поступали рабочими на промыслы и в связи с этим окончательно переселились на острова. В сделанных рыбопромышленниками холодильниках (шулен) запасали зимой лед, который летом заменял населению пресную воду. Жили по-прежнему в юртах или в построенных промышленниками казармах.

Среди владельцев рыбных промыслов, помимо русских (например, Еникеева, братьев Любимовых), жители островов часто упоминают

богатого каракалпака Лепес-бая, у которого на Терменбесе было восемнадцать холодильников; у него работало 300 рабочих (малай); кроме того, у бая были большие стада — 800 голов коз и овец, 300 голов крупного рогатого скота, 200 лошадей. Занимался он и торговлей, имел около двадцати лавок в разных местностях. Но рабочие у него зарабатывали в месяц не больше двух рублей; работали своими снастями, для изготовления которых бай выдавал авансом пряжу, из расчета 1 фунт пряжи за 1000 штук рыбы. Если рыбак в течение года не доставлял это количество рыбы, на следующий год долг удваивался. «Так наш родственник Саяке-самат остался должником Лепес-бая до конца своей жизни», — завершил свой рассказ о Лепес-бае старый рыбак, житель острова Тасбескум.

* * *

В первые же годы революции все промыслы рыбопромышленников были конфискованы.

В 1928 г. образовался Аралгосрыбтрест, большинство рыбаков в 1930—1931 гг. вступило в колхозы. В результате весь лов рыбы сосредоточился в руках государства и рыболовецких колхозов, объединяемых Рыбакколхозсоюзом, активно помогавшим окрепнуть первым рыболовецким артелям. В годы своей организации колхоз им. Марата и другие имели всего по несколько лодок, сетей, вентерей. Государство через Рыбакколхозсоюз оказывало им материальную помощь, предоставляло кредиты на приобретение орудий лова, судов, заботилось об улучшении культурно-бытовых условий жизни рыбаков. Государственный лов сразу же был оснащен флотилией моторных транспортных и рыболовных судов, на промыслах были построены крупные, хорошо оборудованные ледники. Рыбаков-колхозников стала обслуживать организованная на Муйнаке в 1933 г. моторно-рыболовецкая станция со специальными судами.

В настоящее время Муйнакский район Кара-Калпакии доставляет 60% всей добываемой на Аральском море рыбы и 96,3% рыбы, добываемой в Узбекистане. Южная часть Арала и дельта Аму-Дарьи играют ведущую роль в добыче всех промысловых рыб: больше всего вылавливают здесь леща, сазана, воблы, сома, щуки, много также усача, судака; из наиболее ценных пород распространены шип и лосось.

Государственный лов ведут пять рыбозаводов, расположенных на побережье и островах, колхозный — девять рыболовецких колхозов⁷. Рыболовство все более механизмуется и оснащается новыми орудиями.

За годы, прошедшие со времени организации колхозов, произошли коренные изменения в условиях труда и производственной жизни рыбаков. Прибрежный лов постепенно вытесняется на Аральском море механизированным глубинным ловом, для которого используются сейнерные суда, капроновые ставные сети и морские неводы. Уже в 1958 г. в колхозном и государственном лове Муйнакского района участвовало более ста самоходных судов. В 1959 г. моторно-рыболовецкая станция была реорганизована в судоремонтную техническую станцию, колхозы стали приобретать суда в собственность. Теперь каждая артель имеет свой флот — по три-четыре сейнера, по несколько быстроходных катеров, мотопелюг и десятки моторных и добротных гребных вентерных лодок. Существенно увеличивает улов применение различных усовершенствованных снастей. На многих судах имеются специальные устройства для механизации спуска и подъема сетей. Все больше ста-

⁷ До укрупнения колхозов в 1960 г. их было двенадцать.

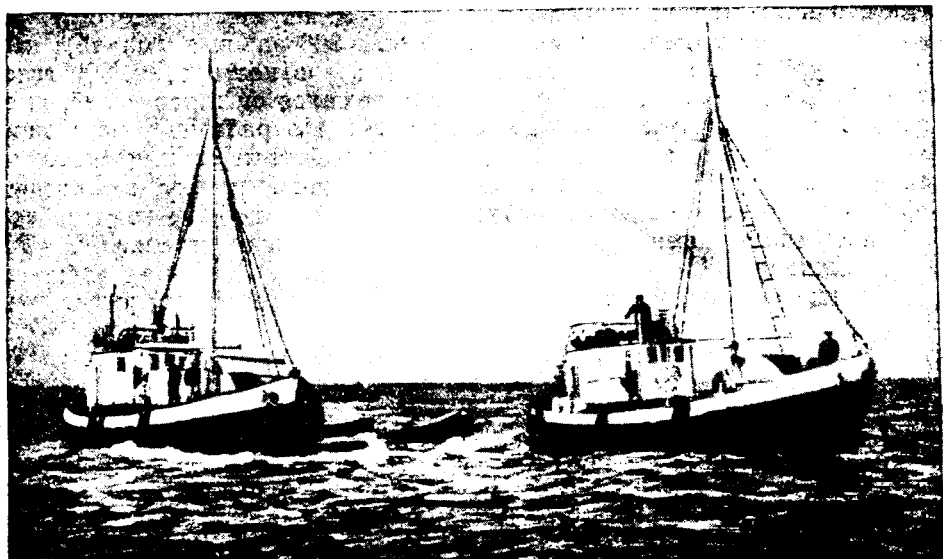

Рис. 3. Сейнеры идут на лов

новится в южноаральском флоте крупных рефрижераторных судов для транспортировки рыбы. Приемщики объезжают рыбацкие станы на судах с холодильниками, что снимает необходимость поездок рыбака один — два раза в день на приемочные пункты и обеспечивает лучшую сохранность рыбы. Колхозы оборудуют хорошо утепленные рыбацкие станы, вместо прежних убогих шалашей.

Одним из самых трудных видов работы аральских рыбаков является и в настоящее время зимний подледный лов. Когда морозы сковывают ледяным покровом заливы и прибрежные территории Арала, рыбаки запрягают лошадей в сани, грузят на них снасти, продовольствие, железные пешни «суймен» для пробивания льда и отправляются на далекие коши. Для установки сетей во льду вырубает тысячи лунок и длинные, до 40 м, проруби. Зимой рыбаки ежедневно перебирают в ледяной воде сотни метров сетей и неводов, устанавливают подледные вентери. В осенние и весенние периоды, когда в море «ни лед, ни вода», рыбаки также не прекращают работы, используя лодки, на днище которых прикреплены полозья. В зависимости от необходимости их спускают на воду или, вытаскивая на льдины, волокут как сани. Бывают случаи, когда отважных рыбаков в непогоду волны и ветер уносят на льдинах далеко в открытое море. Тогда включается в поиски авиация, обеспечивающая спасение людей.

Подледный лов теперь также переходит на более высокий технический уровень. Механизируется самый тяжелый труд — вырубка в толстом льду прорубей.

Повышение технического уровня рыболовства приводит к росту улова и доходов колхозов. Так, в колхозе им. Марата улов, приходящийся на одного рыбака, увеличился в 1959 г. по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза (с 71 ц до 157 ц), а средний годовой доход одного рыбака-колхозника достиг в 1959 г. 13443 руб. При этом заработок колхозников в некоторых передовых бригадах и звеньях составлял в среднем больше двух тысяч руб. в месяц.⁸ Возросли соответственно и ст-

⁸ См. М. Штейнгарт и Ш. Тлеубергенов, Рыболовецкий колхоз им. Марата, «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1960, № 2, стр. 75—77. Здесь за работы учтены в старом масштабе цен.

числения в неделимые фонды колхоза им. Марата. С 1955 г. — времени его переселения на Муйнак в связи с затоплением его прежнего селения в дельте Аму-Дарьи — здесь построен уже большой новый поселок городского типа с благоустроенными усадьбами, электричеством, производственными и культурно-бытовыми зданиями. Вырос и другой изучающийся нами колхоз — «Красный рыбак», расположенный на островах. Рыбаки этой артели добывают также очень много рыбы (преимущественно крупного частика и воблы) — свыше 20 тыс. ц в год.⁹ В улове участвует, наравне с мужчинами, много женщин.

Часть колхозников рыболовецких колхозов работает в составе механизированных бригад — судовых команд, остальные — в немеханизированных — вентерных и сетных бригадах и звеньях.

Разумеется, рост технической оснащенности нынешнего рыболовства не уменьшает значения опыта и мастерства самих рыбаков. Знание моря, вечно бурного, беспокойного Арала, умение учитывать влияние на поведение рыбы силы и направления ветра, течения, глубины, великолепная осведомленность в повадках разных пород рыбы — сазана, леща, усача и др., значение излюбленных мест, где водится рыба, наконец — сноровка, смелость и опытность рыбаков, все это высоко ценится, лучшие рыболовы пользуются огромным уважением.

Отошли в далекое прошлое те времена, когда бедные, обездоленные каракалпакские рыбаки надеялись на своего покровителя — святого Мардан-ата, к которому обращались с молитвой о помощи, выходя на рыбную ловлю. Рыбы, по представлению рыбаков, делились на добрых и злых, полезных и вредных. Самой плохой считалась щука, якобы происшедшая от змеи; самой лучшей, исцеляющей от многих болезней и расположенной к людям рыбой считался сом. Немало верований, фантастических представлений, легенд и поверий, почас очень древних, отразились в прошлом в промысловом фольклоре северных

Рис. 4. С богатым уловом

⁹ Данные получены в Акпеткинском аулсовете на о-ве Карабайлы во время полетов работ.

Рис. 5. На о. Акпетки

рыболовческих каракалпакских племен Аральского приморья. Советские рыбаки с усмешкой рассказывают о прежних «приемах», практиковавшихся с целью обеспечить успешность лова.

Прогресс в повышении культурного уровня населения южного Приаралья и его профессиональной квалификации неразрывно связан с техническим прогрессом труда рыболовов. В Муйнаке организована школа подготовки и усовершенствования кадров рыбной промышленности. Эта школа и различные технические курсы готовят судоводителей, бригадиров лова, мотористов, механиков и др. Ежегодно колхозы и предприятия государственного лова пополняются квалифицированными кадрами специалистов.

Многие капитаны, бригадиры и отдельные выдающиеся рыбаки имеют высокие правительственные награды за отвагу, опыт и успехи в выполнении государственных обязательств.

* * *

Государство проявляет большую заботу о быте населения рыбацких поселков, но несмотря на это, условия жизни и работы здесь еще довольно тяжелые, главным образом в связи с суровой природной обстановкой. Вопрос о пресной воде еще радикально не разрешен. Во всех поселках имеются государственные и колхозные холодильники, наполняемые льдом, но они не всегда могут обеспечить население и скот пресной водой. Бывают теплые зимы, когда море не замерзает и нельзя запасти льда. Бывает, что шторм разрушает холодильники, в них попадает морская вода, затапливает их. Так было зимой 1957/58 г.

Местные организации обеспечивают доставку пресной воды для населения на плашкоутах, наполняемых в устье Аму-Дарьи. Жители отправляются к плашкоутам на лодках, наполняют водой боченки, которые затем на берегу переправляют к домам вьючным способом, на ослах, пользуясь для этого специальными седлами «ерши». Для радикального урегулирования водоснабжения предполагается устройство на островах артезианских скважин, которые, как и в песках пусты-

ни Кзыл-Кум, не только разрешают проблему питьевой воды и водопоя домашнего скота, но и дают возможность озеленить поселки и оросить небольшие участки земли для огородов и бахчей.

Немало трудностей и с жилищным строительством. До недавнего сравнительно времени — 1930-х годов, население островов и зиму и лето жило в юртах; домов не было. Зимой мерзли, хотя осто́в юрты стара-

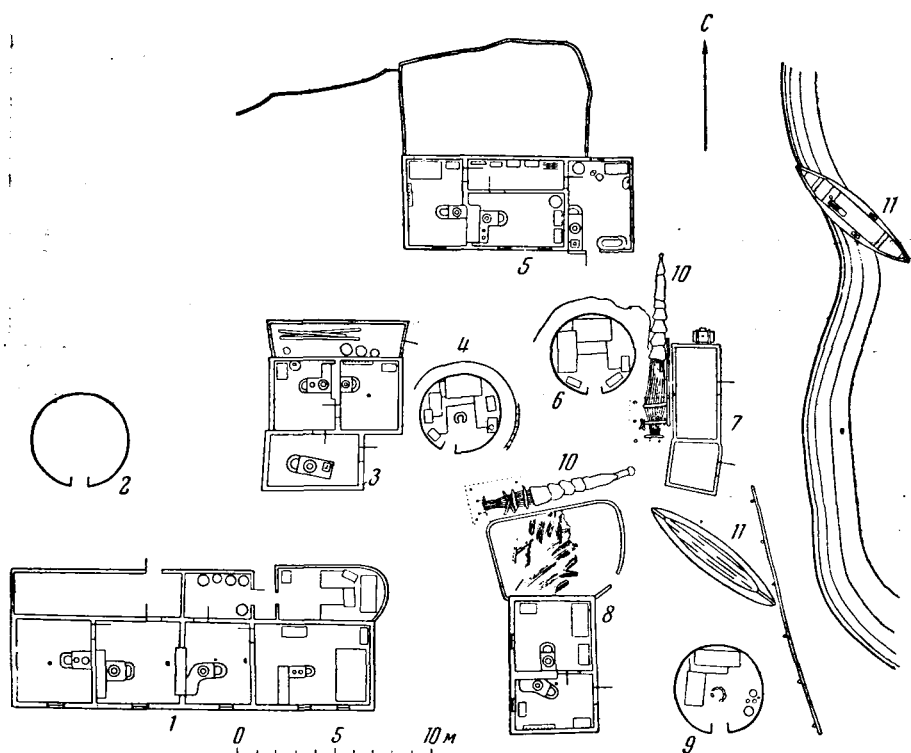

Рис. 6. План группы казахских усадеб на о. Тайлакджиген: 1 — жилой дом; 2 — юрта семьи, живущей в доме 1; 3 — жилой дом; 4 — юрта семьи, живущей в доме 3; 5 — жилой дом; 6 — юрта семьи, живущей в доме 5; 7 — хозяйственные постройки; 8 — жилой дом с прилегающими к нему хозяйственными постройками; 9 — юрта семьи, живущей в доме 8; 10 — ткацкие станки; 11 — лодки

тельно утепляли несколькими слоями циновок («шепты» и «ший») и обкладывали камышом. В дальнейшем на государственные средства были построены при рыбоприемочных пунктах дома-бараки для рабочих. Наконец, с 1936 г. стали строить себе дома и колхозники. Нынешние казахские и каракалпакские поселки на островах Арала сходны между собой. Их облик своеобразен. На белом, рыхлом сыпучем песке, у подножия песчаных бугров, защищающих от ветра, на самом берегу Аральского моря узкой полосой тянутся небольшие домики и юрты, среди которых в каждой поселке возвышается массивное здание рыбного пункта с ледником-холодильником и приемным плотом. У причала стоят колхозные суда, и весь берег усеян лодками. Усадьбы расположены беспорядочно, регулярной планировки и улиц нет — для домов приходится выбирать где можно лучшие, более ровные площадки среди песка; местами поселки расчленяются на несколько частей низинками с водой, песчаными буграми, заливчиками.

Рис. 7. Казахская усадьба с домом, юртой и хозяйственными постройками на о. Карабайлы

В каждой усадьбе — дом, юрта и множество хозяйственных построек: кухни, хлева, курятники, сараи для рыболовных снастей. Основной строительный материал — камыш, связанный в пучки-снопы «шом». Дома типа «какра» — каркасные, с заполнением из камыша; кровля двускатная, также крытая камышом: поверх камыша стены и кровля обмазаны глиной. Это — строительная техника, преобладающая во всем Муйнакском районе. Но на большинстве островов нет глины, повсюду один лишь песок. Население привозит глину для своих построек на лодках, из нескольких местностей, где неглубоко на дне моря обнаружены ее залежи. Копают стоя в воде, затем грузят глину в лодку и привозят домой, где месят ее и обмазывают постройки. На хозяйственные строения глину не тратят, экономят, и они остаются необмазанными. Планировка домов колхозников довольно стандартная — двухкомнатная; между комнатами большая печь.

Во дворах усадеб и на берегу — множество предметов, характерных для рыбацкого селения. Сушатся сети на вешалах, конопатятся лодки, лежат железные пешни (суймен) для пробивания льда, весла, багры, сачки; стоят, дожидаясь зимнего лова, сани, большие — конные и маленькие — ручные. Во многих усадьбах видны станки, на которых женщины плетут циновки. Часто встречаются и ткацкие станы «ормек» с натянутой на них яркой цветной основой для узорного тканья. Бродит по поселку и возле него в песках, заросших кустарником, а также в прибрежных камышах, домашний скот — ослы, козы, овцы, в небольшом числе коровы. Много птицы — кур и водсплывающей: гусей, уток, здесь им раздолье. Неплоха жизнь и для любителей рыбы — кошек, которых тоже великое множество.

Юрта здесь широко бытует — и в казахских, и в каракалпакских селениях, представляя собой чрезвычайно удобное летнее жилище. Деревянные остовы юрт приобретают главным образом в Чимбае, где одна из промартелей вырабатывает их. Юрты по большей части нового типа: с остовом из пяти решеток (канат), с 85 жердями кровли (уык). Установка юрты на островах — дело не простое. Ставить ее прямо на рыхлом песке или на сыром морском берегу избегают. Для юрты

подготавливают специальную круглую площадку, диаметр которой несколько больше диаметра юрты. Этот круг обкладывают несколькими рядами крепко связанных камышовых жгутов и поверх рыхлого песка, заключенного в круг, кладут слой глины. На образовавшуюся твердую площадку ставят юрту. Остовы юрт у казахов и каракалпаков сохра-

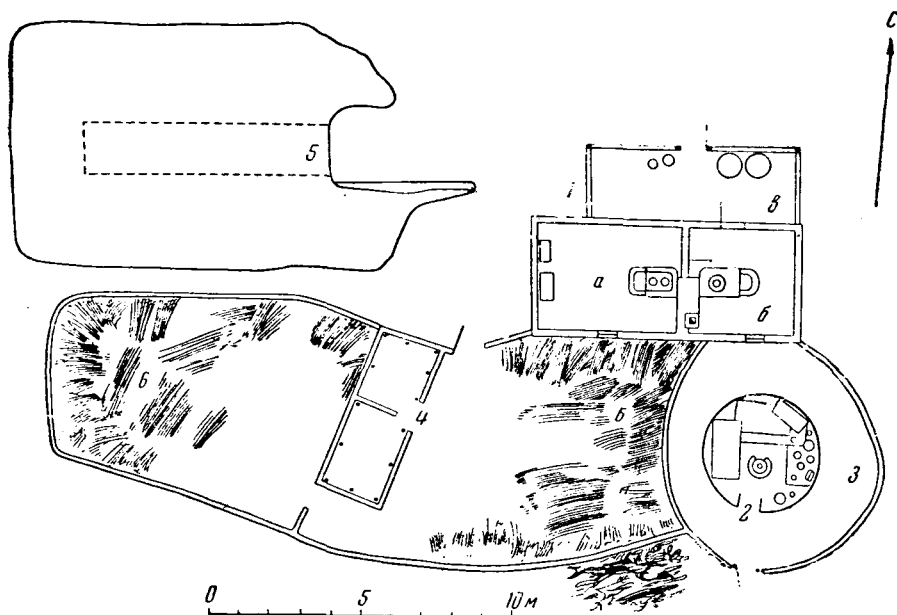

Рис. 8. План каракалпакской усадьбы на о. Тасбескум: 1 — жилой дом: а, б — жилые комнаты; в — передняя — «дализ», служащая хозяйственным помещением, 2 — юрта, 3 — площадка, сделанная на песке для установки юрты и окруженная оградой из камыша, 4 — хлев, 5 — ледник, 6 — двор с находящимися в нем запасами камыша (для топлива и на корм скоту)

няют традиционные национальные особенности, отличаясь разной конструкцией верхнего круга (шангырак) и решетчатых стенок (кереге). Кровля у тех и других покрыта войлоками, стены остова, как обычно в Кара-Калпакии, войлоком не обтягиваются, а закрыты плотными циновками, которые в жаркое время дня раздвигаются, пропуская сквозь решетку — кереге прохладный, освежающий морской ветерок.

Внутреннее убранство юрты очень своеобразно; в нем сказывается, несмотря на устойчивость национальных форм, сильное культурное взаимовлияние местных казахов-алимов и каракалпаков. В казахских юртах здесь повсеместно над тóром (почетным местом против двери) — переплетение узких дорожек «кзыл-кур», типичное для каракалпакской юрты и не встречаемое у казахов других районов. Очень распространены украшающие юрту широкие ковровые дорожки, выполненные техникой комбинированного тканья (шалма) — «ак-баскуры» и «жамбау», с рельефным ковровым орнаментом на гладком белом фоне, тоже типичные для каракалпаков, а у казахов распространенные лишь в присырдарьинских и в приморских районах, т. е. там, где этнические территории казахов издавна соприкасались с каракалпакскими. Нередко в казахских поселках на островах Карабайлы, Акпетки, Тайлакджиген встречаются узорные резные двери, столь характерные для каракалпакских юрт, с близким каракалпакскому орнаментом, а в каракалпакских поселках столь же часты типичные для казахов двери

Рис. 9. Старик в национальной каракалпакской одежде. Колхоз «40 лет Октября», полуостров Муйнак

с яркой росписью и вставными круглыми зеркальцами. На о-ве Мергенатау наме встречались «ший-онгыр» — декоративные полосы, обрамляющие снаружи двери каракалпакской юрты, выполненные не ковровой техникой, как обычно, а чисто казахской техникой аппликации — с вырезанным из цветной ткани и нашитым на кошуу узором.

Можно привести еще немало примеров взаимопроникновения культуры этих народов — в домашней обстановке, утвари, предметах прикладного искусства и др. Но сохраняются и специфические ее черты: у казахов сундуки с горкой сложенных одеял (жук) ставят возле двери, а у каракалпаксов — по сторонам төра. Характерно расположение украшения над дверью внутри юрты — нарядной дорожки «инбау», с сложной бахромой и вытканными именами родственников мастерицы. У казахов инбау горизонтально протянута над дверью; у каракалпаксов две такие дорожки пришиваются к боковым сторонам коврика, находящегося над дверью и называемого «есик-кас».

Вообще художественное ткачество традиционных ковровых принадлежностей для юрты очень развито у населения островов, особенно у казахов. Все юрты чрезвычайно нарядны и красивы. Женщины ткут на узконовойном станке не только ковровые дорожки, но и узорчатую ткань (алаша), сшивая затем из узких полос большие ковры — паласы для украшения стен над төром в юрте и над кроватью в домах. Ткут из шерстяных и бумажных ниток, но пробуют применить и капроновые¹⁰. Красят нитки сами ткачихи, соблюдая традиционную, очень красивую расцветку ковровых изделий. Свообразен часто встречающийся здесь в кайме ковровых тканей орнаментальный мотив «рыбий глаз» (коз балык).

Мы надеялись найти у каракалпаксов — жителей островов Арала много старинных форм национальной одежды, но в этом пришлось разочароваться. Отметим, что местные жители, в прошлом большей частью обнищавшие, не имели никакой возможности выплачивать полагавшийся по обычаю калым за невесту и потому чаще всего умыкали девушек

¹⁰ Следует отметить, что прочные и красивые капроновые нити оказались чрезвычайно подходящим материалом для узорного ткачества. Не подлежит сомнению, что если бы промартели стали ими снабжать в организованном порядке мастериц-ткачих, это сыграло бы большую положительную роль в развитии такого прекрасного прикладного искусства казахов и каракалпаксов, как узорное и ковровое ткачество.

без принятого по обычаю, приготовляемого родителями невесты приданого, состоявшего в значительной части из традиционных предметов свадебной одежды (кимешека, набора ювелирных украшений и пр.). Распространенность здесь в прошлом браков посредством увоза невесты подтвердилась и при изучении свадебных обычаев местных казахов и каракалпаков.

Все же у нескольких семей каракалпаков-мюитенов оказались хранимые в качестве ценных реликвий богато украшенные вышивкой кимешеки (женский головной убор с нагрудником из красного и черного сукна), старинные, так же вышитые, накидки (типа узбекской паранджи) «жегде» и другие предметы народной одежды, интересные для нас деталями покроя и орнамента. Записаны у стариков сведения о бытовавших у каракалпаков-мюитенов трех типах мужских рубах, отличавшихся покроем ворота; два вида ворота считают заимствованными: «ногай-жага» («татарский») — прямой стоячий воротник, иногда украшавшийся вышивкой, и «калмак-жага» («калмыцкий») — с боковой застежкой на левой стороне; не вызывает сомнения, что первый из них свидетельствует о культурных связях с Восточной Европой, а второй, возможно, — о монгольском или джунгарском влиянии. Чисто каракалпакским считают старики-мюитены круглый ворот, обшитый узорной тесьмой — «донгалеж-жага»

Вновь накопленный историко-этнографический материал об интересной этнографической группе мюитенов еще раз подтвердил, что они являются отнюдь не обособленным, пришлым племенем, как полагают некоторые этнографы, а местным, коренным, потомками древнего населения, испокон веков связанного с берегами Арала и низовьями впадающих в него великих среднеазиатских рек; всеми своими хозяйственными традициями, материальной и духовной культурой мюитены близки к остальным каракалпакам дельты Аму-Дарьи.

Как уже отмечалось, культурно-бытовое обслуживание колхозников и рабочих, жителей островов южного Арала, встречает специфические трудности, связанные с особенностями природно-географических условий. Четыре бригады колхоза «Красный рыбак» расположены на четырех островах, отделенных друг от друга большей частью расстоянием в 20—25 км. Повседневная связь жителей бригадных поселков при этих условиях все же затруднительна; в особенности это

Рис. 10. Каракалпачка в старинной национальной одежде. Колхоз им. Марата, полуостров Муйнак

касается семей рыбаков — женщин и детей. Между тем, в период наших экспедиционных работ колхоз имел лишь один клуб — на о-ве Карабайлы. Там находится и средняя школа; ученики из соседнего поселка Акпетки ходят на занятия зимой по льду замерзшего пролива, а весной и осенью переплывают пролив на лодках. На остальных островах есть лишь начальные школы. Подобные же трудности мешают регулярному медицинскому обслуживанию населения. Очевидно, они смогут быть преодолены лишь при условии переселения колхозных бригад в один крупный благоустроенный поселок, либо путем расширения и роста нынешних селений на каждом из островов.

Лучше обстоит дело с обеспечением населения продуктами питания и товарами широкого потребления. На всех пяти посещенных нами островах имеются магазины с хорошо подобранным ассортиментом всевозможных товаров.

Вшла в быт практика пользования специальными судами — «плавучими ларьками», которые обслуживают не только селения, но и рыбацьи станы, разбросанные в разных пунктах побережья и на не обитаемых постоянно островах.

Улучшению организации питания семей колхозников призвана служить и ферма колхоза «Красный рыбак», расположенная на материке. Там находятся колхозные стада крупного рогатого скота, овец и коз, а также табуны лошадей, столь необходимых в рыбацком хозяйстве в зимнюю пору для передвижения по замерзшему морю. На ферме есть и посеы — джугары, кукурузы, проса, бахчевых, участки с сгородными культурами — картофелем, луком и пр. Однако овощей и бахчевых не хватает, и «островитяне» летом принимают регулярные поездки к родственникам в Тахта-Купырский район за дынями и овощами. Обычно это поручается не занятым в рыбной ловле старикам.

При наличии в торговой сети довольно широкого выбора продуктов питания, местное казахское и каракалпакское население продолжает употреблять и национальную пищу. В особенности вкусно приготавливаются рыбные блюда — разные виды ухи, вареной и жареной рыбы и др. Традиционным продуктом, которым издавна запасались приморские каракалпаки, отправляясь в сухопутные путешествия и плавания, до сих пор остается вяленая мелкая рыба — «какпаш». Интересно, что хлебная печь — «тандыр», повсеместно распространенная в Кара-Калпакии, у жителей островов отсутствует; каракалпаки здесь, как и казахи, выпекают лепешки в казане или на чугунной плите, приспособленной к очагу. Возможно, отказ от тандыра связан с отсутствием подходящего для него топлива.

Изучение семейно-бытовых отношений выявило чрезвычайно интересный факт большой распространенности смешанных браков между казахами и каракалпаками. Это отмечают и сами жители островов. Есть семьи, где казахско-каракалпакские браки были в нескольких поколениях подряд, так что даже трудно определить, кем фактически является данный житель по своей национальности, хотя счет родства и еще не изжитый обычай экзогамии не ставят под сомнение вопрос о национальности для самого «потомка» такой серии смешанных браков. Один 98-летний старик-казах (алим, рода тама), житель о-ва Карабайлы рассказывал нам, что его семья давно породнилась с каракалпаками: каракалпачками были его мать и жена. У другого старика с о-ва Тайлакджиген мать и жена были каракалпачками, а у отца его жены мать была казашкой.

Нами записано много рассказов о том, как алимы жили в разных урочищах рядом с мюйтенами, по соседству с ними вели свое полукозовое хозяйство, пока не осели окончательно, поселившись вместе на этих островах, а также на Казак-Дарье, в Тахта-Купырском и других районах Кара-Калпакии. Представление о том, что эти две разнона-

циональные этнографические группы «породнились», находит отражение в народном предании, сообщающем, что у мюйтенов и алимов был общий предок. Пожилая казашка с о-ва Тайлакджиген в доказательство широты родственных (брачных) связей с каракалпаками приводела свои воспоминания о том, что раньше часто во время народных гуляний, когда начинались «улак» (козлодранье) или «курас» (борьба), мюйтены выступали не на стороне своих сородичей, а присоединялись к карахам-алимам, связанным с ними узами родства и свойства. Если к этим сведениям присоединить изложенные выше данные о значительности культурно-бытовых взаимосвязей казахов и каракалпаков на островах южного Арала, то можно уже с определенностью сделать вывод, что современные условия жизни и этнические процессы в этом районе исконного тесного соприкосновения казахов и каракалпаков ведут к все большему их сближению, продолжая возникшие еще в период средневековья традиции дружественных хозяйственных, культурных и семейно-родственных связей, сложившихся между этими народами на протяжении длительного исторического периода.

S U M M A R Y

The northern, maritime territory of the Kara-Kalpak Autonomous Soviet Socialist Republic, which comprises all of Muinak District and the western part of Takhta-Kupyr District, stands out for its specific natural and historical-ethnographic features. The population of this area since times long past engaged in a complex economy combining cattle raising with primitive farming and fishing; until recently this was clearly manifested in the ethnographic features peculiar to the Kara-Kalpak and Kazakh population of the area.

At present the indigenous population specializes in highly organized fishing, making wide recourse to its age-old experience and skill.

The fact that the Kara-Kalpak and Kazakh population groups have lived side by side for a lengthy period of time provides for large-scale reciprocal cultural influences, clearly traceable in the present-day material and spiritual culture of the population of the islands in the southern part of the Aral Sea.

Л. С. ТОЛСТОВА

КАРАКАЛПАКИ БУХАРСКОЙ ОБЛАСТИ УЗБЕКСКОЙ ССР

(По материалам полевых исследований 1960 г.)¹

В Бухарской области Узбекской ССР каракалпаки проживают главным образом в Кенимехском районе², где их по переписи 1959 г. насчитывалось 3900 чел.³ В соседних районах — Тамдынском, Гиждуванском, Навоинском (быв. Кермине), Кзыл-Тепинском и Шафриянском также имеются каракалпаки, но здесь они не составляют такой компактной массы, как в Кенимехе, и постепенно утрачивают свое национальное самосознание.

Бухарские каракалпаки — одна из наименее изученных этнографических групп. Сведения о них в литературе отрывочны и случайны⁴. Поэтому сохранившиеся в памяти народа исторические предания, легенды приобретают особенно важное значение.

Согласно преданиям, каракалпаки поселились на территории Бухарской области 180—200 лет назад. Местами своего прежнего обитания они считают крепость Ширик-кала, берега Сыр-Дарьи и Жаны-Дарьи, откуда они после столкновения с казахами ушли в сторону Чимбая, Нур-Аты и Кенимеха. Произошло это во времена Маман-бия, правившего на Жаны-Дарье в конце XVIII — начале XIX в.⁵ Вот как об этом рассказывают легенды кенимехских каракалпаков: «Каракалпаки раньше жили на этом берегу Сыр-Дарьи до Туркестана... Когда Маман-бий постарел, на каракалпаков напали казахи. Тогда сородичи пришли к Маман-бюю и сказали: «На нас напали казахи, что теперь будем делать?». Маман-бий ответил: «Я теперь постарел, защищать вас не могу, идите куда хотите». После этого каракалпаки на арбах и верблюдах переселились сюда... Большинство каракалпаков переселилось в Чимбай... более слабые направились сюда, в сторону Нур-Аты. Здешные каракалпаки переселились с севера, через пески. Переселение было очень трудным. Многие (особенно старики, слабые) не дошли.. Муйтены и конграты переселялись на арбах. От этого времени среди

¹ Настоящей статьей мы продолжаем публикацию материалов этнографического обследования малых групп каракалпаков Узбекистана (см.: Л. С. Толстова, Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР», «Сов. этнография», 1961, № 3).

² С 1924 по 1937 г. Кенимехский район непосредственно входил в состав Узбекской ССР.

³ По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Кенимехском районе было 42,6% казахов, 26,1% каракалпаков и 18,7% узбеков (см. «Всесоюзная перепись населения 1926 г.», т. XV, Узбекская ССР, М., 1928).

⁴ Н. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 74; Л. Соболев, Обзор доступов к Хивинскому ханству и краткие сведения о нем, «Военный сборник», 1873, № 5, стр. 139—140; А. П. Хорошкин, Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 405, 410—411.

⁵ О Маман-бие см. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1939, стр. 115—118.

народа остались слова «арбалы конграт» (конграт с арбами)»⁶. И еще: «На берегах Жаны-Дарьи была каракалпакская крепость Ширик. Оттуда переселились каракалпаки... после того как их победили казахи»⁷.

О «земле предков» Жидели Байсун, знакомой нам по легендам ферганских и самаркандских каракалпаков, мы в Кенимехском районе не слышали. Но у кенимехских каракалпаков мы записали отрывок из исторической песни, которую (несколько в другом варианте) знают повсеместно каракалпаки Ферганской долины:

«Балаларымнынг азыгы,
Малларымнынг казыгы
Геурек сеннен айрылдым», —
деп Сыр, Жанга-Дарья жақ-
тан кошкенде бзинг бир мамаларымыз айтып жлаган екен».

(Пища моих сыновей, колья, к которым привязывают мой скот, я лишился тебя, геурек⁸ — так плакала одна из наших старух во время переселения с Сыр-Дарьи и Жаны-Дарьи⁹) (У ферганских каракалпаков последняя строка: «я лишился тебя, Жидели!»).

Одна и та же песня, записанная у разных групп каракалпаков, позволяет говорить об их общих исторических судьбах, во всяком случае в период возникновения этой песни (по-видимому, середина XVIII в.).

У кенимехских каракалпаков значительно полнее, чем у самаркандских и ферганских, сохранились воспоминания о родоплеменной структуре. По словам информаторов, каракалпаки делились на шесть арысов (отделов), объединенных попарно родственными связями: ктай-кыпчак, кенегес-мангыт и мюйтен-конграт (см. схему)¹⁰. Напомним, что у каракалпаков Хорезмского оазиса крупнейшие племена имеют такие же названия, причем племена ктай и кыпчак, кенегес и мангыт (входящие там в отдел он торт уру — «четыренадцать родов») тоже объединены попарно, а племя мюйтен, прежде самостоятельное, позднее вошло в состав арыса конграт¹¹.

Правда, у хорезмских каракалпаков к началу XX в. родоплеменная структура была значительно сложнее, но, по-видимому, более ранними ее звеньями были указанные выше племена (возможно — и некоторые другие)¹².

Названия многих более мелких родовых подразделений (уру, урук) кенимехских каракалпаков совпадают с родоплеменными названиями каракалпаков Хорезма. Таким образом, у каракалпаков в XVII—XVIII вв., до их разделения, была единая родоплеменная структура.

Генеалогические предания кенимехских каракалпаков рассказывают о происхождении отдельных родов (например, род кият, по преданию, ведет свое начало от дочери Чингис-хана)¹³, а также отражают в легендарной форме действительно существующее родство между народами (так, каракалпаки и туркмены, якобы, произошли от двух братьев — Жаилхана и Сеилхана)¹⁴.

⁶ Полевая запись автора 1930 г., № 52. Архив Кара-Калпакского филиала УзбССР.

⁷ Полевые записи 1960 г., №№ 40, 42, 52, 54 и др.

⁸ Геурек — растение пустынь.

⁹ Полевая запись 1960 г., № 54.

¹⁰ Из-за кратковременности пребывания экспедиции в Кенимехском районе нам не удалось полностью собрать сведения о родовых подразделениях каракалпаков данного района. Поэтому схема требует некоторого уточнения.

¹¹ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды Хорезмской экспедиции, т. 1, М., 1952, стр. 503, 511, 512.

¹² Эти племена, а кроме них кият, уйсун и жабь, упоминает в качестве основных родоплеменных подразделений «нижних» каракалпаков М. Нурлин, переводчик Гладышева, бывшего там в 40-х гг. XVIII в. (см. Гладышев и Муравин, Поездка из Орса в Хиву и обратно, СПб., 1851, стр. 19—20).

¹³ Полевая запись 1960 г., № 52.

¹⁴ Полевая запись 1960 г., № 54. Аналогичная легенда была записана у каракалпаков Хорезмского оазиса. См. Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IX, М.—Л., 1950, стр. 107.

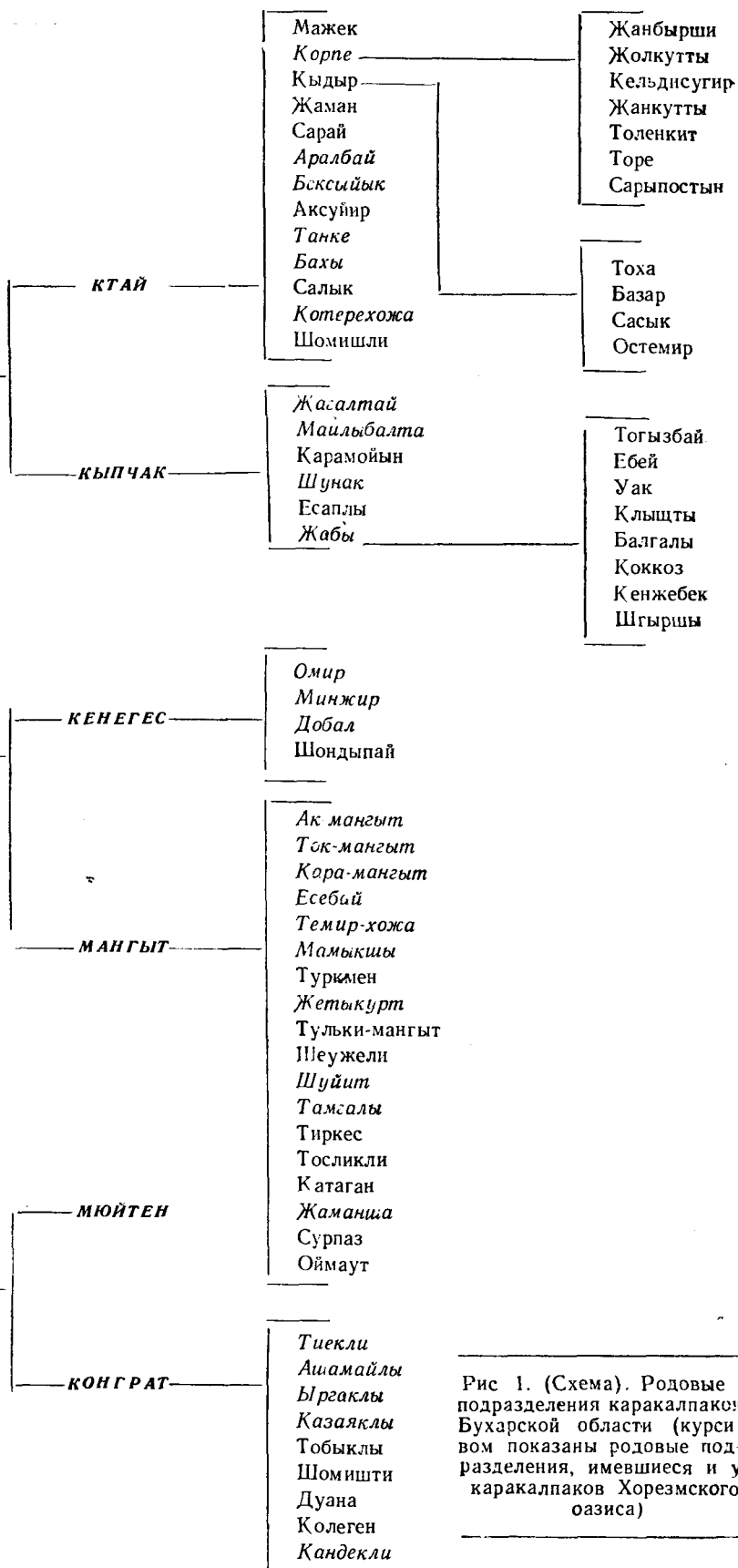

Рис 1. (Схема). Родовые подразделения каракалпаков Бухарской области (курсивом показаны родовые подразделения, имевшиеся и у каракалпаков Хорезмского оазиса)

На берегах Жаны-Дарьи и Сыр-Дарьи каракалпаки вели комплексное земледельческо-скотоводческо-рыболовное хозяйство, известное еще их предкам.

После переселения с берегов Жаны-Дарьи и Сыр-Дарьи на территорию Бухарской области одна часть каракалпаков поселилась в долине Зеравшана, по соседству с узбеками. Здесь они занимались земледелием, выращивали пшеницу, ячмень, джугару, просо, бахчевые культуры, а также хлопок. Жили они в домах постоянного типа, из сырцового кирпича, иногда на каркасе (шопкери-жай).

Другая часть каракалпаков поселилась в степях, прилегающих к Нур-Ате и Кенимеху, и постепенно восприняла тип хозяйства своих соседей-казахов — кочевое скотоводство с преобладанием разведения мелкого рогатого скота, а также верблюдов и лошадей. Информаторы указывают на некоторые различия в скотоводческом хозяйстве казахов и каракалпаков. Так, каракалпаки меньше занимались разведением верблюдов, чем казахи. Каракалпаки использовали лошадей лишь как средство передвижения, казахи же употребляли в пищу кобылье молоко, делали кумыс. Каракалпаки занимались разведением овец арабской породы (каракульских), казахи — казахской¹⁵.

Скотоводство давало каракалпакам основные продукты питания и шерсть, из которой они, как и казахи, валяли кошмы «кийиз», ткали паласы — «алаша», «алаша глем» (последний — с более сложным орнаментом, но тоже без ворса), переметные сумы «хурджин» и различные дорсжки, служащие для укрепления и украшения юрты, — «бау», «баскур» и др. Иногда на местах зимовок каракалпаки имели небольшие богарные посевы пшеницы и ячменя; у подножья Кара-тау, входящего в систему Нур-Атинских гор, пользовались для орошения водой ключей и ручьев, стекающих с гор. Подсобной отраслью хозяйства являлась охота на лисиц, куниц, рысей, зайцев, диких коз¹⁶. Скот, продукты скотоводства, шкурки пушных зверей каракалпаки продавали на базарах в Нур-Ате, Гиждуване и Кермине, где в свою очередь приобретали недостающие им продукты земледелия и изделия ремесленников. Бедняки продавали также выжигаемый из саксаула уголь и соль, добываемую в озере Туз-Кане¹⁷.

Единственным видом жилища степных каракалпаков была юрта.

В 1868 г. часть территории Средней Азии отошла к России, и граница между Самаркандской областью Туркестанского генерал-губернаторства и Бухарским ханством разделила и каракалпаков, живущих в степях: одна часть их оказалась в пределах Нур-Атинского и Керминского бекств Бухарского ханства, другая вошла в Джизакский уезд Самаркандской области.

Особенно тяжелым было положение бухарских каракалпаков. Они терпели деспотический гнет бухарских ханов, тяжелое налоговое обложение¹⁸, усугубляемое произволом местной администрации, и выполняли многочисленные трудовые повинности.

Нелегко жилось каракалпакам земледельческой полосы в долине Зеравшана. Они платили налог в размере одной трети — одной четверти урожая (в зависимости от культуры), иногда величина налога достигала половины урожая. Сады облагались денежным налогом, кроме того взимались особые поборы в пользу должностных лиц — мираба, амина и др.¹⁹. Талантливый сказитель кенимехских каракалпа-

¹⁵ Полевые записи 1960 г., №№ 42 и 43.

¹⁶ Об охоте каракалпаков на лисиц и куниц упоминает также Н. Ханьков (см. Указ. раб., стр. 160).

¹⁷ Полевые записи 1960 г., №№ 42 и 49. См. также Л. Соболев, Указ. раб., стр. 139—140.

¹⁸ Основным налогом со степных каракалпаков был закят, составлявший 1/40 часть стада.

¹⁹ Полевая запись 1960 г., № 40.

ков Шангкот-Жрау, живший в XIX в., так с грустной иронией охарактеризовал положение основной массы каракалпаков сел. Жангиабат (на арыке Кенимех):

Жангиабат деген жақсы жай
Ғес ечкили — қатта бай,
Жазда жейди сары май,
Қыста жүреді жарамай.

(Жангиабат — хорошее место; тот, кто имеет пять коз — большой бай, летом ест масло, а зимой ходит, ничего не имея)²⁰.

Господствующими в степях социальными отношениями были патриархально-феодалные, сохранявшиеся вплоть до Октябрьской революции.

Каракалпакские бай, имевшие огромные стада (до 10 000 голов)²¹, владели лучшими колодцами и пастбищами. Их сородичи-бедняки, селившиеся неподалеку, за пользование пастбищами выполняли различные работы в хозяйстве бая: пасли скот, стригли овец и т. п. Были у бая и наемные чабаны; за выпас стада в 1000—1500 голов в течение шести месяцев чабан получал козу с козленком и овцу с ягненок²².

К пережиткам родовых отношений, сохранявшимся у кенимехских каракалпаков, относятся: поселение мелкими родовыми группами (живущие у одного колодца были членами определенного родового подразделения), экзогамия (встречавшаяся у каракалпаков Хорезма, но давно исчезнувшая у ферганских и самаркандских каракалпаков). Свадебные тои принимали огромные размеры: на той приглашались все родственники, число их доходило до нескольких сотен.

Выплата большого калыма как обязательного условия свадьбы была делом не только семьи жениха, но и всех сородичей. Совместно собирались средства на призы победителям в скачках, в козлодрании, устраиваемых на свадьбах. Устройство свадеб и других семейных праздников было связано с большими расходами и несмотря на помощь сородичей иногда приводило к разорению семьи. Сбор средств на выплату калыма, на свадьбы и т. д. нередко выливался в прямую эксплуатацию бедняков их богатыми сородичами. Сохранялись у степных каракалпаков и пережитки большой патриархальной семьи — взрослые сыновья обычно жили вместе с отцом до его смерти и вели общее хозяйство. В богатых семьях имело место многоженство.

Свободной и радостной стала жизнь каракалпаков, как и всех трудящихся нашей многонациональной Родины, лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти. На смену патриархально-феодалным отношениям пришли отношения социалистические.

В долине Зеравшана каракалпаки вместе с узбеками, таджиками, арабами успешно трудятся в хлопководческом совхозе «Гигант». Каракалпаки живут на территории 2, 3, 4 и 5 отделений совхоза, в кишлаках Беш-Рабат, Кара-Мангыт, Шор-Тебе, Кунабад, Жангиабат и др.

Каракалпаки и казахи, живущие в степях Кенимехского района, работают в пяти совхозах: каракалпаки — в совхозах «Кенимех», «Аяккудук» и «Коммунизм», в последнем составляя большинство населения (см. карту). В каждом совхозе имеется несколько скотоводческих ферм, в окружности которых на расстоянии нескольких десятков километров пасут совхозный скот чабаны. Фермы — это небольшие центры общественной и хозяйственной жизни совхоза. При них имеются школы-интернаты, медпункты (иногда больницы), радиоточки и т. д. На фермы регулярно приезжают кинопередвижки. В степях выросли свои

²⁰ Полевая запись 1960 г., № 42. Речь идет именно о положении основной массы каракалпаков, живших в земледельческой полосе.

²¹ Полевая запись 1960 г., № 42.

²² Полевая запись 1960 г., № 53.

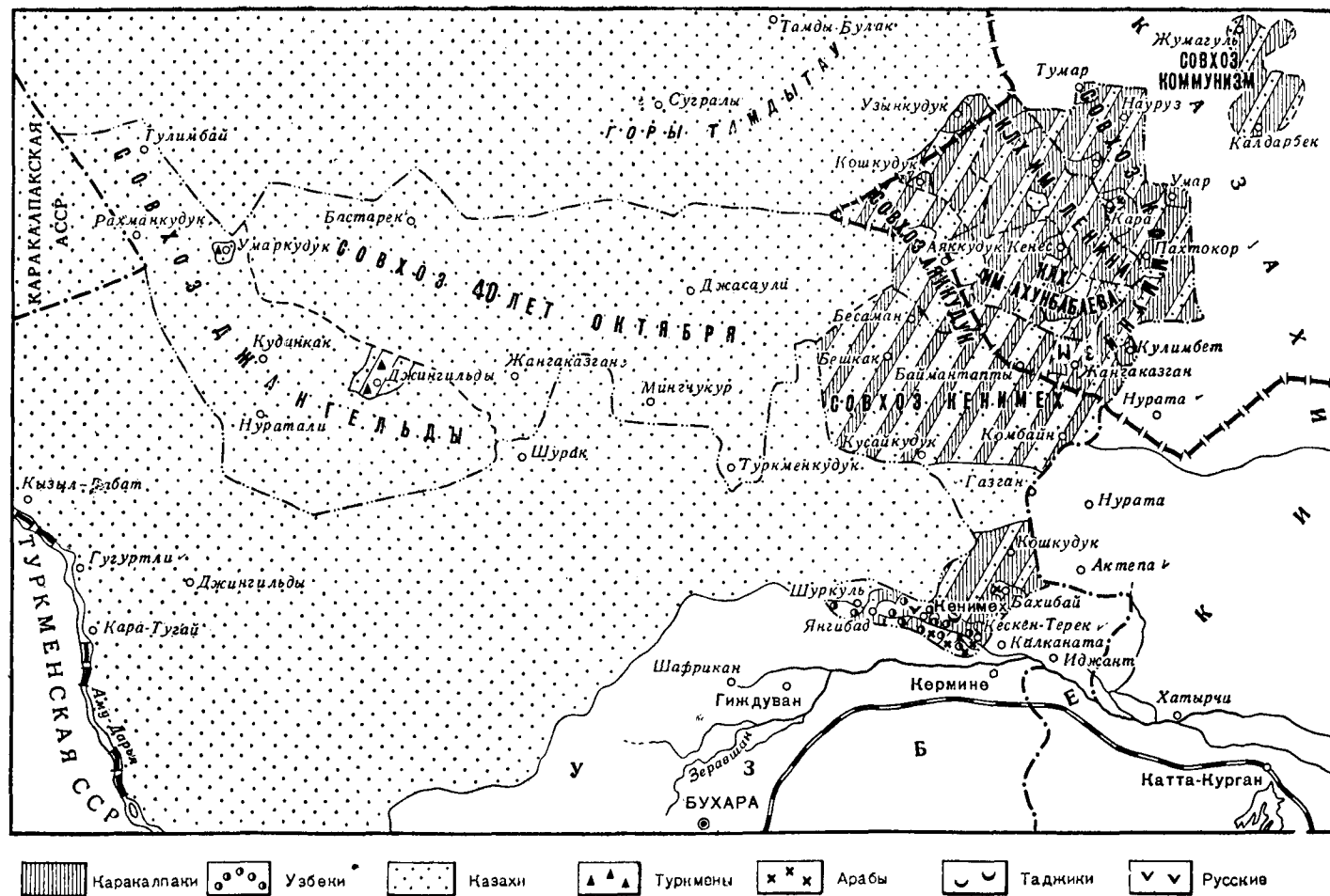

Рис. 2. Карта расселения каракалпаков в Кенимекском и Тамдынском районах Бухарской области (в оформлении карты принял участие Я. Р. Винников, сотрудник Института этнографии АН СССР)

кадры интеллигенции, получившие образование в учебных заведениях Бухары, Ташкента и других городов.

В наше время живущая в степях группа каракалпаков находится под сильным воздействием казахской культуры. Юрта, играющая в степях еще очень большую роль в качестве летнего жилища скотоводов, у кенимехских каракалпаков того же типа, что и у казахов (рис. 3).

Рис. 3. Кенимехские каракалпаки в одежде современного типа у юрты в с. Жанги-Казган

в отличие от каракалпаков Хорезмского оазиса, юрта которых имеет свои характерные особенности в устройстве деревянных частей и в убранстве²³; зимние жилища здесь и казахи, и каракалпаки делают из сырового кирпича, причем строительство домов постоянного типа началось лишь в годы советской власти. То же можно сказать и относительно одежды кенимехских каракалпаков: она мало чем отличается от одежды соседних казахов (рис. 4). Не имея возможности подробно останавливаться на описании одежды рассматриваемой группы, упомянем лишь, что у кенимехских каракалпаков получил распространение казахский головной убор — зимняя меховая шапка «тумақ»; носят каракалпаки также войлочную шапку «калпақ»²⁴; головной убор замужних женщин и девушек, как и у казашек, различается цветом материи: женщины носят белые платки, девушки — красные (тогда как у хорезмских каракалпаков и женщины носят головные повязки красного цвета) и т. п. На некоторые, незначительные различия в одежде кенимехских каракалпаков и казахов нам, однако, указывали информаторы: у казашек штаны короче и не собираются у шиколоток, у каракалпачек — длиннее и присбориваются; различается покрой старин-

²³ См. У. Х. Шалекенов, Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем, Труды Хорезмской экспедиции, т. III, М., 1958, стр. 324—325; Т. А. Жданко, Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 562—564.

²⁴ Этот головной убор наиболее типичен для киргизов, но бытует и у других народов Средней Азии и Казахстана, в частности у казахов (см. О. А. Сузарева, Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, «Среднеазиатский этнографический сборник» I, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXI, М. 1954, стр. 331—332).

ной мужской рубахи, которую еще носят старики; имеются различия в повязывании женщинами платков²⁵. Возможно, что при дальнейшем, более детальном сравнительном изучении материальной культуры казахов и каракалпаков Кенимехского района выявятся и некоторые другие различия, но в целом прежде всего бросается в глаза именно сходство материальной культуры этих двух групп населения. Это и естественно: небольшая группа каракалпаков, 150—200 лет прожившая в окружении казахов, заимствовала и тип хозяйства, и многие особенности культуры казахов, сохранив при этом, однако, свое национальное самосознание.

Картина развития языка кенимехских каракалпаков очень сложна. По наблюдению языковедов²⁶, их говор сочетает элементы каракалпакского, узбекского и казахского языков, причем в долине Зеравшана сильнее влияние узбекского, в степях — казахского. Большую роль в современном языковом развитии кенимехских каракалпаков играет язык обучения в школе; в долине Зеравшана дети-каракалпаки обучаются иногда в узбекских и казахских школах; в степях же обучение проводится только на казахском языке. В связи с этим молодежь кенимехских каракалпаков, проживающих в степях, стремится говорить на литературном казахском языке, тогда как в говоре старшего поколения еще четко прослеживаются элементы, сближающие его с литературным каракалпакским языком. Так, старики-каракалпаки произносят: балалар, баслы, тусиникли и т. д., как и в литературном каракалпакском языке, тогда как молодежь говорит по-казахски: балдар, тусиникти. Имеются особенности и в лексическом составе (старцы говорят ауа (да), молодежь по-казахски — ие) и в других элементах языка.

Таким образом, в результате совместной жизни и тесного сотрудничества идет процесс сближения каракалпаков — степных с казахами, зеравшанских — с узбеками. Хотя этот процесс, как показывают исследования, зашел довольно далеко, каракалпаки Бухарской области сохранили свое национальное самосознание, а также некоторые особенности материальной и духовной культуры.

SUMMARY

In Bukhara Region, Uzbek SSR, there dwell small groups of Kara-Kalpaks. Their past history is connected with the history of the entire Kara-Kalpak people, from whose main body they broke apart some 200 years ago.

At the present period, on the basis of a common way of life and close cooperation, the process takes place whereby one group of the Bukhara Kara-Kalpaks approximates the Kazakhs, while another approximates the Uzbeks.

The Bukhara Kara-Kalpaks, however, have fully retained their national consciousness as well as certain specific features of their material and spiritual culture.

²⁵ Полевые записи 1960 г., №№ 50 и 51.

²⁶ Например, Т. Бегжанова, участника нашей экспедиции.

Рис. 4. Каракалпакские женщины из Кенимеха в современной одежде. с. Жанги-Казган

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

А. И. ПЕРШИЦ

ПЛЕМЯ, НАРОДНОСТЬ И НАЦИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ

Едва ли не важнейший круг проблем, встающих при этнографическом изучении народов зарубежного Востока, составляют проблемы их современного этнического развития. В прошлом почти все страны зарубежной Азии и Африки так или иначе подверглись империалистической агрессии, замедлившей и осложнившей протекавшие здесь этнические процессы. Сейчас, в условиях бурного распада колониальной системы империализма, эти процессы, как никогда, активизировались, и вопрос о их направлении принял первостепенное политическое значение. С большей или меньшей остротой он стоит в ряде стран Востока: и в тех из них, что лишь недавно завоевали политический суверенитет, и в тех, что еще борются за отмену колониального и полуколониального режима, и в тех, что, продолжая находиться в экономической зависимости от капиталистических монополий, не имеют возможности выйти из состояния отсталости.

К числу стран этого последнего типа принадлежит крупнейшее арабское государство Азии — Арабское Саудовское королевство. Наблюдаемые здесь этнические процессы, по-видимому, во многом характерные и для ряда других отставших в своем поступательном движении областей зарубежного Востока, отличаются большой сложностью. Вместе с тем они, насколько я знаю, совершенно не изучены ни в советской, ни в зарубежной этнографической науке. Для того, чтобы осветить их исчерпывающим образом, потребовалось бы написать не одно исследование, заполнить немало пробелов в древней и средневековой истории Аравии. Все это, разумеется, не может быть сделано в рамках настоящей статьи, которую следует рассматривать лишь как первый, еще далеко не достаточный поиск в разработке данной проблемы.

Как известно, распад племенных этнических общностей и формирование народности начались в Аравии уже в глубокой древности. Первоначальными очагами этого процесса были центры южноаравийской цивилизации, где во II—I тысячелетиях до н. э. разложение первобытнообщинного строя привело к образованию первых на полуострове классовых обществ — Минейского, Сабейского и Сабейско-Химьярского государств. К середине I тысячелетия н. э. процесс захватил и более северные области Аравии, в особенности Хиджаз, где он также закономерно сопутствовал возникновению нового очага арабской государственности — халифата.

Записанные в первых веках хиджры исторические предания арабских племен и другие фольклорные материалы отражают сложную картину смешения родоплеменных групп, а вместе с тем начавшегося

стирания племенных границ и формирования народности. Яркие примеры такого смешения собраны в работах Шпренгера¹, Нольдеке², Ламменса³ и в особенности Брейнлиха, показавшего, что многочисленные генеалогические предания об усыновлениях и вторичных браках являются не чем иным, как отражением частых инкорпораций в состав тех или иных племен⁴. Уже в доисламское время в Аравии появились постоянные центры экономических и культурных связей (Мекка), наряду с куклами племенных предков, стали возникать межплеменные культы (Кааба), наряду с племенным самосознанием начало развиваться сознание более широкой межплеменной общности (*асабийя*), наряду с племенными наименованиями, пусть изредка, но все же уже употреблялось общее самоназвание «арабы»⁵. Этот процесс не мог не получить своего дальнейшего развития с возникновением ислама и халифата, вызвавших ряд новых племенных миграций и смешений и вместе с тем приведших к объединению аравийских племен в составе одного арабского государства.

Однако в специфических условиях Аравийского полуострова формирование здесь народности на протяжении всего средневековья протекало замедленными темпами — значительно более медленными, чем в соседних Сирии, Ираке, Палестине. Оно локализовалось главным образом в оседлых земледельческих районах — оазисах Хиджаза, Джебель-Шаммара, Неджда, Хасы и других. Здесь, на пути из южных пустынь в долины великих северных рек, веками оседали и смешивались выходцы из различных кочевых племен, образуя сравнительно однородную этническую массу. В оазисах постепенно стирались племенные диалекты, нивелировались племенные традиции и верования, уступая место аравийскому наречию арабского языка и более или менее единообразным особенностям оседлой аравийской культуры. Все без исключения исследователи внутренней Аравии характеризуют ее потомственных феллахов как смешанное население, полностью утратившее племенную организацию, хотя и сохранившее память о прежней племенной принадлежности⁶.

Иначе обстояло дело в омывавшем оазисы море бедуинских кочевий. О сохранявшейся здесь не только в средние века, но и в новое время четко выраженной родоплеменной организации мне уже приходилось говорить в специальной работе⁷. Поэтому, оставляя в стороне социальный аспект бедуинского племени, ограничусь короткой характеристикой его этнического аспекта. В стране насчитывалось несколько десятков кочевых и полукочевых племен (наиболее употребительное

¹ A. Sprenger, Das Leben und die Lehre Muhammads, Berlin, 1865, стр. CLX.

² Th. Nöldeke Robertson-Smith's «Kinship and Marriage in Early Arabia», «Zeitschrift d. Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», т. 40, 1886, стр. 179.

³ «Encyclopédie de l'Islam», т. II, стр. 1172.

⁴ A. Bräunlich, Beiträge zur Gesellschaftsordnung der arabischen Stämme, «Islamica», т. 6, 1933, стр. 99.

⁵ Ph. K. Hitti, History of the Arabs, London, 1946, стр. 27, 100 и сл.; G. Jacob, Altarabisches Beduinenleben, «Studien in arabischen Dichtern», Hf. III, Berlin, 1897, стр. 31.

⁶ J. L. Burckhardt, Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby, Weimar, 1831, стр. 381; G. A. Wallin, Narrative of a Journey from Cairo to Medina and Mecca by Suez, Araba, Tawila, al-Jauf, Jubbe, Hail and Nejd in 1845, «Journal of Royal Geographical Society», т. XXIV, 1854, стр. 201; Ch. M. Doughty, Travels in Arabia Deserta, Cambridge, т. II, 1888, стр. 41, 247; H. St.-J. B. Philby, The Heart of Arabia, London, т. I, 1922, стр. 113, 120, т. II, стр. 45; М. Чураков, «Новая история Неджда» Амина ар-Рейхани как источник по этнографии центральной Аравии, «Сов. этнография», 1960, № 1, стр. 98 и др.

⁷ А. И. Першица, Патриархально-феодалные отношения у кочевников северной Аравии (XIX — первая четверть XX в.), «Переднеазиатский этнографический сборник», I. Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XXXIX, М., 1958, стр. 139 и сл.

наименование *кабила*), каждое из которых обладало своей строго определенной территорией (*дира*), диалектными особенностями (*лугва*), удерживавшимися даже в пределах одной историко-этнографической области полуострова (например, Хиджаза⁸ или Сирийской пустыни⁹)

Рис. 1. Типы причесок в бедуинских племенах Хиджаза (R. F. Burton. Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah, London, 1893)

и специфическими чертами культуры и быта. Племена различались одеждой (в особенности излюбленной расцветкой мужских плащей, головных платков и стягивающих их волосяных шнуров), украшениями, прическами, расположением шатров на лагерных стоянках, знака-

⁸ R. F. Burton, Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah, London, т. II, 1893, стр. 99.

⁹ A. Musil, The manners and customs of the Rwala beduin, New York, 1928, стр. 134.

ми для клеймления скота, традиционными размерами брачного выкупа и возмещения за кровь, племенными культами и военными кличами, обычаями, связанными с гостеприимством, патронатом, рафикатом (защитой в пути), сохранявшимися местами обычаями обрезания — инициации юношей, женского обрезания, гостеприимного гетеризма и т. п.¹⁰. Стойко удерживалось характерное для племенной стадии этнического развития признание кровного родства между всеми членами племени, по словам Даути считавшимися «... айал аль-амм, детьми братьев, имеющими общих предков»¹¹.

Правда, и в среде кочевых племен наблюдались процессы смешения. Об этом говорят такие племенные наименования, как мунтефик («соединившиеся») или дафир («сплетшиеся»), а также многочисленные сообщения об этнической неоднородности бедуинов. Так, племя дава-сир, по Филби, состояло из собственно давасиров и абат-давасиров — остатков четырех племен, еще сохранивших собственные генеалогические традиции¹². В племени бану сахр не изгладились предания о чужеродном происхождении подразделения каабна и смешанном происхождении подразделения тука¹³. «Среди шаммаров, — писал Лайард, — много семейств аназов, дафиров, харбов, которые считаются шаммарами»¹⁴. «В каждом кочевье руалов, — отметил Мусил, — живут выходцы из других племен; они называются касырами и опекаются кем-нибудь из руалов»¹⁵. Особенно заметной была этническая неоднородность в племенах полукочевников, о которых Рейхани говорит как о «смешанных соединениях»¹⁶. По существу в племенах Аравии шел процесс перехода от родоплеменных связей к территориальным, процесс, который не мог не вести, по крайней мере в некоторых районах, к размыванию границ племени. Гуармани, посетивший в 1860-х годах северную часть внутренней Аравии, писал: «Все бедуины одеваются одинаково, и невозможно различить их в общей «каше», если не принимать во внимание их военные кличи... Я думал, что их абы, или плащи, и их шнуры из верблюжьей шерсти, придерживающие их кефийи, могут помочь отличить отдельные племена... Моя теория была разбита после первых же поездок, когда я лучше узнал пустыню»¹⁷.

¹⁰ Ср.: C. Niebuhr, Beschreibung von Arabien, Kopenhagen, 1772, стр. 269; J. L. Burckhardt, Reisen in Arabien, Weimar, 1830, Anhang II; его же, Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby, стр. 114, 123, 145 и сл. 160, 186, 220, U. J. Seetzen, Reisen durch Syrien, Palästina, Pönicien, die Transjordan-Länder, Arabia Petraea und Unter-Aegypten, Berlin, т. I, 1854, стр. 357; R. F. Burton, Указ. раб., т. II, стр. 110; C. Guarmani, Northern Najd, London, 1938, стр. 116, 118; Ch. M. Doughty, Указ. раб., т. I, стр. 251; Ch. Huber, Journal d'un voyage en Arabie (1883—1884), Paris, 1891, стр. 178, 203, 411, 464, 490, 506, 523, 707; О. А. Щербатова, Верхом по родине бедуинов, СПб., 1903, стр. 121 и сл.; A. Jaussen, Coutumes des Arabes en Pays de Moab, Paris, 1908, стр. 50, 159, 316 и сл., 598 и сл.; Jaussen et Savignac, Coutumes des Fuqara, Mission archeologique en Arabie. Supplement au vol. II, Paris, 1914 (paru en 1920), стр. 38, 97; A. Musil, Arabia Petraea, т. III, Ethnologischer Reisebericht, Wien, 1908, стр. 105, 161, 184, 335, 366 и сл., 387; его же, The manners and customs of the Rwala beduin, стр. 48 и сл., 133 и сл., 440 и сл., 409, 493; A. Bräunlich, Указ. раб., стр. 221 и сл.; A. de Bucheman, Notes sur la rivalité de deux tribus moutonnieres de Syrie: Mawali et Hadidiyn, «Revue des Etudes Islamiques», 1934, cah. I, стр. 21 и сл.; R. Montagne, La civilisation du Desert. Nomades d'Orient et d'Afrique, Paris, 1947, стр. 63.

¹¹ Ch. M. Doughty, Указ. раб., т. I, стр. 316; ср. A. Musil, Arabia Petraea, т. III, стр. 46; A. Jaussen, Указ. раб., стр. 107; R. Montagne, Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord: les Sammar du Nejd, «Revue des Etudes Islamiques», 1932, cah. I, стр. 68 и др.

¹² H. St.-J. B. Philby, Указ. раб., т. II, стр. 176.

¹³ A. Musil, Arabia Petraea, т. III, стр. 112 и сл.

¹⁴ A. H. Layard, Nineveh und Babylon, Leipzig, s. d., стр. 232.

¹⁵ A. Musil, The manners and customs of the Rwala beduin, стр. 267.

¹⁶ М. Чураков, Указ. раб., стр. 98; ср. A. Jaussen, Указ. раб., стр. 410; A. de Bucheman, Указ. раб., стр. 21 и сл.

¹⁷ C. Guarmani, Указ. раб., стр. 116.

Тем не менее племенная организация продолжала сопротивляться процессу детрибализации. Подобно тому, как это имело место еще в доисламские времена, инкорпорировавшиеся группы «привязывались» к общеплеменной генеалогии, а вновь образовавшиеся племена торопились обзавестись фиктивными родословиями, создавали себе тамги, военные кличи и т. п.¹⁸ Кочевая Аравия любым путем стремилась сохранить иллюзию племенной общности, а такое стремление говорит само за себя. Какой бы деформации ни подверглись племена, в стране все еще не мыслилось общество, полностью лишенное племенного деления: европейцев спрашивали, из каких племен состоят, например, англичане или австрийцы¹⁹.

Чем объясняется такая разительная незавершенность процесса формирования народности в стране, где уже в начале средних веков возникли классовое общество и государство? Ответ на этот вопрос, по-видимому, следует искать в социально-опосредствованной природной среде Аравии. Географические особенности полуострова издавна замкнули оседлую жизнь в рамках нескольких разобщенных районов и предоставили широкий простор развитию кочевого скотоводства, создавшего особенно благоприятные условия для переплетения классовых отношений и остатков патриархально-родового строя, политической и племенной организации²⁰. А вместе с этой последней сохранились и сильнейшие остатки племенной формы этнической общности. Кочевые племена не только относительно слабо участвовали в процессе формирования народности, но и тормозили его в оседлых районах, периодически оседая здесь и оживляя заглохшие племенные отношения. Сложившееся в Аравии положение, при котором народность формировалась крайне медленно и как бы оставалась расчлененной на более или менее четко очерченные племенные общности, по существу не отличалось от положения в других пустынных и горных районах земного шара — у туарегов Сахары, афганцев, курдов, некоторых народов Средней Азии, Кавказа и т. д.

Было бы, однако, ошибкой объяснять особенности формирования народности в Аравии одними только, пусть даже исторически опосредствованными, естественно-географическими причинами. Уже с самого начала нового времени сюда добавились причины совершенно иного порядка, ставшие в дальнейшем главным тормозом в политическом и этническом развитии страны.

В XVIII в. потребности внутренней экономической жизни и необходимость защиты от турецкого вторжения ускорили процесс объединения и феодальной централизации полуострова, идеологическим знаменем чего стало новое течение в исламе — *тавахид* («единение»), или ваххабизм. Ваххабиты во главе с эмирами из недждского феодального дома Саудидов объединили под своей властью большую часть Аравии и повели решительную борьбу с феодально-племенной анархией, сепаратизмом оседлых и кочевых правителей, вековой обособленностью бедуинских племен. Уже в начальный период образования Саудовского государства, во второй половине XVIII — начале XIX в., не только оазисы, но и племена стали втягиваться в орбиту единой административной, судебной, военной и религиозной организации. Бедуинские шейхи были подчинены начальникам провинций, в бедуинских племенах

¹⁸ Ch. M. Doughty, Указ. раб., т. I, стр. 316; cp. Kh. Daghestani, *Études sociologiques sur la famille musulmane contemporaine en Syrie*, Paris, 1932, стр. 176—177; A. Jausse n, Указ. раб., стр. 107.

¹⁹ A. Musil, *Arabia Deserta*, New York, 1926, стр. 442.

²⁰ Подробно об этом см.: А. И. Першиц, *Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой трети XX в.* (Историко-этнографические очерки), Труды Ин-та этнографии АН СССР, Новая серия, т. LXIX, М., 1961.

ство, ни ни подверглись племена, али, на полностью лишенное племен- 9. каких племен состоят, на- тельная незавершенность процесса ударство? Ответ на этот вопрос, по- енности опосредствованной природной ескольких полуострова издавна зам- витию разобщенных районов и условия кочевого скотоводства, со- хально для переплетения классо- вместе с этой последней сохрани- ной формы этнической общности. омили слабо участвовали в процессе яя заглохшего в оседлых районах, ие, при плохих племенных отноше- бы котором народность фор- племенные расчлененной на их пустынных общности, по существу афганцев, курдов, некоторых на- нять особенности формирования пусть даже исторически опосредо- тись причинами. Уже с самого ым тормозом в политическом и экономической жизни и необхо- ия ускорили процесс объедине- ме — тахид («единение»), или властью неждского феодального льно-пл большую часть Аравии лей, в еменной анархией, сепар- дернод ековой обособленностью II — начале XIX в., не только в орбиту единой администра- овинции, в бедуинских племе-

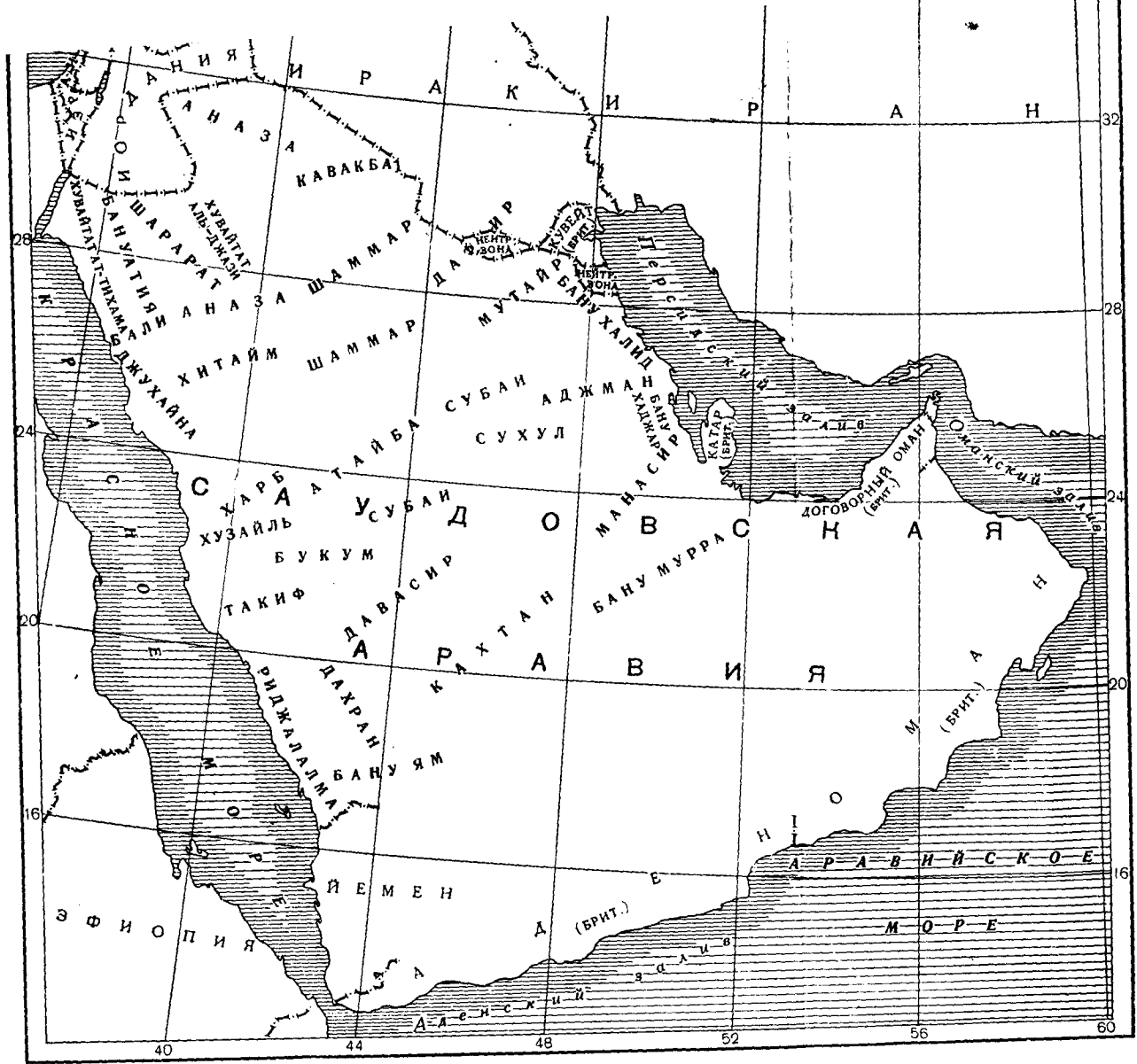

Рис. 2. Племена Саудовской Аравии

нах, наряду со старыми толкователями обычного права, появились судившие по шариату кади, бедуинские воины шли в бой не с традиционными племенными кличками и значками, а с общеваххабитским кличем «Аллах акбар!» и под бело-зеленым знаменем Саудилов, бедуинские племенные традиции и культы искоренялись ваххабитскими проповедниками как пережитки язычества, *джахалии* ²¹. Объявив устами основоположника тавхида Мухаммеда ибн Абдалваххаба, что ваххабит не должен быть близок с неваххабитом, будь это даже его ближайший родственник ²², государство ломало родоплеменную организацию как таковую, племенную общность как таковую. Эта политика активного преодоления остатков феодально-племенной раздробленности проводилась и в последующее время, особенно усилившись в первых десятилетиях XX в., на заключительном этапе сложения Саудовского государства. Так, в частности, в 1910-х годах, вслед за созданием ваххабитского так называемого ихванского братства, была издана фатва, предлагающая кочевникам-ихванам оставлять свои племена и переселяться в земледельческие колонии — *хиджры*, где они частично перемешивались с выходцами из других племен и жителями оазисов, причем все «колонисты, независимо от их племени или класса, подчинялись священному шариату более, нежели обычному племенному праву» ²³. Оставшиеся в своих племенах ихваны как бы вырывались из среды соплеменников. Им было предписано демонстративно разорвать древние узы родоплеменной взаимопомощи, заменявшейся отныне взаимопомощью одних только ихванов, не принимать пищи вместе с соплеменниками-неихванами и не отвечать на их приветствия, даже снять традиционно-племенную принадлежность головного убора — волосяной шнур и заменить его белой чалмой ²⁴.

Таким образом, на протяжении всего нового времени в объединенных Саудидами аравийских землях не только шел, но и усиленно форсировался государством закономерный процесс ликвидации феодально-племенной раздробленности, сопровождавшийся нивелировкой племенных особенностей, стиранием племенных границ, иначе говоря, — завершением формирования народности. Однако естественный ход этого процесса был нарушен и задержан турецкой, а затем английской агрессией на Аравийском полуострове.

В 1810-х годах Османское правительство, очутившись перед угрозой утраты своих арабских владений, предприняло совместно с правителем Египта Мухаммадом-Али вторжение во внутреннюю Аравию. Оккупанты не удержались в Неджде и трех десятилетий, но борьба истощила и ослабила страну, приостановила ее объединение и централизацию. Этим воспользовались английские колонизаторы, в конце XVIII в. обосновавшиеся в Маскате и стремившиеся утвердиться на стратегически важных побережьях Аравийского полуострова. В XIX в. Англия одно за другим захватила княжества восточной и южной Аравии, в ряде

²¹ F. Mengin, Histoire de l'Egypte sous le gouvernement de Mohammed-Alv. Paris, т. II, 1823, стр. 179; J. L. Burckhardt, Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby, стр. 408; G. A. Wallin, Notes taken during a journey through part of Northern Arabia in 1848, London, 1850, стр. 43; W. G. Palgrave, Narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia (1862—1863), London and Cambridge, т. I, 1866, стр. 208.

²² A. Rihani, Ibn Sa'oud of Arabia. His people and his land, London, 1928, стр. 246.

²³ A. Mac-Kie Frood, Recent economic and social developments in Saudi Arabia, «Geogr. phie», т. 24, 1939, стр. 166; cp. H. R. P. Dickson, Kuwait and her neighbours. London. 1956, стр. 250.

²⁴ H. R. P. Dickson, Указ. паб., стр. 155—156; C. A. Nallino, Raccolta di scritti editi e inediti, т. I, L'Arabia Saudiana (1938), Roma, 1939, стр. 118; H. E. Armstrong, Lord of Arabia Ibn Saud. An intimate Study of a King, Leipzig—Paris — Bologna, 1938, стр. 89.

случаев, как это, например, имело место в Омане, Бахрейне и Катаре, отторгнув их от ваххабитского государства или же не допустив их присоединения к последнему²⁵. Начало XX в. ознаменовалось дальнейшим стягиванием Аравии в орбиту империалистической политики. Накануне и в период первой мировой войны большая часть страны сделалась ареной ожесточенного англо-турецкого соперничества, оживившего старинную феодально-племенную борьбу. Эта борьба с новой силой разгорелась по окончании войны, когда Англия, противодействуя объединению Аравии, инспирировала серию военных столкновений между Недждом, Хиджазом, Джебель-Шаммаром и Кувейтом, а после присоединения Саудитами Джебель-Шаммара и Хиджаза — ряд антисаудовских выступлений бедуинских племен. Таково было, в частности, крупнейшее бедуинское восстание 1920-х годов, главари которого, шейхи племен атайба, мутайр и аджман, обвинявшиеся меккской прессой в стремлении к феодальной независимости²⁶, были открыто поддержаны английскими мандатными властями в Кувейте и Ираке²⁷.

Все это, разумеется, не могло не сказаться на темпах политического и этнического развития Аравии. Территория, на которой завершалось формирование народности, была рассечена колониальными границами, а само это завершение — искусственно задержано разжиганием феодального и племенного сепаратизма. Поэтому как ни велики были успехи Саудитов в объединении и централизации аравийских земель, как ни бросались в глаза достижения ваххабизма в нивелировке их местных особенностей, в Саудовской Аравии 1920-х годов племенная общность все еще не была растворена в общности народности. Монтань приводит слова одного из недждских шаммаров, который после завоевания Джебель-Шаммара Абдальазизом ибн-Саудом бежал в кочевья шаммарских племен Ирака: «Я не вернусь на родину до тех пор, пока здесь будет длиться иноземное господство. Конечно, король Абдальазиз — великий князь, мудрый и благородный. Но пусть мне предложат даже земной рай, я откажусь, так как признаю только наших (т. е. шаммарских. — А. П.) князей — ар-Рашидов»²⁸. Еще показательнее свидетельство Рейхани. Этот арабский патриот и поборник арабского единства, посетив страну в первой половине 1920-х годов, был настолько потрясен увиденным, что в горечи разочарования, по-видимому, даже значительно преувеличил степень разобщенности местных племен. «... В Аравии, — писал Рейхани, — нет сколько-нибудь осязательного национального чувства; нет, чувства национальности, основывающегося на происхождении, сотрудничестве и общих интересах, здесь еще не существует! Оно, возможно, только вызревает. Но в нынешней политической действительности на полуострове пока господствуют два высших чувства: религиозное и племенное...»²⁹.

Такова в общих чертах картина этнического развития арабов Саудовской Аравии к началу новейшего времени. В последующие десятилетия она еще больше усложнилась в результате начавшегося вызревания капиталистических отношений и элементов буржуазной нации.

В отдельных экономически наиболее развитых районах страны, как, например, в Касyme, какие-то зачатки капиталистического хозяйства

²⁵ См. U. J. Seetzen, *Auszug aus dem Briefe des Hrn. Reinaud an Dr. Seetzen. Haleh*, 2 Apr. 1805, «Monatliche Correspondenz zur Beförderung der Erd- und Himmelskunde», herausg. von Zach, Gotha, т. XII, 1805, № XXII, стр. 235; C. U. Aitchison, *A collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighbouring countries*, Calcutta, 1909, т. XII, стр. 156, 166 и сл.

²⁶ «*Oriente moderne*», 1928, № 4, стр. 178; 1929, № 10, стр. 481—482.

²⁷ H. R. P. Dickson, *Указ. паб.*, стр. 306, 309.

²⁸ R. Montagne, *La civilisation du Desert*, стр. 60; ср. его же, *Notes sur la vie sociale et politique de l'Arabie du Nord: les Sammar du Nejd*, стр. 65.

²⁹ A. Rihani, *Указ. паб.*, стр. 338.

стали появляться уже в последней четверти XIX в., когда здесь были зафиксированы первые признаки обезземеления крестьянства и применения батрацкого труда. Но в целом Аравия тогда еще развивалась в рамках феодальной экономики: сельское хозяйство всецело продолжало носить мелкий индивидуальный характер, городское ремесло не

Рис. 3. Саудиец-рабочий (K. S. Twitchell, Saudi Arabia, Princeton, 1958)

достигало даже уровня позднесредневековой мануфактуры³⁰. Положение начало меняться лишь полвека спустя, в 30-х и особенно 40-х годах нашего столетия.

В начале 1930-х годов на востоке Саудовской Аравии, в Хасе, были обнаружены богатейшие месторождения нефти. В результате ожесточенной борьбы между английским и американским капиталом эти месторождения достались в концессию американским нефтяным монополиям, образовавшим специальное дочернее общество — «Arabian-American Oil Company» (АРАМКО). Эксплуатируя природные богатства Саудовской Аравии, АРАМКО создала здесь крупную нефтедобывающую промышленность, построила трансаравийский нефтепровод и нефтеперерабатывающий завод в г. Рас-Танура. В это же время в стране было осуществлено строительство нескольких автострад, глубоководных портов Дамман и Джидда, железнодорожной линии, соединившей нефтяной район со столицей Саудовской Аравии Риядом. Еще один, правда значительно менее крупный, центр горнодобывающей промышленности возник в 1930-х годах в районе Медины, где субсидируемый американо-англо-канадским капиталом «Saudi Arabian Mining Syndikat» получил концессию на разработку золотых и серебряных руд. В городах Саудовской Аравии рядом со средневековыми мастерскими

³⁰ См.: А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй северной Аравии в XIX — первой четверти XX в.

стали появляться современного типа фабрично-заводские предприятия пищевой и легкой промышленности, промышленности строительных материалов и т. п. В стране стал формироваться рабочий класс, численность которого к настоящему времени достигает приблизительно 100 тыс. чел.

В эти же годы из среды городских торговцев и феодалов вышли сотни предпринимателей, вложивших свои капиталы в строительные подряды, транспорт, местную промышленность, электростанции, жемчужные и рыболовные промыслы. Хотя в своей значительной части они пока еще являются не столько самостоятельными предпринимателями, сколько подрядчиками и агентами иностранных компаний, с их появлением в стране стал формироваться второй класс капиталистического общества — буржуазия³¹.

Не следует, впрочем, преувеличивать количественную роль новых классов саудийского общества. Экономические сдвиги, произошедшие в стране за последние три десятилетия, ослабили, но, разумеется, далеко не вытеснили сохранившиеся феодальные и патриархально-феодальные отношения. В Саудовской Аравии тесно переплелись элементы капитализма, феодализма и остатков патриархально-родового строя, создав пеструю картину сосуществования различных социально-экономических укладов. Соответственно этому очень сложной, как бы многослойной, оказалась и картина этнического развития населения Саудовской Аравии. Процесс сложения буржуазной нации начался здесь тогда, когда по существу еще не завершился процесс сложения народности, когда еще не стерлись и не исчезли племенные границы. По словам крупного саудийского чиновника А. Хелайси, несмотря на все успехи правительства в преодолении традиционной обособленности бедуинских племен, в среде этих последних и сейчас продолжает держаться «дух племенной системы»³². Если учесть, что кочевники-скотоводы донныне составляют от 50 до 60% семимиллионного населения Саудовской Аравии³³, станет ясно, что начальный этап формирования нации здесь как бы слился с конечным этапом формирования народности, получив от него в наследство не растворенную племенную общность. Подобно тому как развивающемуся в Саудовской Аравии капитализму еще предстоит поглотить не только феодальные, но и дофеодальные общественные отношения, развивающейся здесь буржуазной нации еще предстоит переварить не только народность, но и древнейшую форму этнической общности — племя.

Начавшийся в Саудовской Аравии процесс складывания буржуазной нации характеризуется двумя противоположными, но диалектически взаимосвязанными особенностями.

С одной стороны, этот процесс, несомненно, тормозится экономической зависимостью Саудовской Аравии от нефтяных монополий США. Развивая — в той мере, в какой это оказывается выгодным при существующей рыночной конъюнктуре, — нефтедобывающую промышленность, АРАМКО всемерно препятствует созданию саудийской отечественной промышленности и, в первую очередь, промышленности средств производства. Еще в 1944 г. при АРАМКО был образован так называемый Департамент промышленного развития Саудовской Аравии, получивший право утверждать статуты и определять порядок

³¹ См.: Е. Примаков, Страны Аравии и колониализм, М., 1956, стр. 52 и сл., 81 и сл.; И. П. Беляев, Американский империализм в Саудовской Аравии, М., 1957, стр. 132 и сл.; F. S. Vidal, The Oasis of Al-Hasa. Arabian-American oil company, 1955; «Bulletin de commerce Belge», 1957, an 71, № 9, стр. 32 и сл.

³² A. S. Helaisi, Les bédouins et la vie tribale en Arabie Saoudite, «Revue internationale des sciences sociales», т. XI, 1959, № 4, стр. 559.

³³ Там же, стр. 555; «The Middle East», London, 1961, стр. 287.

деятельности всех промышленных предприятий страны. Практически департамент контролирует саудийскую экономику и направляет ее по желательному АРАМКО руслу, не допуская создания ни одного сколько-нибудь крупного национального предприятия. Темпы развития национальной промышленности искусственно замедляются; вместе с тем искусственно замедляются темпы роста национальной буржуазии и рабочего класса, область формирования которого все еще остается ограниченной главным образом узкими рамками нефтеразработок Хасы³⁴. Однобокое, уродливое развитие экономики препятствует созданию единого национального рынка. Беззастенчивое ограбление страны американским капиталом тормозит ее культурный прогресс: народное образование, литература, наука развиты в Саудовской Аравии слабее, чем в соседних арабских странах — Сирии, Ливане, Ираке³⁵.

Но, с другой стороны, этот процесс имеет и мощный стимул — разрывание массовой борьбы против гнета американского империализма, в ходе которой ускоряются темпы национальной консолидации и развития национального самосознания. После второй мировой войны в среде саудийской буржуазии и буржуазной интеллигенции возникли первые национальные организации — нелегальные «Партия реформ» и «Либеральная партия», включившие в свои программы требования освобождения страны от засилья империалистических монополий и проведения некоторых буржуазных реформ. Однако, как показали события 1950-х годов, главной движущей силой нарастающего в Саудовской Аравии национально-освободительного движения стала не буржуазия, а молодой рабочий класс и в первую очередь жестоко эксплуатируемая АРАМКО армия нефтяников Хасы. Начавшись впервые в 1945 г., борьба рабочих АРАМКО вскоре приобрела не только экономический, но и политический, в особенности антиимпериалистический характер. В 1953 г., во время крупнейшей в истории страны забастовки нефтяников, компании были предъявлены требования прекращения национальной дискриминации арабских рабочих и признания арабского языка как официального языка делопроизводства; массовые забастовки 1956 г. проходили под лозунгами ликвидации нефтяной концессии и военных баз США на территории Саудовской Аравии. Выступления рабочих встретили широкую поддержку самых различных слоев населения — интеллигенции, буржуазии, ремесленников, крестьянства³⁶. Движение 1950-х годов было задавлено жестокими полицейскими репрессиями, но оно ясно показало, что в Саудовской Аравии стал складываться общенациональный антиимпериалистический фронт, дальнейшее упрочение которого, несомненно, окажет существенное воздействие на процесс формирования нации.

Еще один аспект вопроса о формировании нации в Саудовской Аравии состоит в том, что этот вопрос является частью общей проблемы путей национального развития современного арабского мира. В советской арабистике на этот счет существуют две различные точки зрения. Согласно одной из них, отстаиваемой А. Ф. Султановым, арабские народы частью уже сложились, а частью складываются в особые нации³⁷. Иной точки зрения придерживается В. Б. Луцкий, который присоединяется к мнению ряда арабских ученых о том, что арабы издавна обладают общностью языка, культуры и территории, и отмечает, что

³⁴ А. С. Helaisi, Указ. раб., стр. 560.

³⁵ См. «Islamic Review», т. 40, 1952, № 11, стр. 31; «Oriente moderno», 1956, № 7, стр. 450; G. A. Lip sky, Saudi Arabia, its people, its society, its culture, New Haven, 1959, стр. 277 и сл.

³⁶ И. П. Беляев, Указ. раб., стр. 175 и сл.; А. Нильский, Рабочее движение в Саудовской Аравии, «Современный Восток», 1939, № 5, стр. 37 и сл.

³⁷ А. Ф. Султанов, Национальный язык и реформа письменности в странах Арабского Востока, Сб. «Академику В. А. Гордлевскому», М., 1953, стр. 255—256.

с освобождением арабских стран от колониального гнета возникли предпосылки для развития между ними широких экономических связей и складывания единого рынка. Все это, по мнению В. Б. Луцкого, свидетельствует, что в арабских странах «... существует ряд объективных исторических условий, необходимых для образования единой арабской нации»³⁸. Думается, что в настоящее время еще очень трудно сказать, какая из названных точек зрения ближе к истине. Обе они имеют определенные про и contra, соотношение которых в различных частях арабского мира, по-видимому, различно, и только будущее может показать, какими путями пойдут арабские народы в своем национальном развитии. Но несомненно одно: при тех разнообразных условиях, которые имеют место в различных арабских странах, «... ошибочно было бы связывать успех национально-демократической революции даже на первом ее этапе с вопросом об арабском единстве»³⁹. Поэтому независимо от того, складывается ли в Саудовской Аравии особая саудийская нация или же компонент будущей общеарабской нации, главным сегодня является дальнейшая активизация антиимпериалистического движения, призванного снести преграды, поставленные американским колониализмом на пути национального развития этой крупнейшей арабской страны Азии.

SUMMARY

The process of disintegration of tribal ethnic formations and of national genesis, which arose in Arabia long before the beginning of our era, was drawn over many centuries and has not been fully completed even in the modern period. The original cause for this is to be found in the social conditions and natural environment of Arabia, which offers wide opportunities for nomadic cattle raising and, consequently, for prolonged survival of the remnants of the patriarchal system and tribal organization. In the modern period, however, another major factor was added — British aggression in Arabia, which brought in its wake the break-up of this territory, on which the process of national genesis was nearing completion, and the artificial retardation of this process. Beginning with the 1930's, a bourgeois nation began to take shape in Saudi Arabia along with the emergence of capitalist social classes. The crystallization of this nation takes place under complicated, dialectically opposite conditions: while impeded by the economic dependence of Saudi Arabia on USA monopoly capital, it is at the same time stimulated by the national-liberation, anti-imperialist movement spreading in the country.

³⁸ В. Б. Луцкий, Проблема арабского единства. «Сов. этнография», 1957, № 1 стр. 116.

³⁹ Ф. Нассар, О национально-освободительном движении на Арабском Востоке. «Современный Восток», 1961, № 2, стр. 11.

И. А. СВАНИДЗЕ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У НАРОДА БАРОТСЕ

Баротсе, или лози, живущие в провинции Баротселенд (Северная Родезия) — один из самых крупных и развитых народов Британской Центральной Африки.

До колонизации баротсе создали сильное феодальное государство, территория которого — около 390 тыс. км² — охватывала основную часть современной Северо-западной Родезии, часть Южной Родезии, Конго и Анголы. Оно включало до 25 покоренных и частично ассимилированных баротсе племен и народностей банту, говоривших на языках лози, нкойя, тонга и других. Современный Баротселенд — фактически автономное феодальное княжество в составе Северной Родезии, площадью 148,6 тыс. км², с населением 352 тыс. чел., из которых собственно баротсе составляют 55 тысяч¹. Делами коренного населения здесь ведают так называемое «Африканское правительство Баротсе», возглавляемое князем и контролируемое английским «резидентом». Князь Баротселенда, которому подчинены феодалы-чиновники, пользуется значительно большей самостоятельностью, чем любой из африканских вождей племен в обеих Родезиях или Ньясаленде². Баротсе поставлены колонизаторами в привилегированное положение по сравнению с другими африканскими народами в этих странах. Правящая иерархия Баротселенда является оплотом реакции и активно поддерживает колониальный режим.

Баротселенд — аграрная страна, где почти нет промышленности, современного земледелия. Европейское население здесь ничтожно. Единственным городом провинции можно считать административный центр — Монгу. Отсутствие современных путей сообщения приводит к изоляции страны от внешних рынков, тормозит развитие товарного производства. Сельское хозяйство коренного населения, достигшее высокого уровня в XIX в., сейчас находится в состоянии застоя, на фоне которого хозяйство феодалов медленно эволюционирует по капиталистическому пути. Колониальный режим и засилье феодальных отношений душат экономический и социальный прогресс Баротселенда.

В изучении баротсе основная заслуга принадлежит видному английскому африканисту М. Глукману.

Его работы содержат богатый фактический материал и ценные обобщения, проникнуты симпатией и уважением к описываемым народам. Однако в них не вскрыты основные причины отсталости Баротселенда — колониальный режим и засилье феодализма, и даже не поставлена

¹ W. Brelsford, *The Tribes of Northern Rhodesia*, Lusaka, 1958, стр. 124—125; V. Turner, *The Lozi, Peoples of North-Western Rhodesia*, London, 1952, стр. 9; «Africa Digest», London, 1961, февраль, стр. 130; P. Deane, *Colonial Social Accounting*, Cambridge, 1953, стр. 235—236.

² W. M. Hailey, *An African Survey*, London, 1957, стр. 488—491, 706—708.

задача определить господствующие в стране социально-экономические отношения. Несмотря на это, труды М. Глукмана³ являются важным и надежным источником и, вместе с позднейшей информацией, позволяют обрисовать основные процессы в современном хозяйстве и обществе баротсе.

* * *

Баротсе населяют аллювиальную равнину в среднем течении Замбези длиной около 200 км и шириной до 40 км и прилегающие к ней районы плато, преимущественно — долины притоков Замбези и котловины озер. Ежегодно с февраля по май, в связи с осенними дождями, происходят грандиозные разливы Замбези: долина превращается в озеро, ее холмы — в острова. Вода поднимается также в притоках и котловинах. В мае — августе стоит прохладно-сухое, в сентябре-октябре — жарко-сухое время года. Растительность в низинах — тростники и сочные травы, на плато — кустарники и леса. Условия местности, в целом, благоприятны для сельского хозяйства: аллювиальные почвы отличаются высоким плодородием; отсутствует муха це-це — этот бич африканского скотоводства⁴.

Район своего нынешнего обитания баротсе населяют по крайней мере с начала XVII в. Их хозяйство и общество приобрели современный облик на протяжении трех последующих столетий. Формирование классового общества и государства у баротсе сопровождалось расширением территории и подчинением соседних, более отсталых народов.

В XVII—XVIII вв. баротсе (в то время они называли себя луйяна, покорили, а частично ассимилировали и вытеснили близкие им племена кванди, квангва, мвеньи, мбове, затем — ндундулу, маши, шаньжо, нкойя, тотела. В конце XVIII в. с луйяна слился переселившийся с юга народ бахуруте, от которого, видимо, и происходит их современное название. В 1836 г. сами баротсе были завоеваны кочевниками-скотоводами макололо — ветвью басуто. За 40 лет господства завоевателей их язык почти вытеснил прежний — силуйи. Продолжая экспансию баротсе, макололо покорили племена тока и субийя, начали нападать на ила. В 1873 г. феодал-баротсе Синопа сверг владычество макололо и восстановил независимость страны. В 1870-х — 1890-х годах баротсе, ведя на юге оборонительные войны против матабеле, одновременно распространили свою власть на лунда, лубале, каонда, ила и обложили данью часть тонга. При последнем независимом князе — Леванике (1878—1916) государство баротсе достигло наибольшего расширения⁵.

Еще до прихода англичан баротсе потеряли часть владений на западе и на юге, которые захватили португальские и германские колонизаторы. С 1880-х годов в долине обосновались европейские купцы и миссионеры. В 1889 г. англичане, которых интересовали, в частности, богатства недр Северо-западной Родезии, повели переговоры с Леваникой о принятии им британского «протектората» и через два года добились своей цели. Оказавшись перед неизбежной перспективой поглощения той или иной европейской державой, феодалы баротсе решили ценой «добровольного» подчинения и уступок за счет пока еще подвластного им населения выговорить для себя у колонизаторов побольше прав на будущее. Статут Баротселенда в Британской империи был опре-

³ См.: M. Gluckman, *Economy of the Central Barotse Plain*, Livingstone, 1941; его же, *The Judicial Process among the Barotse of Northern Rhodesia*, Manchester, 1955; его же, *Administrative Organisation of the Barotse Native Authorities with a Plan of Reforming them*, Livingstone, 1943.

⁴ V. Turner, *Указ. соч.*, стр. 15—16, 39; «*Journal of African Administration*», London, 1955, июль, стр. 52.

⁵ «*Seven Tribes of British Central Africa*», Ed. by E. Colson and M. Gluckman, London, 1951, стр. 1—5; W. Brelsford, *Указ. соч.*, стр. 6—8.

делен серией договоров в 1900—1909 гг. уже после того, как указом английского правительства вся Северо-западная Родезия была отдана в управление «Британской компании Южной Африки»⁶.

Земли современного Баротселенда оказались бедны ископаемыми; мало выгод сулило и развертывание здесь европейского плантационного и фермерского хозяйства, что и решило в основном участь этой территории. Она была объявлена гарантированной от земельных отчуждений. Англичане оставили здесь в неприкосновенности традиционный уклад хозяйства и общества и стали править через местных феодалов, используя последних как свою опору в Центральной Африке. Земли большинства ранее подвластных ему народов Леваника «уступил» колонизаторам в их полное распоряжение⁷.

* * *

Основа хозяйства баротсе — земледелие. Практикуемую ими систему земледелия английские специалисты именуют «Central Kalahari plains system» и оценивают ее как самую прогрессивную из 20 с лишним традиционных систем практикуемых в Северной Родезии⁸. Она приспособлена в основном к обработке безлесных пространств, характеризуется сложностью, полным и активным использованием местных ресурсов, интенсивностью. В упрощенном виде она применяется и другими народами Баротселенда⁹.

Баротсе возделывают восемь различных типов полей сообразно разным типам рельефа, почв, водных ресурсов. Все типы не встречаются одновременно ни в одной деревне, но все широко распространены, группируясь по природным зонам. Три из восьми типов полей обрабатываются с кратковременными перерывами, остальные — ежегодно: многие участки обрабатываются уже сотни лет подряд. На полях пяти типов практикуются севообороты (или элементы таковых), не заимствованные у европейцев. Издавна применяется удобрение полей навозом методом привязывания скота на участках или устройства передвижных загонов. Земледелие баротсе включает дренаж заболоченных земель и создание насыпных участков. На полях всех типов выращивается не менее чем по 5—6 культур, на некоторых же — более 15. Всего традиционное земледелие баротсе знало до 20 культур, кроме которых теперь возделываются рис, пшеница, различные овощи и фрукты. Главные продовольственные культуры — кукуруза, просо, сорго и кассава¹⁰.

На низменных глинистых участках недалеко от рек и озер баротсе разбивают поля типов «лутунда» и «ситапа», из которых первые располагаются ближе к воде, среди тростников. Те и другие орошаются разливом, удобряются наносами ила и возделываются постоянно. Вслед за наступлением разлива здесь высаживают кукурузу, сорго, батат, бобы, сахарный тростник, табак, рис. На участках первого типа в начале дождей сажают сорго. Уборка производится перед началом нового разлива. Если кукуруза начинает родиться плохо, на протяжении 1—2 лет высаживают преимущественно батат, который восстанавливает почву. Площадь участков — обычно 0,2 га, у деревенских старшин — до 1,2 га, у знати — до 8 га. Более крупные участки этих, как и других, типов

⁶ L. H. Gann, *The Birth of a Plural Society*, Manchester, 1958, стр. 44—65. 215—225.

⁷ W. M. Hailey, Указ. соч., стр. 706—708.

⁸ J. Winterbottom, *The Ecology of Man and Plants in Northern Rhodesia*, «Human Problems in British Central Africa», III, июнь, 1945, стр. 39.

⁹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 37—39; V. Turner, Указ. соч., стр. 18.

¹⁰ W. Allan, *African Land Usage*; «Human Problems in British Central Africa», III, июнь 1945; стр. 17; J. Winterbottom, Указ. соч., стр. 39—41.

обрабатываются мужчинами плугом, запряженным парой быков, более мелкие — женщинами при помощи мотыг.

Поля «лизулу» размещаются также в зоне затопления, но на холмах, остающихся над водой при разливе средней высоты, близ деревень. Этот тип полей у баротсе наиболее широко распространен. Культуры здесь — в основном те же, что и на участках предыдущих типов, и высаживаются в начале дождей. Кукуруза и просо убираются в начале разлива, не боящегося же влаги сладкое сорго — в мае. Систематическое удобрение участков навозом и домашними отбросами позволяет обрабатывать их ежегодно. По мере того, как почва подает признаки истощения, кукуруза на время заменяется сорго. Размеры участков ограничены самой природой и обычно не превышают 0,5 га.

Обработка полей типа «сишаньо» основана на дренаже. Поля располагаются на торфяниках в нижних частях склонов долин и котловин, где много выходов грунтовых вод. Избыточная влага спускается в водоемы при помощи систем главных и боковых дренажей, расположенных в форме «скелета сельди»: между «ребрами» лежат поля площадью до 0,5 га. На подсохших участках трава сжигается, и зола удобряет землю. Кроме культур, характерных для предыдущих полей, здесь сажают кассаву, таро, бананы, ямс, овощи, фрукты. Основная часть культур высаживается после разлива и убирается к началу следующего. После 4—5 лет обработки земле дают 1—3 года отдохнуть. При истощении почвы зерновые на время заменяются корнеплодами.

Поля «мукомена» также устраиваются на склонах в зоне затопления и могут быть названы «насыпными». Участки малой площади окапываются рвами, и богатая перегноем подпочва набрасывается слоем поверх травы. Рвы служат и для отвода избыточной влаги. Основные культуры — кассава, арахис, батат. Зерновые и овощи играют роль подсаживаемых культур. Участки возделываются 1—3 года и столько же отдыхают, причем поля и рвы меняются местами.

Поля «литонго» устраивают близ деревень, в верхних частях склонов, питаемых подземными водами, но имеющими естественный сток. В зависимости от количества получаемой влаги различаются «влажный» и «сухой» типы этих полей. Площадь тех и других не превышает 0,2 га. На «сухих» участках выращивают до 10 культур, включая арахис, ямс, местный картофель, манго, цитрусовые и ананасы; на «влажных», кроме того, рис, бананы, съедобный бамбук, лекарственные травы, морковь, шпинат. Участки регулярно удобряются навозом и домашними отбросами и обрабатывают постоянно. «Влажные» участки иногда засаживают одним табаком.

Лесные участки — «литема» — устраивают на плато. Только имея в виду этот тип полей, можно говорить об элементах переложного земледелия у баротсе. Характерно, однако, что у «лесных» народов Северной Родезии участки этого типа, являющегося там основным, обрабатывались при традиционной системе 5 лет и отдыхали 20—30 лет, а у баротсе после стольких же лет обработки они отдыхали 7 лет. Объяснение этому факту дает система севооборота. В первый год после сжигания леса баротсе сажают кассаву и просо и как дополнительные культуры — арахис, ямс, тыкву и горох. На второй год сажают еще кассаву и немного дополнительных культур. На третий — кассава первого года убирается и сажается новая. Затем 2 года сажают преимущественно просо, после чего участку дают зарости¹¹.

Скотоводство играет в хозяйстве баротсе важную роль, хотя и меньшую, чем, например, у зулу, матабеле, бечуана. Но, в отличие от большинства народов Африки баротсе регулярно потребляют в пищу не только молоко, но и мясо скота.

¹¹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 57—66, 124, 130—131, табл. 4.

Во время разливов скот из низин отгоняется к опушке лесов. Со спадом воды основная часть стад, включая скот жителей плато, перегоняется обратно в низины, где пастбища наиболее тучны: в это время коровы набирают в весе, приносят приплод и дают больше молока¹². поголовье крупного рогатого скота в Баротселенде накануне 2-й мировой войны составляло 138,5 тыс.¹³ и с тех пор существенно не возросло. Росту его мешают частые вспышки эпизоотий. Их быстрому распространению содействует практика найма рабочего скота у соседей и объединение стад для выпаса в связи с недостатком рабочей силы в животноводстве. Большинство семей баротсе держат 1—5 коров, многие вовсе не имеют скота. Коз и овец держат по преимуществу переселенцы из соседних областей¹⁴.

Важное место у баротсе занимает рыболовство: здесь известно множество способов рыбной ловли. Некоторые способы требуют участия большого числа ловцов. Во время отступления разлива рыбу задерживают земляными и тростниковыми запрудами, при низкой воде в прудах и озерах устраивают облавы с копьями и корзинами, в реках лов производится с лодок сетями. Рыбаки-профессионалы пользуются современными снастями¹⁵.

Характерная черта хозяйственной жизни баротсе — ежегодные переселения больших масс людей из зоны затопления во временные дома на плато и склонах и обратно. До колонизации в этих переселениях участвовала основная часть народа во главе с князем. В марте князь вместе с двором совершал церемониальный переезд на своей барже по особому каналу из основной столицы во временную, а в июле возвращался назад. В 1940 г., по данным М. Глукмана, больше половины баротсе имело два дома — постоянный и временный, и участки на различных уровнях. Однако, по сравнению с доколониационным периодом, срок пребывания участвующих в переселениях крестьян в верхних зонах удлинился, а роль «верхних» полей относительно возросла. Дом и землю только в низинах имели лишь немногие, зато многие уже окончательно обосновались на плато и не имели «нижних» полей. Эти перемны связаны с ростом населения в низинах¹⁶.

В целом, сельское хозяйство баротсе — развитое, многоотраслевое. Земледелие, скотоводство и рыболовство, в сочетании с охотой и сбором диких плодов и меда, дают продукты, удачно дополняющие друг друга в различные периоды. Так, во время разлива недостаток молока, мяса и рыбы возмещается продуктами земледелия, а в сухой сезон недостаток последних компенсируют молоко и рыба. Питание баротсе разнообразнее и лучше, чем у большинства других народов Африки¹⁷.

* * *

Описанные черты сельского хозяйства баротсе общи как для конца XIX, так и для середины XX в. Здесь мы не встречаем, с одной стороны, такой деградации традиционной системы земледелия, с другой — такой эволюции сельского хозяйства по пути развития современных форм, как в стране тонга или-машона. Несмотря на новые явления — распространение денег, отходничества, внедрение плуга — сельское хозяйство ба-

¹² Там же, стр. 17—21, 53—64; V. Turner, Указ. соч., стр. 17—20; W. Allan, Указ. соч., стр. 13—20.

¹³ «Government of Northern Rhodesia, Veterinary Department, Annual Report for the Year 1938», Lusaka, 1938, стр. 28.

¹⁴ «Annual Report on Northern Rhodesia», London, 1956, стр. 24—25.

¹⁵ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 18—19, 53—66.

¹⁶ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 20, 37—39, 44—45, 48—66; V. Turner, Указ. соч., стр. 20.

¹⁷ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 17—19, табл. 4.

ротсе остается, в основном, таким же, как и полвека назад. Если главная причина слабости процессов деградации — в том, что баротсе не подвергались земельному ограблению и не испытывают земельного голода, то экономический застой происходит от недостаточного развития товарного производства сельскохозяйственной продукции по не зависящим от самих хозяев причинам и засилья феодальных отношений.

В Баротселенде нет земель под европейскими фермами, плантациями, горнопромышленными предприятиями, городами. Страна не делится на «европейские районы» и африканские резерваты. Она сама — один большой резерват, где, однако, положение с землей у коренного населения несравнимо лучше, чем в прочих резерватах Центральной Африки. Плотность населения в районах, населенных баротсе, — 9 чел./км², тогда как в «железнодорожном поясе» у тонга, подвергшихся земельному ограблению, она составляет 23, а местами доходит до 60 чел./км² ¹⁸, притом в Баротселенде выше процент удобных земель, а сами баротсе, в отличие от тонга, практикуют не переложное, а оседлое интенсивное земледелие, при котором способность земли прокормить население очень высока. В Баротселенде даже в низинных частях густонаселенной долины остаются еще ресурсы хороших, неиспользуемых аллювиальных почв ¹⁹.

Элементы деградации сельского хозяйства в Баротселенде связаны не с малоземельем, а с отходничеством, порождающим постоянное отсутствие в деревне значительной части необходимой мужской рабочей силы. В 1946 г. из 80 тыс. трудоспособных мужчин Баротселенда вне провинции работало по найму 23 тыс. ²⁰. Около тысячи баротсе работает на рудниках Медного пояса Северной Родезии, основная же масса отходников занята на мясохладобойнях в Ливингстоне, на лесопильнях Мулобеси и в промышленных центрах Южной Родезии. Многие не возвращаются в деревню по два года и более. Часть крестьян находит заработки в пределах Баротселенда — при миссиях и в хозяйстве феодалов ²¹.

Отходничество искусственно вызвано колонизаторами, предприятиям которых нужна дешевая рабочая сила, посредством высоких денежных налогов. Подушный налог в Баротселенде был введен в 1905 г. В 1955 г. его ставка достигла 15 шиллингов с человека в год ²². На выплату налогов уходит значительная часть заработка отходника; почти все остальное расходуется им на собственное содержание в «европейских районах», и лишь 15% заработка попадает в семью ²³. Навыки, приобретаемые баротсе за время отсутствия в деревне, оказываются большей частью бесполезными для сельского хозяйства, как и их заработки. В итоге последствия отходничества для деревни являются чисто отрицательными.

В семьях, где отсутствуют трудоспособные мужчины, сельское хозяйство остается на попечении женщин, детей, стариков, инвалидов. Особенно пагубно это сказывается там, где нужен тяжелый физический труд. М. Глукман сообщает, что есть целые деревни, где буквально некому рыть водоотводные каналы и прочищать действующие, а засорение канав, особенно крупных, нередко выводит из строя большие прост-

¹⁸ V. Turner, Указ. соч., стр. 10; «Land Holding and Land Usage among the Plateau Tonga», London, 1948, стр. 25—26.

¹⁹ «Economy of the Central Barotse Plain», табл. 4; J. Winterbottom, Указ. соч., стр. 40—42.

²⁰ P. Deane, Указ. соч., стр. 235—236.

²¹ W. Brelsford, Указ. соч., стр. 109—119; P. Scott, Migrant Labour in S. Rhodesia, «Geographic Review», 1954, т. 44, № 1, стр. 29—48; «Human Problems in British Central Africa», III, июль 1945, стр. 50—54.

²² «Annual Report on Northern Rhodesia», London, 1956.

²³ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 117—118.

ранства земли²⁴. В связи с этим князь принял специальное постановление, согласно которому семья, по «нерадивости» которой нанесен ущерб участкам соседей, штрафуется, а в конечном счете может быть согнана с земли²⁵. Недостаток мужской рабочей силы мешает распространению плуга, а тем самым и увеличению площади участков и освоению резервов незанятой земли. Баротсе применяют плуг везде, где это возможно²⁶, однако работа на глинистых землях с плугом грубой конструкции почти непосильна для женщины или старика. В итоге нередко один мужчина, имеющий плуг и быков, обслуживает несколько деревень, по очереди нанимаясь к различным семьям. Вообще найм рабочих «по нужде» представляет собой своеобразное явление в хозяйстве баротсе и в корне отличается от найма, который практикуют феодалы. Бедные семьи, в которых не хватает рабочих рук, нанимают для обработки и прополки участков, расчистки целины и т. п. за гроши, угощение или за обязательство такой же «помощи работой» других бедняков, чаще — переселенцев из Анголы, женщин и стариков. Нанимать мужчин-баротсе они не в состоянии. Недостаток рабочей силы сказывается и в скотоводстве, где не хватает пастухов, в рыболовстве, где мужская сила незаменима при постройке плотин, и т. д.²⁷

Крестьянин-баротсе мог бы не заниматься отходничеством и имел бы больше возможностей и интереса к расширению своего хозяйства, если бы для него существовал достаточно емкий рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Однако до последнего времени этот рынок остается весьма ограниченным.

Меновая торговля сельскохозяйственными продуктами, как и ремесленными изделиями, получила в Баротселенде значительное развитие еще до колонизации. Обмен шел как среди самих баротсе, так и между баротсе и их соседями. Так, за скот и рыбу баротсе регулярно выменивали дикие плоды, мед и ямс у тотела, железные изделия — у тотела и квангва, лодки — у лунда и т. д. В настоящее время крестьяне Баротселенда часто покупают друг у друга рыбу, мясо, зерно, различные изделия. В административных центрах действуют рынки. Однако эта крестьянская торговля носит мелочной и, по существу, прежний меновой характер, хотя и идет посредством денег. Денежные доходы рядового населения ограничены, и оно не представляет собой емкого рынка. Не составляет емкого рынка и знать баротсе: феодалы обеспечены натуральными доходами от собственного хозяйства, а деньги расходуют преимущественно на покупку европейских товаров. Возможности жить продажей продуктов внутри Баротселенда для крестьянина практически нет²⁸.

Потенциальные рынки для сельскохозяйственной продукции Баротселенда лежат за его пределами. Это в первую очередь — города и промышленные районы Северной Родезии, которые снабжаются за счет европейского и африканского сельского хозяйства колонии, частично — за счет импорта. В 1938 г. из Баротселенда вывозилось 365 т зерна — кукурузы и сорго, 20 т меда и воска и некоторое количество рыбы, скота и продуктов охоты, всего — на 5 тыс. ф. ст.; в то же время денежные поступления в провинцию от заработков отходников составляли 50 тыс. ф. ст.²⁹

В наши дни из страны вывозятся, помимо убойного скота, кукуруза, сорго, рис, пшеница, кассава, сушеная рыба, молоко, фрукты и овощи, но все в очень ограниченных количествах. Удельный вес провинции в

²⁴ Там же, стр. 117—119.

²⁵ «Human Problems in British Central Africa», III, стр. 8.

²⁶ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 108, 118.

²⁷ Там же, стр. 117—119.

²⁸ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 71—73, 80—82, 100—112.

²⁹ «Report of the Commission, Appointed to Enquire into the Financial and Economic Position of N. Rhodesia», London, 1939, стр. 119.

товарном производстве зерна в Северной Родезии ничтожен, если не считать риса — новой культуры, которая и произрастает здесь почти исключительно в Баротселенде. В 1956 г. провинция вывезла 200 т риса низкого качества³⁰. В неурожайные годы Баротселенд сам остро нуждается во ввозе продовольствия: так, в 1958 г. после ненормально сильного разлива Замбези сюда было импортировано 2,3 тыс. т кукурузы и кассавы³¹.

Главный тормоз развитию товарного производства сельскохозяйственных продуктов в Баротселенде — это политика колонизаторов, которые не создают условий для безубыточной доставки имеющейся продукции к главным рынкам. «Пока не будут созданы дешевые пути сообщения, никакого рынка для продукции Баротселенда существовать не может», — писал Журнал Института Родса — Ливингстона в 1945 г.³² Постройка железнодорожной ветки от Монгу до линии Северородезийской железной дороги революционизировала бы экономику провинции и одновременно резко улучшила бы снабжение промышленных районов колонии такими дефицитными здесь товарами, как молоко, овощи, рыба. Но колонизаторы не идут на это и отнюдь не из экономических соображений. Их основная линия в отношении Баротселенда — сохранять его как резервуар рабочей силы, оставляя одновременно нетронутым местный социально-экономический уклад.

Серьезнейшим препятствием на пути прогресса Баротселенда выступает местный феодализм.

* * *

Эксплуататорское общество в Баротселенде, как и в других странах, появилось как закономерное следствие роста производительности труда, создавшего возможность присвоения прибавочного продукта. Как господствующий уклад, здесь утвердился феодализм, который приобрел свои законченные формы к концу XIX в. Рабство в государстве баротсе никогда не было доминирующей формой эксплуатации: патриархальных рабов — «слуг», набранных из покоренных народов, здесь обычно сажали на землю, предоставляя им возможность обзаводиться имуществом и семьей³³. В настоящее время английские империалисты поддерживают и консервируют феодализм у баротсе, опираются на него и приспособливают его к своим нуждам; однако в отношении Баротселенда не может идти и речи о том, чтобы элементы феодализма искусственно навязывались колонизаторами обществу, стоящему на более ранней ступени развития.

Общество баротсе имеет иерархическую структуру. Большую роль в прошлом играла система сословий; многие ее элементы сохраняют значение и сейчас. Баротсе различают аристократов княжеской крови — «линаби», некровных родственников аристократов — «ликванаби», простых общинников, и, наконец, чужеземцев, из которых раньше набирали слуг. Только аристократы могут занимать должности старших советников князя. Должности младших советников, управляющих княжескими имуществами, и деревенских старшин в принципе может занимать любой баротсе³⁴. Сословное деление далеко не совпадает с классовым. Так, старшин, младших советников и управляющих традиция причисляет к «простому народу», однако их следует отнести к господствующему классу, так как все они являются феодальными владельцами

³⁰ «Annual Report on Northern Rhodesia», 1954, стр. 31; 1955, стр. 24; 1956, стр. 24.

³¹ V. Turner, Указ. соч., стр. 21; «Central African Post», Lusaka, 9 февраля 1959, стр. 1, 5.

³² «Human Problems in British Central Africa», III, июнь, 1945, стр. 42.

³³ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 74—77; V. Turner, Указ. соч., стр. 32—33.

³⁴ V. Turner, указ. соч., стр. 32.

земли и получают феодальную ренту. То, что старшины принадлежат к привилегированному слою, подтверждается тем, что младшими советниками и управляющими назначаются неизменно люди из их среды, но не рядовые крестьяне³⁵. Здесь сказывается типичное для феодализма положение: власть над землей приносит и политическую власть.

Во главе феодальной иерархии стоит князь — «мулена ио мукулу», который избирается аристократией из членов правящей фамилии. В резиденции князя — Леалуи близ Монгу собирается государственный совет — «Кхотла». В него входят мужские представители княжеской семьи, старшие и младшие советники — «индуна», возглавляемые «нгамбе-ла» — премьер-министром, и, наконец, управляющие — «сикомбва». Совет соединяет функции двора, парламента, кабинета министров и верховного суда.

Управление страной в прошлом базировалось на так называемой «системе секторов». Население, включая покоренные народы, было распределено по «секторам» («маколо»), которые возглавлялись советниками. «Секторы» заменяли собой судебные и религиозные округа, через них осуществлялись военные и трудовые мобилизации, сбор дани. «Секторы» не совпадали ни с населенными пунктами, ни с какими-либо территориальными районами: это должно было содействовать централизации власти и парализовать центробежные тенденции знати на местах. При колониальном режиме управление перестроено по территориальному принципу: советники отправляют административные функции во вверенных им округах, не входящие в «Кхотла» старшины — в своих деревнях. Верхняя палата Совета — «Сикало» ведает делами всего Баротселенда, нижняя — «Саа-Катенго» — только столичным дистриктом Монгу.

Князю и Совету подчинены воспроизводящие их в миниатюре «дворы» в Налоло и Либонда, ведающие делами коренного населения дистриктов Сенанга и Калабо. Здесь, по традиции, правят «соправительницы» князя — «мукваэ», назначаемые из женщин княжеского рода: каждая из них может приходиться правящему «мулене» матерью, дочерью, сестрой. Другие «периферийные дворы» членов княжеского дома упрощены англичанами³⁶.

В области земельных отношений у баротсе прежде всего бросается в глаза высокое развитие индивидуальных прав на землю, характерное для классового общества. Земля высоко ценится как основное средство производства, редко забрасывается, регулярно наследуется. Наследник назначается держателем или избирается семьей: чаще это бывает сын держателя. Все пахотные земли и некоторые рыболовные угодья (пруды, плотины) отождествляются с определенными деревнями и владельцами — крестьянами и феодалами. В индивидуальном владении могут находиться и другие угодья, например заросли тростников. Пастбища находятся в общинном пользовании, но отождествляются с определенными деревнями. Рентные поземельные отношения, а также сдача пашен и рыбных ловель во временное пользование за долю продукта были широко распространены у баротсе и до колонизации.

Далее, мы встречаем у баротсе иерархию земельных держаний с типичным для феодализма разделением собственности на землю. Для Баротселенда характерно, однако, что феодалы, различаясь между собой по званию, весу в обществе, количеству деревень, земель и крестьян, которые им подвластны, в то же самое время почти все держат землю непосредственно от главы иерархии — князя³⁷. В прошлом это отни-

³⁵ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 32—34.

³⁶ M. Gluckman, Administrative Organisation of the Barotse Native Authorities with a Plan of Reforming them, т. I—II, Livingstone, 1943.

³⁷ M. Gluckman, African Land Tenure, «Human Problems in British Central Africa», III, стр. 1—12.

мало у феодала возможность концентрировать у себя больше деревень и земли, чем полагалось по его званию, а тем самым — и возможность усиливаться и прогивопоставлять себя князю. Ныне установившийся порядок землевладения лишает возможности кого бы то ни было в стране, кроме разве одного князя, в сколько-нибудь серьезных масштабах расширять свое хозяйство.

Князь считается верховным собственником всей земли в стране, вод, лесов, руд, дичи, рыбы и скота. Жители страны — это прямые или косвенные держатели земли от князя. Князь отводит землю деревням и целым округам. Любого держателя, крестьянина или феодала, он может по своему усмотрению переместить на новую землю. Держателя, не использующего или плохо использующего землю, а также совершившего преступление, князь может согнать с участка, не предоставляя земли взамен. Нуждающемуся в земле баротсе князь, по традиции, «подыскивает» участок, сажая крестьянина на землю одного из своих феодалов. В распоряжении князя находятся все неиспользуемые земли: в этот фонд возвратится любой участок, который будет заброшен. «Мулена» законодательствует по вопросам землевладения и землепользования в пределах прав, оставленных ему колонизаторами³⁸.

Из положения «мулены» как верховного земельного собственника вытекают права на ренту-налог со всей территории. До колонизации рента носила форму подагей натурой, а также барщины в собственном хозяйстве князя и на общественных работах; натуральная форма ренты преобладала. Основная тяжесть повинностей ложилась на покоренные народы, каждый из которых платил налог специфическими продуктами своего хозяйства и, кроме того, посылал ко двору слуг, музыкантов, кузнецов, врачей, деревообделочников и т. д. В качестве собственника всех зарослей тростника князь и поныне имеет право на $\frac{1}{10}$ срезанного в любом месте страны тростника, в качестве собственника дичи — право на каждый второй бивень убитого слона, на все добытые шкуры львов, питонов и т. д.³⁹ Основная масса дани в прошлом свозилась в столицу в январе, после церемонии «первых плодов» и отчисления в пользу князя продуктов нового урожая. Вот как описывает выплату дани в конце XIX в. швейцарский миссионер А. Бертран: «Определенные народы обязаны ежегодно посылать королю установленные количества лодок, строительного леса, скота, зерна, молока, дикого меда, рыбы, дичи, копий и т. д. Когда дань принесена, король отбирает то, что ему требуется. Затем дань переносится в общественные помещения, где король делает вторичный отбор. Остаток дани распределяется среди вождей нации»⁴⁰. Феодалы, кроме части дани, получаемой в столице, отчисляли в свою пользу установленные доли продуктов, которые они же собирали для князя с подвластных крестьян. Барщинный труд населения создавал иногда крупные сооружения, как, например, 40-километровый водоотводный канал начала XIX в, превратившийся потом в боковое русло Замбези, другие каналы различного назначения, искусственный холм с могилой Леваники и деревней при ней⁴¹.

С приходом колонизаторов реальные доходы феодалов баротсе скорее возросли, чем сократились. Отработочная рента была отменена князьями: частично — в 1906 г., одновременно с освобождением «слуг», и окончательно — в 1924 г., когда была упразднена 12-дневная барщина. Это было сделано по указке колонизаторов, которым было нужно

³⁸ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 1—12; «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 29—32, 120; V. Turner, *Указ. соч.*, стр. 43.

³⁹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 43, 65—66, 73—74, 92.

⁴⁰ A. Bertrand, *The Kingdom of the Barotse*, London, 1899, цит. по «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 92.

⁴¹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 25, 32—34.

максимальное высвобождение рабочей силы для отходничества. Натуральная рента была упразднена в 1905 г. с введением денежных налогов⁴². Взамен этого англичане обеспечили правящей иерархии баротсе регулярные денежные доходы за счет огромных средств, доставляемых налоговым грабежом и эксплуатацией коренного населения. В казну князя, помимо его личного жалования и доходов от собственного хозяйства, направляется 75% сумм, собираемых в виде налогов с коренного населения Баротселенда; таким образом, платя налоги колонизаторам, провинция, по существу, продолжает платить старую феодальную ренту, только в измененной форме. В казну князя поступают ренты от «Британской компании Южной Африки» («British South Africa Company») за рудные участки, от лесопромышленной компании «Zambezi Saw Mills», которая ежегодно сводит в Южном Баротселенде 50 тыс. м³ ценнейшего тикового леса, ренты за торговые точки, доходы от продажи лицензий и судебных штрафов и т. д., что в совокупности делает «мулену» самым богатым африканцем в Северной Родезии⁴³. Часть средств казны расходуется на оклады феодалов и нужды провинции, но это не меняет картины. В 1951 г. из 47 тыс. ф. ст., составивших годовой доход казны, только 17 тыс. было потрачено на сельское хозяйство и просвещение; 30 тыс. ф. ст. пошло на оклады и выплаты князю и феодалам и «административные расходы». В последние, между прочим, включаются постройка и ремонт зданий и сооружений и найм рабочих в собственном хозяйстве князя⁴⁴.

Князь — не только верховный собственник земель страны; он сам — крупнейший землевладелец. Его собственное хозяйство охватывает лучшие угодья — пашни, рыбные ловли, рудники, около 150 заповедников в разных частях страны, преимущественно в долине. Для скота князя существует привилегия «первого выпаса» на общинных пастбищах. В столице князю принадлежат мастерские и крупные склады зерна, лесоматериалов и другого имущества⁴⁵.

В обслуживании хозяйства «мулены» как до колонизации, так и теперь главную роль играет труд населения «княжеских деревень», лежащих в собственных владениях князя. Заметим, что в 1943 г. из 76 деревень округа Малундве в дистрикте Монгу «княжеские» деревни составляли 3%; 8% составляли деревни феодалов с титулами и 89% — деревни обычных старшин⁴⁶. От обычных деревень «княжеские», как правило, отличаются пестрым, менее постоянным и даже разноплеменным населением: живущие здесь семьи редко состоят в родстве друг с другом. Население этих деревень составляется из безземельных крестьян, пришедших искать у князя земли или заработков, из крестьян, перемещенных по усмотрению князя временно или постоянно, частично из наследственных держателей. В прошлом часть населения здесь составляли «слуги». По сравнению с остальным крестьянством баротсе жители «княжеских деревень» несли в пользу князя увеличенные повинности⁴⁷.

В наши дни в хозяйстве князя можно наблюдать сложное переплетение отношений феодальных и капиталистических. В «княжеских деревнях» в более или менее замаскированной форме сохранились остат-

⁴² Там же, стр. 30—31, 98—99.

⁴³ «Report of the Commission, Appointed to Enquire into the Financial and Economic Position of Northern Rhodesia», London, 1938, стр. 119; «Annual Report on Northern Rhodesia», London, 1955, стр. 28.

⁴⁴ W. M. Hailey, Указ. соч., стр. 488—491; «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 98—99.

⁴⁵ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 26—31, 35—36, 42—43, 70, 78—79, 93—94; V. Turner, Указ. соч., стр. 35—36.

⁴⁶ M. Gluckman, Administrative Organization of the Barotse Native Authorities, т. II, стр. 92.

⁴⁷ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 30—32.

ки барщины и натуральных повинностей. Так, некоторые поля князя еще в 1945 г. обрабатывали зависимые крестьяне, которые за свой труд получали только корзину зерна из урожая, как это делалось и до колонизации⁴⁸. Большинство «княжеских» крестьян получают за работу плату деньгами и натурой, но в то же время не могут уйти из деревни без разрешения князя, будучи зависимыми держателями⁴⁹. Часть выполняет определенные обязанности (например, по надзору за каналами) бесплатно за то, что пользуется землей. Часть обслуживает определенные хозяйственные объекты, пользуясь частью продуктов — опять же точно так, как и в прошлом. Например, рыболовные плотины и пруды князя нередко обслуживаются держателями, которые часть дней недели отдают улов управляющим, часть дней берут его себе. Работают у князя и в полном смысле вольнонаемные люди, например ремесленники или опытные пастухи-ила, которые пасут княжеский скот, продают молочные продукты и сдают управляющим выручку, а сами получают оклад. Пашни нередко сдаются в аренду на условиях полсвятичества нуждающимся крестьянам не из «княжеских» деревень⁵⁰.

Значительные товарные запасы «мулены» позволяли ему в прошлом играть активную роль в меновой торговле с иноземцами и позволяют в настоящем занимать важное место в вывозе товарной продукции из Баротселенда⁵¹. Значительная часть стоимости товаров, которые продаются князем, приходится на продукты охоты — слоновую кость, черепашьи щиты, шкуры и т. п., ремесленные изделия, скот и рыбу. Расширение товарного производства в хозяйстве князя тормозится общими неблагоприятными условиями, в которые поставлен в этом отношении Баротселенд.

Феодалы-баротсе, не имеющие титулов и должностей, держат, как правило, только по одной деревне. Держание одним лицом нескольких деревень связано здесь с системой, аналогичной системе бенефициев европейского средневековья.

В долине имеются деревни, приписанные к определенным титулам и должностям: как правило, они крупнее обычных, а по составу населения напоминают «княжеские». Чем выше титул, тем крупнее деревня, тем больше при ней земли. Налоло и Либонда — столицы «соправительниц» князя, насчитывающие сотни жителей, — это разросшиеся деревни того же типа. При учреждении в прошлом каждой новой должности при дворе создавался и связанный с ней бенефиций. Если не было свободной земли, ее брали у общинников, а их самих частью перемещали, частью превращали в держателей от бенефициария. Феодал держит бенефиций, поскольку он занимает соответствующую должность или носит титул. Смещение с должности влечет немедленную потерю бенефиция. Чаще всего бенефициарий держит всего две деревни, из которых одна его наследственная. Сын князя, заняв должность советника, может иметь три деревни, одна из которых связана с титулом, другая — с должностью. Женившись на девушке из княжеской семьи, держатель трех деревень может присоединить к своим владениям четвертую. Аристократы нередко имеют административную власть над населением обширных округов со многими деревнями и получают значительные оклады взамен различных доходов, которыми пользовались до колонизации; «соправительницы» князя получают: одна — 290, другая — 155 ф. ст. в год, «нгамбела» — 160 ф. ст. и т. д. Поникто из них, по традиции, не может сосредоточивать в своем непосредственном владении больше,

⁴⁸ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 12.

⁴⁹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 11, 30—31, 110—111.

⁵⁰ Там же, стр. 26, 30—31; V. Turner, *Указ. соч.*, стр. 43.

⁵¹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 11, 78—79, 90, 111.

чем несколько населенных пунктов, так как не может иметь одновременно много титулов и должностей⁵².

Особую разновидность до колонизации составляли «духовные бенефиции» — деревни, где находились центры культа. У баротсе старая религия (сейчас в значительной мере вытесненная христианством) представляла собой соединение культа предков и природы. Роль религиозных центров играли чаще всего могилы князей. Держатели «духовных бенефициев», которыми могли быть жены князя, советники и т. д., отвечали за сохранность «святынь» и принимали жертвоприношения у населения округи, которые обычно приносились в виде сельскохозяйственных продуктов. Население деревень обслуживало «святыни» и бенефициариев; держания такого рода считались весьма доходными⁵³.

Рядовой и наиболее массовый представитель феодального класса у баротсе — деревенский старшина.

Деревня, помимо семьи старшины, которая обычно бывает полигамной, включает около десяти индивидуальных семей и представляет собой типичную соседскую общину, хотя большинство жителей и бывает связано родством. Среди домохозяев можно встретить сыновей и братьев старшины: по положению они не отличаются от остальных крестьян, они не пользуются привилегиями или хозяйственной помощью старшины. Сказывается то, что род как экономическая категория утратил у баротсе всякое значение. Один из ближайших родственников старшины избирается другими родственниками его наследником, если сам старшина не назначил преемника. В том и другом случае назначение утверждается князем⁵⁴.

Старшина держит землю деревни от князя; крестьяне держат землю косвенно — от князя, а непосредственно от старшины. Чтобы стать независимым от старшины и вступить в держательские отношения с князем, крестьянин должен сам превратиться в старшину — собрать вокруг себя должное число семей, найти для себя и для них подходящую землю и добиться разрешения на ее занятие. Гораздо чаще недовольные старшиной домохозяева уходят в деревни других старшин. Перемещение держателей и отпочкование новых деревень обычно является следствием споров по поводу распределения земли. Они нередко и сопровождаются конфликтами и разбирательством в судах, что говорит об остроте земельного вопроса⁵⁵.

Старшина распределяет между домохозяевами угодья, находящиеся у баротсе в индивидуальном владении, и контролирует их использование, а также использование общинных угодий — пастбищ, лесов, вод и т. д. Он имеет полное право пустить жить в деревню по своей инициативе нового домохозяина, если для него находится земля, или не пустить домохозяина, которого желает поселить с собой кто-либо из крестьян, даже когда последний берется обеспечить пришельца землей из своего надела. Так, зять может поселиться с тестем лишь с согласия старшины. Самым близким родственникам — женам и взрослым детям — сельчане отводят землю при участии старшины или выпрашивают для них участки у него же. Домохозяина, уже имеющего и фактически использующего землю, старшина не может согнать с земли без санкции суда, однако может переместить на худший участок и тем вынудить уйти из деревни. Заброшенные и выморочные земли возвращаются в распоряжение старшины. В таком случае он обычно стремится скорее посадить на них новых крестьян: при господствующем у баротсе укладе

⁵² «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 32—34, 98—99; V. Turner, Указ. соч., стр. 34—35, 43.

⁵³ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 34—35.

⁵⁴ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 26—34.

⁵⁵ Там же, стр. 23—24, 32—34, 110

хозяйства землевладельцу важнее не количество земли в его непосредственном пользовании, а количество зависимых держателей⁵⁶.

Собственное хозяйство старшины, охватывающее лучшие земли деревни, обслуживается частично трудом его семьи, частично — трудом односельчан и посторонних лиц, работающих по найму. Как и в хозяйстве князя и других феодалов, здесь можно наблюдать переплетение феодальной и капиталистической эксплуатации. После законодательной отмены отработочной и продуктовой ренты их пережитки в хозяйстве старшин даже сильнее, чем в хозяйстве князя. Это неудивительно, так как в повседневной жизни зависимость от старшины сказывается больше, чем зависимость от князя. Вмешательство старшины в хозяйственную деятельность крестьян настолько активно, что это даже дало повод М. Глукману ошибочно определять деревенскую общину как хутор «большой семьи» (family homestead), а старшину — как его главу⁵⁷. Но тот же М. Глукман сообщает, что старшины систематически вымогают у крестьян, особенно у отходников, деньги и товары европейского производства⁵⁸. Старшины сдают за часть продукта в пользование «своим» и «чужим» крестьянам пашни и рыбные ловли. Так, в 1940 г. в одном пруду близ Монгу 600 крестьян выловили во время массовой ловли 3 тыс. рыб, пятую часть которых получила семья феодала — владельца пруда. Практикуется в хозяйстве старшин и наемный труд за деньги; средства для его оплаты дает жалование от колонизаторов и продажа сельскохозяйственных продуктов⁵⁹.

Элементы поземельной иерархии и держательских отношений у баротсе можно наблюдать даже в среде крестьянства. Домохозяин, у которого достаточно земли, может с санкции старшины выделить участок другому лицу, которое становится, таким образом, его держателем. Если земля передана ему бессрочно, держатель вправе передавать ее по наследству. Однако передать ее хотя бы на время постороннему лицу без согласия домохозяина он не может, если только не заручится при этом прямым содействием старшины. Если держатель земли умрет, не оставив наследников, или же забросит участок, последний вернется к домохозяину. На практике, однако, держателями земли от рядового крестьянина чаще всего бывают его же сыновья, одному из которых предстоит наследовать и основной участок. Домохозяин должен наделить участками в своей деревне всех совершеннолетних детей, включая дочерей, когда земли мало, дети сами стремятся искать ее вне деревни отца⁶⁰.

Но кто бы ни держал землю от рядового крестьянина, принципиальное отличие отношений между двумя крестьянами от отношений между крестьянином и феодалом состоит в том, что в первом случае отсутствуют такие моменты, как рента, господство и подчинение, общественное неравенство, а сами держательские отношения не передаются из поколения в поколение. Трудно согласиться с М. Глукманом, когда он изображает систему землевладения баротсе как однородную иерархию, где на любом уровне права и обязанности держателей разных ступеней по отношению друг к другу аналогичны⁶¹.

Особо следует остановиться на земельных правах женщин.

Экономическая ячейка общества баротсе — индивидуальная семья, состоящая из мужа, жены, несовершеннолетних детей, иногда — двух-

⁵⁶ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 1—12; «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 32—34, 110.

⁵⁷ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 26—27, 87—88.

⁵⁸ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 11.

⁵⁹ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 22—23, 32—34, 53—54, 60—61, 90, 98—99, 111.

⁶⁰ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 1—12

⁶¹ M. Gluckman, *African Land Tenure*, стр. 2—7.

трех других родственников. Муж обычно приводит жену в свою деревню. При этом женщина сохраняет основные имущественные права в деревне родителей и не приобретает по существу никаких прав, кроме временных, в деревне мужа. Муж выделяет жене участок, который она обрабатывает своим трудом, с которого кормится сама и кормит детей. Кроме того, жена помогает обрабатывать основную часть земли, остающуюся непосредственно у мужа. Продукты с участков супругов поступают, соответственно, в обособленные амбары. Муж наделяет жену и детей продуктами со своего участка, а также продуктами животноводства, рыбной ловли и охоты, но в целом распоряжается доходами хозяйства, не считая амбаров жены, по своему усмотрению. Что касается продуктов из амбаров жены, то муж может кормиться за счет их и кормить своих родственников, а с согласия жены — и продавать их. В случае развода или смерти жены, вся земля возвращается к мужу, который получает, кроме того, половину продуктов из амбаров жены и урожая на корню с ее участков; остальное получает жена или ее родственники. В случае смерти мужа жена может сохранить права в его деревне лишь с согласия наследников; сама быть наследницей она не может. При разводе муж вправе лишить ее всего имущества, хотя это и не одобряется⁶².

Таким образом, женщина у баротсе в поземельном отношении находится в полной зависимости от отца и мужа. Если не считать пережитков матриархата, сохранившихся преимущественно среди знати (землевладение женщин-феодалов), положение женщин у баротсе отличается в невыгодную сторону от большинства народов Африки. В значительной мере это связано с преобладающей ролью мужского труда в хозяйстве, которая еще более возросла при колониальном режиме.

* * *

В целом традиционная система поземельных отношений у баротсе создает немало препятствий прогрессу сельского хозяйства, причем больше всего в хозяйстве рядовых крестьян.

Большая дробность участков у баротсе — следствие отнюдь не только природных условий страны. Крестьянин оказывается вынужденным дробить землю между детьми, у которых имеются лишь ограниченные возможности получить землю на стороне и еще более ограниченные уйти из сферы сельскохозяйственного производства. Крестьянину трудно расширить свое хозяйство, взять в обработку еще имеющиеся ресурсы неиспользуемой земли, так как эти ресурсы обычно лежат вне деревни, к которой он буквально привязан множеством нитей, и, кроме того, для их освоения требуются санкции нескольких стоящих выше властей. Чтобы приобрести друг у друга, взять в аренду или объединить участки, крестьяне вынуждены добиваться разрешений у старшины и князя, каждый из которых выступает в таком случае как чиновник и как феодал. В законах страны, которые кодифицированы при колониальном режиме, есть специальные положения, направленные против купли-продажи и денежной аренды земли (хотя и то и другое в замаскированной форме практикуется феодалами). Так, если крестьянин отдал свой участок постороннему лицу или далекому родственнику безвозмездно или за вознаграждение, а избранный семьей или назначенный судом наследник заявит на этот участок претензии, сделка объявляется недействительной⁶³. Власть старшин и других феодалов над землей, их произвол, вымогательства, поборы, пережитки феодаль-

⁶² Там же, стр. 8—9; V. Turner, Указ. соч., стр. 22, 40.

⁶³ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 68.

ной ренты подрывают хозяйственную инициативу крестьян, мешают им расширять производство. Неудивительно, что и то небольшое количество продукции, которое вывозит Баротселенд, приходится почти целиком на хозяйства феодалов.

* * *

Относительный застой в сельском хозяйстве и аграрных отношениях у баротсе находит свое отражение и в общественно-политической жизни народа.

В Баротселенде нет промышленности и промышленных центров, ближайшие промышленные районы удалены на сотни километров. Немногие баротсе, которым удается стать кадровыми рабочими, покидают страну если не навсегда, то на годы. Профессионалы-ремесленники, не связанные с сельским хозяйством, составляют ничтожный процент населения. Рязовые баротсе, втянутые в отходничество, продолжают зависеть от феодалов, прежде всего в поземельном отношении, и находятся в значительной мере под их влиянием. В промышленных центрах вне Баротселенда отходники-баротсе мало участвуют в общеафриканской борьбе коренного населения против колониального режима. Зато среди них силен, племенной сепаратизм. Так, единственная ассоциация, действующая на рудниках Медного пояса Северной Родезии,— это «Сыны Баротселенда»⁶⁴.

Национальной буржуазии, кроме мелких торговцев, которых насчитывается довольно много, у баротсе почти нет, деревенская буржуазия практически отсутствует. Немногочисленная интеллигенция — учителя, священники, клерки при безграмотных феодалах-чиновниках — выходит почти исключительно из феодального класса.

Господствующие во всех областях жизни феодалы связали свою судьбу с колониальным режимом. Печать колонизаторов нередко с удовольствием отмечает то «сотрудничество», которое налажено в Баротселенде между английской и «туземной» администрацией. Самый видный политический деятель современного Баротселенда Годвин Леваника, выходец из рода «мулены», приобрел в Северной Родезии печальную славу активной поддержкой колонизаторов. Феодальный Баротселенд — самая «спокойная» для англичан провинция Северной Родезии, где не бывает аграрных волнений, политических демонстраций, кампаний гражданского неповиновения. Так, Баротселенд остался «спокоен» в 1953 г. во время массового движения протеста коренного населения Британской Центральной Африки против создания Федерации Родезии и Ньясланда, после того как английское правительство по просьбе князя специальным указом подтвердило, что сохранит провинции ее «особый статут» и в составе федерации⁶⁵.

Однако «покой» Баротселенда — лишь относительный. Здесь идет, хотя и подспудно, вызревание противоречий между трудящимися, одной стороны, и колонизаторами и феодалами — с другой. Под английским владычеством, по свидетельству М. Глукмана, имущественная и социальная пропасть между знатью и народом Баротселенда углубилась и продолжает углубляться, и хотя большинство крестьян еще рассматривает феодалов как своеобразную «защиту» от земельного грабежа и произвола европейцев, противоречия продолжают обостряться. Наиболее силен антагонизм между правящей иерархией баротсе и другими народностями Баротселенда. В годы второй мировой войны лунда и лубале добились от англичан исключения из провинции дистрик-

⁶⁴ W. Brelsford, Указ. соч., стр. 114—119.

⁶⁵ W. M. Hailey, Указ. соч., стр. 488—491.

та Баловале, чтобы не находиться под двойным гнетом. Выхода из Баротселенда дистрикта Манкойя добивается народность нкойя⁶⁶.

Судьбы Баротселенда неотделимы от судеб Северной Родезии и всей Африки, поднявшейся, чтобы разрушить последние бастионы колониализма. Отлично сознавая это и стремясь подольше продлить свое господство, правящая феодальная верхушка баротсе в конце 1960 г. в обстановке тяжелого кризиса колониализма в Британской Центральной Африке официально поставила вопрос о выходе... Баротселенда из Северной Родезии. «Мы хотим быть особым протекторатом Великобритании, подобно Бечуаналенду, Басутоленду и Свазиленду», — заявил Нгамбела Акадесва Имасику. «Всего более правящая иерархия Баротселенда боится, что власть в Северной Родезии может перейти к африканским националистам, и они свергнут ее зековое господство над соплеменниками», — писала по этому поводу родезийская газета «Нортерн Ньюс»⁶⁷.

Можно не сомневаться, что ветер перемен, начавший дуть в Африке, сметет в недалеком будущем и колониальный режим, и феодализм в Баротселенде, которые душат экономический и социальный прогресс этой страны.

SUMMARY

Before colonization the Barotse were the most advanced people in Northern Rhodesia. Their system of agriculture was characteristic for its great complexity and adaptation to the local conditions, whereas their society, and their system of land holding in particular, has typically feudal features. At present, however, the economy and the society of the Barotse are on the whole in a state of stagnation. The colonialists have actually made Barotseland — the province that includes a large part of the former Barotse nation — an autonomous feudal kingdom. The Barotse aristocracy has preserved its privileges under the colonial regime and plays the part of its active supporter. The isolation of Barotseland from the chief markets impedes the development of local agricultural production; so does mass-scale labour migration of the Barotse to the colonialist enterprises, which has a negative effect upon local economy. A serious obstacle to progress in agriculture is the system of feudal land relations. The genesis of new social classes in Barotseland proceeds but slowly. It is beyond doubt, however, that the struggle of the African people of Northern Rhodesia will before long lead to the liquidation in Barotseland of both the colonial regime and feudalism — those two main obstacles in the way of the country's progress.

⁶⁶ «Economy of the Central Barotse Plain», стр. 14—15; V. Turner, Указ. соч., стр. 38—39.

⁶⁷ «Africa Digest», London, 1961, февраль, стр. 130.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА, ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. Б. ФЕДОРОВ

НАСЕЛЕНИЕ ЮГО-ЗАПАДА СССР В I — НАЧАЛЕ II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ НАШЕЙ ЭРЫ

Систематическое изучение археологических памятников Прутско-Днестровского междуречья было начато в 1950 г. археолого-этнографической экспедицией институтов археологии и этнографии Академии наук СССР и ее Молдавского филиала. Эти исследования продолжают-ся и в настоящее время. Благодаря успешным трудам всего коллектива экспедиции, в котором сотрудничают русские, молдавские и украинские археологи и этнографы, оказалось возможным восстановить основные этапы истории материальной культуры I тысячелетия н. э. на данной территории. Юго-запад СССР, который еще недавно был белым пятном на археологической карте Советского Союза, в настоящее время стал одним из интенсивно изучаемых археологами районов нашей страны.

Археологические памятники II в. до н. э.—II в. н. э. на территории юго-запада СССР, связанные прежде всего с гетской культурой, довольно многочисленны. В настоящее время там открыто 68 селищ и 4 могильника. Эти памятники делятся на две хронологические, сменяющие одна другую группы: памятники лукашевской культуры (II—I вв. до н. э.) и памятники липицкой культуры (I—II вв. н. э.). К первой группе относятся селища Лукашевка II, Васиены, Бранешты II, возможно, Лукашевка I, Иванга, Ульма и др., могильники Лукашевский, Сипотенский и, возможно, Пуркарский и Слободзейский. Памятники этой группы, расположенные в лесостепной зоне Молдавии, хорошо датируются среднелатенскими и позднелатенскими фибулами, керамикой, клеймами на античных привозных амфорах.

Для этого периода характерны небольшие поселения с наземными и полуземляночными жилищами, открытыми очагами, принадлежавшие оседлым земледельцам и скотоводам (рис. 1). Материальная культура их была довольно примитивной, до рубежа нашей эры вся керамика изготовлялась от руки, причем среди керамических сосудов встречаются и архаические пережиточные скифо-гальштатские формы.

Господствующим обрядом погребения в рассматриваемый период было трупосожжение. Остатки трупосожжения, мелкие украшения и орудия труда помещали в лепные чернолощенные сосуды и погребали на небольшой глубине (рис. 2).

Некоторая отсталость материальной культуры населения данной территории в последние века до н. э. понятна, так как Прутско-Днестровское междуречье было расположено на границе со Скифией (Сарматией) и даже входило некоторое время в ее границы; на территории же

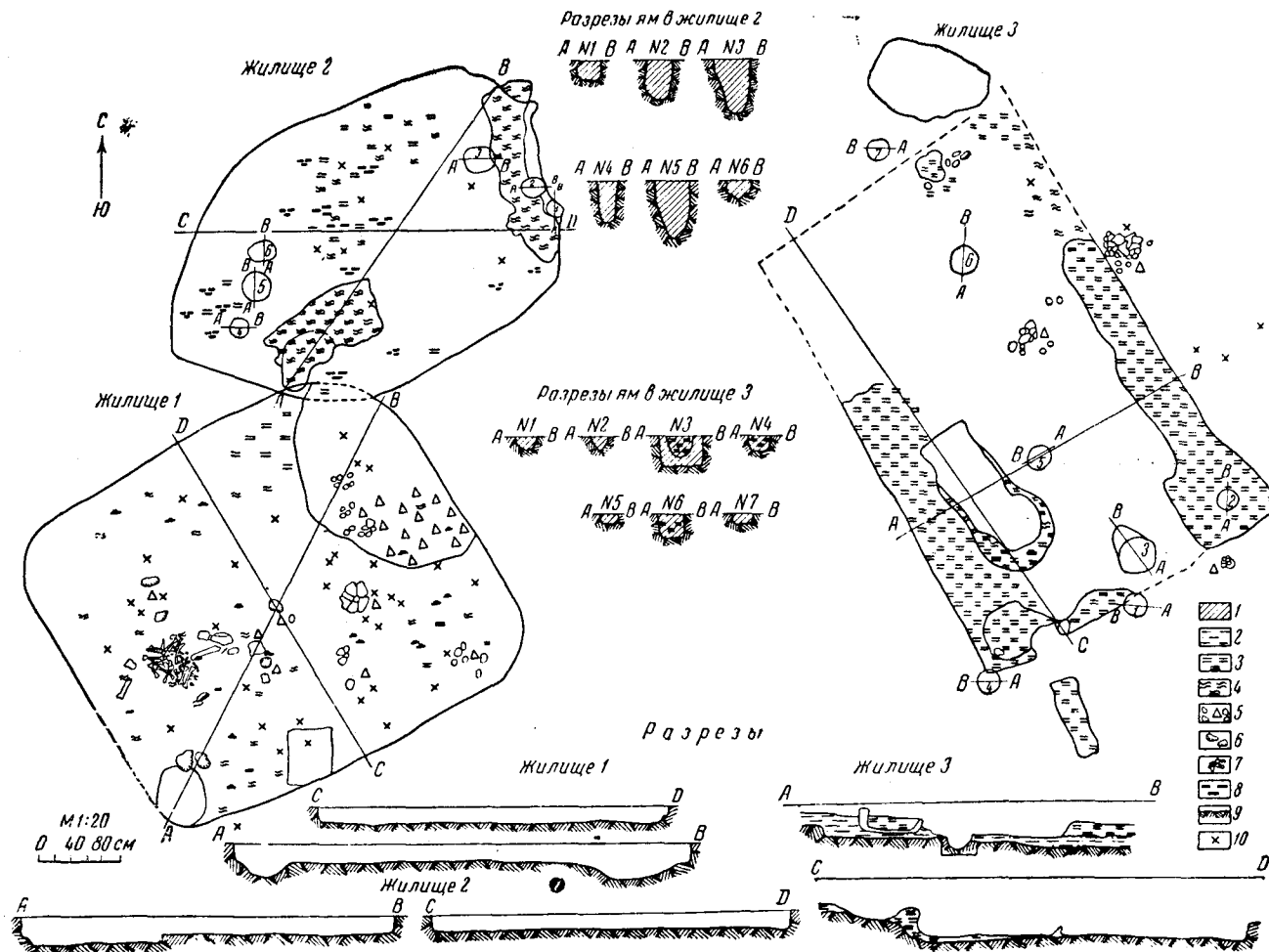

Рис. 1. Планы и разрезы жилищ на поселении Лукашевка II (II—I вв. до н. э.): 1 — чернозем; 2 — суглинок; 3 — обожженная глина; 4 — зола; 5 — скопление керамики; 6 — камни; 7 — кости; 8 — уголь; 9 — материк; 10 — индивидуальные находки

Рис. 2. Погребения с остатками
трупосожжения из Лукашевского
могильника; 1 — погребение № 9;
2 — погребение № 10; 3 — погребение
№ 11; 4 — погребение № 21

скифов-пахарей господствовала в течение всего рассматриваемого периода лепная керамика, и материальная культура длительное время сохраняла ряд архаических пережиточных форм. Недаром в материальной культуре Прутско-Днестровского междуречья II—I вв. до н. э. хорошо прослеживаются, наряду с преобладающими гетскими, и некоторые черты скифской, а позже и зарубинецкой культуры. Вместе с тем в ней заметны и некоторые элементы привносной культуры поморско-пшеворского облика (чернолощенные миски с граненым венчиком, Х-образные ручки и т. д.). Ряду Вульпе вполне правомерно связать появление в нижнем Подунавье этих элементов материальной культуры с продвижением на территории нынешних Польши и Восточной Германии союза племен во главе с бастарнами. Бастарнские элементы были незначительны и к рубежу н. э. полностью исчезли, что отражало процесс полной ассимиляции пришельцев местным оседлым земледельческим гетским населением.

С рубежа нашей эры в материальной культуре населения данной территории происходят значительные изменения. Исчезают элементы бастарнской культуры, появляются значительные элементы культуры сарматов, из Дакии проникают гончарный круг и гончарный горн, вырастают размеры поселений, увеличивается число железных изделий, украшений из цветных металлов, появляются в довольно большом количестве римские привозные изделия. На территории Прутско-Днестровского междуречья и севернее, выше по Днестру, в I и II вв. н. э. господствуют памятники, близкие к липицкой культуре. Поселения (Попенки, Бургеля VI и др.), как и в предшествующий период, расположены главным образом в лесостепной части Прутско-Днестровского междуречья и лишь как исключение встречаются в причерноморской степи. Найденные на поселениях и могильниках орудия труда и различные изделия позволяют говорить о том, что основным занятием населения было земледелие и скотоводство. При этом население селищ довольно широко использовало железные орудия труда, бронзовые украшения и бытовые предметы, было знакомо с ткачеством, камнерезным делом, гончарством. Липицкая керамика характеризуется наличием серых лащенных широкогорлых горшков, одноручных чашек-светильников, вазообразных сосудов на высоких ножках. Свыше 60% керамики в этот период сделано на гончарном круге. Но несмотря на прогресс в развитии производительных сил, и в I—II вв. н. э. материальная культура населения Прутско-Днестровского междуречья продолжала отставать в своем развитии от материальной культуры как свободной, так и особенно римской Дакии. Характерно для рассматриваемого времени и очень сильное увеличение сарматского влияния. Так, в Ленковецком могильнике (Черновицкая обл. УССР) господствовал обряд трупоположения, инвентарь состоял из липицкой керамики и сарматских вещей (зеркало, бисер и т. д.)¹. Могильник датируется II в. н. э., и уже для этого времени характерно слияние на рассматриваемой территории гетской и сарматской культур.

Характер и размеры поселений, уровень развития материальной культуры и прямые свидетельства письменных источников² позволяют утверждать, что, как и у большинства народов Северного Причерноморья, у населения Прутско-Днестровского междуречья в рассматриваемое время господствовал родовой строй.

Важнейшими задачами в области изучения материальной культуры населения рассматриваемой территории в последние века до н. э. и в первые века н. э. являются исследование взаимоотношений ее населения

¹ А. И. Мелюкова, Памятники скифского времени на среднем Днестре, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 51, М., 1953, стр. 60—67.

² Skym n, 850; I Flav, Ar., XVIII. 15.

с населением Дакии, определение роли скифской, сарматской и бастарнской культур в развитии культуры местных гетских земледельческих племен, а также изучение влияния на нее культур причерноморских городов и римских провинций.

С начала II в. н. э. римские легионы Ульпия Траяна захватили территорию царства Децебала и превратили Дакию в римскую провинцию, каковой она и оставалась до 271 г. Укрепленный пояс дакийского лимеса в течение долгого времени служил преградой для всех племен, продвигавшихся с северо-востока к Пруту и Дунаю. Разумеется, культурные и экономические связи между населением римской Дакии и населением свободных земель не прекращались, однако экономическое и культурное развитие их пошло по разным путям.

* * *

С начала II в. н. э. и до конца IV в. на территории Прутско-Днестровского междуречья господствовала черняховская культура. Всего на обширной территории от Поднепровья до Попрутья в настоящее время открыто свыше 1000 памятников черняховской культуры, из них свыше 300 в Прутско-Днестровском междуречье.

Возникновение черняховской культуры совпадает с периодом максимального могущества Римской империи, с захватом ею различных областей Северного Причерноморья, а конец существования черняховской культуры совпадает с крахом Римской империи, с общим кризисом рабовладельческой формации, с сложением новых социальных отношений в Европе на основе все более крепнущих союзов «варварских» племен. В эпоху великого переселения народов в Северном Причерноморье были созданы в III в. готский, а в IV в. гуннский племенные союзы, в которые оказалось втянутым и большинство местного населения. Не позже конца IV в. создаются и два мощных славянских племенных союза — склавинов (западных славян) и антов (восточных славян), причем готы ведут напряженную борьбу с антским племенным союзом³. Невозможно точно установить, где именно происходила война между готами и славянами, однако несомненно, что она велась в Северном Причерноморье, на территории распространения черняховской культуры. Оседлое население Северного Причерноморья находилось в исключительно благоприятных природных и экономических условиях, способствующих развитию его производительных сил. Кроме того, соседство с римской Дакией и греческими колониями Причерноморья, отражение римской агрессии, требующее сильной военной и политической организации, ускоряли процессы роста имущественного и социального неравенства, распад первобытнообщинного строя, зарождение классовых отношений. Кризис рабовладельческой формации, продвижение в Северное Причерноморье огромных масс нового населения, находящегося на стадии первобытнообщинного строя, привели к тому, что зачатки рабовладельческого уклада, имевшиеся у местного населения, были сметены и формирование классовых отношений пошло по пути феодализации общества.

Влияние Рима на «варварские» племена было многообразным. Конечно, Рим был заинтересован в эксплуатации захваченных территорий, в выкачивании рабов, хлеба и других ценностей, но было бы неправильно только этим ограничивать отношения населения Северного Причерноморья с Римской империей. Кроме вооруженных легионов захватчиков и рабовладельцев, существовали еще замечательные римские ремесленники, непревзойденные мастера различных специальностей, высокий уровень производства, великая цивилизация. Отношения

³ Иордан, 34—35, 119, 247—248.

«варварского мира» с римлянами не всегда ограничивались военными столкновениями, бывали длительные периоды мирных торговых, экономических и культурных связей.

Влияние высокоразвитой техники римских провинций и греческих городов Северного Причерноморья благотворно сказалось на повышении уровня производства у ряда местных племен, заимствовавших достижения античной техники. Так, еще до римской оккупации свободная Дакия приглашала римских ремесленников; сарматы-земледельцы в производстве керамики, украшений и т. п. многое позаимствовали у греческих городов Северного Причерноморья.

Крушение римской цивилизации и всего рабовладельческого мира, гуннское нашествие, нанесшее сильнейший удар развитию производительных сил земледельческого населения Северного Причерноморья и прервавшее связи его с античными центрами, привели к огрубению материальной культуры, к возрождению местных, еще доримских традиций в производстве, к изменениям характера производства, хотя в целом продолжался процесс его прогрессивного развития.

Несмотря на то, что в III—V вв. в античной историографии появилось много трудов компилятивных или же носящих ярко тенденциозный характер, все же в ряде работ римских и греческих историков содержатся ценные, хотя и косвенные данные о населении Прутско-Днестровского междуречья в рассматриваемое время. Большинство авторов III—IV вв. локализует агатирсов-тирагетов в Европейской Сарматии на север и восток от Дуная⁴, другие помещают их севернее и восточнее Днестра — на Днепре. Однако в последнем случае имелось место не реальное передвижение племен, а ошибочное смещение их, так как эти же авторы (Аммиан Марцеллин, Мартиан Капелла, Присциан и др.) помещают, например, остров Ахилла (Змеинный остров), находящийся против устья Дуная, напротив устья Днепра, а Стефан Византийский даже Дакию локализует где-то в низовьях Днепра⁵. Нет оснований утверждать, что гетское население было уничтожено или изгнано из пределов Прутско-Днестровского междуречья в рассматриваемое время. Еще в первые века н. э. на этой территории появляются в большом числе сарматы. По ней проходили готы и гунны, имеются и косвенные упоминания о появлении здесь в III—IV вв. и славян. Так, Л. Нидерле, анализируя Певтингеровы таблицы, пришел к выводу, что славяне-земледельцы (венедо-сарматы) в III в. находились между Дунаем и Днестром, в Бессарабии⁶. Автор IV в. Евнапий, сообщая о походах варваров на Рим (а они не могли быть предприняты в обход Днестра и Прута), упоминает и славянские имена Анагаста и Аврогаста, что указывает на участие славян в этих походах⁷.

Таким образом, в Прутско-Днестровском междуречье в рассматриваемое время жили его исконные обитатели — геты, а также, по крайней мере во II—III вв., сарматы, с III в. готы и, вероятно, славяне, в конце IV в. появились гунны. Разбиваясь о твердыни римского лимеса, разноразличные племена с различной культурой оседали здесь, смешивались с местным гетским населением и между собой и все вместе создавали новую, так называемую черняховскую культуру. Ее создатели — оседлые земледельческие племена: свободные геты, освоившие на землю сарматы, в незначительной степени славяне. Восточнее Прутско-Днестровского междуречья значительную роль в создании черня-

⁴ Marci an, II, 39 = SC, I, стр. 249; Мудрейший Никифор Велимид, в кн.: В. В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (в дальнейшем цит. SC), т. I, стр. 291; Solin, XV, 1, SC, II, стр. 276.

⁵ Steph. Byzan, s. v., *Δακία*, SC, I, стр. 258.

⁶ Л. Нидерле, Славянские древности, М., 1956, стр. 38, 54.

⁷ А. В. Мишулин, Древние славяне и судьбы Восточноримской империи, «Вестник древней истории» (в дальнейшем цит. ВДИ), 1939, № 1, стр. 301.

ховской культуры играли наряду с сарматами и славянами, местные скифские племена.

На рубеже II и III вв. н. э., когда готы пришли в Северное Причерноморье, основные элементы черняховской культуры уже сложились. Позже, в период своего наибольшего могущества, готы стали одним из главных носителей этой культуры. Характерно, что на территории Дакии памятники черняховской культуры появляются только после римской оккупации, когда были сметены укрепления римского лимеса. Если памятники черняховской культуры относительно немногочисленны на территории Дакии и представлены в большинстве могильниками, притом поздними (господство обряда трупоположения, вся или почти вся керамика сделана на гончарном круге), то на юго-западе СССР, где жили свободные геты, сарматы и другие племена, имеются сотни черняховских памятников от самых ранних — с большим процентом лепной керамики, значительным количеством трупосожжений (более половины захоронений) в могильниках и т. д. — и до самых поздних.

Датировка черняховской культуры, установленная еще свыше полувека назад В. В. Хвойко: II — конец IV вв. н. э., а для отдельных памятников и начало V в., — полностью подтверждается памятниками этой культуры, открытыми в Прутско-Днестровском междуречье⁸.

Участие в создании черняховской культуры гетов (носителей липицкой культуры), сармат и других местных племен подтверждается археологическими и антропологическими данными⁹.

В одном из ранних для рассматриваемого времени могильников, расположенном у с. Боканы и датированном II—III вв. н. э., как показали исследования антропологов М. Великановой и Т. Сурниной, половина обнаруженных черепов близка к черепам из черняховских могильников Среднего Поднепровья и из древнерусских могильников, в частности из черниговских курганов. Другие черепа из Боканского могильника близки к сарматским черепам из могильников Украины. Такой же смешанный состав краниологического материала (наличие черепов сарматского и местного облика) прослеживается и в могильниках времени расцвета черняховской культуры в Молдавии. Биригуализм — сочетание обряда трупосожжения и трупоположения — в черняховских могильниках объясняется смешением местного гетского населения (для которого был характерен обряд трупосожжения) с осевшими на землю сарматами.

В период существования черняховской культуры произошел значительный подъем уровня развития производительных сил. Этот подъем был обеспечен деятельностью местного населения, которое использовало элементы кельтской и провинциальной римской культуры, а также культуры греческих городов Северного Причерноморья.

Резко возросло по сравнению с предшествующим периодом количество поселений (их открыто около 300) и их размеры, выделились три специализированных ремесла (гончарное, железоплавильное, ювелирное), улучшилось качество сельскохозяйственных орудий (появление железных наральников, распространение круглых жерновов ручных мельниц наряду с существованием зернотерок), появились элементы товарного производства и денежных отношений (с использованием римской монеты). Впрочем, роль последних не следует преувеличивать. Можно говорить лишь об элементах товарного производства в гончарном, ювелирном и железоплавильном деле и то в пределах общины. Денежное обращение имело место, видимо, главным образом, в сношениях с римскими провинциями и греческими городами Северного При-

⁸ Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре, «Советская археология», 1958, № 3, стр. 234—235.

⁹ Г. Б. Федоров, Там же, стр. 234—246.

черноморья. Основой хозяйства продолжало оставаться земледелие и скотоводство. В рассматриваемый период появились на данной территории гончарные горны (Слободзея, Душка, Лука Врублевская, Будешты, Калиновка и т. д.), во много раз возросло количество и ассортимент изделий из железа, цветных металлов, кости, глины и т. д., возле жилищ (прямоугольные наземные и полуземлянки) находят большое количество зерновых и других хозяйственных ям для хранения припасов, что указывает на создание значительных запасов, возможных при продуктивном земледелии.

Изучение инвентаря могильников и культурного слоя селищ дает возможность судить о росте имущественного, а следовательно и социального неравенства, выделении социальной верхушки, военных и политических вождей и правителей, что подтверждается свидетельствами письменных источников. Археологические данные и письменные источники позволяют говорить о распаде родовой общины и превращении ее в общину соседскую или сельскую, о наличии военной демократии и племенных и межплеменных союзов во главе с народным собранием и с вождями, власть которых становилась все более сильной и длительной. О совместных действиях таких племенных и межплеменных союзов неоднократно сообщают письменные источники¹⁰.

Это было время, когда, выражаясь словами Энгельса, «продолжительные походы перемешивали между собой не только племена и роды, но и целые народности»¹¹. Использование огромных земляных оборонительных сооружений, возведенных еще римлянами, и переоборудование их для защиты местного населения Прутско-Днестровского междуречья возможно было только при мобилизации огромных людских ресурсов, при участии многих тысяч работников, что является еще одним свидетельством существования больших племенных и межплеменных союзов, связанных общими интересами и в хозяйстве, и в обороне.

Памятники черняховской культуры на юго-западе СССР открыты главным образом в лесостепной зоне; в Причерноморской степи их очень мало. Это само по себе еще раз подтверждает земледельческий по преимуществу характер хозяйства в рассматриваемое время.

Прекращение существования черняховской культуры в основном совпадает с гуннским нашествием и общим кризисом рабовладельческой формации, с упадком некоторых видов материальной культуры (например, керамического производства) на обширных пространствах Европейского материка, в том числе Центральной и Восточной Европы. Это прослеживается на всей территории Северного Причерноморья, Поднепровья, Румынии, Польши, Чехословакии и других стран¹². Причины этого лежат в крушении рабовладельческой формации, в гуннском нашествии, в появлении на широкой исторической арене новых племен и народов, не знавших античных традиций производства. Однако некоторые изменения материальной культуры, в частности керамики, исчезновение римских традиций и т. д., как будет показано ниже, вовсе не означало общего застоя или регресса в развитии основных видов производства. Наоборот, и в послечерняховский период продолжалось общее прогрессивное развитие производительных сил.

Основными задачами в области изучения черняховской культуры являются определение ее генезиса, роли различных культурных и этнических элементов в ее создании, а также исследование исторических судеб создателей и носителей этой культуры на различных территориях ее распространения.

¹⁰ Zosim., 37 = SC, I, стр. 793; Iul. Capitolin., 22 = SC, II, стр. 294; Trebel. Pollio, 6 = SC, II, стр. 301.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 391.

¹² См., например, T. Kolník, Popolnicove pohrebisko v Ockove, «Slovenská Archeológia», ročník VI, 2, Bratislava, 1958, стр. 283—284.

* * *

С VI до начала XII в. на территории Прутско-Днестровского междуречья господствовала славянская материальная культура. Славянские памятники VI — начала IX в. представлены на этой территории небольшими неукрепленными поселениями, с полужемляночными (рис. 3) и наземными жилищами, с довольно примитивной керамикой, большинство которой сделано без применения гончарного круга (рис. 4), с железоплавильными комплексами и т. д. Всего на территории Прутско-Днестровского междуречья открыто около 30 славянских поселений рассматриваемого времени (Лопатна, Бранешты I, Алчедар VI, Скок и др.). Большинство из них расположено на мелких и мельчайших притоках Днестра, в центральной и северной частях Молдавии, в лесостеп-

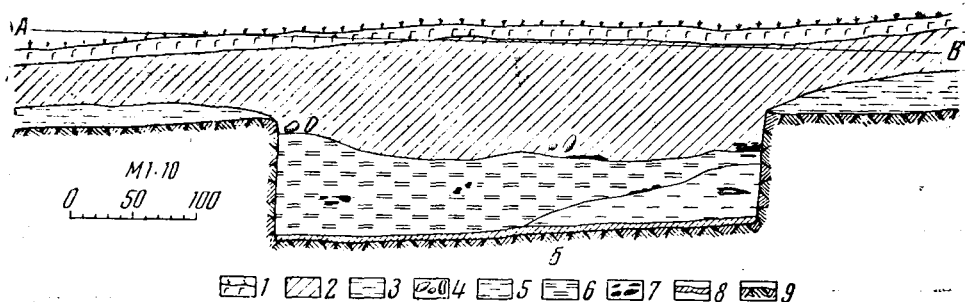
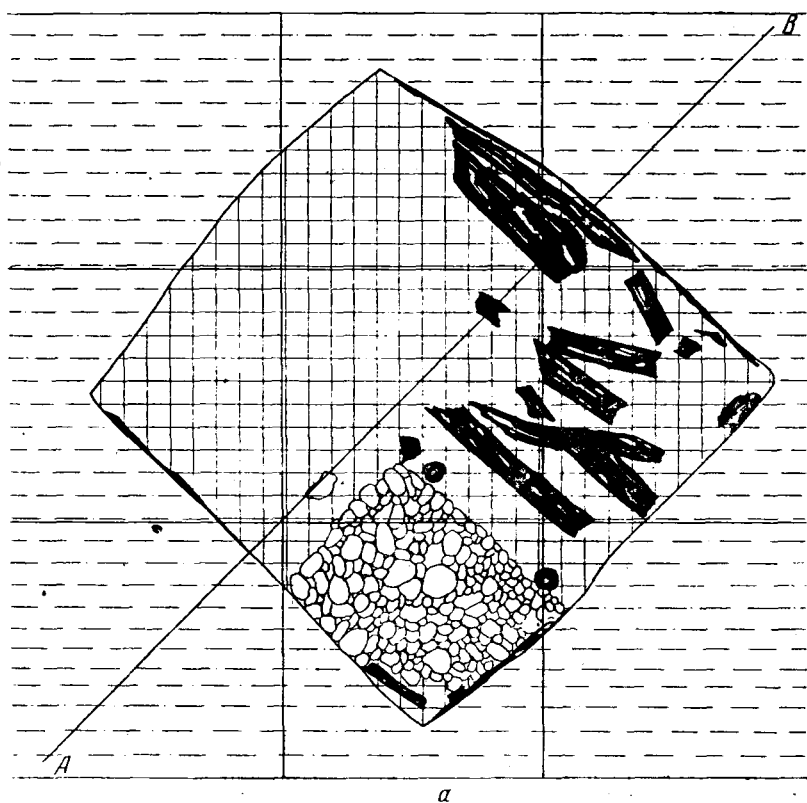

Рис. 3. Жилище 2 из славянского поселения Бранешты I (VI—IX вв. н. э.): а — план; б — разрез; 1 — дерновый слой; 2 — чернозем; 3 — суглинок; 4 — камни; 5 — глина; 6 — обожженная глина; 7 — древесный уголь; 8 — глинобитный слой

Рис. 4. Лепная керамика из славянских поселений на территории Молдавии (VI—VIII вв. н. э.)

ной зоне. Славянская материальная культура указанного времени отличается удивительным единообразием, она тесно связана с другими восточнославянскими памятниками, в частности со славянскими памятниками Поднепровья (типа Корчак, а позже Луки Райковецкой). Еще в период существования черняховской культуры интенсивно шел процесс оседания кочевников (сарматов и др.) на землю, соединения их с местным оседлым земледельческим населением, создания единообразной материальной культуры, что отражало слияние различных в этническом и культурном отношении элементов. Этот процесс особенно усилился с VI в., когда на широкую историческую арену выступили славянские племена, ставшие одной из решающих сил в Центральной и Восточной Европе в борьбе народов и племен Северного Причерноморья с Византией и кочевниками. В связи с этим славяне оказываются в центре внимания византийских политических и военных деятелей и

историков. Прокопий из Кесарии, Маврикий, Иордан, Агафий, Менандр, Иоанн Эфесский, Феофилакт Симокатта и другие с разной степенью достоверности описывают славян. Самое раннее упоминание византийских историков о славянах восходит к концу IV в. (Иордан), самое позднее — к концу VIII в. (летопись Феофана). Судя по сообщениям историков VI в. Иордана¹³ и Прокопия¹⁴, славяне в этот период были объединены в два мощных межплеменных союза — антов и склавинов, причем Днестр служил границей между этими двумя родственными славянскими объединениями.

Ряд русских ученых, однако, считает, что действительная граница между антами и склавиными проходила западнее Днестра — по Пруту, а возможно, и несколько западнее Прута¹⁵. Это полностью подтверждается археологическими данными. Поселения восточнославянского типа господствовали не только на всей территории Прутско-Днестровского междуречья, но, как доказано работами румынских археологов М. Петреску-Дымбовица, М. Комша и других, были широко распространены в этот период и на территории Румынии, особенно в западной Молдове.

После падения Римской империи во всей Европе начали возникать еще непрочные «варварские» государства. Союзы племен, служившие основой их создания, обладали более примитивной культурой, чем рабовладельческая империя, но в них имеют место более прогрессивные порядки в области производства и социальных отношений, покоившиеся на общинном владении землей и труде свободных общинников, на военной демократии, служившей переходным звеном от первобытно-общинного к феодальному обществу. Именно таким межплеменным союзом и было, судя по описанию византийских историков¹⁶, антское восточнославянское объединение. Рост социального и имущественного неравенства, усиление власти племенных и межплеменных вождей и создание вокруг них социальной верхушки приводили к постепенному созреванию у славян классовых, феодальных отношений. Вступление славян на широкую историческую арену в период полного краха рабовладельческой формации, наличие у славян общинного устройства определили и путь социального развития славянского общества, при котором зачатки рабовладельческого уклада не переросли в рабовладельческий строй, а основой формирования классового общества стали феодальные отношения.

На огромных пространствах Центральной и Восточной Европы славяне с VI в. стали решающим фактором не только в области военной, экономической и политической, но и в области культурных и этногенетических явлений. В Северном Причерноморье германские племена гепидов и лангобардов, а также тюрки — болгары, авары и др. либо были вытеснены славянами, либо ассимилированы ими. В области расселения аваров, как отмечает Ян Эйсер, «... конца аварской эпохи... дождалась только славяне и авары, тогда как остальные этнические группы слились с ними»¹⁷.

Огромная роль славянской материальной культуры во второй половине I тысячелетия н. э. на территории современной Румынии отмечена в работах М. Комша¹⁸, в Западной Молдове — М. Петреску-Дымбовица¹⁹,

¹³ Иордан, 34—35, 119.

¹⁴ Прокопий. Война с готами, III, 13; III, 14, 22 и др.

¹⁵ А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1, Пг., 1916, стр. 46; Л. С. Берг, Население Бессарабии, СПб., 1913, стр. 16.

¹⁶ Прокопий, Война с готами, III, 14, 22; Маврикий, XI, 5 и др.

¹⁷ Eiser, Devinska Nová Ves, Bratislava, 1952, стр. 358—359, 382—386.

¹⁸ M. Chișvasi-Comșa, Slavii de răsărit pe teritoriul R.P.R. și pătrunderea elementului romanic în Moldova pe baza datelor arheologice, «Studii și cercetări de istorie veche», anul IX, No. 1, București, 1958, стр. 74—88.

¹⁹ M. Petrescu-Dimbovița, Slovanske sídliska v Moldovskej oblzi Rumun-ska, «Slovenská archeológia», ročník VI—I, Bratislava, 1958, стр. 209—222.

в Трансильвании — К. Горедта и др.²⁰. Наличие на территории Румынии большого количества памятников славянского типа этого времени говорит о появлении здесь славянских племен, о том, что местное население, наряду с некоторыми другими культурными влияниями, в значительной степени восприняло славянскую культуру.

На территории же Прутско-Днестровского междуречья, находящейся в непосредственной близости от центров восточнославянского мира, славянская материальная культура в рассматриваемое время безраздельно господствует, и, кроме отдельных кочевнических курганов в Причерноморской степи, на этой территории нет иных памятников, кроме восточнославянских. Гетское население Прутско-Днестровского междуречья восприняло славянскую материальную культуру и было в значительной степени ассимилировано славянами. О тесных мирных взаимосвязях гетов и славян еще в первой половине I тысячелетия н. э. в Нижнем Подунавье, как было показано выше, свидетельствуют и письменные источники и археологические данные. Славянские элементы в это время включались в гето-дакийские и ассимилировались ими. Во второй половине I тысячелетия н. э., по крайней мере на территории Прутско-Днестровского междуречья, в связи с мощным подъемом славянской волны происходил обратный процесс: ассимиляция гетов славянами, принятие гетами славянской материальной культуры. Об этом свидетельствуют как археологические данные, так и письменные источники. Так византийские историки неоднократно путали гетов и славян²¹, или сообщали, что славяне прежде назывались гетами²² и т. д. Отметим также, что элементы гето-дакийских орнаментов вошли в славянское народное прикладное искусство²³, что одна из центральных фигур гето-дакийского фольклора — Траян — неоднократно упоминается в замечательнейшем древнерусском эпическом произведении — «Слово о полку Игореве»²⁴, и т. д.

Славянские древности VI — первой половины IX в. в Прутско-Днестровском междуречье и на сопредельной территории датируются рядом признаков. Наиболее ранние из них (VI—VII вв.) могут быть датированы благодаря лепной славянской керамике (горшки в виде перевернутого конуса с зашипами по венчику), сопровождающим эту керамику пальчатым фибулам, а также византийской монетой Юстиниана (Лопатна)²⁵. Наиболее поздние относятся к первой половине IX в.; такая датировка определяется горшками с линейно-волнистым орнаментом, найденными на поселениях под слоем с керамикой и другими изделиями X в., среднеазиатскими диргемами второй половины IX — первой половины X в. (Алчедар), а также другими типологическими и стратиграфическими данными. Поселения VI — первой половины IX в., как и черняховские, расположены на берегах небольших рек или ручьев, среди пахотных земель, вблизи от пойменных лугов и леса. На них открыты жилища полуземляночного и наземного типа, разнообразные изделия и орудия

²⁰ K. Horedt, *Ceramica slava din Transilvania*, «*Studii și cercetări...*», anul II, No. 2, București, 1951, стр. 189 и сл.

²¹ Феофилакт Симокатта, III, 4, 7.

²² Там же, VII, 2, 5.

²³ В. А. Городцов, Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Государственного исторического музея, вып. 1, М., 1926, стр. 27.

²⁴ Н. С. Державин, Траян в «Слове о полку Игореве», ВДИ, 1939, № 1, стр. 170 и сл.

²⁵ Прутско-Днестровской экспедицией во время исследования в 1960 г. раннеславянского селища у хутора Одая (возле с. Алчедар Резинского р-на МолдССР) вместе с лепной грубой славянской керамикой пражского типа без орнамента и с орнаментом в виде зашипов по венчику была найдена медная византийская монета — фоллис, достоинством 40 нуммий, чеканенная в Константинополе при Юстине II и Софии (565—578 гг. н. э.). Таким образом, это уже вторая византийская монета VI в. н. э., позволяющая датировать славянскую керамику указанного типа в Молдавии.

труда, свидетельствующие о развитии земледелия и скотоводства, а также о появлении и расцвете ряда ремесел — гончарного, ювелирного, железоплавильного, костерезного и др. На окраине ряда селищ (Лопатна, Бранешты, Алчедар и др.) открыты целые ремесленные слободы или ремесленные комплексы по выплавке железа, состоящие из многочисленных остатков металлургических горнов, железных шлаков, руды, сотен керамических сопел для мехов и т. д. Обрядом погребения в рассматриваемое время было по преимуществу трупосожжение.

На территории Прутско-Днестровского междуречья в начале рассматриваемого времени уменьшается количество поселений по сравнению с периодом существования черняховской культуры. Это объясняется внешними и внутренними причинами. Со второй половины VI в. византийская граница на нижнем Дунае была прорвана, славяне и другие племена устремились на юг и заняли Балканский полуостров. Это обстоятельство находит свое объяснение не только в политической и военной ситуации того времени, но и в социальном и хозяйственном строе, когда в условиях военной демократии, выражаясь словами Энгельса «...война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей»²⁶. Днестр стал глубоким славянским тылом, а наибольшее количество славянских поселений было сосредоточено на нижнем Дунае и к югу от него.

Следует отметить также, что поселения славян во второй половине I тысячелетия н. э. были обитаемы в течение гораздо более длительного времени, чем поселения носителей черняховской культуры. Черняховские поселения имеют обычно кульгурный слой в 40—60 см, редко больше, а славянские поселения второй половины I тысячелетия — 100—150, даже 200 см и более. Несмотря на то, что после исчезновения черняховской культуры произошел некоторый упадок в производстве керамики и других изделий, в важнейших областях хозяйства, определяющих уровень развития производительных сил, во второй половине I тысячелетия н. э. продолжалось дальнейшее прогрессивное развитие. В особенности это относится к сельскому хозяйству, что подтверждается и письменными источниками и археологическими данными. Так, Маврикий сообщает о славянах, что «...у них большое количество разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, особенно проса и пшеницы»²⁷; о «табунах коней» у славян говорит Иоанн Эфесский²⁸; о получении больших запасов продовольствия для римской армии в земле славян сообщается под 594 г. в летописи Феофана²⁹. О значении земледелия у склавинов и антов свидетельствуют и сообщения византийских авторов о том, что, врываясь в славянские земли, византийцы прежде всего уничтожали их нивы и посевы³⁰. Ярко свидетельствуют о прогрессе в земледелии и скотоводстве и археологические данные. Керамические, остеологические и другие материалы позволяют довольно подробно изучить относительно высокий уровень развития сельского хозяйства того времени. Именно в конце рассматриваемого периода впервые у населения Прутско-Днестровского междуречья появляется плужное земледелие с использованием тяжелого передкового плуга с железным лемехом, череслом и соскребами (Лопатна, Бранешты); широкое распространение получают круглые жернова ручных мельниц (Лопатна, Пояны, Скок и т. д.), до этого существовавшие с зерноотерками. Применение плужного земледелия во

²⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1947, стр. 185.

²⁷ Маврикий, XI, 5.

²⁸ Иоанн Эфесский, VI, 25.

²⁹ Феофан, Летопись под 594 годом, ВДИ, 1941, № 1, стр. 276.

³⁰ Менаандр, Летопись под 578 годом, ВДИ, 1941, № 1, стр. 247.

много раз повышало эффективность использования посевных площадей, помол на ручных мельницах был в три-четыре раза более производительным, чем при помощи зернотерок. Все это не только способствовало накоплению материальных благ, продуктов сельского хозяйства, но и создавало возможности для длительного оседлого обитания в одних и тех же поселениях; носители же черняховской культуры, не имевшие таких совершенных орудий обработки почвы, из-за быстрого истощения ее вынуждены были часто менять места своих поселений.

Тяжелые войны с аvarами подорвали антский племенной союз, однако основными причинами его распада в конце VII — начале VIII в. были внутренние причины — рост отдельных местных производственных и политических центров на базе общего роста производительных сил. Распад антского межплеменного союза на ряд племенных восточнославянских объединений привел к некоторой культурной и экономической обособленности отдельных восточнославянских племен, хотя и не уничтожил единства материальной культуры восточного славянства в целом и способствовал росту местных центров восточнославянской культуры и экономики. Такой центр или, вернее, несколько таких центров возникло и в междуречье Прута и Днестра, где древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» локализует с середины IX в. восточнославянское племя тиверцев.

В IX—X вв. на основе развития производительных сил и расцвета материальной культуры происходит образование и укрепление ряда славянских государств: Болгарского, Великоморавского, Богемского, Польского, Сербского, Хорватского и самого могущественного из них — Древнерусского. Процесс создания и укрепления феодальных славянских государств происходил одновременно с формированием на основе союзов племен различных славянских народностей, в том числе и древнерусской, в которую вошли прежде всего юго-западные восточнославянские племена. Славяне Поднепровья хотя и входили в группу восточнославянских племен, но не принимали участия в самых начальных этапах образования древнерусской народности и древнерусского государства.

Согласно «Повести временных лет», тиверцы все время находились на Днестре, а уличи перешли из Поднепровья в Поднепровье (на его левобережье) лишь в середине X в.³¹ Уличи и тиверцы занимали обширные пространства по Днестру до самого моря, поселения их доходили до Дуная, северными соседями их по Днестру были дулебы³². Борьбу за покорение славян Поднепровья и включение их территории в состав древнерусского государства начал еще киевский князь Олег в конце IX в.³³ Эта борьба завершилась в середине X в. при преемнике Олега — киевском князе Игоре³⁴.

О существовании в низовьях Днестра в X в. русского населения и о распространении на эту территорию власти киевского князя свидетельствует как будто и византийский документ конца X — начала XI в. недавно заново изученный проф. М. В. Левченко³⁵.

Уличи и тиверцы принимали участие в походах Олега и Игоря на Константинополь вначале в качестве союзников, а затем, при Игоре, уже в основном составе древнерусского войска³⁶.

Судя по летописным данным, славяне Поднепровья имели хорошо укрепленные города³⁷. Они платили киевскому князю дань «по черной

³¹ «Новгородская первая летопись», М.—Л., 1950, стр. 109.

³² «Повесть временных лет», М., 1950, стр. 14.

³³ Там же, стр. 20—21.

³⁴ «Новгородская первая летопись», стр. 109.

³⁵ М. В. Левченко, Очерки по истории русско-византийских отношений, М., 1956 (гл. VI.— К вопросу о «Записке греческого топарха», стр. 291—339).

³⁶ «Повесть временных лет», стр. 23—24 и 34.

³⁷ Там же, стр. 14; А. А. Шахматов, Повесть временных лет, Пг., 1916, стр. 373—374.

куне от дыма», что свидетельствует о существовании у них уже в X в. феодальных отношений, так как обложение данью от дома как хозяйственной единицы характерно для феодального общества.

Уличей и тиверцев упоминают и анонимный баварский географ второй половины IX в.³⁸, и византийский император X в. Константин Багрянородный³⁹.

Судя по некоторым спискам русской летописи, в частности Переяславскому летописцу, в начале XII в., когда составлялась «Повесть временных лет», города славян Поднестровья были «спы», т. е. разрушены⁴⁰.

Самое раннее упоминание о тиверцах в письменных источниках восходит к IX в., самое позднее — к началу XII в., но уже с середины X в. тиверцы, как самостоятельное племя или племенной союз, подобно ряду других восточнославянских племен, находившихся на юго-западе Руси, исчезает со страниц русских летописей⁴¹. Это отражало процесс слияния восточнославянских племен в одну древнерусскую народность.

Письменные источники позволяют думать, что славяне Поднестровья были многочисленны, обладали отвагой и хорошей воинской выучкой, имели хорошо укрепленные города. С середины X в. они вошли в состав древнерусской народности. Однако письменные источники, касающиеся славян Поднестровья, немногочисленны, сведения о них отрывочны и почти ничего не дают для изучения производства, хозяйства, жилищ и т. д.

Судя по письменным источникам, помимо славян в степной части Северного Причерноморья появляются и кочевники — мадьяры, печенеги, половцы и др., воли которых, начиная с конца IX — начала X в., все более усиливаясь, заливают всю степную зону данной территории. В 915 г. печенеги пришли на Русскую землю и продвинулись к Дунаю⁴². Вслед за печенегами к Дунаю через юго-западные степи двинулись торки (гузы), впервые упоминаемые русской летописью под 985 г.⁴³ и в 1064 г. появившиеся на нижнем Дунае⁴⁴. С середины XI в. в южнорусских степях появились половцы⁴⁵, в конце XI и в XII в. занявшие степные районы Северного Причерноморья. Наконец, в первой половине XIII в. после нашествия Батыя все степные районы оказались под властью Золотой Орды.

Исключительно ярки и выразительны славянские археологические памятники конца IX — начала XII в. на юго-западе СССР. Этот период характеризуется для территории Прутско-Днестровского междуречья расцветом древнерусской культуры, тесно связанной, с одной стороны, со славянской культурой предшествующего времени на этой территории, а с другой — с культурой центральных районов древнерусского государства. Несмотря на наличие некоторых специфических черт (особые варианты серег так называемого волинского типа, своеобразные типы керамики и др.), в целом материальная культура тиверцев носит ярко выраженный общерусский характер, свидетельствуя о культурном единстве всей древней Руси. В южной части Прутско-Днестровского междуречья наряду с преобладающими восточнославянскими встречаются и отдельные южнославянские памятники

³⁸ См. П. И. Шафарик, Славянские древности, т. II, кн. 1, М., 1848, стр. 216 и 711.

³⁹ Константин Багрянородный, Об управлении государством, гл. 14. «Изв. ГАИМК», вып. 91. М.—Л. 1934, стр. 16 и сл.

⁴⁰ А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, Пг., 1919, стр. 32.

⁴¹ Анализ письменных источников, касающихся тиверцев, см.: Г. Б. Федоров. Тиверцы, ВДИ, 1955, № 2, 352.

⁴² «Повесть временных лет», стр. 31.

⁴³ Там же, стр. 59.

⁴⁴ В. Г. Васильевский, Труды, т. I, стр. 26.

⁴⁵ «Повесть временных лет», стр. 109.

X—XI вв. — городище и селище у с. Калфа, селище у с. Устье, Ханска, Петруха, Криничное. Их появление на этой территории следует, видимо, связывать с усилением Болгарского государства, расширением его границ и его влияния. В этот период на данной территории резко возрастает количество (свыше 100) и размеры поселений, часть которых вырастает из более ранних славянских поселений, а большая часть возникает заново. Основываются и разрастаются целые группы и гнезда поселений. Каждая группа объединяла обычно несколько таких гнезд. В свою очередь каждое гнездо охватывало несколько поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Во главе каждого гнезда находился его экономический, стратегический и административный центр — поселение с хорошо укрепленным городищем-цитаделью.

В Прутско-Днестровском междуречье насчитывается четыре такие группы поселений: 1) южная, степная, в самых низовьях Днестра, состоящая всего из нескольких неукрепленных поселений; 2) группа в междуречье Днестра и крупнейшего его правого притока Реута, состоящая из нескольких гнезд, объединяющих два десятка поселений и два хорошо укрепленных городища; эта группа делится на два гнезда поселений; 3) центральная группа, связанная прежде всего с междуречьем Днестра и реки Чорны, объединяющая несколько гнезд и насчитывающая более 50 селищ и свыше 10 городищ; 4) наиболее многочисленная северная группа, смыкающаяся со славянскими поселениями Северной Буковины. В центральной группе главным было поселение у с. Алчедар, занимавшее площадь свыше 120 га. В этом поселении жило, видимо, несколько тысяч человек. На городище-цитадели находилось свыше 20 жилищ, а на одном только участке, окружающем городище неукрепленного поселения, уже открыто около 100 жилищ, и каждый год полевых работ приводит к открытию все новых. Поселение Алчедар находится на расстоянии 4 км от реки Чорны. Судя по местоположению, размерам и топонимическим данным, его можно связывать с летописным городом Чорн, или Черн, одним из трех русских городов на Днестре, упоминаемых в «Списке городов русских дальних и ближних». Хотя «Список» относится к XIV в., однако ряд городов, упомянутых в нем, существовал значительно раньше⁴⁶.

В поселениях укрепленного типа — раннефеодальных городках жили в полуземляночных и наземных жилищах знатные люди, а также ремесленники и торговцы (рис. 5). Блестящего расцвета достигли здесь различные ремесла; существовало уже товарное производство и денежные отношения. Мы имели возможность на археологических материалах проследить происхождение раннефеодальных городов. Так, на месте Алчедарского городища в VI — начале IX в. существовало небольшое поселение открытого типа с довольно примитивной материальной культурой. К концу IX в. здесь выделился ряд ремесел, произошел значительный прогресс в изготовлении сельскохозяйственных орудий труда, господствующее положение заняла керамика, сделанная на гончарном круге (рис. 10). Одновременно площадь поселения выросла в несколько раз, а в центре его возникло укрепленное кольцевым валом и рвом городище-цитадель.

Цитадели-городища и открытые поселения вокруг них составляли единую экономическую систему. На городищах жили ремесленники высококвалифицированных специальностей, были развиты обрабатывающие ремесла. Здесь обнаружены мастерские с полным набором инструментов ювелиров, оружейников, кузнецов, с полуфабрикатами и

⁴⁶ А. Н. Насонов, «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства, М., 1951, стр. 142.

Рис. 5. Раскопки на славянских поселениях X—XII вв.: а — разрез вала городища Лукашевка; б — полуземлянка на поселении Алчедар

готовыми изделиями (рис. 11). Вокруг городищ были сосредоточены в основном железоплавильное и гончарное производства. От них сохранились многочисленные остатки горнов, железный и керамический шлак и т. д. Так, в неукрепленной части Алчедарского поселения открыты ямы, заполненные сотнями килограммов железного шлака, сотни килограмм железной руды, простые ямные печи для плавки, печи для обогатительного обжига железной руды, тщательно сконструированные и выполненные домницы, множество керамических воздухоудных сопел и т. д. (рис. 12). Интересно, что возле домниц найдены антропоморфные статуэтки, в которых можно видеть славянских языческих идолов, вероятно, изображения Сварога — бога-покровителя кузнецов и плавщиков железа (рис. 13).

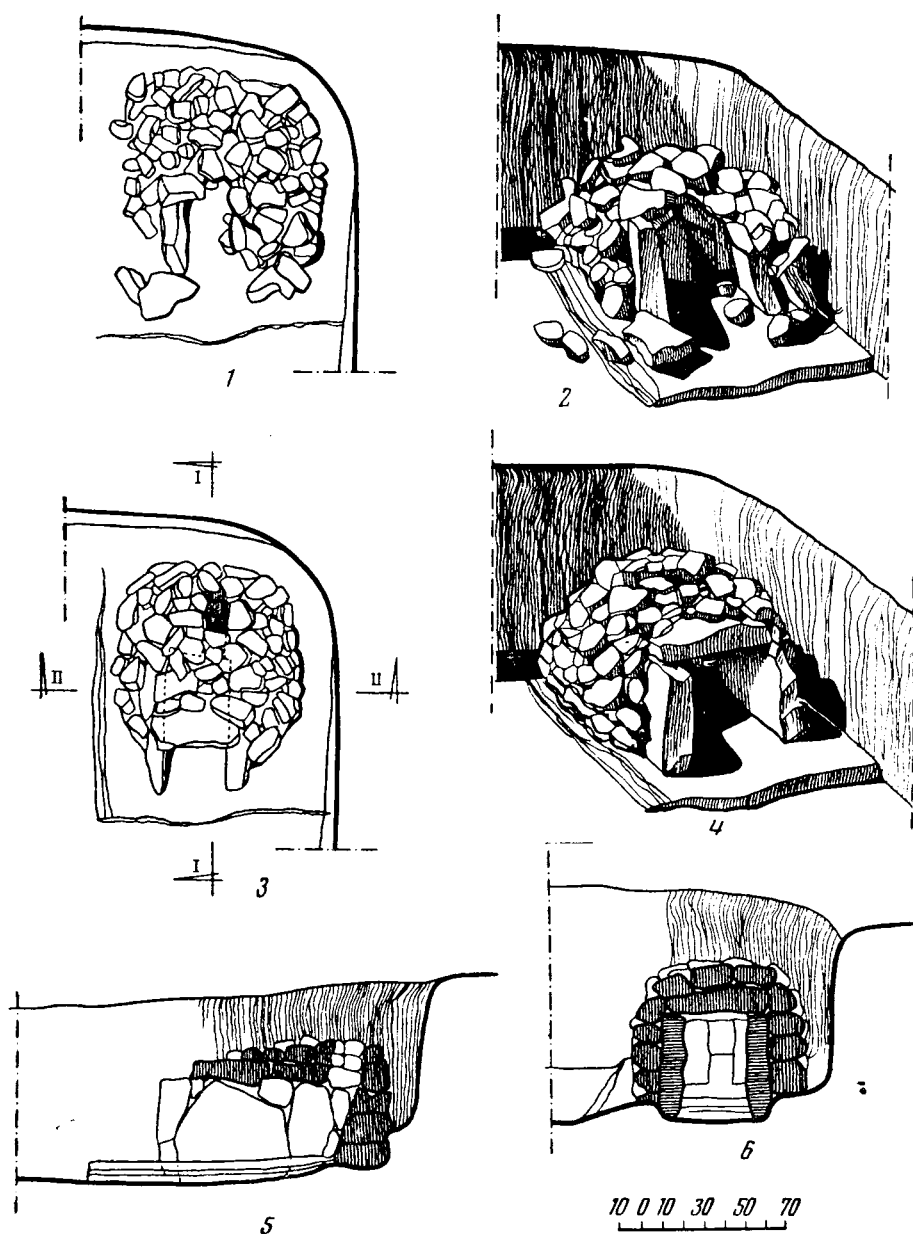
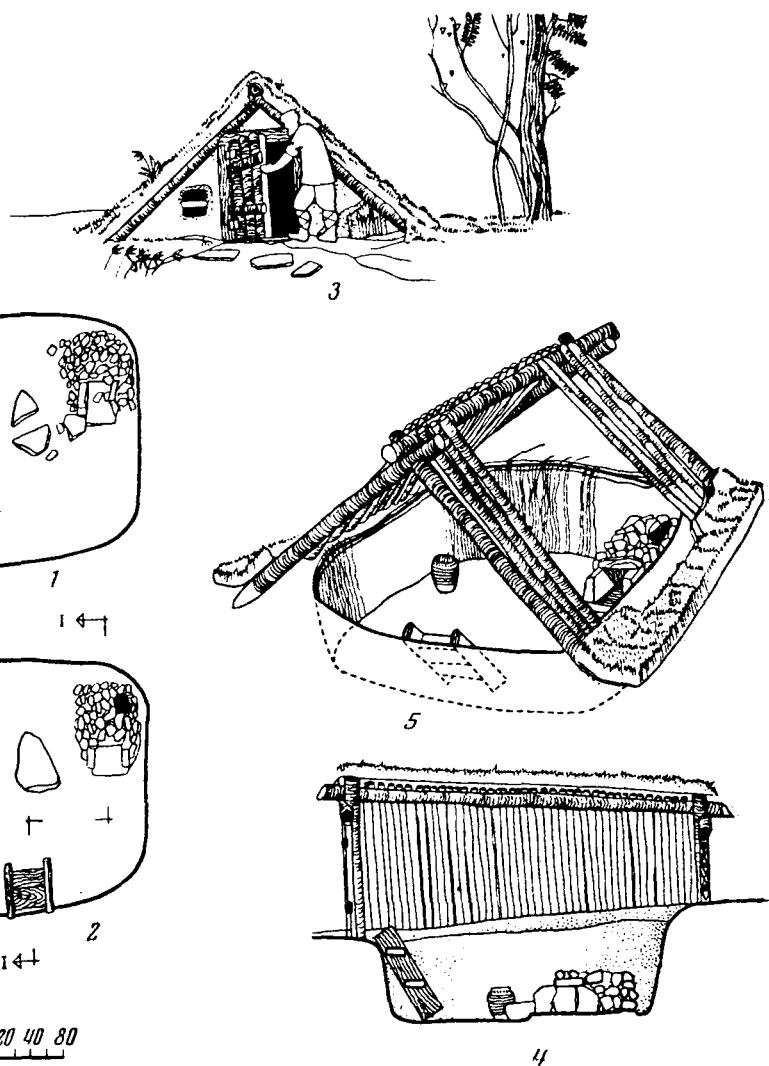

Рис. 6. Алчедарское поселение (раскоп XLVII, землянка 23). Реконструкция печи: 1 — план; 2 — рисунок; 3—6 — реконструкция печи (3 — в плане, 4 — в перспективе, 5 — разрез по линии I—I, 6 — разрез по линии II—II)

В наземных жилищах имеются обычно лишь небольшие очаги. В полуземлянках, меньших по размерам, чем наземные жилища, находились довольно массивные печи, сложенные из камня. Можно предполагать, что наземные жилища были летними, а полуземлянки — зимними; в последних было теснее, чем в летних, но зато теплее. Интересно, что ряд восточных историков и географов X в. сообщают о том, что зимой славяне живут в полуземлянках, причем описание этих жилищ, в которых славяне жили до весны, совпадают с данными, полученными во время археологических исследований. Так, арабский уче-

Разрез I-I

Рис. 7. План и реконструкция славянского жилища I типа на поселении Алчедар (раскоп XLVII, жилище 23); 1 — план жилища, 2—5 — реконструкция (2 — в плане, 3 — вид сбоку, 4 — разрез по линии I-I, 5 — общий вид)

ный ибн-Даста, писавший в тридцатых годах X в., сообщает: «Холод в их (славян.—Г. Ф.) стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погребца, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, на подобие крыши христианской церкви, и на крышу накладывает земли. В такие погребца переселяются со всем семейством и, взяв несколько дров и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне до красна. Когда же раскалятся камни до высшей степени, поливают их водой, от чего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают уже одежду. В таком жилье остаются до весны»⁴⁷. При раскопках на Алчедарском поселении дей-

⁴⁷ А. Я. Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Из «Книги драгоценных сокровищ» Абу-Али Ахмеда ибн-Омар ибн-Даста, СПб., 1870, стр. 266—267.

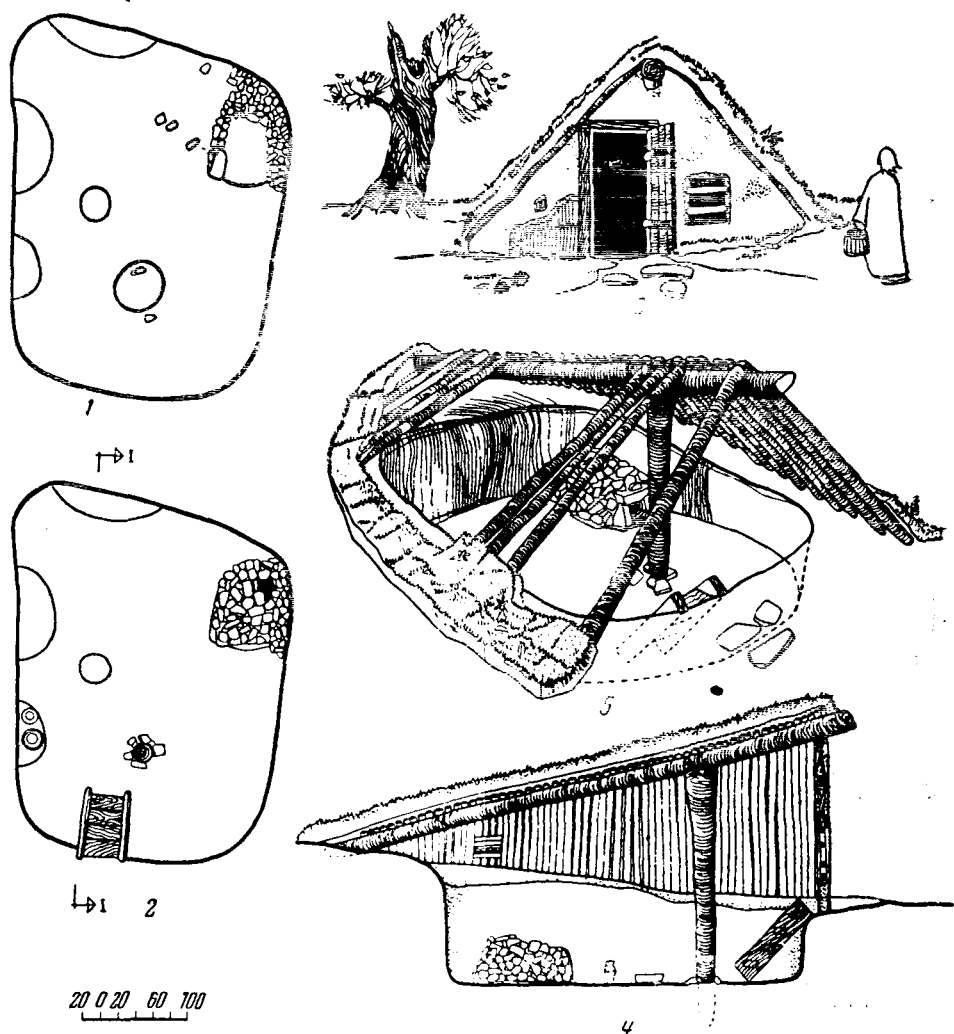
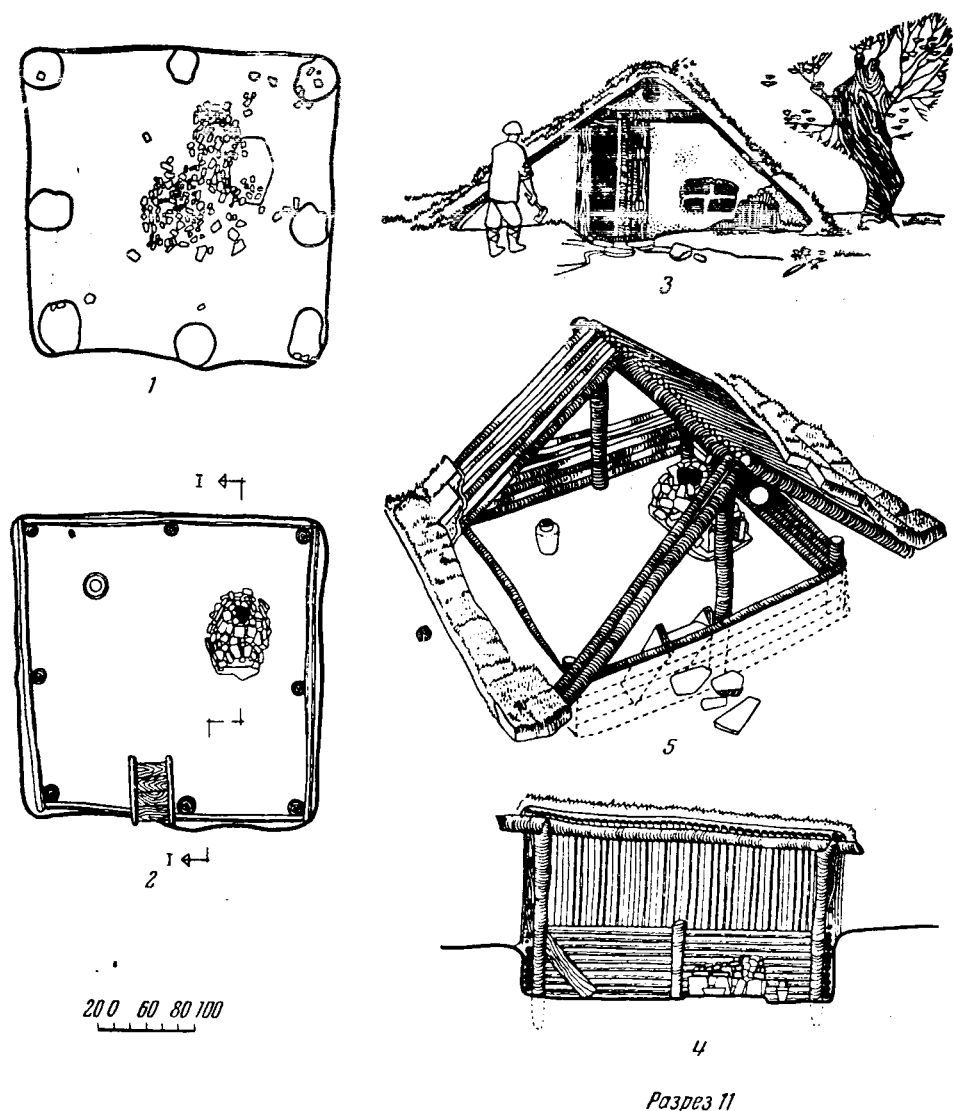

Рис. 8. План и реконструкция славянского жилища II типа на поселении Алчедар (раскоп XXXVII, жилище 16): 1 — план жилища, 2—5 — реконструкция (2 — в плане, 3 — вид сбоку, 4 — разрез по линии I—I, 5 — общий вид)

ствительно открыты небольшие прямоугольные полуземлянки с каменными печами. В верхней части их заполнения находилась и прослойка чернозема — остатки земляного покрытия рухнувшей кровли. Не совсем точно только описание печи. При раскопках открыты обычные овальные или прямоугольные печи, с широким устьем и глиняным подом (рис. 6). В описании же ибн-Даста они выглядят как парильни в бане. Предположить, что ибн-Даста описывал баню, невозможно. Ведь он ясно говорит, что эти «погреб» представляли собой жилье, в которых целая семья жила с наступления холодов и до самой весны.

На Алчедарском поселении открыто три типа полуземляночных жилищ. Первый тип имеет наиболее простую конструкцию: скаты кровли без опорного столба, удерживаются только центральной продольной жердью. Жилища этого типа — наименьшие по размерам (рис. 7). Второй тип имеет центральный опорный столб. Это делало кровлю

Разрез II

Рис. 9. План и реконструкция славянского жилища III типа (раскоп XXIII, жилище 14): 1 — план жилища; 2—5 — реконструкция (2 — в плане, 3 — вид сбоку, 4 — разрез по линии I—I, 5 — общий вид)

более прочной и позволяло поднять ее выше (рис. 8). Третий тип — наиболее сложный; жилища этого типа имеют наибольшие размеры, стенки обшты жердями или досками, которые удерживались шестью столбами, расположенными возле стен по периметру, а кровля опиралась на два столба, поставленных по центральной продольной оси жилища (рис. 9).

В X—XI вв. древнерусская культура на юго-западе достигает особенного расцвета. В это время здесь существовало свыше пятнадцати специализированных ремесел: ювелирное, оружейное, кузнечное, костерезное и др. Ремесленники создают изделия, не уступающие по качеству и разнообразию изделиям из центральных районов древнерусского государства. Таковы, например, серебряные предметы: зерновые бляшки для ожерелий со звездчатым узором, массивные шейные гривны, украшенные сканью, изящные серьги с зернью и сканью, напоми-

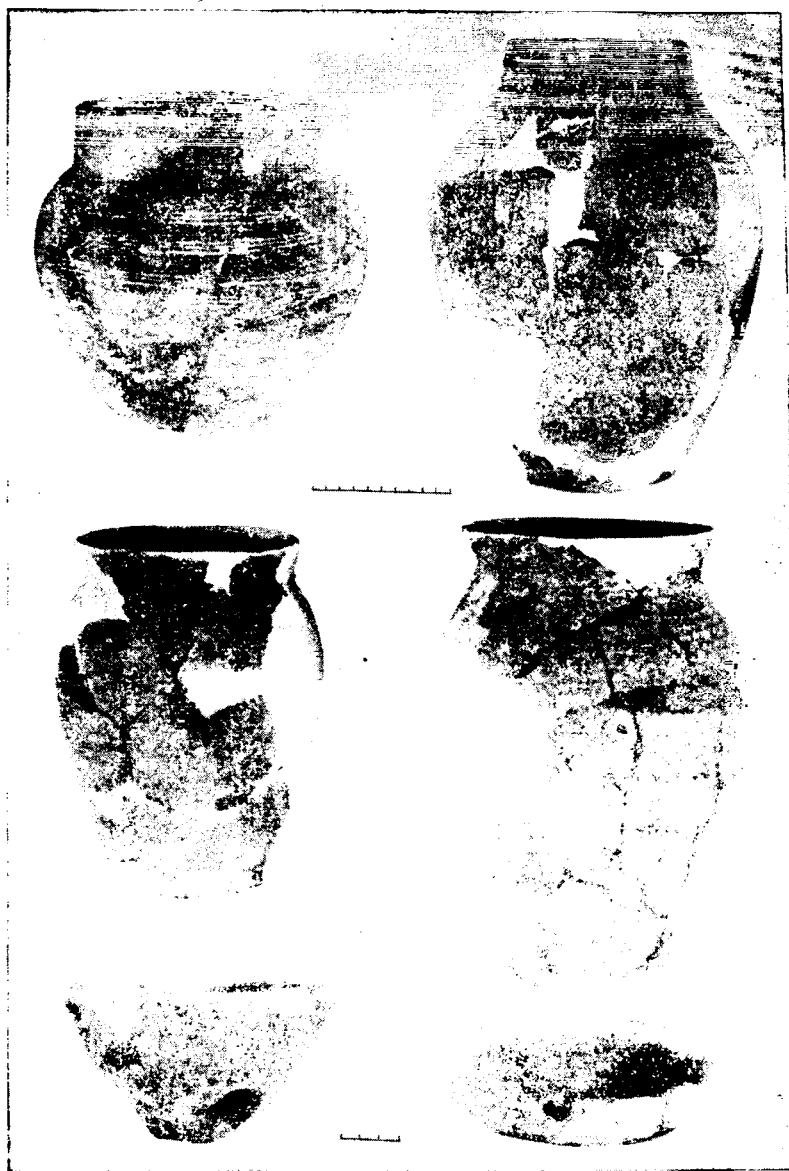

Рис. 10. Керамика из славянских поселений на территории Молдавии

нающие виноградную гроздь, чеканные позолоченные накладки ножен сабли с растительным орнаментом и т. д. В сельском хозяйстве достигается значительный прогресс изготовления орудий обработки почвы, сбора урожая и т. д. Так, весьма дифференцированными становятся орудия обработки почвы — тяжелые плуги с череслом и лемехом для вспашки больших площадей, в том числе и залежных земель, небольшие лемехи для предпосевной дополнительной обработки почвы, мотыги для огородных работ (рис. 14). На ряде памятников найдены железные серпы, которые по своей эффективности не уступают современным серпам, а также железные косы типа горбуши, которые служили для покоса травы, заготавливаемой на сено, что свидетельствует о стойловом содержании скота.

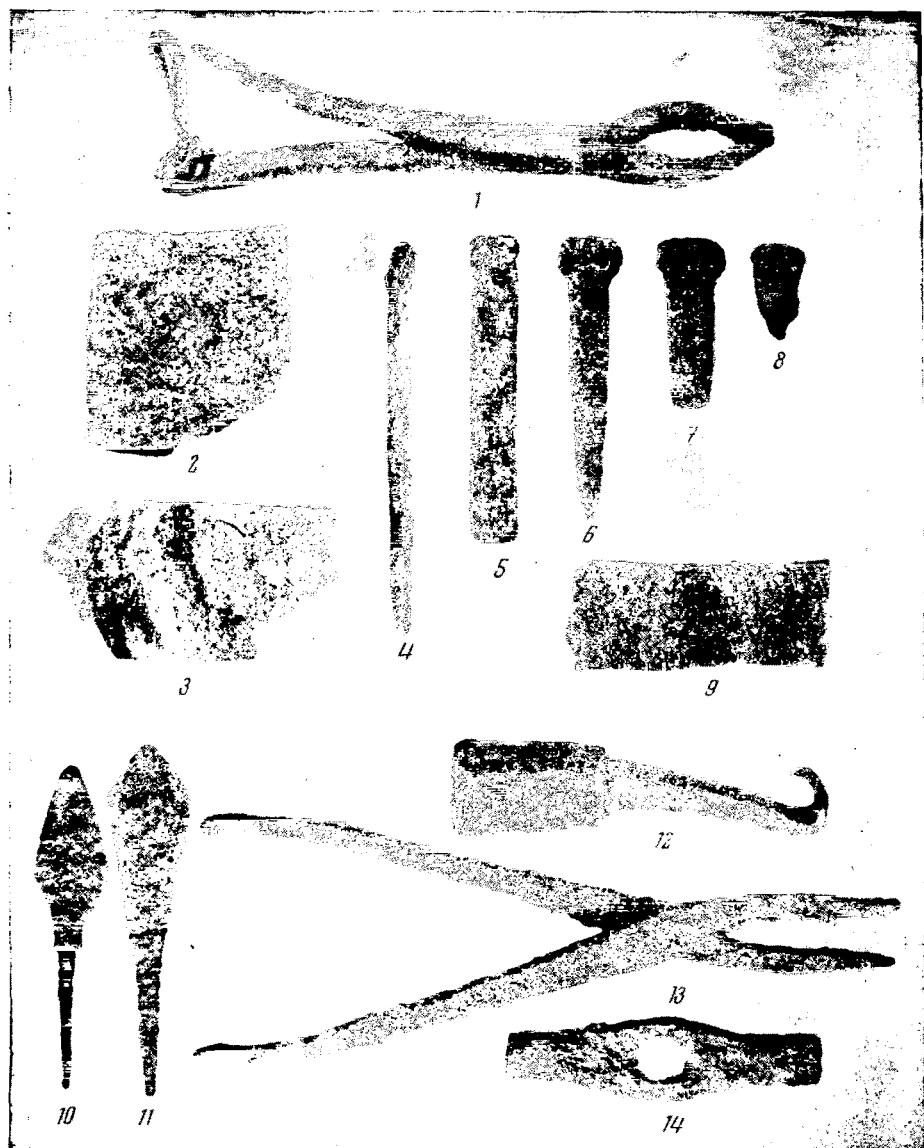

Рис. 11. Орудия труда и продукция оружейника и ювелира из поселения Алчедар: 1 — клещи; 2, 3, 9 — пластины от железного доспеха; 4 — пробойник; 5 — зубило; 6, 7, 8 — наковальни; 10, 11 — наконечники стрел; 12—14 — орудия труда ювелира (12 — наковальня, 13 — клещи, 14 — молоток)

Многочисленные находки замков, ключей, различных знаков собственности, а также привозных предметов — пряслиц из розового шифера из Овруча, кувшинов с желто-зеленой поливой из Византии, среднеазиатских серебряных диргемов и т. д. — свидетельствуют о развитии торговли и частной собственности. Наряду со среднеазиатскими диргемами появляются и собственные денежные знаки — серебряные литые ладьевидные гривенки общерусского типа.

Наличие значительной дифференциации в комплексах украшений, убранства и бытовых предметов (например, массивные серебряные серьги с чернью, зерненным, сканным и иным орнаментом и грубые медные литые копии с них) говорит о резком имущественном и со-

Рис. 12. Остатки железоплавильного производства из славянского поселения Алчедар; 1 — печь для обогатительного обжига железной руды; 2 — домница для плавки железа; 3 — керамическое воздуховодное сопло для домницы

циальном неравенстве. Об этом же свидетельствует большая разница в количестве и качестве предметов материальной культуры на городищах и на селищах.

Наряду с пережитками дохристианских верований (многочисленные амулеты из медвежьих клыков, идолы из обожженной глины и т. д.), распространение получает характерная для классового общества религия — христианство, о чем свидетельствуют находки на городищах нательных бронзовых крестов.

Находясь на юго-западной окраине древней Руси, славяне Прутско-Днестровского междуречья вынуждены были одними из первых отражать удары степных кочевников. Это обусловило широкое производство ранообразного и высококачественного оружия (сабли, копья, су-

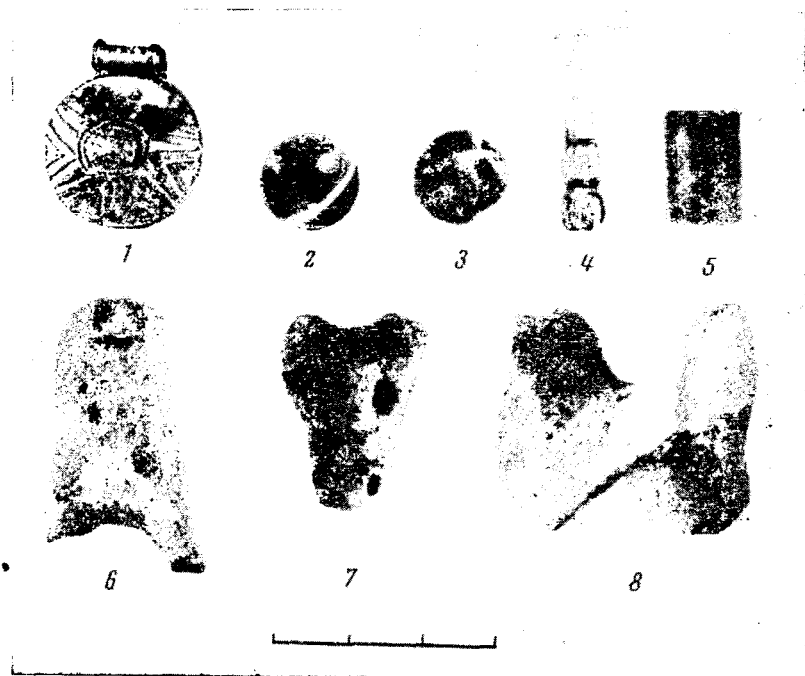

Рис. 13. Изделия из славянского поселения Алчедар: 1 — серебряная зер-
нистая бляшка; 2—5 — бусины из стеклянной пасты; 6—7 — славянские
идолы из обожженной глины; 8 — модель седла из обожженной глины

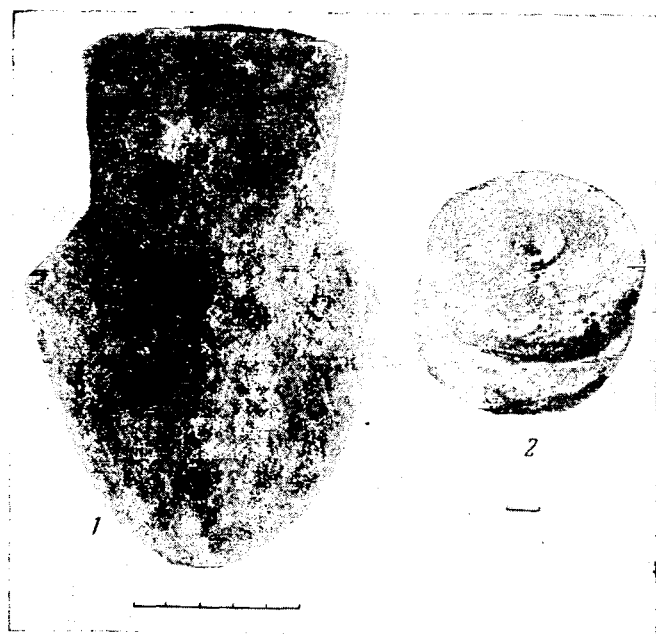

Рис. 14. Сельскохозяйственные орудия из славянских посе-
лений на территории Молдавии: 1 — железный лемех (го-
родище Екимауцы); 2 — известняковые жернова (Алчедар-
ское городище)

лицы, боевые топоры, луки и стрелы, железные, свинцовые и костяные кистени и боевые гири и т. д.), а также совершенной защитной одежды — пластинчатого доспеха, кольчуги и т. д. О местном производстве оружия и доспехов свидетельствует обнаруженная в Алчедаре мастерская оружейника (IX—X вв.) с набором инструментов и готовой продукции. На весьма высоком уровне находилось и строительство оборонительных сооружений. В этой области славяне Поднестровья кое в чем опередили своих более восточных собратьев: уже в X—XI в. они возводили городища с кольцевым валом и рвом, мощными подпорными каменными и деревянными стенами и рядами на насыпях валов и во рвах и т. д.

Если в предшествующее время для юго-западной части восточного славянства было характерно погребение с обрядом трупосожжения, то судя по погребениям у вала Екимавцкого городища и на поселении Лукашевка V, в X—XII вв. характерным становится обряд трупоположения, что связано с распространением христианства.

Тождество основных элементов славянской культуры Прутско-Днестровского междуречья и центральных областей Древнерусского государства отражало процесс включения славян Поднестровья — тиверцев в состав древнерусской народности, а территории их обитания — в состав древнерусского государства. Древнерусская материальная культура проникала и на территорию нынешней Румынии, где на ряде памятников (Хлинча I и II, Диногоция и др.) открыты многочисленные элементы древнерусской культуры, указывающие на определенную роль ее в развитии культуры местного населения и на его довольно тесные связи с древней Русью в конце I — начале II тысячелетия.

Появление элементов древнерусской культуры в нижнем Подунавье явилось закономерным продолжением традиционных культурных связей между населением нижнего Подунавья и Днестровско-Прутского междуречья, а также результатом прямого воздействия древнерусских племен во время деятельности на нижнем Дунае киевского великого князя Святослава, а позже Владимира Мономаха и галицких князей.

С начала X в. со стороны южных причерноморских степей начинается и все более усиливается напор на славянское население рассматриваемой территории со стороны кочевников — печенегов, тюрков и половцев. Первыми их жертвами падают жители южной, степной группы поселений, которая прекращает свое существование уже в первой четверти X в. Об этом ясно и недвусмысленно свидетельствуют керамика и другие изделия на селищах Раскайецы, Тудорова, Олонешты и др. До середины или конца XI в. доживает большинство поселений второй — реутской группы, хотя некоторые из них, расположенные на открытых местах (Бранешты и др.) погибают уже в первой четверти X в., другие же, укрытые в лесах (Лукашевка V и др.), продолжают существовать и значительно позже. Однако и здесь из-за нападений кочевников к началу XII в. происходит резкий упадок материальной культуры. Поселения центральной группы, связанной прежде всего с бассейном реки Черны, в большинстве своем, доживают до начала XII в., хотя некоторые поселения и даже целые гнезда их погибают раньше, еще в середине XI в.

Замечательным памятником славянской культуры на юго-западе СССР является Екимавцкое городище, население которого, достигшее выдающихся успехов в развитии различных ремесел, погибло в середине XI в. в пламени пожаров и в жестокой сече с печенегами.

Поселения северной группы, находившиеся в наибольшем отдалении от кочевников и бывшие с XII в. под защитой галицких князей, дожили до татаро-монгольского нашествия, а многие из них существовали и позже.

В результате нашествий кочевников блестящая городская материальная культура славян этой окраины Древнерусского государства к первой четверти XII в. была разрушена. Славянское население частично сохранилось в лесных массивах Кодр, частично же отошло на север под защиту галицкого князя. Славяне, жившие во многих поселениях северной части Прутско-Днестровского междуречья, оставались там и позже XII в. и были ассимилированы романизированным населением, пришедшим с запада. Славяне вошли в состав молдавского народа и внесли свой вклад в создание его культуры, языка и государственности. О вкладе славян в молдавскую материальную культуру говорит преемственность от славянской к молдавской традиции в керамике, орудиях обработки почвы, в ряде ремесленных орудий в строительстве жилых и других сооружений.

Важнейшими задачами в области славянской археологии юго-запада СССР являются установление внутренней периодизации для времени с VI по первую половину IX в., открытие могильников, исследование отношений между кочевниками и земледельцами и связей между населением данной территории и его восточными и западными соседями на протяжении второй половины I и первых веков II тысячелетия н. э.

SUMMARY

Considered in the article are the main stages in the history of the peoples who inhabited the southwestern part of the USSR in the 1st and early 2nd millenniums A. D. Over 400 relics dating from this period have been found on this territory, recently hardly covered by archeological research. Investigations of these relics make it possible to trace the main stages in the history of material culture and ethnic migrations of the population of the Prut-Dniester area over the period of nearly 1500 years. The author describes, on the basis of analysis of written and archeological sources, and drawing also on ethnographic, anthropological and toponymic data, the historical development of these peoples from the 2nd-1st centuries B. C., when the area was inhabited by Getae tribes, to the 11th and early 12th centuries, when the delta of the Dniester became a flourishing centre of Old Russian culture.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. СТЕПАНОВ

М. В. ЛОМОНОСОВ И РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

(К 250-летию со дня рождения)

«...ТЫ ЖИЛ НА СЛАВУ ИМЕНИ РОССИЙСКОГО».

А. Н. Радищев, Слово о Ломоносове.

I

Творческое наследие великого сына русского народа М. В. Ломоносова вошло в сокровищницу русской и мировой культуры. Гений Ломоносова наложил неизгладимую печать на развитие многих отраслей науки, техники, литературы и искусства.

«Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник», — писал о Ломоносове великий русский поэт А. С. Пушкин¹.

В этом перечислении ученый не назван этнографом, так как термин этнография вошел в русскую науку много лет спустя после смерти Ломоносова².

Однако обращаясь к его трудам, мы убеждаемся, что великий энциклопедист, разносторонность научных интересов которого неоднократно сравнивали с многообразием интересов Гете, Леонардо да Винчи и Ньютона, не прошел мимо вопросов этнографии.

Наряду с В. Н. Татищевым и С. П. Крашенинниковым М. В. Ломоносову принадлежит самое почетное место в истории русской этнографической науки XVIII в. Более того, если работы В. Н. Татищева имели важнейшее значение для проблем исторической этнографии, а С. П. Крашенинников дал классический труд по изучению нерусского населения Российской империи, то М. В. Ломоносов поставил в этнографической

¹ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений. т. XI, изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 32.

² Одно из ранних упоминаний термина «этнография» мы находим в журнале «Московский телеграф» в 1825 г. О Ломоносове как этнографе имеется только одна специальная статья, см. Г. И. Бомштейн, Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики, Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. 1, М., 1956. Нельзя не согласиться с С. А. Токаревым, писавшим, что «роль Ломоносова в развитии русской этнографии еще мало изучена» (С. А. Токарев, Этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии, «Сов. этнография», 1951, № 2, стр. 166).

науке самые острые, самые жгучие вопросы быта и культуры русского народа.

Начало эпохи, в которую развернулась деятельность М. В. Ломоносова, ознаменовалось преобразованиями Петра I, создавшими благоприятные условия для развития экономики и культуры России. Рост мануфактурного производства, расширение внешней и внутренней торговли, освоение новых хозяйственных районов обусловили и оживление научной мысли.

Передовые ученые того времени видели свою задачу в разработке проблем, отвечающих потребностям развития экономической и общественной жизни страны. С целью содействия росту производительных сил предпринимается всестороннее изучение обширных пространств России, ее народонаселения, природных и хозяйственных условий. Одним из методов сбора материалов для такого изучения являлась рассылка специально разработанных анкет в различные районы страны.

Первая анкета в России была разослана еще в 1724 г. по указу Петра I. Ответы на нее начали поступать после смерти Петра и обработкой их занимался выдающийся русский географ и картограф И. К. Кирилов. На основании анкетных материалов он написал работу «Цветущее состояние Всероссийского государства...» — первое систематическое статистическое и экономико-географическое описание России (опубликовано было только в 1831 г. М. П. Погодиным). В этом труде кроме данных по географии содержится значительный материал по истории и этнографии.

В 1734 г. разработал свою анкету В. Н. Татищев. Она состояла из 92 вопросов, причем значительное место в ней занимали вопросы по этнографии и истории. С начала 1735 г. стали поступать ответы на анкету. В 1737 г. В. Н. Татищевым была подготовлена и 2 декабря доложена на заседании Конференции Академии наук новая редакция анкеты, состоявшей уже из 198 вопросов и озаглавленной «Предложение о сочинении истории и географии российской».

М. В. Ломоносов выступил со своей анкетой в 1759 г. У нас нет прямых данных о том, что Ломоносов знал анкету Татищева, но такая возможность не исключена. Материалы анкеты Татищева хранились в архиве Академии наук и, следовательно, были доступны Ломоносову. Он был знаком с рукописью «Российской истории» Татищева и по просьбе автора даже написал посвящение к этому труду, за что Татищев благодарил Ломоносова через советника Академии наук Шумахера³.

Анкета Ломоносова существенно отличается от анкеты Татищева. Татищев ставил задачу анкетным путем собрать материалы для своих многочисленных, задуманных в широком плане географических трудов, в первую очередь, для «Общего географического описания всея Сибири», над которым он работал в 30-х годах. Само понятие географии Татищев определял весьма широко. Сюда входили физическая, экономическая, политическая и историческая география, а также этнография и демография. Вопросы по всем этим отраслям знания, а также и по некоторым другим (например, археология) и вошли в его анкету. Задача же Ломоносова при составлении анкеты была иной: получить путем рассылки «запросов» материал для «сочиняющегося Российского атласа».

Первая половина XVIII в. была временем больших успехов в русской картографии. Она отмечена созданием трех замечательных картографи-

³ Посвящение Ломоносова к первому тому «Истории Российской» В. Н. Татищева впервые опубликовано П. Пекарским, см. его «Дополнительные известия для биографии Ломоносова», СПб., 1865, стр. 37—38. Здесь же опубликовано и письмо Ломоносова Татищеву, в котором Ломоносов сообщает, что прочитал работу Татищева «с великою охотою и радостию» (стр. 35). Посвящение Ломоносова перепечатано в Полном собрании сочинений М. В. Ломоносова, т. 6, М.—Л., 1952, стр. 15—16.

ческих трудов: «Чертежной книги Сибири» Сем. Ремезова (1701 г.), «Атласа Всероссийской империи» И. К. Кирилова (1734 г.) и «Атласа Российского», подготовленного сотрудниками Географического департамента Академии наук (1745 г.). Создание этих трудов представляло важнейшее событие не только в русской, но и в мировой географической науке. Выдающийся ученый Л. Эйлер писал об академическом атласе, что его карты «не токмо гораздо исправнее всех прежних русских карт, но еще многие неметкие карты далеко превосходят». Он же указывал, что, «кроме Франции, почти ни одной земли нет, которая б лучшие карты имела»⁴.

Однако атласы первой половины XVIII в. имели и существенные недостатки. 18 октября 1759 года Ломоносов в представлении президенту Академии наук писал: «в старом атласе (1745 года — Н. С.) небрежности и недостатки так велики, что не токмо многие имена мест и положения ложно поставлены, но знатные урочища пропущены и целые уезды, многолюдными волостями населенные, пусты представлены...». В исправлении этих ошибок и создании нового «Атласа Российской империи» Ломоносов, возглавивший в 1759 г. Географический департамент Академии наук, видел основную задачу работы департамента: «старался я, как бы сей недостаток отвратить и тем показать в других государствах, что наше отечество не так пусто и безлюдно, как на атласе нашем представлено»⁵.

В связи с работой над новым «Атласом» Географическим департаментом на места была разослана анкета («запросы»). Первоначально она состояла из 13 пунктов, содержащих вопросы не только по физической географии, но и по экономической географии и этнографии. Так, пункты 6 и 7 требовали ответа о ремеслах и промыслах населения: «В каких ремеслах народ больше упражняется» (п. 7) и «Чего больше родится около того города и какие есть промыслы» (п. 6); пункт 10-й о численности населения сел и деревень: «Села и деревни. Сколько душ по ревизии». Анкета была представлена на утверждение Академического и Исторического собраний Академии наук. В итоге обсуждения она выросла до 30 пунктов, причем был внесен важный пункт для изучения этнографического состава населения: «В котором уезде какой народ живет, один или с другими смешанный»⁶.

Протоколы Академического и Исторического собраний, фиксировавшие обсуждение анкеты в 13 пунктов, не сохранились, и нам неизвестно, как оно протекало. Это дало основание одному из исследователей вопроса об анкете Географического департамента (В. Ф. Гнучевой) рассматривать вторую редакцию как известное отклонение от первоначального ломоносовского проекта (в 13 пунктов). «Остается... неясным, — писала она, — кем же была составлена первоначальная редакция „форм запросов“ в 30 пунктов». Считая, что Ломоносов хотел сделать анкету сжатой и простой, чтобы получить как можно скорее данные для «Атласа», В. Ф. Гнучева делала вывод, что «принятие формы в 30 пунктов уже само по себе было отступлением от первоначально намеченной схемы сведений о величине и местоположении населенных местно-

⁴ В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946, стр. 57.

⁵ «Материалы для биографии Ломоносова. Собраны... академиком Билярским», СПб., 1865, стр. 396. Разрядка наша.— Н. С.

⁶ Первую редакцию анкеты (в 13 пунктов) см.: В. Ф. Гнучева, Ломоносов и Географический департамент Академии наук, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1940, стр. 257, а также В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII в., стр. 73. Вторую редакцию анкеты см. М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, М., 1950, стр. 542—544.

стей»⁷. Соображение В. Ф. Гнучевой нельзя признать правильным. Характерно, что в обширной литературе о Ломоносове не найти исследователя, который разделял бы ее точку зрения. И первую редакцию анкеты (в 13 пунктов), и последующую (в 30 пунктов) неизменно, начиная с XVIII в. и кончая советским временем, всегда связывали с именем Ломоносова⁸. Эта анкета вошла в историю нашей науки под именем Академической, или Ломоносовской, в отличие от других анкет (Сенатской, анкеты Шляхетного корпуса и др.).

При отсутствии протоколов обсуждения анкеты в 13 пунктов невозможно, конечно, выяснить, кем из профессоров Академии и какие были внесены новые «запросы». Г. Ф. Миллер в записке от 16 июня 1759 г. указывал, что при рассмотрении первоначальной анкеты профессорами «некоторые на полях приписали свои добавочные запросы»⁹. Сам Ломоносов в работе «Краткое показание о происхождении Географического департамента» — основном труде, посвященном им своей деятельности в этом учреждении Академии наук, — указывал, что «запросы» «собраны были от всех профессоров и по выбору напечатаны, исключив те, кои смешны и к исполнению невозможны»¹⁰. Эти строки Ломоносова, не обращавшие на себя до настоящего времени внимания исследователей, вносят, как нам кажется, полную ясность в историю создания анкеты.

Первоначальный вариант анкеты (в 13 пунктов) подвергся детальному обсуждению в Академии наук и превратился в анкету из 30 вопросов. Ломоносов выступил редактором второго варианта, оставил вопросы «по выбору», отбросив те, которые нашел либо не заслуживающими внимания («смешными»), либо «к исполнению невозможными».

Анкета была разослана в начале 1760 г., а в 1763 г. Ломоносов сообщал президенту Академии наук, что «четыре тома ответов собрано и уже на половину государства имеем обстоятельную топографию»¹¹.

Включая этнографические вопросы в свою анкету и тем самым, несомненно, предполагая дать известную этнографическую нагрузку в будущем «Атласе», Ломоносов следовал традиции, установившейся в русской картографии первой половины XVIII в. В «Чертежной книге Сибири» Ремезова мы находим значительные данные по этнографии, в «Атласе» Кирилова их меньше, но все же они есть. Г. Делиль в 1728 г. в предложении создать «Атлас» указывал, что нужно присоединить к картам географический и исторический очерк страны с описанием нравов и обычаев ее жителей. В «объявлении» о выходе «Атласа» 1734 г. Кирилов писал о своем намерении присоединить к своему атласу много других карт, в которых следует отобразить «древности... и притом о городах древних же и о новых и о народах»¹².

Анкета Ломоносова преследовала цель всестороннего географического, экономического и этнографического исследования России. «За-

⁷ В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII в., стр. 74—75.

⁸ См., например, М. С. Боднарский, Очерки по истории русского землеведения. М., 1947, стр. 137—138; Б. Д. Греков, Избранные труды, т. III, М., 1960, стр. 346; Б. Н. Меншуткин, Жизнеописание Михайла Васильевича Ломоносова, М.—Л., 1937, стр. 170; А. Морозов, Михаил Васильевич Ломоносов, Л., 1952, стр. 758—759; М. В. Птуха, М. В. Ломоносов как экономист и статистик, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1946, стр. 163—166.

⁹ В. Ф. Гнучева, Географический департамент Академии наук XVIII века, стр. 74.

¹⁰ «Материалы для биографии Ломоносова. Собранные... академиком Биларским». стр. 581 (в дальнейшем П. С. Биларский).

¹¹ Там же, стр. 582.

¹² К. Свенске, Материалы для истории составления Атласа Российской Империи. (Приложение к IX т. Записок Академии наук), СПб., 1866, стр. 9, 25.

дачи 30 запросов несравненно шире и глубже всех прочих географических проектов Ломоносова. Это центральная часть его великого плана изучения России», — справедливо подчеркнул М. В. Птуха¹³. В этот план органически входили изучение городов, промышленности, сельского хозяйства, торговли, а также изучение этнографического состава населения.

Собирание материалов по анкете Ломоносова растянулось на 10 лет. Публикация и разработка полученных материалов проведены были уже после смерти Ломоносова, и то лишь частично. В 1771—1774 годах вышли четыре части «Топографических известий, служащих для полного географического описания Российской империи». В этот труд вошли обработанные Л. Бакмейстером материалы по Московской и Новгородской губерниям и Калужской, Тульской, Углицкой, Ярославской и Костромской провинциям.

В 70-х годах XVIII в. к материалам анкеты Ломоносова неоднократно обращались участники академических экспедиций 1768—1774 гг. и использовали их в своих трудах. В числе этих лиц были такие крупные этнографы, как И. И. Георги, И. И. Лепехин и П. С. Паллас. В наше время материалы анкеты Ломоносова были использованы акад. Б. Д. Грековым в его статье «Опыт обследования хозяйственных анкет XVIII века», дающей интересную картину экономического состояния центра Европейской России в это время¹⁴. Однако нельзя не признать, что и печатные материалы, изданные Бакмейстером, и самые рукописные материалы, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР¹⁵, этнографами не изучались и еще ждут этнографического исследования.

II

Ставя вопрос об изучении этнического состава Российской империи в целом, Ломоносов в центре своего внимания держал, безусловно, русский народ. Русский народ — главная тема его как историка, фольклориста, языковеда. Русский народ остается главной темой Ломоносова и как этнографа.

Подход Ломоносова к вопросам этнографии русского народа ярко раскрывается в его работе «О сохранении и размножении российского народа». Интересна судьба этой статьи. Она была написана в форме письма к И. И. Шувалову в день его (Шувалова) рождения — 1 ноября 1761 года и только в 1819 г. с большими цензурными пропусками опубликована в «Журнале древней и новой словесности» (ч. 5, март, № 6, стр. 52—78). Появление статьи было встречено враждебно в правительственных кругах. Министр духовных дел и народного просвещения сделал замечание цензурному комитету о том, что не следовало пропускать сочинение, в котором содержатся мысли, противные православной церкви и унижающие честь духовенства. Управляющий министерством внутренних дел высказался за то, чтобы распространение письма Ломоносова в народе было воспрещено¹⁶.

В дореволюционной литературе истоки идей замечательного трактата Ломоносова видели во взглядах западноевропейских экономистов и публицистов. Это особенно ярко проявилось в статьях И. К. Сухоплюева

¹³ М. В. Птуха, Указ. раб., стр. 164.

¹⁴ См. «Летопись занятий Археологической комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 39—104. Перепечатано в «Избранных трудах» Б. Д. Грекова, т. III, М., 1960.

¹⁵ «Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов», под общей редакцией Г. А. Князева, Л., 1933, стр. 23, 35.

¹⁶ П. Пекарский, История Академии наук, т. II, СПб., 1873, стр. 756—758; М. И. Сухоплинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, СПб., 1889, стр. 459—460 и 524—526.

и И. А. Тихомирова. И. К. Сухоплюев писал: «Ломоносов не высказывал каких-либо смелых, новаторских идей. Он, как эхо, передал русским то, что слышал на лекциях в Марбургском университете, что он читал в трактатах, целиком посвященных или отчасти затрагивающих вопросы политики народонаселения»¹⁷.

По мнению И. А. Тихомирова, у Ломоносова «мы видим стремление пропагандировать мысли западноевропейских экономистов... и, воспользовавшись результатами их работ, приложить их научные выводы к практической жизни»¹⁸.

Нельзя, конечно, отрицать известной близости взглядов Ломоносова и передовых немецких ученых того времени (в частности, Хр. Вольфа), но эта близость была порождена не механическим заимствованием идей, а самой жизнью. Условия жизни Германии XVIII в. в известной мере походили на российские (общая экономическая отсталость, крепостничество и т. д.). Это порождало и сходные идеи, возникшие, однако, независимо друг от друга¹⁹.

В своем трактате Ломоносов отобразил жизнь русского крестьянства, с которой он был прекрасно знаком еще юношей. Ломоносов рассказал о тяжелых явлениях в жизни народа, отрицательно влиявших на прирост населения. И этот рассказ был настолько ярок и убедителен, что заставил царское правительство и церковь в течение многих лет скрывать от народа работу Ломоносова.

Центральной в работе Ломоносова является идея о том, что прирост населения — важное дело для Российского государства, так как в «сохранении и размножении российского народа» и «состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей»²⁰.

Перед читателем проходят яркие картины народной жизни, общественного и семейного быта крестьянства, нарисованные смелой кистью глубокого знатока и человека, болеющего за те язвы и неустройства, которые он изображает.

Ломоносов пишет о неравных по возрасту браках, о насильственных браках, результатом которых являются «недружелюбия», «несогласия, споры, драки». «Неравенство супружества» вредно «приумножению и сохранению народа». Такие неравные по возрасту браки следует запретить. Также вредны и насильственные браки, «ибо где любви нет, ненадежно и плодородие». Надо, чтобы священники не венчали без согласия вступающих в брак, и об этом согласии надо спрашивать не во время обряда венчания, «но несколько прежде»²¹.

Ломоносов выступает против некоторых брачных запретов церкви (запрещение священникам-вдовцам вступать во второй брак), против постригов в монашество в молодости как наносящих вред нормальному «сохранению и размножению российского народа». Смело, яркими красками рисует Ломоносов те отрицательные явления в быту, которые были следствием этих установлений церкви. «Не позволено священнодействовать, женясь вторым браком законно, честно и благословенно, а в черничестве блуднику, прелюбодею или еще и мужеложцу литургию служить и всякие тайны совершать дается воля». «Взгляды, уборы, обходительства, роскоши и прочие поступки везде показывают, что монашество

¹⁷ И. К. Сухоплюев, Взгляды Ломоносова на политику народонаселения, «Ломоносовский сборник», Изд. Академии наук, СПб., 1911, стр. 197.

¹⁸ И. А. Тихомиров, О взглядах М. В. Ломоносова на политическую экономию, «Журнал министерства народного просвещения», 1914, февраль, стр. 260.

¹⁹ Исчерпывающую критику построений И. К. Сухоплюева и И. А. Тихомирова дал М. В. Птуха, см. Указ. раб., стр. 192—196, 212—213.

²⁰ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, М.—Л., 1952, стр. 384.

²¹ Там же, стр. 384—386.

в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубийствах, когда законопреступление закрывают злодеянием»²². Эти строки Ломоносова, вскрывавшие язвы в быту духовенства и монашества, несомненно, вызвали особое осуждение церкви.

Далее Ломоносов отмечает наличие «детского душегубства», являющегося следствием тяжелого положения женщины, имеющей внебрачных детей («не хотя быть обесславлена»). Для сохранения жизни «неповинных младенцев» Ломоносов предлагает «учредить нарочные богаделенные дома»²³.

Не все родившиеся выживают. Кроме смерти от болезней, многие умирают вследствие «повреждений» «от суеверия и грубого упрямства происходящих». Попы крестят детей зимой в холодной воде, «иногда и со льдом», «указывая на предписание в требнике, чтобы вода была натуральная». Следствием бывают смертельные простуды и падучие. «Таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами,— пишет Ломоносов,— затем, что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти». «Коль много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15 детей родили, а в живых ни единого не осталось?»,— спрашивает он²⁴.

Значительный ущерб для здоровья населения наносит «невоздержанность и неосторожность» в пище, особенно в связи с некоторыми установившимися обычаями, «имеющими вид некоторой святости». Ломоносов имеет в виду резкие переходы от постов к праздникам, от постной к скоромной пище. «...Готовясь к воздержанию великого поста, во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно. Розговенье тому ж подобно».

Ломоносов предлагает изменить сроки постов, установленные церковью. Для этого можно созвать даже вселенский собор: «сохранение жизни толь великого множества народа того стоит». Ломоносов понимает, что на этом пути стоят большие препятствия, но они не пугают его. «Исправлению сего недостатка ужасные обстоят препятствия, однако не больше опасны, как заставить брить бороды, носить немецкое платье, сообщаться обходительством с иноверными, заставить матрозов в летние посты есть мясо, уничтожить боярство, патриаршество и стрельцов и вместо их учредить Правительствующий Сенат, Святейший Синод, новое регулярное войско, перенести столицу на пустое место и новый год в другой месяц! Российский народ гибок!»²⁵.

Большая смертность и от различных болезней. Мало еще в России «порядочных» медицинских учреждений. Нередко «простые, безграмотные мужики и бабы лечат наугад, соединяя часто натуральные способы, сколько смыслят, с вороженьем и шептаниями». Правда, в ряде случаев средствами народной медицины «действительно знают лечить некоторые болезни», однако необходимо учредить медицинскую помощь «по правилам, медицинскую науку составляющим»²⁶.

²² Там же, стр. 387. Ср. запись Ломоносовым начальных строк народной песни:

«По загуменью игуменья идіот,
За собою мать черна быка ведіот».

По мнению В. И. Чернышева, черный бык здесь эвфемистическая замена слова «монах» (П. Н. Берков, Ломоносов и фольклор, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, М.—Л., 1946, стр. 109—110).

²³ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 388.

²⁴ Там же, стр. 390—391.

²⁵ Там же, стр. 391—396.

²⁶ Там же, стр. 396.

В конце своего письма Ломоносов говорит о «живых покойниках» — людях, ушедших за границу и тем самым потерянных для России. «Побеги бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов». Ломоносов предлагает понизить подати с жителей пограничных с Польшей районов и снять с них солдатские наборы. Много уходит и раскольников. К вопросу о «живых покойниках» Ломоносов предполагал еще вернуться в одном из последующих «писем» к Шувалову.

В начале своего «письма» Шувалову Ломоносов указывал, что это письмо лишь первое в серии из восьми писем, «простирающихся к приращению общей пользы». Второе и третье письма должны были также рассматривать вопросы быта и нравов — «О истреблении праздности» («письмо» 2-е) и «О исправлении нравов и о большем народе просвещении» («письмо» 3-е)²⁷. Ломоносов не написал этих «писем», он нигде не указал тех причин, которые помешали этому. Думается, однако, что эти причины легко объясняются судьбой первого «письма». Шувалов и императрица Елизавета, к которой обращался Ломоносов через посредство Шувалова, остались глухи к тем предложениям, которые были выдвинуты в первом «письме». Стоило ли при таких обстоятельствах писать следующие?

Исследователи уже давно отдали должное замечательному письму Ломоносова. И. К. Сухоплюев и И. А. Тихомиров вынуждены были признать, что лишь некоторые выдвигавшиеся Ломоносовым меры были проведены в жизнь долгое время спустя²⁸. М. В. Птуха справедливо указывает, что среди идей, выдвинутых Ломоносовым, были и такие, «осуществление которых могло начаться разве только после освобождения крестьян, основные же осуществились при советской власти»²⁹.

Несмотря на резко критический дух письма, Ломоносов не затрагивает в нем основ социального порядка России. Он не смог подняться до понимания необходимости революционной борьбы против самодержавия и крепостничества. Вера в «просвещенного монарха» побудила его обратиться со своей программой переустройства морально-бытовых устоев деревни, освященных церковью и закрепленных крепостничеством, к царизму. В этом проявилась противоречивость мировоззрения Ломоносова, обусловленная уровнем развития социально-экономических отношений и общественной мысли того времени.

Но борьба Ломоносова с косностью и рутиной окружающей жизни была объективно направлена против крепостничества и имела огромное прогрессивное значение.

Его «письмо» кладет начало демократической линии в русской этнографии. Продолжателями Ломоносова выступают во второй половине XVIII века передовые мыслители и писатели, депутаты от крестьян в Комиссии по составлению Уложения 1767 г. В выступлениях Г. Коробьина, Я. П. Козельского, в работах С. Е. Десницкого, А. Я. Поленова, Н. И. Новикова вновь встанут вопросы о переустройстве быта и нравов русской деревни. Перед нами вновь пройдут картины общественной и семейной жизни народа, повторяющие в значительной мере те, которые были нарисованы Ломоносовым. И, наконец, у А. Н. Радищева в его бессмертной книге по-новому, революционно, звучат вопросы, поставленные Ломоносовым. В книге Радищева будут названы и силы, сковавшие русский народ, определившие его тяжелые общественные и бытовые условия: царизм, крепостничество и церковь.

²⁷ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 383.

²⁸ «Ломоносовский сборник», СПб., 1911, стр. 190, примеч. 1; 193, примеч. 1; 199, примеч. 2; «Журнал министерства народного просвещения», 1914, № 2, стр. 254, примеч. 2, стр. 256, 257.

²⁹ «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, М.—Л., 1946, стр. 210.

III

Не меньшие заслуги принадлежат Ломоносову в области исторической этнографии. Вместе с Татищевым Ломоносов по праву может считаться создателем этой отрасли этнографической науки в России. Проблема этногенеза русского народа, проблема его связи с другими народами, проблема этнической специфики древнерусской культуры и ее места в мировой культуре — таков далеко не полный перечень тех вопросов, которыми занимался Ломоносов и в разрешение которых он внес большой вклад.

Ломоносов ставит вопрос о том, как сложился русский народ, и отвечает на него, по словам акад. Б. Д. Грекова, так, «как отвечаем сейчас и мы»³⁰.

Процесс образования русской народности рисуется Ломоносовым как сложный этногонический процесс, в котором наряду со славянами, составившими ее основное ядро, участвовали и другие этнические элементы. «Ибо ни о едином языке³¹ утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения. Большую часть оных видим военными беспокойствами, преселениями и странствованиями в таком между собою сплетении, что рассмотреть почти невозможно, коему народу дать вящее преимущество»³².

Отмечая сложность процесса образования русской народности и включение в нее неславянских, в частности финских, элементов, Ломоносов стоял на почве бесспорных исторических фактов. Отсюда он делал и общий вывод о сложности этногонического процесса. Но Ломоносов видел тесную связь древнеславянского языка и русского и рассматривал первый как основу, на которой образовался русский язык. «В составлении российского народа преимущество славян весьма явствует, ибо язык наш, от славенского происшедший, немного от него отменился и по толь великому областей пространству малые различия имеет в наречиях»³³.

Замечательные мысли высказывал Ломоносов и по вопросам этнонимии. «Народы от имен не начинаются, но имена народам даются. Иные от самих себя и от соседей единым (именем.— Н. С.) называются. Иные разумеются у других под званием, самому народу необыкновенным или еще и неизвестным. Нередко новым проименованием старинное помрачается или старинное, перешед домашние пределы, за новое почитается у чужестранных»³⁴.

Исходя из этого, Ломоносов закономерно ставил вопрос о том, что историю славян нельзя рассматривать только с тех времен, когда имя славян появляется у греческих и римских писателей. «Имя славенское, по вероятности, много давнее у самих народов употреблялось, нежели в Грецию или в Рим достигло и вошло в обычай»³⁵. Вопрос о древнейшей территории славянства Ломоносов решает с привлечением большого количества известных тогда источников. Используя данные Непота, Плиния, Страбона, Тацита, Птолемея, Прокопия, Иордана и других историков и писателей древности, он определяет ее как пространство между Эльбой и Волгой, Прибалтикой и Доном, Дунаем и Балканами. Современные исследователи отмечают, что «позднейшая наука, внося ряд уточнений, не поколебала, однако, представления Ломоносова об этой

³⁰ Б. Д. Греков, Избранные труды, т. III, М., 1960, стр. 412.

³¹ «Язык» здесь дан как термин, обозначающий «народность».

³² М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 174.

³³ Там же.

³⁴ Там же, стр. 178.

³⁵ Там же.

территории в целом»³⁶. Ломоносов правильно указывает также, что славяне выступают как под именем славян, так и под именами антов и венедов.

В работе «Древняя российская история» Ломоносов не только изучает вопрос об этногенезе славян и их древнейшей территории, но и вопросы общественного строя и культуры славян. Им отводится специальная глава для рассказа «о нравах, поведении и о верах славенских». «Разные славян поколения неоспоримо разнились обычаями, хотя во многом имели сходство,— пишет Ломоносов.— Кроме разделения по местам, разность времени отменяет поведения»³⁷. Для характеристики общественного строя славян Ломоносов использует труд Прокопия Кесарийского «О Готической войне». Перевод Ломоносовым этого важного источника был первым на русском языке и отличался точностью и живостью³⁸. «Сии народы, славяне и анты,— переводит Ломоносов,— не подлежат единодержавной власти, но издревле живут под общенародным повелительством. Пользу и вред все обще приемлют. Также и прочие дела у обоих народов содержатся издревле»³⁹. «Славяне жили обыкновенно семьями рассеянно, общих государей и города редко имели», «почитали себя вольными», у них были военачальники и старейшины. Гостомysl был «последним республиканским владетелем»⁴⁰— таковы отдельные соображения Ломоносова о характере общественного строя славян. Интересна мысль Ломоносова о том, что утверждение «самодержавства» Рюрика не обошлось без борьбы, без сопротивления со стороны лиц, «склонных к общенародному прежнему владению»⁴¹. Использует Ломоносов и «Повесть временных лет» для характеристики отдельных славянских племен. Подробно рассказывает он о нравах и культуре венедских померанских славян, приводя материалы, собранные Гарткнохом (Hartknoch), и Арнкилом (Arnkiel) в конце XVII и начале XVIII в.⁴²

М. В. Ломоносовым разработан вопрос о языческой религии древних славян. П. Н. Берков не без основания высказал догадку, что Ломоносов готовил специальную работу о русской мифологии или, как тогда писали, о «русском баснословии»⁴³. Значительный материал по этому вопросу содержится не только в «Древней российской истории», но и в записях по грамматике, опубликованных в академическом издании трудов Ломоносова под редакционным названием «Материалы к русской грамматике»⁴⁴.

Основная мысль Ломоносова сводится к тому, что «древнее многобожие» славян аналогично античному многобожию. «Не нимфы ли в кустах и при ручьях сельскою простотою мнимые русалки? Не соответствует ли царь морской Нептуну, чуды его тритонам? Чур — поставленному между пашнями Термину». Ломоносов дает в «Материалах» параллельный список римских и славянских божеств, выделив особый столбец для мифологических славянских названий, которые не имели параллелей в античности; славянская мифология им впервые приведена

³⁶ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 202.

³⁷ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 183.

³⁸ См. примечание В. Р. Свирской к «Древней российской истории», М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 582, примеч. 24.

³⁹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 183.

⁴⁰ Там же, стр. 214, 215, 296.

⁴¹ Там же, стр. 218.

⁴² Там же, стр. 582.

⁴³ П. Н. Берков, Ломоносов и фольклор, «Ломоносов: Сборник статей и материалов», II, М.—Л., 1946, стр. 117—118.

⁴⁴ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7. Труды по филологии, 1739—1758, М.—Л., 1952. Записи Ломоносова находятся в тетради, на корешке которой ярлык с цифрой «112». Поэтому в литературе о Ломоносове эту рукопись часто citируют как «рукопись № 112».

была в «целую систему»⁴⁵. Эта работа оказала большое влияние на литературу второй половины XVIII в.⁴⁶

Проблемы исторической этнографии славянства — вопросы этногенеза славян, этнических связей с другими народами, древнейшей территории славянства, ранних ступеней его общественного развития и, наконец, вопросы культуры входят как составные и очень важные части в общую историческую концепцию Ломоносова. Эта историческая концепция создавалась в острой идейной борьбе с построениями Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера — создателей так называемой «норманской теории». Для норманистов русская история начиналась с завоевания славян норманнами. Вот в каких красках рисовал Шлецер состояние славян до появления норманнов: «Конечно, люди тут были, бог знает, с которых пор и откуда, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса». Шлецер называет такое положение состоянием «блаженной для получеловека бесчувственности»⁴⁷. Им начисто стиралась вся история славянства до IX века, до появления норманнов. Норманны завоевали восточных славян, создали государство и принесли им культуру. Так писали норманисты XVIII века.

Уже В. Н. Татищев, используя специальные изыскания Байера, критически подошел к его исторической концепции. Он писал, что Байер «с избытком к умножению прусских, а к уничтожению русских владений пристрастным себя показал»⁴⁸. Татищев придерживался мысли об автохтонности славян в Европе, их древности, а также рассматривал венедов и антов как славян. Высоко ценил Татищев и раннюю славянскую культуру⁴⁹.

Однако только у Ломоносова освещение проблем, связанных с ранней историей славянства, вырастает в законченную систему, направленную против норманской теории. Татищев дал критику, и то лишь частичную, взглядов Байера. В ряде вопросов Татищев шел за тем же Байером⁵⁰. Ломоносов выступил против всех трех «китов» норманизма — Байера, Миллера, Шлецера, — против всех их построений, дав также критику методологии исторического исследования и раскрыв политический смысл теорий норманистов.

Вся историческая концепция Ломоносова, утверждавшая глубокую древность исторического пути восточного славянства, его высокую самобытную культуру, независимый путь создания государства, была решительным опровержением норманизма.

Ломоносов блестяще показал всю неосновательность выведения собственных русских имен (имен князей, названий городов) из скандинавских языков. «Последуя своей фантазии, Байер имена великих князей российских перевертывал весьма смешным и непозволенным образом для того, чтобы из них сделать имена скандинавские; так что из Владимира вышел у него Валдамар, Валтмар и Валмар, из Ольги Аллогия, из Всеволода Визавалдур и проч. Сего не токмо принять за

⁴⁵ П. Н. Берков, Указ. раб., стр. 125.

⁴⁶ В работах М. Д. Чулкова «Пересмешник, или Славенские сказки» (1766 г.); «Краткий мифологический лексикон» (1767 г.), «Краткий мифологический словарь» (1769 г.) и М. И. Попова «Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабженного примечаниями» (1768 г.) использованы сопоставления Ломоносова. См. П. Н. Берков, Указ. раб., стр. 119, а также Г. И. Бомштейн, Указ. раб., стр. 100—102.

⁴⁷ А. Л. Шлецер, Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, пер. с нем., ч. 1—3, СПб., 1809—1819, ч. 1, стр. 419—420, ч. 2, стр. 180.

⁴⁸ В. Н. Татищев, История российская, т. I, ч. 2, 1768, стр. 261.

⁴⁹ О взглядах В. Н. Татищева по вопросам исторической этнографии см. нашу статью «В. Н. Татищев и русская этнография», «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», I, М., 1956.

⁵⁰ Б. Д. Греков характеризовал В. Н. Татищева как «умеренного норманиста». См.: Б. Д. Греков, Избранные труды, т. III, стр. 410.

правду, но и читать без досады невозможно, видя сих имен явное от славянского языка происхождение и согласие с особами государскими, а особливо что на скандинавском языке не имеют сии имена никакого знаменования. Ежели сии Байеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сие подобным образом заключить можно, что имя *Байер* происходит от российского *бурлак*»⁵¹. Название города Холмогоры по Миллеру происходило от скандинавского Голмгардии. Указывая, что Байер и Миллер перебрасывают «литеры как зернь», Ломоносов резонно замечает, что с таким же успехом можно производить название *Стокгоlm* от *Стикольной*, как русские называют Стокгоlm. Этому «перебрасыванию литер» Ломоносов противопоставляет объяснение названия Холмогоры условиями местности. «Имя Холмогоры соответствует весьма положению места, для того, что на островах около него лежат холмы, и на матерой земли горы, по которым и деревни близ оного называются, напр., Матигоры, Верхние и Нижние, Каскова гора, Загорье и проч.»⁵².

Сильнейший удар был нанесен норманистам решительным выступлением Ломоносова против признания варягов народом. По Ломоносову, варяги, иначе варенги, — «северные солдаты», или северные работники. «Неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединились, обыкновенным тогда по морям разбоем»⁵³.

Название «Русь» Ломоносов сближал с именем «пруссы». Это мнение Ломоносова не было подтверждено последующей разработкой вопроса. Зато крупнейшей заслугой Ломоносова является то, что он обратил внимание на существование названия «Русь» на территории южной России и решительно отстаивал славянское происхождение этого названия.

Трактовка Ломоносовым вопросов исторической этнографии славян, критика им норманской теории оказали сильнейшее влияние на развитие русской исторической науки. Ломоносов явился создателем антинорманизма в России, ставшего составной частью исторических взглядов представителей передовой русской общественной мысли — А. Н. Радищева, декабристов, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова. В специальных работах И. Е. Забелина, В. И. Ламанского, Н. И. Костомарова, С. А. Геденова, Ф. И. Успенского и др. вновь и вновь подвергалась критике норманская концепция Байера-Миллера-Шлецера.

Даже в трудах С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, которых обычно принято причислять к «норманистам», хотя и умеренным, мы найдем несомненные следы тех больших сдвигов в русской исторической науке, которые произвели работы Ломоносова. От всего «норманизма» XVIII в. у этих крупнейших представителей русской исторической науки осталось по существу только признание скандинавского происхождения русских князей. Да и этот вопрос тот же Соловьев не признавал важным. «Но если влияние норманской народности было незначительно, если по признанию самых сильных защитников норманства влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских (мнение Ломоносова. — Н. С.), столько же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские, то ясно, что вопрос о национальности варягов — руси теряет свою важность в нашей истории», — писал Соловьев⁵⁴.

⁵¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 30—31. Курсив в тексте.

⁵² Там же, стр. 41. Курсив в тексте.

⁵³ Там же, стр. 203.

⁵⁴ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. 1, М., 1959, стр. 275.

И у того же Соловьева мы найдем признание заслуг Ломоносова как историка. «Величайший из писателей века не мог не коснуться великого дела — открыть свету древность российского народа...», в «Древней российской истории» «блестит во всей силе великий талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука, после долгих трудов, повторяет почти слово в слово в наше время», у Ломоносова «встречаем превосходное замечание о составлении народов», «читатель поражается блистательным по тогдашним средствам науки решением» таких вопросов, как вопрос о скифах и сарматах⁵⁵. Такова оценка крупнейшим русским историком XIX в. заслуг Ломоносова в постановке и разрешении труднейших вопросов исторической этнографии и ранней истории славянства и русского народа.

Советская марксистско-ленинская историческая наука продолжила борьбу с «норманской теорией» в новых условиях. «Норманизм» в XX в. был подхвачен реакционными западноевропейскими и американскими историками в определенных политических целях⁵⁶. «Норманизм» был на идеологическом вооружении германского фашизма. Советские историки дали исчерпывающую критику «теориям» новых «норманистов». В трудах Б. Д. Грекова, Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, П. Н. Третьякова и других советских историков получили широкое освещение проблемы ранней истории славянства, раскрыто все богатство культуры восточных славян. Учеными использован новый материал, в частности археологический, который не был известен в XVIII в. Однако основные идеи Ломоносова по узловым проблемам истории и этнографии раннего славянства и сейчас не потеряли своей силы, своей действенности. Они и сейчас близки и созвучны нашей эпохе.

IV

Современный ему быт русского крестьянства и проблемы исторической этнографии славянства и русского народа — центральные темы Ломоносова как этнографа. И вместе с тем Ломоносов живо интересовался культурой и бытом других народов Российской империи. Ломоносов прекрасно знал многонациональный состав Российского государства. В «Первых основаниях металлургии» он говорит о Российской империи, как «державе... многих народов»⁵⁷. В «Оде на день восшествия на престол... Елисаветы Петровны 1748 года» Ломоносов повторяет:

Народов твоя державы
Различна речь, одежда, нравы⁵⁸.

В 1760 г. Ломоносов пишет о «Сибири, наполненной разными народами» и говорящими «на разных языках»⁵⁹.

Особенно интересовали Ломоносова народности финской группы. Он подчеркивал близость языков эстонского, латышского, финского, карельского, вотяцкого, мордовского, зырянского и некоторых других, указывая на происхождение их от одного корня. «Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лаппония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом рознятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала»⁶⁰. Близок к этим языкам и венгерский, это

⁵⁵ С. М. Соловьев, Писатели русской истории XVIII века, «Собрание сочинений С. М. Соловьева», СПб (6. г.), стб. 1351, 1353, 1354 (в тексте курсив).

⁵⁶ Обзор и критику последних западноевропейских работ по этой проблеме дал И. П. Шаскольский в статье «Норманская теория в современной буржуазной историографии», «Вопросы истории», 1960, № 1.

⁵⁷ М. В. Ломоносов, Избранные философские произведения, М., 1950, стр. 360.

⁵⁸ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, М.—Л., 1959, стр. 220.

⁵⁹ Там же, стр. 684.

⁶⁰ Там же, т. 6, стр. 195.

«подкрепляется» и выходом венгров из тех районов, «где и поныне чудские поколения обитают»⁶¹. Территория распространения финских народов, или «чуди», как их в целом называет Ломоносов, в древности была значительно больше нынешней. «Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показываются некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от славянского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется»⁶².

В Сибири «издревле» население было «чудского поколения», татары «недавно» поселились в Сибири, «большей частью» во времена Кучума, и тогда остяки и другие «старобытные чудские обитатели» ушли в другие места. На востоке была и первоначальная территория угров, которые передвинулись позже на запад, потесненные татарами⁶³.

В трудах Ломоносова неоднократно встречаются отдельные замечания о финских народах, основанные не только на знакомстве с соответствующей литературой, но и на личных наблюдениях. В «Замечаниях» на диссертацию Миллера Ломоносов возражает против мнения Миллера о том, что пермяки живут отдельно от русских. («они нигде не живут вперемешку с русскими»), указывая, что «они везде перемешаны, даже примешаны в городах и селах»⁶⁴. И вместе с тем Ломоносов подчеркивает стойкость родного языка у коми-пермяков: «однако свой язык и доныне сохранили»⁶⁵. В замечаниях на рукопись Вольтера «История Российской империи при Петре Великом» Ломоносов отметил фактические ошибки Вольтера в характеристике саамов (лопарей). Вольтер писал: «Лопари смуглы, не финского поколения, почитают идолом Юмалу». Ломоносов поправляет Вольтера: «Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с итальянским сходны. Юмала по-чухонски и по-лопарски бог. Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбу кормятся»⁶⁶.

В работе «О сохранении и размножении российского народа» Ломоносов в связи с вопросом о роли пищи в жизни вновь возвращается к лопарям и дает сравнительную характеристику лопарей и самоедов, основанную на личных наблюдениях. Лопари питаются «почти одною только рыбою», они «ростом мелки», в солдатские наборы из них редко «кто и по малой мере годился». Самоеды, наоборот, питаются «по боль-

⁶¹ М. В. Ломоносов, полное собрание сочинений, т. 6, стр. 195.

⁶² Там же, стр. 173.

⁶³ Там же, стр. 202—203

⁶⁴ Там же, стр. 60.

⁶⁵ Там же, стр. 35.

⁶⁶ Там же, стр. 92. А. И. Андреевым в 1940 г. в статье «Неизвестные труды Ломоносова по географии, этнографии и истории России» было высказано мнение, что Ломоносов является также автором «экстракта», посвященного лопарям и самоедам, переведенного на французский язык и посланного Вольтеру в 1758 г. («Ломоносов. Сборник статей и материалов», М.—Л., 1940, стр. 299—301). Дальнейшие разыскания А. И. Андреева убедили его в ошибочности этого утверждения. Автором «Mémoires sur les Samojèdes et les Lapons» был Т. И. Клингштедт, как установил тот же А. И. Андреев (А. И. Андреев, Труды Ломоносова по географии России, «Ломоносов. Сборник статей и материалов», II, М.—Л., 1946, стр. 135, примеч. 3). Ошибочное утверждение А. И. Андреева о Ломоносове как авторе этой работы в свое время широко распространилось в нашей печати. В частности, его повторил Б. Д. Греков в своей статье «Ломоносов-историк» («Историк-марксист», 1940, № 11). Перепечатывая эту статью в «Избранных трудах» Б. Д. Грекова, т. III, М.—Л., 1960, редакция, к сожалению, не сделала никакого примечания к статье Б. Д. Грекова, и ошибочное утверждение об авторстве Ломоносова «Mémoires sur les Samojèdes et les Lapons» вновь получило широкое хождение.

шей части мясом», они «ростом немалы, широкоплечи и сильны и в таком множестве», что если бы между ними не происходили «междоусобные частые кровавые сражения», то ими бы населилось «многочудно» побережье Ледовитого океана⁶⁷.

В «Кратком описании разных путешествий по северным морям» Ломоносов пишет о населении севера Сибири, называя самоедов, чукчей и юкагиров («юкагаров») ⁶⁸.

В отношении к народам Российской империи, даже к малым народам Севера, у Ломоносова нет и намека на какой-либо шовинистический налет. С глубоким уважением пишет Ломоносов о древней культуре финских народов, их общении со славянами, приведшем в некоторых районах еще в древности к взаимному слиянию («уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась») ⁶⁹.

Великий просветитель Ломоносов и в отношении нерусских народов стоял на гуманистических, просветительских позициях. Ломоносов питал иллюзии, что при самодержавии эти народы приобщатся к наукам, просвещению, русской культуре. Здесь также сказывалась вера Ломоносова в «просвещенный абсолютизм». В конце конспекта своего «Слова на торжественной инаугурации Санктпетербургского университета» Ломоносов записал:

«(5) Предсказание

1. Подвигнется Европа: ученые, возвращаясь в отечество, станут сказывать: мы были в граде Петрове, гроб его видели, мы видели Елисаветы... мы видели там Августово время, Мecenатов. При дворе как любят ученых?

2. Ни бури, ни то, ни то не прекратят, и пока будет Россия, тобою спасенная, украшенная, пока наукам будет почтение и ежели где в углу света варварство останется, имя твое в первом месте стоять будет. О прехождении наук.

3. Описать, как родители детей своих в училище отпускать и как принимать станут.

4. Будет время, когда Сибирь, наполненная разными народами, на разных языках будет приносить похвалы дому Петрову...» ⁷⁰.

Ломоносов писал о необходимости самого широкого изучения быта и культуры народов России. В «Примерной инструкции морским командующим офицерам, отправляющимся к поисканию пути на Восток Северным сибирским океаном», посвященной вопросам мореплавания, Ломоносов не забыл записать и такой пункт: «...паче же всего описывать, где найдутся, жителей вид, нравы, поступки, платье, жилище и пишу» ⁷¹. По существу здесь целая программа этнографического изучения народов Севера.

В проекте регламента Академии наук Ломоносов во многих пунктах ставил задачей изучение народов Российской империи, а также и зарубежных, в частности народов Востока. Так, в «историческом классе», необходимо собирать сведения, «надлежащие до деяний российских и до порученных ей и соседних народов, особливо же коих история мало или не довольно на свете сведома» ⁷². Необходимо также «изыскивать, что надлежит к сведению древнего состояния российских предков, также единоплеменных славянских и других с ними смешанных народов». Особой задачей ставилось наладить переписку с учеными «восточных

⁶⁷ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 394.

⁶⁸ Там же, стр. 496.

⁶⁹ Там же, стр. 201.

⁷⁰ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 684.

⁷¹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 534.

⁷² П. С. Биллярский, Указ. раб., стр. 660.

народов» и собрать «всякие книги и известия о состоянии тамошних стран»⁷³.

Ломоносов содействовал изданию капитального труда Россохина и Леонтьева «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска в осьми знаменах состоящего». Когда возникли затруднения в печатании работы и даже появились сомнения, нужно ли издавать такой многотомный труд (16 томов), Ломоносов без колебаний требовал, чтобы книга «была издана в народ»⁷⁴.

Говоря об этнографических интересах Ломоносова нельзя пройти мимо его отношений с крупнейшим этнографом того времени — С. П. Крашенинниковым⁷⁵. По справедливому замечанию А. И. Андреева, отношения между обоими учеными были «настоящие дружеские»⁷⁶. В основе их лежали близость идейных позиций и совместная борьба за интересы русской науки в Академии наук⁷⁷. Вместе они выступили против диссертации Миллера. В своих замечаниях на эту диссертацию, ссылаясь на критику Крашенинникова, Ломоносов пишет: «Нет ничего, что представляло бы собой прямой ответ на это возражение славнейшего Крашенинникова»⁷⁸. Труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки» был высоко оценен Ломоносовым, который писал, что эта книга «достойна напечатания ради изрядных об оной земле известий»⁷⁹. Ломоносов содействовал составлению Модерахом для Вольтера «экстракта» на французском языке труда Крашенинникова⁸⁰.

* * *

Два столетия отделяют нас от эпохи, когда жил и работал Ломоносов. Навсегда ушли в область истории те политические и социально-экономические отношения и условия, в которых творил великий ученый. Но труды Ломоносова не стали достоянием только библиографов. Они и сейчас вдохновляют специалистов самых различных отраслей знания.

В истории этнографической науки работы Ломоносова имели крупнейшее значение. Ломоносов был основоположником демократического направления в русской этнографии. Он поставил на обсуждение самые острые, самые болезненные вопросы жизни и быта русского народа своего

⁷³ П. С. Биллярский, Указ. раб., стр. 661.

⁷⁴ Там же, стр. 718. О работе Россохина и Леонтьева см. статью А. В. Стрениной «У истоков русского и мирового китаеведения», «Сов. этнография», 1950, № 1.

⁷⁵ Этой теме посвящена специальная статья А. И. Андреева «Ломоносов и Крашенинников», «Ломоносов. Сборник статей и материалов», М.—Л., 1940, стр. 286—296.

⁷⁶ А. И. Андреев, Ломоносов и Крашенинников, стр. 293.

⁷⁷ См. об этом в нашей статье «С. П. Крашенинников и его труд. «Описание земли Камчатки» (вводная статья к изданию «С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки», М., 1949).

⁷⁸ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 69. Разрядка моя.— Н. С.

⁷⁹ «Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Научное описание», сост. Л. Б. Модзалевский, Л., 1937, стр. 321.

⁸⁰ П. С. Биллярский, Указ. раб., стр. 389, 434. «Экстракт» дошел до нас только во французском переводе и находится в Библиотеке Вольтера в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Шедрина (Ленинград — № 242, II, лл. 287—307 об.). Вопрос об этом «экстракте» изучался А. И. Андреевым, который считал, что русский текст «экстракта» был составлен Ломоносовым. Правда, в другом месте А. И. Андреев более осторожно писал, что Ломоносов принимал «участие в его составлении» («Ломоносов. Сборник статей и материалов», М.—Л., 1940, стр. 296, 301). К сожалению, никаких доказательств ни первого, ни второго предположения А. И. Андреев не привел. В примечаниях к шестому тому «Полного собрания сочинений Ломоносова» В. Р. Свирская также писала, что Ломоносов «принимал участие» в составлении «экстракта» труда Крашенинникова (стр. 566, примеч. 10).

Письма Ломоносова к И. И. Шувалову о переводе Модераха, на которые ссылаются А. И. Андреев и В. Р. Свирская, дают право говорить об участии Ломоносова в составлении «экстракта» только в плане организационном. Данных о составлении Ломоносовым «экстракта» на русском языке или редактировании им французского текста в этих письмах нет.

времени. Тесная связь этнографической науки с жизнью — таков был завет Ломоносова, который осуществляли лучшие представители русской дореволюционной этнографии. Этот завет сохраняет все свое значение и для советских этнографов.

Наряду с Татишевым Ломоносов был создателем исторической этнографии в России. Постановка Ломоносовым вопросов этногенеза русского народа, этнических связей с другими народами, ранней культуры славянства оказала самое плодотворное влияние на развитие русской исторической и этнографической науки XIX—XX веков. Многие мысли Ломоносова по этим вопросам и сейчас не потеряли значения.

Великий патриот русского народа, горячий защитник его интересов, Ломоносов с глубоким уважением относился к культуре других народов многонационального Русского государства. Его завет — изучать культуру и быт всех народов нашей страны как больших, так и малых по численности — и сейчас звучит как боевая программа работы современных этнографов.

SUMMARY

Mikhail Lomonosov, the Russian encyclopaedic scientist of genius, was the founder of the democratic trend in Russian ethnography. Lomonosov brought to the fore the most pressing problems connected with the Russian people's way of life. Many of his ideas concerning the ethnic origin of the Russian people, their ethnic ties with other peoples, the early culture of the Slav world, had a stimulating influence on the development of Russian historical and ethnographic science in the 19th and early 20th centuries, and have retained their importance to this day.

This great Russian patriot who championed the interests of his people displayed profound respect for the culture of all other peoples embraced by the Russian state. His precepts of studying the culture and way of life of all peoples inhabiting the country, both large and small, and promoting the solution of practical tasks arising in the economic and cultural development of the country, are fully pertinent today and are applied by Soviet ethnographers in their work.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. И. СОБЧЕНКО

НАСЕЛЕНИЕ АНГОЛЫ

В Анголе царит кровавый террор. Португальский диктатор Салазар чинит расправу над анголезскими патриотами, мужественно борющимися против колониализма, за свободу и независимость. Стремясь во что бы то ни стало подавить мощную всенародную освободительную борьбу анголезцев, вооруженные до зубов банды португальских карателей ведут войну геноцида против коренного населения, применяют тактику «выжженной земли», сбрасывают напалмовые бомбы на деревни коренного населения, расстреливают женщин, детей и стариков. В стране насчитываются десятки тысяч убитых, раненых и брошенных в застенки анголезских патриотов. Однако народы Анголы полны решимости добиться окончательной победы над португальскими колонизаторами. Несмотря на репрессии, с каждым днем ширится борьба, крепнут силы борцов за свободу.

Цель этой статьи — вкратце ознакомить советского читателя с историей, жизнью и борьбой народов Анголы с португальскими поработителями.

* * *

Ангола — страна в Западной Тропической Африке, крупнейшее по площади колониальное владение Португалии. Территория ее (1247 тыс. км²) превосходит территорию Франции, Италии и Норвегии, вместе взятых, и почти в 14 раз превышает территорию метрополии. На севере Ангола граничит с республикой Конго (со столицей в Леопольдвиле), на востоке — с Федерацией Родезии и Ньясаленда, на юге — с Юго-Западной Африкой. На западе страна омывается водами Атлантического океана. Население Анголы насчитывает около 4,5 млн. чел., в том числе только около 170 тыс. европейцев¹, преимущественно португальцев.

Большую часть Анголы занимает плоскогорье, достигающее наибольшей высоты 1200—1500 м над уровнем моря. Центральная, самая высокая часть его является водоразделом четырех больших африканских речных систем: Кванзы и Кунене — рек, целиком протекающих по территории Анголы соответственно на северо-запад и юго-запад, к Атлантическому океану, Касаи (с притоками Кванго, Квилу и др.), впадающей севернее Леопольдвилля в реку Конго, и Замбези, несущей свои воды к Индийскому океану. Прибрежные области Атлантического океана представляют собой низменность.

¹ «Times», 21.IV.1960 г.

Ангола расположена в зоне тропического климата. В течение года здесь происходит чередование двух засушливых и двух дождливых сезонов. В разных областях страны дожди начинаются в сентябре или октябре и заканчиваются в апреле или мае, с перерывом (короткий засушливый сезон) длительностью от двух до четырех недель, который наступает в период с декабря по февраль.

Климатические условия определяют флору страны. На севере Анголы расстилается прекрасная парковая саванна, к югу она постепенно переходит в саванну с травостоем в рост человека и, наконец, в пограничных с Юго-Западной Африкой областях — в полупустыню с исключительно скудной растительностью.

Ангола — одна из богатейших стран Африки. В недрах ее залегают алмазы, медь, железо, марганец, нефть, уран и другие полезные ископаемые. По добыче алмазов Ангола занимает четвертое место в капиталистическом мире. Природные условия страны благоприятствуют выращиванию ценных экспортных культур: кофе, сахарного тростника, масличной пальмы, хлопка, ценной древесины.

Ангола — страна древней культуры. Задолго до появления в Западной Тропической Африке португальцев (конец XV в.) здесь сложились крупные государственные образования. В области низовьев р. Конго еще в XIV в. возникло государство Конго, этническим ядром которого являлись близкие по языку и культуре племена баконго. Столица его Мбанза-Конго, находившаяся в нынешней северной Анголе, была переименована португальцами вскоре после проникновения их в Западную Тропическую Африку в Сан-Сальвадор и до сих пор сохраняет это название. К югу от государства Конго, в области Кванза, расположенной около Луанды, существовало государство Ангола, а к востоку от него — государство Матамба. Предания приписывают основание государства Ангола кузнецу Мусури, объединившему родственные по языку и культуре племена бамбунду, которые до настоящего времени населяют эту часть страны.

Согласно древней традиции, все последующие правители этого государства должны были знать кузнечное ремесло. Это было одним из важнейших условий восшествия на престол.

В XVI в. на юге нынешней республики Конго, частично в британской Северной Родезии и главным образом на северо-востоке нынешней Анголы сложилось обширное и сильное государство Лунда, известное в исторической литературе также под названием империи Муато-Ямбо (титул главы государства). В состав ее входили родственные по языку и культуре племена балунда, вачокве, валуэна и др.

Население всех этих государств в основном занималось земледелием. Земля была собственностью общины, но общинники несли целый ряд повинностей в пользу знати и государства. Каждое из государств было разделено на провинции, во главе которых стояли наместники, назначенные верховным правителем.

Уровень производительных сил в государствах Анголы и южного Конго был по тем временам довольно высок. Значительного развития и специализации достигли разнообразные ремесла. В городах и больших селениях имелись специалисты по плавке металла и кузнечеству, ткачи, строители домов, мастера по обработке дерева, шкур и т. д. Возникли даже своеобразные объединения ремесленников.

Большую роль в жизни народов Анголы играл внутренний и межгосударственный обмен. В каждом из государств в определенные дни недели устраивались рынки. Предметами обмена были продукты питания, металлические изделия, оружие, украшения, ткани из волокон пальмы рафии, гончарные изделия, слоновая кость и т. д. В межгосударственном обмене особую роль играли медь, слоновая кость, рабы. Большие караваны носильщиков, возглавляемые торговцами из племен

овимбунду, проникали не только в соседние с Анголой страны — Северную Родезию и Конго, но, согласно предположениям некоторых специалистов, достигали озер Танганьика и Ньяса², расположенных в 2000 км от Бенгуельского плато.

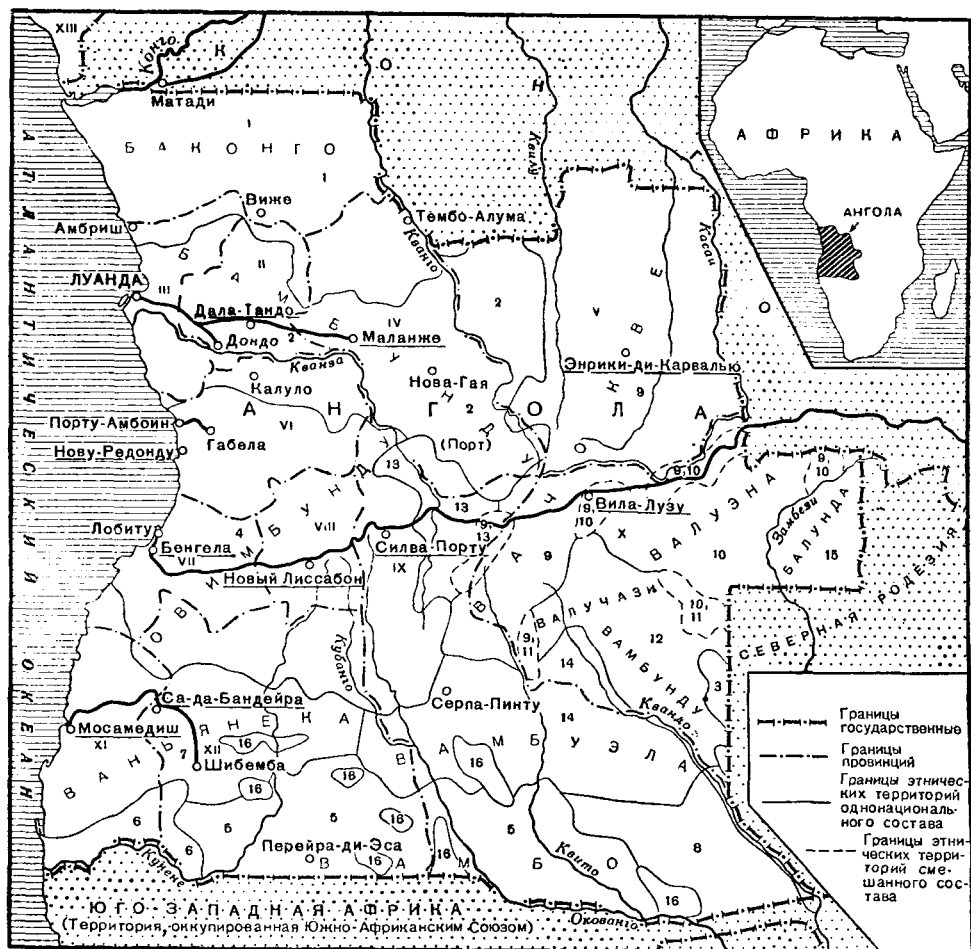
Одной из любопытных особенностей государств Анголы и Конго было своеобразное разделение власти между правителем государства и его матерью или женой (последняя была обычно его сестрой). Это отражало еще не изжитые древние порядки матриархата. В государстве Лунда, например, наряду с муато-ямво, большой властью пользовалась также лукокеша, «королева», как называли ее европейцы. Совет знати избирал короля из числа сыновей двух главных жен умершего правителя, а лукокешу — из числа дочерей этих жен. Таким образом, муато-ямво и лукокеша всегда были братом и сестрой. Выборы муато-ямво утверждала лукокеша, а выборы лукокеши — муато-ямво.

Разделение государств по территориальному (а не племенному) признаку, систематическое намеренное расселение среди победителей покоренных племен, производимое правителями государств, а также развитие интенсивного обмена в государствах и между государствами еще в то время неуклонно вели к ломке родо-племенных отношений, перемещению и перемешиванию населения, к образованию и распространению отдельных языков. Таким образом, еще несколько столетий тому назад в той или иной мере сложились основные языки нынешней Анголы.

В конце XV в. португальские мореплаватели, посланные королем Жоао II на поиски морского пути в Индию, впервые посетили берега Анголы. Постепенно португальцы расширяли свое господство. Главным занятием их стала работорговля, от которой страдало коренное население не только прибрежных, но и внутренних, удаленных от океана, районов Анголы и соседних стран. В течение нескольких веков невольничьи караваны португальцев перевозили большие партии рабов в Северную и Южную Америку, преимущественно в Бразилию. Работорговля была страшным бедствием для народов Африки. Результатом ее были истребление большого числа коренного населения Анголы, подрыв и истощение производительных сил страны.

История народов Анголы содержит много примеров героической борьбы коренного населения против португальских завоевателей. Около 1580 г. началась кровопролитная освободительная борьба против португальцев, длившаяся 40 лет. Лишь с большим трудом удалось португальским захватчикам сломить героическое сопротивление местного населения. В двадцатых годах XVII в. освободительная война народов Анголы против португальцев развернулась с новой, еще большей силой. Движение возглавила сестра правителя Анголы Анна Зинга Мбанди, африканская «Жанна Д'Арк». Многолетняя упорная борьба закончилась победой народов Анголы. Португальцы на некоторое время были изгнаны из страны. Однако уже при преемниках Анны Зинги Мбанди, спустя 100 лет, португальцам удалось одержать победу. В 1671 г. последний из независимых правителей Анголы принужден был подчиниться португальцам. С этой поры португальцы особенно интенсивно стали расширять свои владения в Западной Тропической Африке. В конце XIX в., во время колониального дележа Африки на Берлинской конференции 1884 г., созданной по инициативе и под руководством Бисмарка, владения Португалии были признаны другими империалистическими державами. Ангола стала колонией Португалии.

² См. например, W. D. Hamblly, *The Ovimbundu of Angola*, Field Museum of Natural History, Publication 329, Anthropological Series, т. XXI, № 2, Chicago, 1934, стр. 114.

Народы Анголы (обозначены арабскими цифрами и надписями): 1 — баконго, 2 — бамбунду, 3 — овимбунду, 4 — овамбо, 5 — гереро (овагереро), 6 — ваньянека, 7 — вайейе, 8 — вачокве, 9 — валуэна, 10 — валучази, 11 — вамбунду, 12 — валуимбе, 13 — вамбуэла, 14 — балунда, 15 — балози, 16 — бушмены

Округа Анголы (обозначены римскими цифрами): I — Конго, II — Северная Кванза, III — Луанда, IV — Маланже, V — Лунда, VI — Южная Кванза, VII — Бенгела, VIII — Хуамбо, IX — Квандо-Кубанго, X — Мошико, XI — Мосамедиш, XII — Уйла, XIII — Кабинда

Современный этнический состав Анголы складывался в продолжение многих столетий. О древности и сложности этнической истории ее народов свидетельствует прежде всего антропологический состав населения.

Коренное население Анголы принадлежит к трем антропологическим группам африканской ветви большой негро-австралоидной расы: негроской, негрилльской и бушменской. Подавляющее большинство населения страны — негры. Сведения об антропологических особенностях негров Анголы скудны и далеко не достаточны. Наиболее темным цветом кожи по сравнению с окружающим населением обладают балунда и некоторые другие народы северо-востока страны. Негры Анголы мезокефальны. Их средний рост составляет 162—170,4 см, максимальный — 181—184,2 см. От негров резко отличаются по антропологическим особенностям негрилли (пигмеи) и бушмены. Средний рост мужчины пигмея 141—142 см и не превышает 150 см. Кожа довольно темная, но

нередко имеет желтоватый или красноватый оттенок, волосы курчавые, нос очень широкий, с узким и низким переносьем, прогнатизм выражен значительно слабее, чем у представителей негрского типа. Своеобразна форма рта — очень широкого со сравнительно тонкими губами. В отличие от негров у пигмеев довольно сильно развита растительность на лице. Наконец, бушмены — один из наиболее своеобразных антропологических типов земного шара. По одним признакам (курчавоволосость и широкий нос) они близки к неграм, однако некоторые другие антропологические черты (желтый цвет кожи и наличие эпикантуса) сближают их с монголоидами. У бушменов отмечается и ряд других отличающих их от негрской расы особенностей. Некоторые черты общи у бушменов с готтентотами; такова, например стеатопигия. Череп у бушменов мезокефальный, лоб выпуклый, надбровные дуги почти отсутствуют. Средний рост — около 150 см.

Значительную роль в этногенезе народов Анголы сыграла миграция предков современных банту, по-видимому, проникших в различное время на территорию нынешней Анголы с севера, северо-востока и востока. В процессе переселения они истребили, оттеснили или ассимилировали пигмеев и бушменов — более древнее население этой области Западной Тропической Африки и постепенно продвинулись к югу, в пределы Юго-Западной Африки. Однако небольшие группы бродячих охотников и собирателей пигмеев-батва и бушменов и сейчас еще встречаются в Анголе. Пигмей-батва обитают на крайнем северо-востоке страны в тропических лесах верховьев Касаи, бушмены — на крайнем юге в полупустынных малонаселенных районах округа Уила.

Почти все население Анголы (свыше 96%) говорит на близко-родственных языках семей банту. Крупнейшими этническими группами страны являются бамбунду, говорящие на диалектах языка кимбунду (около 1 млн. чел.), овимбунду, говорящие на языке умбунду (около 1,5 млн. чел.), баконго (около 0,5 млн. чел.), родственные по языку и культуре народы группы чокве-лунда (около 0,5 млн. чел.), группа народов и племен тангуелла³ (около 0,3 млн. чел.) и некоторые другие. Таким образом, около 85% коренного населения Анголы говорит в основном на диалектах 6—7 языков, широко распространенных в различных областях страны.

Бамбунду населяют район столицы Анголы Луанды. Этническая территория их простирается на восток от Луанды вплоть до верховьев рек Луи и Кванго, а на юг почти до Сильва-Порто. В XVI в. бамбунду составляли этническое ядро упомянутого выше государства Ангола и являлись основной силой в вооруженной борьбе против португальских колонизаторов.

Баконго населяют северные области страны, округ Конго, который непосредственно граничит с республикой Конго со столицей в Леопольдвиле. Свыше 1 млн. баконго живет на территории этой последней, в провинции Леопольдвиль, а также на юге республики Конго со столицей в Браззавиле.

Этнические группы овимбунду занимают обширную территорию к югу от народа бамбунду на плато Бенгуела, вдоль железной дороги Бенгуела — Катанга на значительном ее протяжении на восток от Атлантического океана.

Вачокве и балунда — обитатели восточных и северо-восточных районов Анголы. Значительная часть вачокве живет в Катанге и на юге провинции Касаи в пределах республики Конго.

³ Лингвисты включают в группу гангуелла близкие по языку и культуре племена востока Анголы: валуэна, валучази, валуимбе, вамбунду.

Южными соседями вачокве и балунда являются племена группы гангуелла: валучази, валуэна, валуимбе, вамбунду. Крайний юг страны населен скотоводческими племенами ваньянека, овамбо и овагереро.

Ангола — отсталая сельскохозяйственная страна. До сих пор почти все местное население живет в деревнях. Основное занятие его — земледелие. Скотоводство в большинстве случаев ограничено разведением мелкого рогатого скота, свиней и птицы. Разведению крупного рогатого скота препятствует распространение на большей части территории Анголы мухи цеце. Более благоприятны условия для скотоводства на юге страны, где оно является основным занятием овагереро и овамбо.

На севере страны из продовольственных культур население издавна возделывает маниоку, ямс, бататы и другие корнеплоды. Большим подспорьем в хозяйстве является сбор плодов дикорастущей масличной пальмы, которые служат сырьем для изготовления пальмового масла, великолепно сохраняющегося в условиях жаркого тропического климата. По мере удаления на юг, в зону травянистых саванн, корнеплоды постепенно уступают место зерновым культурам: кукурузе и различным видам проса и сорго. В центральной части Анголы, населенной овимбунду, кукуруза является основным источником питания населения.

До сих пор в Анголе господствует переложная подсечно-огневая система земледелия. Основная и наиболее трудоемкая работа земледельца — расчистка участка с помощью больших ножей типа «мачете». Срубленные деревья высушивают на солнце и затем сжигают. В саваннах центральной Анголы выжигают траву и кустарник. Во всех случаях зола — единственное удобрение полей.

Перед началом сезона дождей участок взрыхляют длинными двуручными мотыгами и с началом дождей производят посадку той или иной культуры. Участок земли используют под посевы в течение 3—4 лет, затем оставляют его на несколько лет и начинают обрабатывать новый участок. В соответствии с традиционным разделением труда расчистка участка является обязанностью мужчин, обработка же поля, посадка и сбор урожая — обязанностью женщин. Однако в настоящее время уход большого числа взрослых мужчин на европейские плантации и промышленные предприятия, постройку дорог, мостов и т. д. привел к изменению традиционного разделения труда. Все сельскохозяйственные работы, в том числе и тяжелый труд по расчистке участка, сейчас принуждены выполнять оставшиеся в деревне женщины.

Деревни Анголы по величине различны. Так, например, деревни баконго на севере страны по числу жителей сравнительно невелики, тогда как селения овимбунду центральных областей Анголы нередко насчитывают до 3 тыс. чел. Довольно велики также деревни балунда и вачокве на востоке страны.

Народы Анголы знают несколько типов планировки деревень. Обычно группы в несколько хижин, которые занимает одна семья, состоящая из мужа, его жены или жен и детей, располагаются по кругу, в форме квадрата или в виде нескольких параллельных линий. В зависимости от планировки в центре или на краю деревни находится дом собраний. Здесь собираются мужчины для обсуждения наиболее важных вопросов, имеющих непосредственное отношение к жизни деревни, занимаются в свободное от земледельческих работ и охоты время ремеслами, делятся новостями. В последние десятилетия ввиду массовой принудительной контрактации мужского населения деревень для работы на постройке дорог, в коях Южно-Африканского Союза и других предприятиях европейцев этот старинный обычай быстро исчезает.

Хижины имеют в среднем около 2—3 м в ширину и 5 м в длину. Дома вождей — значительно большего размера: 5 м в ширину и 15 м в длину. Высота обычной крестьянской хижины от земли до конька крыши около

3—3,5 м, а высота продольных стен от земли до начала ската крыши 2—2,5 м. При постройке хижины прежде всего возводят решетчатый каркас, а затем покрывают крышу и стены травой или пальмовыми листьями, которые на крыше дополнительно укрепляются длинными жердями, прижимающими кровлю к каркасу. Стены поверх слоя травы или пальмовых листьев сплошь забирают длинными тонкими рейками из черенков пальмовых листьев или расщепленного бамбука, которые крепко привязывают лианами к решетке каркаса, укрепляя их в виде определенного узора. У некоторых народов, как, например, у вачокве и балунда, стены обмазывают глиной. Внутри хижины находятся кровати, представляющие собой несколько приподнятую над землей на ножках решетку из ветвей деревьев, покрытую циновкой, табуреты, глиняная и тыквенная посуда, корзины и другие хозяйственные предметы. Пол и стены жилища обычно украшены красивыми орнаментированными циновками.

Португальские колонизаторы привели сельское население Анголы на грань катастрофы. Они согнали местных крестьян с лучших земель, заставили их в принудительном порядке выращивать экспортные культуры в ущерб продовольственным. Наиболее плодородными землями завладели иностранные компании и португальские колонисты. В руках нескольких десятков тысяч европейцев сосредоточено свыше 1,4 млн. га земли, тогда как на долю более чем четырехмиллионного коренного населения Анголы приходится лишь 1,8 млн. га. При переложной системе земледелия такое количество земли совершенно недостаточно, так как оставленные под залежь участки не успевают восстанавливать свое плодородие. Истощение почв и вследствие этого чрезвычайно низкая урожайность, внедрение колониальными властями в хозяйство коренного населения экспортных культур (кофе, хлопка и др.), отвлечение мужчин, основной рабочей силы деревни, на европейские предприятия — все это привело крестьянское хозяйство к деградации и обрекло сельское население страны на хронический голод и ужасную нищету.

В реакционной западноевропейской прессе много написано о «цивилизаторской» миссии португальских колонизаторов в Анголе. И в прессе, и в португальском парламенте не раз выступали Салазар и многие другие апологеты колониализма, на все лады расхваливавшие так называемый «португальский» способ управления колониями. Однако опубликование капитаном Энрико Галвао документов о положении в Анголе развеяло эту дымовую завесу и показало подлинную деятельность португальских колонизаторов в Анголе.

Посмотрим, что же дали португальские «цивилизаторы» народу Анголы.

Лучшие земли Анголы, месторождения полезных ископаемых и леса с ценнейшими древесными породами португальское правительство передало в концессии монополистическим компаниям Португалии, США, Англии, Бельгии. За последнее время наблюдается интенсивное проникновение в экономику Анголы западногерманского монополистического капитала. Этим компаниям принадлежат крупнейшие сельскохозяйственные плантации, рудники, промышленные предприятия, транспорт. В их руках находятся финансы, внутренняя и внешняя торговля. «Компания ди диамантиш ди Ангола», значительную роль в которой играет монополистический капитал США, эксплуатирует алмазные россыпи страны. «Компания ди манганиш ди Ангола» занята добычей марганца. Добыча меди сосредоточена в руках монополистов компании «Эмпреза ди кобри ди Ангола» и т. д. Согласно официальному отчету «Компания ди диамантиш ди Ангола» чистая прибыль ее в 1959 г. достигла 106 105 900 эскудо, против 87 727 900 эскудо в 1958 г. Заморские «цивилизаторы» грабят страну и загребают баснословные прибыли, а уделом коренного населения являются каторжный труд и нищета.

В Анголе, как и в других португальских колониях Африки, до сих пор широко применяется полурабский принудительный труд. По свидетельству специального корреспондента газеты «Таймс», каждый африканец, начиная с 18-летнего возраста, обязан отработать в принудительном порядке на европейских предприятиях не менее шести месяцев в году. Если в деревнях нет мужчин, для дорожных работ привлекаются женщины и дети⁴.

Парижская печать отмечала, что португальские колонизаторы преуспели в одном — в создании поистине «классической» системы колониального угнетения и ограбления. Сначала они вывозили из Анголы тысячи рабов на американские плантации, затем насадили рабовладельческую систему в самой Анголе. Поставкой рабов занимаются сами ангольские власти. Владельцы плантаций получают от них якобы «контрактанных», а фактически насильно или обманом завербованных для работы на плантациях африканцев. Такой же подневольный характер носит труд африканцев на строительстве дорог, мостов, каналов, на рудниках и т. д.

4,5-миллионное население Анголы почти поголовно неграмотно. О высшем образовании нечего и говорить: в Анголе нет ни одного высшего учебного заведения. О состоянии медицинского обслуживания красноречиво говорит тот факт, что один врач приходится на 25 тыс. жителей. Из 100 рождающихся детей 60 не доживают и до 5 лет. Смертность велика также и среди взрослого населения: 40% анголезцев умирает в возрасте 30—40 лет.

После второй мировой войны, когда народы африканского континента решительно выступили против империалистических угнетателей, португальские колонизаторы предприняли ряд мер в целях маскировки грабежа и насилий в африканских колониях.

В июне 1951 г. вступил в силу выработанный правительством Салазара закон, согласно которому Ангола, Мозамбик и португальская Гвинея, именовавшиеся ранее колониями, были объявлены «заморскими провинциями». Португальские власти неоднократно заявляли, что будто бы уже сам факт предоставления колониям статута «заморских провинций» несовместим с колониализмом, что проблема Анголы — это внутреннее дело Португалии, не подлежащее обсуждению в ООН и его комиссиях. Этот чудовищно лицемерный тезис выдвигался португальскими представителями на XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в ноябре 1960 г., а затем на заседании Совета Безопасности в 1961 г.

На самом деле переименование колоний в провинции, разумеется, ничего не дало и не могло дать народам португальских колоний, которые, как и прежде, подвергаются жесточайшей колониальной эксплуатации.

Для системы колониального угнетения в Анголе и в других португальских колониях Африки характерно сочетание политики насильственной ассимиляции с расовой дискриминацией, пронизывающей общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь африканского населения.

Позорный, унижающий достоинство человека закон 1951 г. делит местное население португальских колоний Африки на две категории: «цивилизованных» и «нецивилизованных». «Цивилизованными» африканцами считаются только те, кто получил португальское гражданство; в разряд «нецивилизованных» колонизаторы включают всех остальных африканцев. Зачисляют в категорию «цивилизованных» сами колонизаторы — крупные колониальные чиновники. В Анголе, например, этим занимается губернатор округа. Тот, кто держит экзамен на «цивилизо-

⁴ «Times», 21.IV—1960 г.

ванность», должен хорошо говорить по-португальски, иметь профессию, которая позволяет обеспечить себя и семью, или владеть достаточным для этого имуществом, отличаться «хорошим поведением» и т. д.

Численность «цивилизованных» ничтожна. В 1960 г. в Анголе она составляла лишь 0,7% коренного населения. Однако и звание «цивилизованного» все равно не спасает африканца от угнетения и определенных форм расовой дискриминации. Так, «цивилизованные» африканцы Анголы лишены возможности участвовать в работе португальского парламента. Из 120 депутатских мест лишь семь предназначено для представителей заморских территорий, причем среди них нет ни одного африканца. Интересы заморских территорий в португальском парламенте представляют португальцы — колониальные деятели или капиталисты.

Чтобы закрепить свое колониальное господство, португальское правительство переселяет в Анголу как можно больше жителей из метрополии. За последние пять лет в Анголу было отправлено около 55 тыс. португальских колонистов, которым правительство выдало значительные субсидии.

Колониальная политика Португалии давно уже вызвала глубокое возмущение африканского населения Анголы. Стихийные восстания против португальских колонизаторов начались еще в 1920-х гг. Эти выступления были жестоко подавлены португальскими властями.

После второй мировой войны в Анголе, как и в других африканских колониях, выросло и окрепло организованное национально-освободительное движение. В 1956 г. на основе объединения существовавших ранее антиимпериалистических патриотических организаций в Анголе возникла партия «Народное движение за освобождение Анголы», а в 1954 г. партия «Союз народов северной Анголы», переименованная в 1958 г. в «Союз народов Анголы», и некоторые другие. В рядах этих партий объединились для борьбы с колониализмом местные рабочие, крестьяне, мелкая буржуазия, интеллигенция. Программа партии «Народного движения за освобождение Анголы» включает пункты о предоставлении стране немедленной и полной независимости, защите интересов трудящихся, укреплении союза со всеми прогрессивными силами страны и др. Партия «Народное движение за освобождение Анголы» в своей борьбе против португальских колонизаторов опирается на все слои анголезского населения, но прежде всего на рабочий класс и крестьянство — самую многочисленную и наиболее угнетенную часть населения страны.

Антиколониальная борьба анголезцев усилилась в 1959 г. В феврале-марте этого года на территории Анголы действовал отряд повстанцев, насчитывающий около 2 тыс. человек. В следующем году это движение развернулось еще шире в связи с известиями о провозглашении независимости Бельгийского Конго. 13 июня 1960 г. партия «Народное движение за освобождение Анголы» направила португальскому правительству заявление, в котором потребовала немедленного признания права народов Анголы на самоопределение и созыва в конце 1960 г. конференции с участием представителей всех политических партий страны и представителей португальского правительства для мирного решения вопроса о предоставлении независимости Анголе. В ответ португальские власти усилили террор против африканцев — борцов за свободу. Опасаясь взрыва народного гнева, правительство Салазара распорядилось о срочной переброске войск, строительстве новых дорог и аэродромов. Особенно активно эти приготовления велись в наиболее развитых в промышленном отношении северных районах страны, где на медных, железных и алмазных рудниках, а также европейских плантациях сосредоточен почти весь пролетариат Анголы. Внушала тревогу португальским властям и близость границ бывшего Бельгийского Конго, народы которого в то время с нетерпением ожидали торжественного дня

провозглашения независимости страны.

Сигналом к вооруженному восстанию, разгоревшемуся сейчас на территории Анголы, явились февральские события 1961 г., когда анголезцы попытались освободить политических заключенных — африканцев из тюрьмы столицы Анголы Луанды.

Атаки восставших патриотов после упорного боя были отбиты португальскими полицейскими и солдатами. Однако сразу же после этих событий освободительная война охватила северные области страны, населенные народами баконго и бамбунду, предки которых еще в XVI—XVII вв. героически боролись с португальскими захватчиками, затем распространилась в центральную область страны, населенную овимбунду, и дальше на юг Анголы. В горах Сьерра да Гомба были сформированы первые повстанческие отряды, состоявшие из хорошо вооруженных и обученных бойцов по 150 человек в каждом. По сведениям тунисского еженедельника «Африк-аксьон», повстанческую армию поддерживало около 5 тыс. гражданских лиц, вооруженных автоматами, «мачете» и дубинками. Сплотившись вокруг партий «Национальное движение за освобождение Анголы» и «Союз народов Анголы», анголезцы продемонстрировали единство и стойкость в борьбе против колониализма.

Португальские власти всеми средствами пытаются подавить национально-освободительную борьбу анголезцев. Для переброски отрядов салазаровских карателей и снаряжения из Лиссабона в Анголу был перекинут воздушный мост длиной около 6000 км. Португальские войска безжалостно истребляют население северных областей Анголы. Еще в мае ими было сожжено более 50 деревень и уничтожено свыше 50 тыс. анголезцев — женщин, детей, стариков. Чтобы спасти жизнь, многие жители северной Анголы бегут в Конго. Однако анголезская национальная армия не только стойко выдерживает натиск вооруженных до зубов португальских войск, но и успешно их атакует. Под контролем повстанцев находится значительная по площади территория в северной Анголе. Португальцы рассчитывали подавить восстание в период засушливого сезона, но планы их провалились. Даже буржуазная печать вынуждена признать, что действия бойцов национально-освободительной армии исключительно целеустремлены и планомерны.

Вопрос о положении в Анголе обсуждался в Совете Безопасности и на заседаниях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Подавляющее большинство участников дискуссии, прежде всего представители социалистических стран и стран Азии и Африки, решительно высказалось за прекращение Португалией истребления анголезцев и претворение в жизнь декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Многие делегаты подчеркивали, что обстановка, созданная правительством Португалии в Анголе, таит в себе угрозу для мира в Африке и во всем мире. Действия португальских колонизаторов были единодушно осуждены участниками конференции неприсоединившихся стран в Белграде в сентябре 1961 г. Несмотря на это, правительство Салазара, чувствуя поддержку со стороны своих партнеров по НАТО, продолжает игнорировать голос справедливости и разума.

Но часы португальского колониализма в Анголе сочтены: встав на борьбу за свободу, героический анголезский народ не сложит оружия, пока не добьется победы.

С О О Б Щ Е Н И Я

Г. Г. ГРОМОВ

ДРЕВНЕЙШИЕ В РОССИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РИСУНКИ

(Таблица из рукописного сборника XVII в.)

Каждый, кто знаком с памятниками древнерусской письменности, знает, что с древнейших времен на Руси проявлялся значительный интерес к этнографическим знаниям. Хорошо известна знаменитая и единственная в своем роде этнографическая сводка «Повести временных лет». Немало этнографических сведений можно найти и в других летописных текстах. Отдельные, порой весьма интересные этнографические данные можно встретить и в таких письменных источниках, как духовные грамоты, купчие, дела о татъбе (краже) и т. п.

Особенно интересны для этнографа и историка культуры миниатюры, иллюстрирующие древнерусские рукописи, иконы и другие изобразительные памятники. По этим источникам мы можем судить о таких сторонах и особенностях древнерусской культуры и быта (включая и многие важные для этнографов «мелочи»), о которых письменные источники ничего или почти ничего не сообщают.

После исследования А. В. Арциховского о древнерусских миниатюрах¹ не остается сомнений в том, что эти богатейшие материалы можно использовать как один из ценнейших источников по истории культуры русского народа. К сожалению, они еще недостаточно изучены и мало используются в работах этнографов как самостоятельный источник. Привлечение этих данных носит чаще всего случайный характер — они используются как иллюстрации, подтверждающие выводы авторов, основанные на других источниках. Между тем, изучение древнерусских миниатюр может дать очень интересные материалы для истории культуры и быта русского народа; это значительно расширит, особенно хронологически, круг этнографических источников. Настоящая статья и посвящена одному из таких интересных для этнографии памятников древнерусской письменности.

В одном «лицевом», т. е. иллюстрированном, рукописном сборнике XVII в.² имеется таблица рисунков, на которой изображены двенадцать народов, населявших Россию того времени и соседние с ней земли. Эта таблица является древнейшим из известных нам этнографических русских памятников подобного рода.

Сборник представляет собой несколько сшитых вместе тетрадей из 50 с лишним листов текста, богато иллюстрированного миниатюрами. Рукопись довольно плохой сохранности. Часть листов утеряна (сборник начинается сразу с 6-го листа), часть порвана, углы многих листов оборваны, некоторые страницы сильно загрязнены. Размер листов «в десть» (310×191 мм). Переплета нет, рукопись вложена в кожаную папку, из которой свободно вынимается. Сборник реставрирован. Попорченные листы тщательно подклеены. При реставрации пользовались наклейкой сильно попорченных листов целиком на прозрачную бумагу, что придает рисункам несколько блеклый тон. На целых, не реставрированных листах тон красок свежий и сочный.

Сборник написан полууставом XV—XVII вв. Можно выделить по крайней мере два почерка: мелкий, четкий³, и крупный, несколько небрежный. Рукопись кем-то правилась. Правка хорошо заметна, так как производилась она более светлыми чернилами. Тексты в рукописи занимают немного места. Большая ее часть отведена миниатюрам, заполняющим нередко целые страницы. Миниатюры выполнены обычным приемом — вначале один рисовальщик наносил контуры рисунка, затем второй его раскрашивал.

¹ А. В. Арциховский, Древнерусские миниатюры как исторический источник, М., 1944.

² Лицевой рукописный сборник XVII века (в дальнейшем «Лицевой сборник»). Хранится в рукописном отделе Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Софийское собрание, № 1430).

³ Этим почерком написана большая часть текста рукописи.

Краски акварельные, но довольно густые, иногда перекрывающие контурный рисунок. Рисунки выполнены в обычной условной манере древнерусских миниатюристов. В тех сюжетах, которые отходят от общепринятых канонов, особенно чувствуется умение рисовальщика верно передавать реальную действительность.

Содержание сборника довольно разнообразно по тематике, но главное место занимают отрывки из житийной литературы и тексты духовного содежания. По-видимому, сборник был составлен как книга для «душеспасительного» чтения.

Сборник не датирован, и точную дату его создания мы не знаем. Время его составления можно определить только приблизительно по бумажным водяным знакам, которые имеются на листах рукописи. Плотная раскраска миниатюр не дала возможности рассмотреть знак на просвет, но при сопоставлении разных листов удалось установить, что сборник написан на бумаге одной и той же голландской фабрики. Водяной знак имеет форму головы шута в колпаке и зубчатом воротнике. Аналогичные знаки встречаются в рукописях третьей четверти XVII в.⁴ Сопоставление лигатур, сопровождающих основной водяной знак, и особенностей самого знака с большой долей вероятности позволяет считать, что рукопись была создана не позже этого времени⁵.

Место составления сборника — Новгород. В настоящее время сборник хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Туда он попал в середине XIX в. из собрания рукописей новгородского Софийского собора, когда Археографическая комиссия предприняла сбор памятников русской письменности. На это указывают и пометки на полях самого сборника⁶. Но не только это убеждает нас в новгородском происхождении рукописи. В начале сборника помещен рассказ о пожаре Софийского собора и нашествии «немцев» (шведов) на Новгород в 1457 г. Не говоря уже о новгородской тематике этого отрывка, текст иллюстрирован такими рисунками Новгородского кремля и самого города, которые мог сделать только человек, живший в Новгороде и хорошо знавший город. Несмотря на условную манеру исполнения, рисунки хорошо воспроизводят характерные черты этой части города⁷. Характерен и выбор народов, изображенных на интересующей нас таблице, о чем мы скажем ниже.

Эта таблица помещена среди текста, который к ней непосредственного отношения не имеет. Она находится среди целой серии рисунков, иллюстрирующих рассказ о втором пришествии Христа и Страшном суде. Не совсем ясно, почему иллюстраторы сборника решили поместить таблицу именно здесь. Возможно, что к этому их побудило то место из легенды о Страшном суде, где говорится, что на Суд будут призваны все народы земные, хотя в данном месте рукописи об этом ничего не сказано⁸. Впрочем, иллюстраторы украшали рукопись рисунками, гораздо более широкими по тематике и содержанию, чем сами тексты; их рисунки не только иллюстрируют, но и дополняют текст.

Интересующая нас таблица занимает целую страницу рукописи (л. 14)⁹. Страница разделена миниатюристом на двенадцать клеток: три по горизонтали и четыре по вертикали. Размеры клеток не одинаковы, особенно, по высоте. Высота верхнего ряда — 55, второго — 60, третьего — 70, четвертого — 93 мм. Различия в ширине слева направо: 59, 58 и 49 мм.

Перед нами целая серия миниатюр, помещенных на одном листе. Каждый рисунок изображает группу людей, стоящих в традиционных для русской миниатюры позах. Рисунки имеют надписи, поясняющие, какой народ на них изображен. Порядок расположения народов не совсем ясен, но, вероятно, таблицу нужно рассматривать слева направо и сверху вниз, так как в такой последовательности нарисованы народы, игравшие крупную роль в истории Русского государства того времени: сами русские, поляки, литовцы, крымские татары. Изображение на втором месте евреев можно рассматривать как дань церковным традициям, что видно и из содержания рисунка. В такой последовательности на таблице изображены: русские («Русь»), евреи («жиды»), поляки («ляхи»), литовцы («литва»), крымские татары («крымляны»), турки («турки»), греки («эллыны»), неизвестный народ или народы под именем «агаряня», калмыки («колмыки»), лопари («лопляня»), одно из литовских племен — жмудь («жмодяня») и персы («кезелбашене») ¹⁰.

⁴ Н. П. Лихачев, Бумаги и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве, СПб., 1891, стр. 53—55; его же, Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, стр. 413—414; К. Я. Тромонин, Знаки писчей бумаги, М., 1847, стр. 21, табл. 86, № 1253; стр. 17, табл. 56, № 811.

⁵ Большинство датированных рукописей с аналогичными знаками у Н. П. Лихачева и К. Я. Тромонина относятся к 1668—1676 гг.

⁶ «Лицевой сборник», л. 2.

⁷ Там же, лл. 1, 1 об., 2, 3 об.

⁸ Подходящие по смыслу фразы есть на лл. 4—6 об. Возможно, что при реставрации были перепутаны листы (?).

⁹ На листе две пометы. Одна, более ранняя, — «15» — зачеркнута. Пометы следаны, вероятно, хранителями библиотеки.

¹⁰ Ударения проставлены авторами рукописи.

В каждой группе полностью видны только 2—4 фигуры. Фон рисунков разделен на две части. Нижняя («земля») закрашена серой краской, верхняя не закрашена.

Лист, содержащий эти миниатюры, был сильно попорчен, и его реставрировали. Он наклеен на прозрачную бумагу, что делает краски блеклыми. Правый нижний угол с частью рисунка утрачен.

Начнем рассмотрение рисунков в том порядке, в котором, как нам кажется, их расположили авторы миниатюр: слева направо и сверху вниз.

Русские. Надпись в левом верхнем углу «Русь». Полностью видны две фигуры. У третьего человека видно только лицо. Все трое без шапок¹¹. Двое — с окладистыми бородами, третий — безбородый. Одеты в длиннополые «кафтаны» (пóлы до земли). Одежда у одного зеленого, у другого красного цвета¹². У одного из русских хорошо виден желтый пояс и такого же цвета манжеты. Рукава средней ширины, сужающиеся к запястьям. Из-под длиннополной одежды видны кончики обуви красного цвета. Форму и характер этой обуви определить нельзя, но она, скорее всего, кожаная и, бесспорно, не плетеная.

Вторая миниатюра имеет надпись «жиды». Содержание ее расшифровано во второй надписи: «святый Моисей взял Пилата и указал ему Христа крест и копие». Сюжет этой миниатюры — вымысел ее авторов. Слева на миниатюре изображен Моисей с нимбом над головой, одной рукой придерживающий плащ, а другой указывающий куда-то вдаль. Он бос, одет в длиннополую рубаху зеленого цвета с широкими рукавами и плащ коричневого цвета. У него короткая борода и лысина. Справа нарисована группа — Пилат и его «свита». Пилат в золотой (желтой) короне (такие коконы в лицевых летописях обычно украшают головы царей), одет в длиннополую рубаху с узкими рукавами зеленого цвета. По подолу рубахи — золотая (желтая) кайма. На плечи накинут красный плащ, скрепленный у левого плеча круглой фибулой. Обувь у Пилата и его свиты красного цвета (видны только козачки). Из свиты полностью видна только одна фигура в зеленой длиннополной одежде и монашеском головном уборе.

Поляки. Вверху, в центре миниатюры, надпись «ляхи». Это — обычный для поляков этноним в русской средневековой литературе. Полностью видны три фигуры. Все они без шапок. Двое безбородых, один с короткой бородой. Одеты в короткие рубахи и штаны. Рубахи с круглым вырезом ворота и широкими рукавами. Полы немного не доходят до колен. Судя по складкам, рубахи подпоясаны, но самих поясов не видно. У двоих вокруг ворота обозначен полукругом воротник или вышивка, но миниатюрист закрасил эту деталь тем же цветом, что и рубахи. Рубахи красного, зеленого и коричневого цвета. Штаны узкие, заправлены в сапоги. Сапоги мягкие, красного цвета, у щиколоток, и под коленями перевязаны. Такие сапоги часто встречаются в других древнерусских миниатюрах при изображении русских, литовцев и других народов.

Литовцы. Вверху в центре надпись «литва». Полностью видны три фигуры, у четвертого человека — только глаз и шапка. Все четверо в мягких шапках, слегка заломленных назад, с узкими отворотами-полями¹³. Один безбородый, у двоих бороды «клином». Одежды длиннополые, того же типа, что и у русских. Но в отличие от русских вокруг круглого ворота идет двойная желтая кайма. Такая же кайма по подолу и на манжетах. Все трое подпоясаны. Пояса желтого цвета, хорошо видны у двоих. Обувь такая же, как у русских.

Крымские татары. В правом верхнем углу надпись «крымляна». Полностью видны три фигуры. У четвертого человека видно только лицо. Все они без шапок. Характерны лица этой группы. Рисовальщик изобразил их без волос, с бритыми головами. Миниатюрист, раскрашивавший рисунки, окрасил и бритые головы всех «крымлян». Но эта ошибка хорошо заметна на рисунке. Двое из татар без бороды, у двоих нарисованы характерные редкая борода и редкие усы. Рисовальщик стремился подчеркнуть и другие монголоидные черты у татар; особенно ему удалось передать монголоидное строение глаз у одного из них (третий слева). Характерна и одежда этой группы. Татары одеты в длиннополые платья зеленого и красного цвета, а поверх накинuty длинные коричневые плащи. Штрихами рисовальщик показал, что эти плащи меховые, сделаны из шкур или наподобие кавказских бурок. Красная обувь едва видна из-под длиннополной одежды.

¹¹ За исключением литовцев, греков и персов, все остальные нарисованы без шапок. Это не характерно для древнерусской миниатюры. Такое отступление от традиций можно объяснить тем, что авторы рисунков стремились, вероятно, подчеркнуть, что изображается «простой народ», который и в других миниатюрах изображен без шапок в противоположность князьям, боярам и иным знатым лицам (см. А. В. Арциховский. Указ. раб., стр. 115).

¹² Два цвета — зеленый и красный — излюбленные для окраски одежд у художников — авторов рассматриваемой таблицы.

¹³ Форма этих шапок несколько не совпадает с обычной, традиционной формой «литовских» шапок других древнерусских миниатюр, особенно «Лицевого летописного свода» (см.: А. В. Арциховский, Указ. раб., стр. 101).

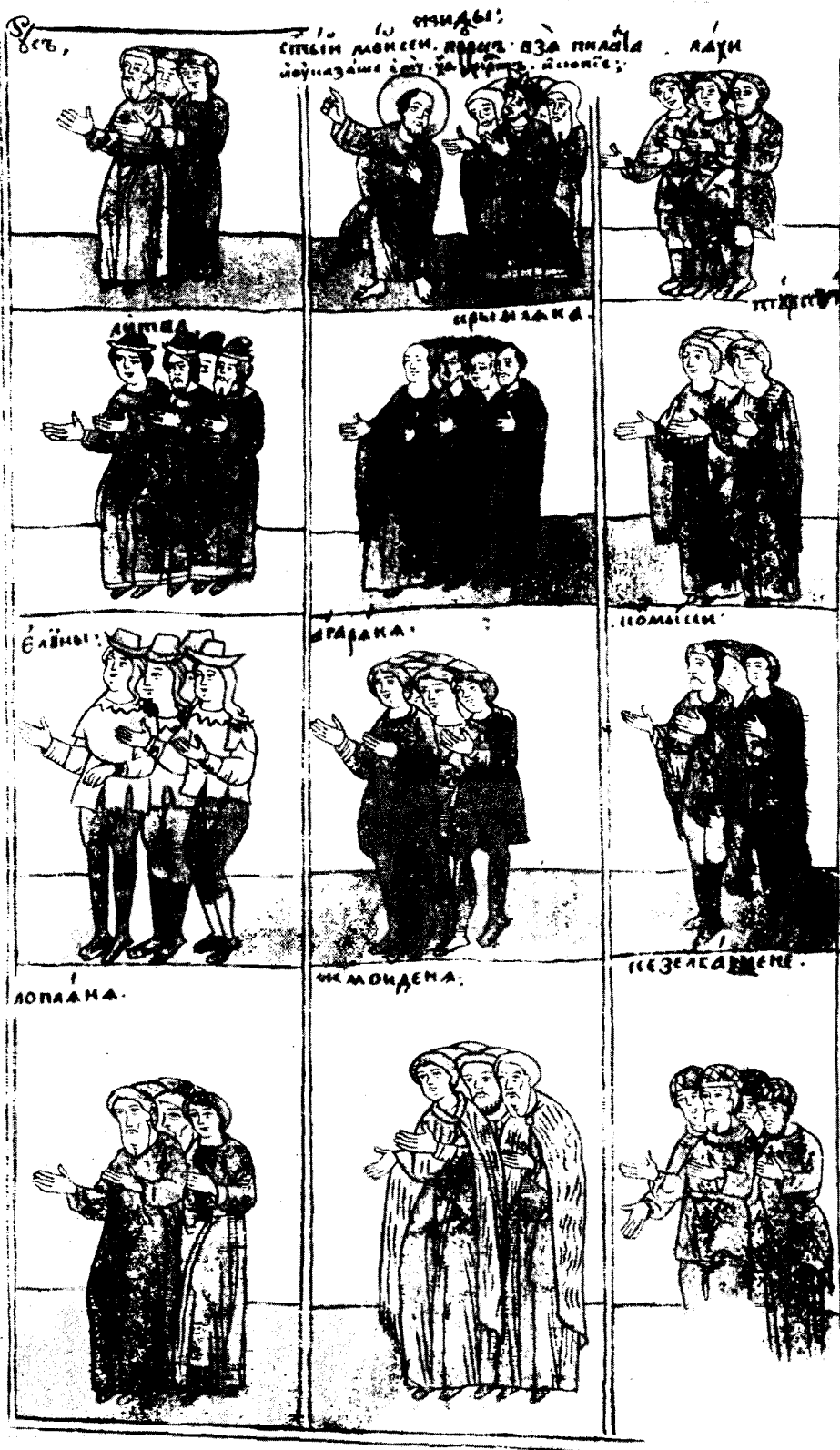

Рис. 1. Миниатюра из лицевого сборника XII века (л. 14).

Турки. Надпись в правом верхнем углу «турки». Вначале было написано «твркѣ», потом последняя буква более светлыми чернилами переправлена на «и». Из всей группы полностью видны только две фигуры. Они без шапок. Лица безбородые. На них длинные — «до пят» — одежды; сверху накинuty такие же, как у татар, но несколько короче. мохнатые плащи коричневого цвета. У одного из турок плащ на левом плече скреплен круглой фибулой, но она окрашена в тот же коричневый цвет. Обувь такая же, как у татар.

Греки. Надпись в левом верхнем углу «ѣліны». На рисунке полностью видны три фигуры. У четвертого грека видны глаз и шляпа. Эта группа значительно отличается от всех остальных своей одеждой и длинными, до плеч, волосами. Все они в шляпах. Такие шляпы с круглой тульей и широкими полями, сделанными, вероятно, из фетра или другого подобного материала, в большинстве русских миниатюр украшают головы иностранцев из западных стран¹⁴. Греки одеты в куртки светло-коричневого цвета с короткими рукавами, с разрезами по подолу и рукавам. Из-под рукавов курток видны длинные рукава белых рубах, но манжеты этих рубах миниатюрист решил покрасить тем же цветом, что и куртки. Воротники «зубчатые», белые. Штаны узкие, «в обтяжку», коричневого и желтого цвета. На ногах у двоих красные сапоги, у третьего чулки и черные туфли. В целом эта миниатюра дает обобщенный тип «западноевропейцев», так как в том же сборнике на 3-м л. об. в подобной же одежде нарисованы «немцы» и шведы, подходящие к Новгороду.

Следующая миниатюра имеет в левом верхнем углу — надпись «агаряня». Какой именно народ изобразили художника под этим названием — сказать трудно, потому что в летописях так называют различные народы¹⁵. На рисунке полностью видны две фигуры и лицо третьего человека. Все они безбородые, с густыми шапками волос. Одеты в короткие рубахи с круглым воротом и штаны. Вокруг ворота очерчен узкий полукруг воротника или вышивки, окрашенный тем же цветом, что и рубаха. Рукава длинные, сужающиеся к запястью, с манжетами белого цвета. Рубахи, судя по расположению складок, подпоясаны. Штаны узкие, заправлены в мягкие красные сапоги. Рубахи красного, салатного и зеленого цвета, штаны красные и зеленые. В рисунке — одежда и характере лиц нет ничего, что помогло бы определить, какой народ здесь изображен.

Калмыки. В левом верхнем углу надпись «колмыки». Полностью видны две фигуры и часть лица третьего человека. Они без шапок. Лица безбородые, но у одного (крайнего слева) длинные тонкие усы. Одеты они в короткие рубахи без пояса красного и зеленого цвета. Узкие штаны заправлены в мягкие красные сапоги. Поверх рубах надеты мохнатые плащи коричневого цвета. У крайнего правого калмыка плащ скреплен круглой фибулой.

Лопари. В левом верхнем углу надпись «лопляня». Полностью видны двое и часть лица третьего. Двое с окладистыми бородами, третий безбородый. На них длиннополые одежды, перехваченные в талии поясом, с круглым воротом, широкими рукавами. Цвет одежды — зеленый и красный. Из-под одежды видны кончики красной обуви.

Жмудь. В левом верхнем углу надпись «жмоидея». Полностью видны двое и лицо третьего. Двое с окладистыми бородами, третий безбородый. Они в длинных одеждах, спадающих свободными складками до земли, без поясов. У старшего рукава широкие. У левого крайнего рукава перехвачены у запястья манжетами. На плечи наброшены плащи, скрепленные у ворота фибулами. Плащи на рисунке заштрихованы, как и у татар, турок и калмыков, но штрихи положены так, что материал плащей скорее похож на мохнатую ткань, чем на шкуру. Из-под одежды видны кончики красной обуви.

Персы. Надпись в левом верхнем углу «кесе:башене». Вначале это слово было написано через букву «ж», затем она переправлена на «ш» другой рукой и более светлыми чернилами. На рисунке полностью видны два человека, а у третьего — только лица. На всех головные уборы, в которых нетрудно узнать чалмы. Трое персов с бородами, один безбородый. Они одеты в короткие рубахи с широкими рукавами и круглым вырезом ворота. Рубахи, судя по складкам, подпоясаны. Цвет рубах — зеленый, красный, салатный. У двоих вокруг ворота кайма желтого цвета. К сожалению, угол листа рукописи оторван, из-за чего не видна полностью нижняя часть рисунка, а следовательно, и ноги персов. Однако сохранившаяся часть миниатюры позволяет заключать, что нижняя часть одежды несколько необычного типа — она падает из-под рубах широкими складками. Это могут быть и широкие штаны, и длинные рубахи. Цвет штанов зеленый и си-
рневый, чалмы зеленого, красного и салатного цвета.

¹⁴ В древнерусских миниатюрах более раннего времени греки (византийцы) обычно изображаются в таких же одеждах, как и русские (см.: А. В. Арциховский, Указ. раб., стр. 101). Возможно, что здесь художники имели в виду греков уже Балканского полуострова.

¹⁵ Агаряне, по библейской легенде, — потомки рабыни Агари. В русских летописях и других письменных памятниках агарянами чаще всего называли арабов и другие мусульманские народы. (См.: «Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей», отд. 2, СПб., 1907, стр. 1).

* * *

Какова же ценность рассмотренных миниатюр как источника по исторической этнографии и истории культуры России?

Верхнюю хронологическую границу исследуемой рукописи мы знаем — это приблизительно третья четверть XVII в. Анализируя содержание рисунков на интересующей нас таблице, мы можем приблизительно определить и нижнюю границу времени ее создания. Среди изображенных народов имеются калмыки. Этот народ появился на юго-восточных границах России в конце XVI — начале XVII в. Можно предположить, что сведения о калмыках достигли Новгорода, где создавалась рукопись, в середине XVII в. Следовательно, нижней хронологической границей таблицы и является, по-видимому, середина XVII в.

Анализ рисунков убеждает нас в том, что это не копия с какого-либо более раннего оригинала, а самостоятельное творчество миниатюристов. Во-первых, слишком мал промежуток времени между возможной нижней и верхней хронологическими границами таблицы. Во-вторых, в рисунках есть ряд существенных отступлений от традиций русской миниатюры, свидетельствующих о большой самостоятельности рисовальщиков, что повышает для нас ценность таблицы как исторического источника. Прежде всего обращает на себя внимание вольность художников в обращении со священной историей. На второй миниатюре («жиды») мастера поместили рядом персонажи разных эпох — мифического пророка Моисея и Пилата. Как видно, миниатюристы не были сильны в священной истории, и данное изображение было целиком плодом их фантазии¹⁶. Нарушение традиции древнерусской миниатюры можно видеть и в изображении греков (елинов) в обще-европейской одежде. Необычно для традиций древнерусской миниатюры даны шапки на литовцах, в большинстве других русских миниатюр литовские шапки имеют иную форму.

Обращает на себя внимание и то, что рисунки данной рукописи, не говоря уже о рассматриваемой таблице, нередко не соответствуют тексту. Рисунки, как уже отмечалось, значительно дополняют и расширяют содержание рукописи, являясь вторым, причем более широким повествованием.

Еще это убеждает нас в том, что данные рисунки не являются копией с какого-то раннего оригинала, а создавались вместе с рукописью, примерно во второй — третьей четверти XVII в. Поэтому рисунки следуют традиции миниатюры лишь в общих приемах (позы персонажей, расцветка одежды и некоторые другие детали). Содержание же рисунков и отдельные, весьма важные для нас детали взятые из жизни и могут считаться реалистичными, а поэтому заслуживают доверия. В выборе сюжетов и их трактовке миниатюристы проявили большую самостоятельность и оригинальность, часто передавая в своих рисунках реальную действительность. Конечно, их «реализм» осложнен традиционными приемами и условностями древнерусской школы миниатюристов.

Мы уже говорили выше, что рисовали рассматриваемые миниатюры новгородцы. Это подтверждается и отбором изображенных народов. Кроме тех народов, которые были в то время хорошо известны на Руси, даны изображения и менее известных народов, но как раз тех, которых хорошо знали новгородцы. Это лопари и жмудь¹⁷. В то же время народы, соседившие с русскими с востока (мордва и другие), на таблице не помещены.

В рассматриваемой таблице имеются и такие особенности рисунков, которые позволяют нам выделить характерные черты отдельных народов.

Вот как описывает татар Сигизмунд Герберштейн. «Это люди среднего роста с широким жирным лицом, с косыми и впалыми глазами; волоса отпускают только на бороде, а остальное бреют»¹⁸. И далее: «остальной народ (кроме богатых. — Г. Г.) носит одежду, считую из овечьих шкур»¹⁹. На рассмотренном нами рисунке, изображающем крымских татар, все перечисленные черты в характере лиц и особенностях одежды имеются. Тот же Герберштейн отмечал, что «другие татары живут за рекою Ра (Волгой. — Г. Г.); так как они одни только отращивают волоса, то их называют калмыками»²⁰. На нашей таблице мы видим калмыков с густыми шапками волос, в мохнатых плащах из шкур. Интересно, что такие же плащи изображены и на турках. Все эти три народа в представлении миниатюриста были близки между собой и носили схожие одежды (плащи), хотя калмыки одеты несколько иначе (узкие штаны и рубахи).

¹⁶ Эта миниатюра замечательна и в другом отношении. Здесь художник явно противопоставляет босого, бедно одетого, плешивого, но спокойного и уверенного Моисея группе Пилата. Сам Пилат в царских одеждах, его окружают священники, богато одетые, но все они смущены, а священники даже напуганы и с опаской выглядывают из-за спины Пилата. В этом рисунке нетрудно увидеть насмешливое сатирическое отношение авторов миниатюр к духовенству. (Заметим при этом, что свита Пилата в таких же монашеских одеждах, в каких на древнерусских миниатюрах обычно рисуют и русских священных лиц). Сатирические мотивы в миниатюрах новгородской школы отмечал и А. В. Арциховский).

¹⁷ Заметим, что авторы миниатюр хорошо знают о делении литовцев на две ветви («литва» и «жмуденя»).

¹⁸ «Записки о Московии барона Герберштейна», СПб., 1906, стр. 141.

¹⁹ Там же, стр. 143.

²⁰ Там же, стр. 159.

Своеобразие в одежде других народов, особенно славянских, менее определено. Так, русские изображены в длиннослых одеждах, хотя по древнерусским миниатюрам известен и другой тип русской одежды — рубаха и узкие штаны. Но здесь, возможно, сказалось то, что рисовальщики были горожанами, а в городах длиннополая одежда была более распространена²¹. Поляки же изображены в коротких рубахах и штанах, что характерно для польской одежды и более позднего времени²². Литовцы нарисованы в длиннополых одеждах. Это, очевидно, соответствовало действительности, так как Герберштейн тоже отмечал, что «этот народ носит длинное платье»²³. На таблице очень верно переданы и особенности одежды персов (чалмы, длинные, виднеющиеся из-под рубах широкие штаны)²⁴, хотя из-за дефектности рисунка они видны не полностью.

Насколько наблюдательны были авторы рисунков и как точно они передавали характерные особенности изображенных народов хорошо видно по миниатюре, где нарисованы жемайты (жмудь). Прежде всего, интересен сам факт выделения жмуди как отдельного народа. Жмудь — одна из групп литовского народа, очень долго сохранявшая особенности в культуре²⁵. Миниатюристы отметили две особенности, характерные для «жемайты». Во-первых, — их высокий рост, что отмечал и Герберштейн: «...жители этой страны в огромном большинстве случаев высокого роста»²⁶. Во-вторых, — они одеты в плащи, скрепленные фибулами у ворота. Традиция ношения таких покрывал-плащей наблюдается у народов Прибалтики и по сей день²⁷. Выше уже отмечалось, что миниатюрист подчеркнул и характер материала, из которого сделаны эти плащи (в отличие от плащей татар, турок и калмыков они менее «мохнаты»).

Однако в изображении народов на таблице имеются и неточности. Так, совсем невыразителен костюм лоплян (лопарей). Вероятно, авторы рисунков их никогда не видели, и кроме сравнительно низкого роста, никаких других характерных особенностей лопарей ни в лицах, ни в одежде не изобразили. Все же остальные группы отражены, по-видимому, довольно правдиво.

Миниатюристы, будучи скорее всего горожанами, рисовали те костюмы, которые видели на иноземных послах и купцах, приезжавших в Новгород. Все же соседи с Новгородом народы (поляки, литва, жмудь) были им хорошо знакомы, так что одежда этих народов, по-видимому, отражает типичные, распространенные формы.

Наличие среди русских рукописей подобной таблицы свидетельствует о большом интересе и довольно широких знаниях в области этнографии на Руси XVII в. Традиция, заложенная легендарным Нестором, продолжала развиваться в русской письменности.

Несмотря на все недостатки и некоторую условность рассматриваемых миниатюр, они, несомненно, содержат ряд реалистичных черт в антропологическом облике и одежде изображенных народов. Это позволяет нам использовать данные миниатюры как источник по этнографии и истории культуры народов России и соседних с нею стран.

Наличие и особенности этой этнографической таблицы как источника позволяют еще раз подчеркнуть большое научное значение древнерусских миниатюр как ценнейших материалов для исследования проблем этнографии и истории культуры русского и других народов. Подробное исследование наших средневековых графических памятников позволит рассматривать развитие многих явлений культуры в историческом аспекте, что при отсутствии подробных описаний в письменных источниках пока крайне затруднительно.

²¹ А. Олсариий, Путешествие в Московию, СПб., 1906, стр. 174—175.

²² См.: «Atlas polskich strojów ludowych», Wrocław, 1955.

²³ С. Герберштейн, Указ. раб., стр. 166—167.

²⁴ «Народы Передней Азии», серия «Народы мира», М., 1957, стр. 197—199.

²⁵ С. А. Токарев, Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 104.

²⁶ С. Герберштейн, Указ. раб., стр. 175.

²⁷ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 103, 116, 122.

Г. А. НЕРСЕСОВ

АЛЖИР В 1881—1882 гг. (по письмам русского журналиста)

В истории освободительной борьбы алжирского народа, не прекращающейся с того дня, как французские колонизаторы ступили на алжирскую землю, значительное место принадлежит восстанию 1881 г. Восстание это знаменательно уже тем, что оно происходило в преддверии эпохи империализма, когда колониальная агрессия могущественных капиталистических держав приобрела особенно широкий размах. Именно в этот период — на рубеже 70-х и 80-х годов XIX в. — правительства Англии и Франции, Италии и Германии, Бельгии и Португалии поставили одной из своих важнейших задач захват огромных, привлекавших своими необъятными возможностями, источников сырья, рынков сбыта и сфер приложения капитала на африканском континенте. Черная туча колониального разбоя нависла над странами Африки. В эту мрачную пору каждое смелое выступление против колониального господства являлось вдохновляющим примером для всех, кто отстаивал свою свободу и независимость и в самой Африке, и в Азии, и в Латинской Америке — повсюду, где народы вели неравную борьбу с вооруженными до зубов войсками колонизаторов.

Правительства колониальных держав всячески старались извратить события, происходившие в странах, ставших объектами колониального грабежа, очернить народы, борющиеся с колониализмом, представить войны за порабощение народов как некое культуртрегерство, защиту «цивилизации» от «варварства» дикарей, якобы не желающих понять, какие неисчислимые «блага» несет им господство колонизаторов.

Правительство Третьей Республики не составляло в этом отношении исключения. Когда французские войска вторглись в апреле 1881 г. на территорию Туниса, оно потрунилось оградить свою колониальную экспедицию от взора посторонних глаз. Даже аккредитованным во Франции военным атташе других стран, в том числе и русскому военному агенту, не разрешили посетить Тунис¹. Аналогичные меры были приняты и во время подавления восстания в Алжире, начавшегося летом 1881 г. Французская буржуазная пресса обливала народы Туниса и Алжира потоками клеветы. В то же время на страницах газет и журналов систематически печатались статьи, восхвалявшие «гуманность» и «справедливость» действий французской военщины по отношению к восставшим. В прессе многих других капиталистических стран события в Северной Африке преподносились в благоприятном для французских колонизаторов свете. Могла ли, например, английская буржуазная печать дать сколько-нибудь объективное освещение борьбы народов Туниса и Алжира за свою свободу, если в это же время правящие круги Англии готовили агрессию против Египта. Не удивительно, что английская пресса уклонялась от публикации материалов, разоблачавших колониальную агрессию в Северной Африке. Так, кичившиеся объективностью своей информации издатели газеты «Таймс» старательно вымарывали из сообщений своего корреспондента в Тунисе факты о зверствах французских войска. Журналист этот рассказывал как-то племяннику голландского купца Ниссена, выполнявшего обязанности консула России в Тунисе, что «Таймс» выпускает из его корреспонденций «не только все то, что касается действительно совершенных (французскими войсками.— Г. Н.) жестокостей, но также все, что может бросить на французов хотя бы тень жестокости»².

Эти слова взяты из письма побывавшего в Северной Африке корреспондента «Московских ведомостей» Валентина Горлова. Комментируя их, он пишет: «Таким образом, по соглашению или, так сказать, заговору установилось молчание о свирепом характере теперешней войны..., но мне, которому пришлось видеть окровавленные головы, прибитые (французами.— Г. Н.) к воротам Туниса, пришлось проехать через обезлюдевший Джебель-Амур (горная область в Алжире.— Г. Н.), пришлось беседовать интимно с высшими командирами французских отрядов,— мне известно хорошо.

¹ Центральный государственный военно-исторический архив, ф. 401, оп. 4/928, 1881, л. № 8, л. 8.

² С.м. «Московские ведомости» (далее: МВ), 1882, № 84, 25 марта.

что следует подразумевать под словами гуманность и великодушие войн, ведомых Францией»³. Естественно, что сообщения очевидца о событиях 1881—1882 гг. в Алжире, отличные от общего тона буржуазной печати того времени, представляют для историка особый интерес. Именно таким очевидцем является В. Горлов, приехавший в Алжир в самый разгар восстания и проводивший здесь более полугода. Путешествие Горлова было сопряжено с преодолением немалых трудностей, которые чинили ему французские военные и гражданские власти, всячески стеснявшиеся гомеопатия распространению объективной информации о войне в Северной Африке. Хотя предусмотрительный журналист захватил с собой целую шкатулку рекомендательных писем к высшим офицерам французской армии, он был принят весьма холодно. Все его попытки получить разрешение сопроводить одну из колонн французской армии неизменно встречали отказ. В конце концов, Горлову было прямо заявлено, что он напрасно теряет время, так как имеется секретный приказ военного министра «относительно не допускать иностранцам проникать во французские войска»⁴. Тогда Горлов решил предпринять самостоятельное путешествие по стране, но и это оказалось не просто. Его всячески отговаривали от этого предприятия, мотивируя рискованностью поездки в одиночку по «мятежной» стране, где европейский путешественник якобы подвергается на каждом шагу опасности быть убитым или ограбленным. Впрочем, дело не ограничивалось уговорами. Местные военные и гражданские власти, рассказывает Горлов, хотя они постоянно враждуют друг с другом, «в одном только действуют вполне согласованно и гармонично, именно в стремлении отказать иностранному путешественнику во всякой законной помощи, совете, охране и т. п. и в оказании ему всевозможных препятствий»⁵. Но Горлов оказался человеком не робкого десятка и не отступил перед трудностями. Путешествуя обычно один или с наемным проводником, он изъездил значительную часть Алжира, побывал в самых глубинных его районах, а также совершил поездку в Тунис, где, однако, из-за болезни пробыл всего два дня. О своих впечатлениях от этих поездок Горлов рассказал на страницах «Московских ведомостей», опубликованных в период с октября 1881 по март 1882 г. 13 его писем под общим названием «Из Алжира».

Направление «Московских ведомостей» хорошо известно. Газета, издававшаяся отъявленным реакционером Катковым, отражала интересы правого крыла российских помещиков и зарекомендовала себя едва ли не главным органом так называемой «охранительной» печати. «Московские ведомости» никак нельзя упрекнуть в антиколониализме. Однако, в отличие от реакционной печати западных держав, «Московские ведомости» могли позволить себе гораздо большую свободу мнения в вопросах, касающихся Африки, ибо она почти не входила в сферу колониальных интересов русского царизма. Известную роль играло также то обстоятельство, что, вскрывая неприглядные факты колониальной политики республиканского правительства Франции, «Московские ведомости» могли использовать эти факты как оружие борьбы против республиканизма вообще. Именно с этих позиций Горлов, политические взгляды которого вполне совпадали с линией газеты, и подошел вначале к вопросу о причинах восстания в Алжире. В одной из первых своих корреспонденций, не успев еще как следует познакомиться со страной, Горлов настойчиво проводит мысль о том, что восстание в Алжире порождено конфликтом между приверженностью к аристократизму и религиозностью, присущими якобы арабам⁶, и нигилизмом, даже «революционностью» республиканского режима во Франции, являющего собой слепое отрицание всех других начал жизни. Проявлением этого конфликта Горлов считал ущемление французским правительством интересов местной алжирской знати, которая на первых порах французского господства сохраняла все привилегированное положение и назначалась французами на важные и хорошо оплачиваемые должности. То обстоятельство, что французское правительство стало отстранять местную аристократию от участия в управлении страной и нарушать «права и преимущества высших классов», — и было, по мнению Горлова, непосредственной причиной восстания 1881 г.⁷ Эта «концепция» не заслуживала бы упоминания, если бы не два существенных обстоятельства. Во-первых, в той же корреспонденции Горлов вынужден был признать, что политика ущемления интересов алжирской знати, в которой он упрекает Третью Республику, проводилась уже правительством Наполеона III, которого даже самые отъявленные монархисты не могли заподозрить в приверженности к республиканизму. По всей сути эта политика была направлена не столько против социальных верхов арабского общества, привилегированное положение которых в сфере социально-экономической почти не затрагивалось колонизаторами, сколько против сохранения каких бы то ни было форм политической самостоятельности алжирских племен. И, во-вторых (это особенно важно), при более тщательном ознакомлении с положением дел в стране Горлов, вольно или невольно, показал некоторые действительные причины восстания в Алжире, его общенародный, а отнюдь не узкоаристократический характер.

³ Там же.

⁴ МВ, 1881, № 295, 24 октября.

⁵ Там же.

⁶ Арабами Горлов называет все коренное население Алжира, включая берберов. В этом смысле термин «арабы» применяется и в статье.

⁷ МВ, 1881, № 336, 4 декабря.

При всех недостатках статей Горлова, обусловленных его реакционными политическими идеалами, в них есть один привлекающий внимание момент — несомненная симпатия автора к народу Алжира, к его стремлениям и надеждам. Будучи в Жеривиле, Горлов стал свидетелем допроса группы арабов, заподозренных в участии в восстании. «Я не знаю отчего, — пишет он, — но мне показалось, что эти сидящие предо мною обвиняемые были славяне и что сидевший подле меня французский капитан был австриец»⁸. Я не в силах был победить в себе эту странную иллюзию, и когда их оправдали, когда я убедился, что они действительно избежали и военного суда, и Каенны, и, может быть, самой смерти, лицо мое выражало во сто раз более радости, нежели их неподвижные черты»⁹. В другой корреспонденции Горлов отмечает прямоту и честность алжирцев¹⁰. Говоря о вождях алжирского восстания Бу-Амене и Си-Слимане, которых французская пресса изображала в виде разбойников с большой дороги и чуть ли не людоедов, он подчеркивает высокие моральные качества и военный талант этих людей¹¹. В корреспонденциях Горлова отмечается эффективность смелых рейдов повстанцев в тылы и на фланги противника. Вместе с тем Горлов на ряде конкретных примеров показывает, что французское командование и печать систематически замалчивают поражения и потери колониальных войск¹². Наконец, с искренней похвалой отзывается Горлов об огромных созидательных, поистине творческих возможностях алжирцев. Вот, что писал он, посетив «страну мзабов» (мозабитов), обосновавшихся к северу от оазиса Уаргла — в долине (шебка) Мзаба, окруженной со всех сторон пустыней. «Здесь мзабы, благодаря настойчивому и интеллигентному (разрядка моя. — Г. Н.) труду успели оплодотворить самую жалкую землю»¹³. Ценой огромных усилий они прорыли множество колодезей, часть которых достигала 8 саженей глубины, засадили орошенные поля целым лесом пальм, воздвигли в прежде пустынных местах многолюдные города.

Что же принесло трудолюбивому и талантливому народу Алжира полувековое французское господство? Ответ на этот вопрос мы находим во многих письмах Горлова, но, пожалуй, наиболее полную картину создают его впечатления от поездки в горный Джебель-Амур. «Бедность населения в Джебель-Амуре, — пишет он, — поистине ужасающая... Единственное богатство этой страны заключается в стадах и верблюдах. Первые погибли от бескормицы; вторые от военной реквизиции. Народ разорен»¹⁴. Горлов подробно останавливается на истории разорения местных верблюдов. Французы забрали всех годных верблюдов. При этом положено было платить за каждого верблюда три франка в сутки и кормить на казенный счет проводников (сокраров). Однако последним, под предлогом, что арабы вообще умерены в пище, стали отпускать только по одному сухарю в день. Платить за верблюдов должны были войска, но списки реквизированных животных остались в канцеляриях тех округов, где они были набраны. «При таких беспорядках деньги пошли вкривь и вкос, доходя только изредка и случайно до владельца»¹⁵. От недостатка пищи, тяжелой работы и дурного присмотра верблюды стали гибнуть. Погибших животных никто не считал, и никаких расчетов за них не производилось. «Ходят, правда, слухи, — пишет Горлов, — что будет выдано некоторое вознаграждение — не более 100 франков за верблюда, — что едва ли составит 1/4 часть действительной стоимости. Но и эта ничтожная сумма, проходя через руки местной администрации, неизбежно сильно урежется». Горлов подчеркивает, что арабы буквально умирают с голоду. Голодающим арабам, стучащимся в двери «арабских управ» (бюро), не оказывается никакой помощи. Офицеры, начальствующие в бюро, не могут дать несчастным даже куска хлеба без разрешения начальства соответствующих округов. 50 млн. франков, которые ассигновал французский парламент для помощи жертвам неурожая последних лет, почти целиком достались французским колонистам, «которые собственно от неурожая пострадали мало. Все деньги остались в Телле»¹⁶, и от них ничего не осталось для облегчения несчастного народа на высотах Плато и в Сахаре»¹⁷. Тяжелое положение жителей Джебель-Амура не облегчили и благоприятные условия 1881 г., когда вследствие обильных дождей мог быть собран богатый урожай. Однако принадлежащие арабам земли остались заброшенными и невспаханными. Горлов объясняет это тем, что арабам негде было взять зерно для посева — они не имели его «даже для своего прокормления». «Таким-то образом, — заключает автор, — под французским владычеством эти страны пустеют.

⁸ В то время под гнетом австро-венгерской монархии Габсбургов находились чехи, словаки, значительная часть южных славян, поляков, украинцев.

⁹ МВ, 1882, № 66, 7 марта.

¹⁰ МВ, 1881, № 334, 2 декабря.

¹¹ МВ, 1881, № 336, 4 декабря.

¹² МВ, 1882, № 43, 12 февраля.

¹³ МВ, 1882, № 30, 30 января.

¹⁴ МВ, 1882, № 62, 3 марта.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Плодородные земли Теллы к этому времени почти целиком были захвачены колонистами, отеснившими коренных жителей в горы и пустыни.

¹⁷ МВ, 1882, № 62, 3 марта.

Не более как шесть лет тому назад Джебель-Амур была страна богатая; теперь — это пустыня!»¹⁸.

Корреспонденции Горлова показывают, что ужасающая нищета характерна не только для жителей Джебель-Амура, но и для коренного населения других областей Алжира. Убедительным свидетельством этого является резкое сокращение поступлений в казну от налогов, которыми облагались только мусульмане (французские колонисты налогов не платили). За один год сбор налогов уменьшился почти наполовину¹⁹. Число погибших от голода в течение последних 7 лет превысило полмиллиона человек²⁰. Целые области обезлюдели. «Все, что может бежать, уходит из этих стран»²¹. Французское господство пагубно сказалось и на традиционных торговых связях Алжира с другими странами Африки. «Караваны из Кано и Сукото (Сокото) отклонились теперь от Алжирии, как от зачумленной для арабов страны, и идут одни через Марокко, другие в Триполи...»²².

Между тем французы уже не удовлетворялись эксплуатацией богатств Телля. Они стремились упрочить свое господство в южных районах Алжира, покорить сохранившие еще самостоятельность местные племена. Не случайно основной очаг алжирского восстания находился на юге страны — в Южном Оране. Горлов показывает, как под предлогом охраны юго-восточного Алжира от вторжений повстанцев из Туниса французские гарнизоны «неприметно» стали перемещаться из Телля на юг и даже в самую Сахару. Сильные гарнизоны французских войск обосновались в Кренчле, Негрине и Бискре; в Туггурт впервые вступили европейские войска; в Эль-Суфе также был размещен французский гарнизон и учреждены военные посты в Зерибель, Заатчи и Уаргла. С этой же целью — покорения южноалжирских племен и захвата их земель — форсированным порядком велось строительство железной дороги из Константины до Бискры (на границе с Сахарой), которую предполагалось затем продлить в пустыню — до Уаргла. Горлов отмечает, что стремление колонизаторов утвердиться на юге страны чревато тяжелыми последствиями для местных племен. Французы, пишет он, будут «добиваться или полного покорения и подчинения, или истребления» этих «несчастных народов». Здесь же Горлов говорит о «сгашной опасности, угрожающей гибелью всей арабской национальности»²³.

Таковы подлинные причины антиколониальной борьбы в Алжире. Не приверженность к идее «аристократизма», как первоначально утверждал сам Горлов, не пресловутый «мусульманский фанатизм» — излюбленное обвинение колонизаторов по адресу мусульманских народов, борющихся за свою свободу²⁴, а защита коренных интересов народа, спасение его от нищеты, рабства и истребления — вот что вдохновляло алжирских повстанцев. И в одном из последних писем Горлова мы читаем весьма знаменательные слова: «Что бы ни говорили французы, единственная вина арабов состоит в том, что они борются за свое отечество, которое также тяжело угнетается чужеземцами, как угнетались и еще угнетаются в Европе славяне»²⁵. Слова эти принадлежат человеку отнюдь не прогрессивных взглядов, человеку, не только не принадлежащему к числу противников колониализма, но пытающемуся даже найти в нем положительную сторону. В корреспонденции от 13 (1) декабря 1881 г., заканчивая очередной рассказ о зверствах французских колонизаторов, Горлов пишет: «От этих грустных строк я с особенным удовольствием перехожу к ряду действий, приносящих французам величайшую честь и относящихся к распространению ими цивилизации в средней Африке»²⁶. Что же заслуживающее восхищения удалось увидеть корреспонденту «Московских ведомостей»? Только одно — так и не осуществленный проект соединения Алжира железнодорожными линиями с бассейнами Сенегала и Нигера, продиктованный, как известно, исключительно военно-стратегическими и экономическими интересами колониальных кругов Франции и направленный на дальнейшее закабаление народов Северной и Западной Африки (первым шагом к осуществлению этого проекта считалось строительство железной дороги между Буфалабе на Сенегале и Сего на Нигере).

Но если аргументы Горлова в защиту «цивилизаторской» миссии колониализма имеют, так сказать, умозрительный характер, то собранные им факты говорят о дру-

¹⁸ Там же.

¹⁹ Налоги эти сами по себе были чрезвычайно обременительны. Так, в оазисе Уаргла, население которого не имело других средств к жизни, кроме разведения финиковых пальм, колониальная администрация взимала налог по 30 сантимов с пальмы. Между тем одна пальма приносила в среднем всего лишь около двух франков дохода в год (см. МВ, 1882, № 30, 30 января).

²⁰ МВ, 1882, № 52, 3 марта; № 84, 25 марта.

²¹ МВ, 1882, № 62, 3 марта.

²² МВ, 1882, № 84, 25 марта.

²³ МВ, 1881, № 336, 4 декабря.

²⁴ В этой связи интересно отметить, что Горлов решительно отвергает обвинение алжирцев в религиозном фанатизме, ненависти к европейцам и т. п. Наоборот, он подчеркивает их веротерпимость, «трогательное, истинно восточное гостеприимство», в котором он мог лично убедиться (см. МВ, 1882, № 84, 25 марта, 1881, № 332, 30 ноября).

²⁵ МВ, 1882, № 68, 9 марта.

²⁶ МВ, 1881, № 350, 18 декабря.

гом. Яркими штрихами рисует автор деятельность носителей европейской «цивилизации» в Алжире. Здесь и жена влиятельного алжирского марабута, француженка по национальности, обипающая бедняков-верующих и думающая только о том, чтобы «составить себе хороший куш денег и затем бросить своего марабу и вернуться во Францию, чтобы жить в свое удовольствие, пользуясь богатством»²⁷. Здесь и западноевропейские путешественники по северной Сахаре (Наржо, Сей, Солелле и др.), оставившие по себе весьма неустную память у местных жителей. «Пользуясь тем, что невольничество на этих далеких окраинах терпится французским правительством, один из этих путешественников купил себе молодую негритянскую девушку, которую, год спустя, беременную, продал назад тому же купцу. Другой купил негра и потом поместил его на лошадь»²⁸. Впрочем, похождения этих господ кажутся детской забавой по сравнению с «подвигами» французской военщины в Алжире. Посетив Уаргла — один из самых крупных оазисов северной Сахары, — Горлов не застал здесь ни одного торговца, представителя племени бени-сисинов, составлявших прежде его основное население. Теперь здесь жили почти исключительно негры и мулаты. И это отнюдь не было следствием переселения или этнических смещений. В 1871—1872 гг., во время так называемой кабилской войны, бени-сисины участвовали в борьбе против французских колонизаторов. «В эту злополучную эпоху в возмущенную Уарглу вошел с войсками генерал Лакура (Делакруа) и, подобно многим другим генералам *Свободы, Равенства и Братства*, принес этому дивизу ужасающую жертву, перестреляв все племя бени-сисинов, разрушив все их дома и срубив все их пальмы»²⁹.

На пути из Афлы в Жеривиль, недалеко от города Ститтена, в безлюдной степи внимание Горлова привлék селскис — памятник, поставленный колонизаторами полковнику Боптретру. Это имя столь же ненавистно алжирцам, как и имя генерала Делакруа. Память о нем, рассказывает Горлов, до сих пор жива в народных легендах. Но какая память! Пользуясь своим знанием арабского языка, полковник переодевался в арабскую одежду и бродил по рынкам и закоулкам, прислушиваясь к разговорам. «На другой день всех тех, которых он слушал говорящими против правительства и возбуждающими народ к сопротивлению, хватили и расстреливали или вешали»³⁰. Во время этой поездки Горлов побывал в селении Айн-Крешеб, близ Жеривили, стазш.м своего рода памятником преступлений французских колонизаторов. Здесь 14 июня 1881 г. отряд правительственных войск под командованием майора Д., двигавшийся из Лагуата, застиг большую группу невооруженных жителей Джебел-Амура, бросивших свои дома и уходивших в расположение повстанцев. Те из беглецов, которые ехали верхом, сумели скрыться; остальные были окружены. «Майор Д., желавший отличиться и получить крест, решился поскорее воспользоваться этим единственным случаем, который судьба давала ему в руки». Не дожидаясь подхода основной колонны французских войск, возглавлявшейся полковником Б., майор приказал перебить окруженных людей. «И началось тогда систематическое, хотя и торопливое, пристреливание одного за другим людей, которые не защищались и которых все вооружение состояло из путевого посоха в руках». «Несчастные, — пишет Горлов, — принимали смерть с геройской решимостью». Когда к месту побоища явился полковник Б., он не застал ничего, кроме горы трупов. Полковнику доложили, что здесь была «битва и победа». И хотя он прекрасно понимал лживость этого объяснения, рапорту убицы 160 безоружных людей был дан ход, а газеты не замедлили изобразить эту кровавую расправу как блестящую победу французского оружия. «Майор Д., — пишет Горлов, — получил свой крест. Он будет скоро произведен в следующий чин. Целый дождь крестов посыпался на личный состав отряда...»³¹.

Корреспонденции Горлова лишний раз свидетельствуют, что массовое истребление алжирцев было отнюдь не эпизодом, а планомерно осуществлявшейся политикой колониальных кругов Франции. Не случайно их кумиром стал полковник Негрие, стяжавший себе известность кровавыми расправами с коренным населением Алжира и варварским уничтожением знаменитой арабской святыни — часовни (кубба) Эль-Абйад Сиди шейх. «Разрушением этой часовни и расстреливанием многих арабов, по большей части невинных, полковник Негрие приобрел себе огромную популярность между алжирскими переселенцами (французскими колонистами в Алжире. — Г. Н.), которые только и грезят об искоренении туземного населения, чтоб иметь возможность захватить их земли (разрядка моя. — Г. Н.). Сотня псбед над арабами в честном бою не доставила бы полковнику той популярности между алжирскими французами, какую снискала ему бесчеловечная его жестокость. Острыки в Алжирии говорят, что парижские *делюисеры*, то есть рабочие, употребляемые для разрушения домов при проведении новых улиц, помышляют об эмигрировании в Алжир, видя, что ремесло их ведет там быстро к почестям».

²⁷ Как замечает Горлов, в этом отношении «она не отличается от других своих соотечественников, которые приезжают в Алжир только затем, чтобы сколотить себе денгу и сейчас же вернуться во Францию» (МВ, 1882, № 62, 3 марта).

²⁸ МВ, 1882, № 8, 8 января.

²⁹ МВ, 1882, № 30, 30 января.

³⁰ МВ, 1882, № 66, 7 марта.

³¹ МВ, 1882, № 66, 7 марта.

«В то время как я пишу эти строки,—продолжает Горлов,—французы находятся в стране амуров. Они жгут все деревни, срубают все приносящие доход деревья, угоняют скот, убивая то, что не могут увести с собою, и расстреливают всех людей, которые попадают им в руки. Поистине—это чисто тамерлановское побоище. Те из арабов, которые успевают уйти, бросаются в пустыню, но там гибнут от недостатка пищи; другие бегут в Марокко, но их братья, и без того бедные, не знают чем их прокормить»³².

В очередном письме от 13 (1) декабря Горлов сообщает о продолжающемся «усмирении или скорее истреблении» восставших племен. Он подчеркивает, что даже французские военные, часто одобряющие жестокость, и те возражают против повсеместного применения системы «безжалостной жестокости». Однако гражданские власти и французские колонисты не намерены отказываться от тактики кровавых расправ. При этом планы французских колонизаторов отнюдь не ограничиваются удушением восстаний в Алжире и Тунисе. На очереди стоит задача завоевания Марокко, прежде всего области Фигиг, на которую давно уже обращены алчные взоры завоевателей и о захвате которой в Алжире «продолжают рассуждать горячо»³³.

Перед отъездом из Алжира Горлов побывал в лагере полковника Негрие, в местечке Али бен Хелиль на алжиро-марокканской границе, и собрал обширную информацию о целой серии провокаций со стороны французских войск, имевших целью создать повод для вторжения на территорию Марокко. В то самое время, когда французские власти и связанная с колониальными кругами пресса разных направлений лицемерно обвиняли марокканцев во вторжениях на алжирскую территорию, именно французские войска нарушали неприкосновенность границы, совершая грабительские набеги на мирное население пограничных областей Марокко. Только в результате двух таких набегов полковника Негрие у марокканского племени бени-гиль было отбито и угнано в Алжир 33 тыс. голов скота. «Если бы бени-гилей,—справедливо замечает Горлов,—в свою очередь попробовали возвратить себе отнятое добро и для этого сделали бы нападение в алжирскую территорию, то вы услышали бы громкие крики французской печати, требующей не только наказания бени-гилей, но еще и целую экспедицию против Марокко»³⁴.

Не лишне напомнить в этой связи, что под таким же фальшивым предлогом (обвинение тунисского племени хрумиров во вторжениях на территорию Алжира) Франция незадолго до этого начала интервенцию в Тунисе, плодом и которой явилось превращение страны в колонию французского империализма.

С тех пор прошло восемь десятилетий. Завоевал независимость Тунис. Сбросило колониальное ярмо Марокко, захваченное Францией в 1911—1912 гг. Покончили с колониальным гнетом многие другие страны Африки. Но в Алжире все еще сохраняется позорный колониальный режим. Как и 80 лет назад, льется кровь алжирских патриотов; голод и нищета, эти постоянные спутники колониализма, терзают миллионы людей. Но народ Алжира не склонил головы, не утратил веры в успех своей справедливой борьбы. Национально-освободительное движение в странах африканского континента, и в частности в Алжире, находится ныне на том этапе своего развития, когда никакие усилия империалистов не могут преградить народам путь к новой жизни. Все более быстрым темпом развивается исторический процесс распада колониальной системы. Неуклонно растут ряды независимых африканских государств. Недалек тот день, когда над борющимся Алжиром взойдет солнце свободы и страшная пора колониализма станет достоянием одной лишь истории.

³² Корреспонденция датирована 30 (18) ноября 1881 г. и опубликована в МВ за 1881, № 336, 4 декабря.

³³ МВ, 1881, № 350, 18 декабря.

³⁴ МВ, 1882, № 84, 25 марта; № 68, 9 марта.

Х Р О Н И К А

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ РАБОЧЕГО ОРГКОМИТЕТА VII МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОГРАФОВ

Решение о проведении очередного VII Международного конгресса антропологов и этнографов в 1964 г. в Москве, принятое на состоявшемся в августе 1960 г. в Париже VI Международном конгрессе, свидетельствует о возросшем мировом престиже советской антропологической и этнографической науки и налагает на советских ученых большую ответственность, связанную с научной и организационной работой по подготовке предстоящего Конгресса.

Для осуществления всех связанных с этим мероприятий образован утвержденный Президиумом АН СССР рабочий Оргкомитет под председательством Президента конгресса чл.-корр. АН СССР С. П. Толстова. Оргкомитет включает около 60 членов, представляющих различные научные учреждения страны как входящие в систему академий наук, так и внеакадемические.

Первое заседание Оргкомитета, посвященное обсуждению основных направлений работы советской делегации на Конгрессе, программе и конкретным мероприятиям, связанным с его подготовкой, было проведено 12 апреля 1961 года, после окончания очередной отчетно-экспедиционной сессии Отделения исторических наук АН СССР. На заседании присутствовали антропологи, этнографы, фольклористы, языковеды, историки народного искусства, анатомы, ботаники, что дало возможность широко обсудить проблематику Конгресса и вопросы координации деятельности научных учреждений, принимающих участие в его подготовке.

С. П. Толстов во вступительном слове остановился на значении Конгресса для советской антропологической и этнографической науки и на связанных с подготовкой Конгресса задачах, предложив для обсуждения ряд конкретных вопросов, касающихся основных моментов дальнейшей работы. Одной из главных задач, стоящих перед советскими антропологами и этнографами, является демонстрация достижений советских антропологов и этнографов, что приобретает особо актуальное значение в условиях тяжелого кризиса, переживаемого в настоящее время на западе антропологией и этнографией. Далее С. П. Толстов остановился на структуре Конгресса, подробно охарактеризовав основную проблематику отдельных секций. С. П. Толстов отметил, что хотя эта структура является традиционной, принимающая Конгресс страна может внести в нее некоторые изменения, представив их на обсуждение Постоянного комитета конгрессов, который предполагается созвать в Праге в августе 1962 г.

С. П. Толстов сообщил, что к настоящему заседанию некоторые центральные научные учреждения и союзные республики уже наметили предварительную тематику докладов и предложил членам Оргкомитета в прениях ознакомить с ней присутствующих.

Особое значение в подготовке Конгресса придается выпуску печатной продукции, характеризующей основные направления советской антропологической и этнографической науки. Желательно предусмотреть публикацию наиболее важных работ на одном из иностранных языков. Одним из основных аспектов работы явится организация этнографической выставки, к участию в которой намечено привлечь музейные учреждения центра и союзных республик.

Касаясь общих вопросов, С. П. Толстов особо подчеркнул то значение, которое приобретают в современных условиях этнография и антропология, и в связи с этим указал на необходимость расширения этнографического и антропологического образования в высших и средних учебных заведениях страны, а также на целесообразность создания этнографических научных центров в ряде союзных республик.

Учитывая то обстоятельство, что рабочему Оргкомитету предстоит провести большую организационную работу, С. П. Толстов подробно остановился на тех мероприятиях, которые намечено осуществить в ближайшее время и вынес на обсуждение ряд конкретных предложений: о целесообразности создания республиканских оргкомитетов, объединяющих на местах представителей смежных специальностей, об организации при Оргкомитете рабочих групп по разработке программ отдельных секций.

С. П. Толстов предложил провести в период подготовки конгресса всесоюзное этнографическое совещание с привлечением представителей смежных специальностей, на котором обсудить разработанную тематику докладов и программу Конгресса.

В оживленных прениях, развернувшихся по выступлению С. П. Толстова на утреннем и вечернем заседаниях, приняло участие 20 человек. Все выступавшие отметили своевременность созыва настоящего совещания и целесообразность привлечения к участию в подготовке Конгресса широкого круга советских специалистов. Так, Б. А. Тихомиров (Ботанический институт АН СССР) убедительно показал, что тематика Конгресса может привлечь внимание ученых многих смежных дисциплин, в частности этноботаники и этнозоологии. Д. А. Жданов (Всесоюзное научное общество анатомов, гистологов и эмбриологов) призвал к усилению научных контактов антропологов и медиков. Это мнение было поддержано. О необходимости усиления научных контактов говорили в своих выступлениях также фольклористы (В. Е. Гусев, Институт русской литературы АН СССР) и искусствоведы (И. В. Маковецкий, Институт истории искусств Министерства культуры СССР). В связи с этим было высказано пожелание теснее координировать научную деятельность всех принимающих участие в подготовке Конгресса учреждений.

Многие выступавшие выражали неудовлетворенность схематичностью структуры Конгресса, несоответствием ее современному уровню и направлению советской этнографической науки, что не дает возможности широко представить в секциях ряд ее отраслей. В связи с этим были внесены конкретные предложения, касающиеся некоторых изменений структуры Конгресса. В. Е. Гусев высказал пожелание группы фольклористов, поддержанное искусствоведами (И. В. Маковецкий) и языковедами (Г. Д. Санжеев) о переименовании секции «Этномузыкалогия, искусство и танцы» в секцию «Народное творчество» с тремя подсекциями: устной поэзии, народного изобразительного искусства, народной музыки и хореографии. Б. А. Тихомиров предложил включить в программу секции этноботаники проблемы этнозоологии и именовать ее — секция «Этноботаники и этнозоологии». С. И. Брук (Ин-т этнографии АН СССР) указал на желательность создания секции этнической географии. Некоторые члены Оргкомитета (А. И. Залесский, АН БССР) считали целесообразным отразить в названиях секций характер поставленных в них проблем. Исходя из опыта предыдущего Конгресса, М. Г. Левин высказался за широкое использование в рамках существующей структуры Конгресса деятельности так называемых рабочих групп, которые создаются в зависимости от интересов участников по различным проблемам как более общим, так и частного порядка и дают возможность контакта представителям различных специальностей.

Активному и обстоятельному обсуждению подверглась тематика докладов советской делегации.

М. Г. Левин ознакомил присутствующих с проектом тематики в области антропологии, подготовленным силами антропологов Ин-та этнографии АН СССР и Московского гос. ун-та. В этом проекте наряду с общими проблемами антропологии охвачены также и основные ее разделы (учение об антропогенезе, морфология, этническая антропология и расоведение), затронуты вопросы практического приложения антропологии в здравоохранении, физкультуре и спорте, промышленности. В проекте поставлены также задачи координации и дальнейшего расширения исследований, осуществляемых антропологами и другими специалистами во всех отраслях отечественной науки о человеке, причем главное внимание обращено на проблемы морфологии человека.

Различные научные и музейные этнографические учреждения страны отметили предварительную тематику ряда докладов по истории первобытного общества, этногенезу и этнической истории, формированию и развитию наций, национальному вопросу, социальным отношениям, этническому составу и др. В обсуждении этой тематики приняли участие представители Ин-та этнографии АН СССР, филиалов Академии наук СССР, академий наук союзных республик и Государственного музея этнографии народов СССР. Особое внимание было уделено вопросам изучения современности, быта рабочих и колхозного крестьянства, процессам формирования новых обычаев, изживанию пережитков религиозных верований, а также методологии и методики полевых исследований.

О необходимости поставить на музейной секции доклады о принципах экспозиции в советских этнографических музеях (в частности, об этнографическом показе культуры и быта народов СССР), а также о большой роли музеев по собиранию коллекций говорили А. С. Морозова и Л. П. Потапов.

В. Е. Гусев отметил, что при определении круга проблем, с которыми могли бы выступить на Конгрессе советские фольклористы, необходимо учесть основные направления современной зарубежной фольклористики (неомифологическая, неонсторическая и историческая школы), которым, к сожалению, в советской фольклористике не уделяется должного внимания. Особенно важно было бы включить в работу Конгресса темы, связанные с марксистским изучением мифологии, а также темы по национальной специфике фольклора разных народов.

Л. П. Потапов рекомендовал включить тематику докладов в производственные планы научных учреждений, принимающих участие в подготовке Конгресса.

Особое внимание выступавшими было уделено подготовке изданий, приуроченных к Конгрессу, в том числе и докладов советской делегации. М. Г. Левин отметил, что

уже в самое ближайшее время необходимо тщательно продумать список работ, намеченных к изданию. В этот список желательно включить как обобщающие коллективные труды, так и специальные монографии и сборники, в которых будут отражены основные положения советской этнографической школы, поставлены актуальные проблемы.

О. А. Сухарева (АН УзССР) предложила подготовить и издать к Конгрессу в союзных республиках монографии, посвященные народам этих республик, причем некоторые труды издать не только на русском и национальном языках, но и на одном из иностранных. Она указала также, что необходимо своевременно войти с соответствующими рекомендациями в президиумы академий наук союзных республик.

Касаясь вопроса об организации к Конгрессу этнографической выставки, члены Оргкомитета поддержали предложение С. П. Толстова обсудить на местах вопрос об участии в выставке и представить свои соображения к следующему заседанию комитета. С. И. Брук высказал мнение о необходимости восстановления этнографического музея в Москве.

Особое внимание в прениях было уделено критике преподавания этнографии и антропологии в вузах страны. Выступавшие отметили, что в ряде университетов, даже в союзных республиках, отсутствуют кафедры этнографии. Преподавание этнографии должно быть введено на географических факультетах университетов и других вузов страны. Элементы этнографических знаний следует включить также и в преподавание географии в средней школе. Члены Оргкомитета предложили принять ряд конкретных рекомендаций по этому вопросу, в частности обратить внимание Министерства высшего и среднего специального образования СССР и министерств просвещения союзных республик на неудовлетворительность преподавания этнографии и антропологии.

В тесной связи с этим стоит и вопрос о развитии на местах этнографических центров. Г. С. Читая (АН ГрузССР) и И. Джаббаров (АН УзССР) поддержали предложение С. П. Толстова о целесообразности создания в некоторых союзных республиках комплексных научно-исследовательских институтов, ведущих работу по фольклористике, народному искусству и этнографии, как это имеет место на Украине и в Белоруссии.

Члены Оргкомитета предложили Ин-ту этнографии АН СССР изучить вопрос о целесообразности созыва в 1962 г. расширенного этнографического совещания по программе Конгресса. Были внесены также предложения о желательности созыва специальных региональных и тематических совещаний.

Ряд членов Оргкомитета выступил с пожеланием о систематической информации общественности о подготовке Конгресса через печать и радио.

Закрывая первое заседание рабочего Оргкомитета, С. П. Толстов отметил, что оно прошло весьма плодотворно. Выступившие члены Оргкомитета внесли много ценных предложений по вопросам как научной, так и организационной подготовки Конгресса. Остановившись более подробно на некоторых обсуждавшихся вопросах, касающихся структуры Конгресса, проблематики отдельных секций, тематики докладов и изданий и т. п., С. П. Толстов предложил включить высказанные пожелания в резолюцию заседания.

Следующее заседание рабочего Оргкомитета, посвященное в основном выработке программы советской делегации, намечено провести весной 1962 г., приурочив его к очередной Отчетно-экспедиционной сессии Отделения исторических наук АН СССР.

К. Якимова

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ СПЕЦИФИКЕ ЖАНРОВ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

9—12 мая 1961 года в Горьком проходила конференция, посвященная специфике жанров русского фольклора. Конференция была организована кафедрой русской литературы Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского и Сектором народного творчества Ин-та русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ). В работе конференции приняло участие свыше 70 человек. Было заслушано и обсуждено 28 докладов и сообщений.

Открывая конференцию, представители ректората, парткома и деканата историко-филологического факультета Горьковского ун-та подчеркнули научное и общественное значение конференции в Горьком. Выбор места конференции свидетельствует о признании той большой работы в области собирания, изучения и публикации русского фольклора, которая проводится кафедрой русской литературы ГГУ в последние годы.

В первый день работы конференции были прочитаны доклады и сообщения по общим вопросам теории жанра. Оживленную дискуссию вызвали доклады В. Я. Проппа («Принципы определения жанров русского фольклора») и В. П. Аникина («Об исторической обусловленности специфики фольклорных жанров»).

В докладе В. Я. Проппа (Ленинград) значительное место занял вопрос об уточнении термина «жанр». Докладчик определил жанр как ряд произведений, объединяемых общностью поэтики, т. е. совокупностью композиционных, структурных и стилистических средств, связанных с содержанием произведения. Большая часть доклада была посвящена определению и характеристике жанрового состава русского фольклора. Фольклор, как и литературу, можно разделить на три родовые понятия — эпiku, лирику и драматику. Сюда входят все жанры фольклора, за исключением пословиц, загадок, заговоров и обрядовой поэзии. Эпическая (повествовательная) поэзия делится на два больших разряда: народная проза и эпическая песенно-стихотворная поэзия. Народная проза включает в себя сказки, предания, легенды, бывальщины, сказы. Сказка не является единым жанром. По содержанию, особенностям композиции, действующим лицам и другим специфическим для каждого вида и несомпадающим признакам В. Я. Пропп выделяет в сказке ряд жанров: сказки волшебные, кумулятивные, о животных, новеллистические, анекдотические, «докучные». Каждая из этих групп составляет жанр в составе общего жанра сказки. К жанрам эпической песенно-стихотворной поэзии докладчик отнес былины, исторические песни, баллады, эпические духовные стихи. Каждый жанр определяется им по характеру и области изображаемой в них реальной или вымышленной действительности. По мнению докладчика, наибольшие трудности представляет распределение и жанровое определение лирической поэзии. Признавая правильным традиционное деление лирики на обрядовую и необрядовую, В. Я. Пропп ни тот, ни другой вид лирики не считает жанром. Более подробно он остановился на характеристике несоборной лирики, выделив здесь песни рабочих и крестьян. Последние делятся на две большие группы: песни крестьян, занимающихся земледельческим трудом, или собственно крестьянские песни, и песни крестьян, оторвавшихся от земледельческого труда. Каждой группе песен присущи свои жанры, так как, по утверждению докладчика, различные социальные группы создают не одинаковые, а различные жанры. Так, рабочие песни по жанровому составу делятся на лирические, сатирические и гимнические; песни крестьян, оторвавшихся от земли, — на разбойничьи, батрацкие, солдатские, песни тюрьмы, каторги и ссылки. Собственно крестьянские песни В. Я. Пропп делит по содержанию с подразделением по формам бытования и исполнения. Он выделяет протяжные голосовые песни о любви; голосовые частые (иногда плясовые) о любви; хороводные о любви и браке; игровые о любви и браке; хороводно-игровые о любви и браке и т. п. В заключение докладчик сказал, что единый принцип определения жанра отсутствует. «Определение жанра зависит от принадлежности к более общей категории рода творчества и от специфически фольклорных отличий каждого выделяемого жанра (социальная принадлежность, содержание, внешняя поэтическая форма, форма исполнения и бытования, отношение к изображаемому и т. д.)».

Некоторые положения доклада, в том числе излишняя дробность жанрового деления песен и сказок и преувеличение тематического признака при определении жанра, вызвали ряд возражений со стороны участников конференции, выступавших в прениях.

В докладе В. П. Аникина (Москва) главное внимание уделялось определению фольклорных жанров и выяснению причин и путей их возникновения и развития. Докладчик остановился также на выявлении основных различий между фольклорными и литературными жанрами. В основу классификации жанра В. П. Аникин кладет жизненно-целевую установку данного фольклорного явления. По словам докладчика, «связь фольклорных произведений с соответствующими бытовыми явлениями так органична, что без изучения этой связи нельзя глубоко понять общественный смысл и поэтическую природу жанров устного творчества». Связь с бытом, т. е. жизненно-целевая установка, определяет внутренние существенные черты фольклорного жанра. Она же определяет и основные различия между фольклорными и литературными жанрами. В отличие от фольклора, в литературе преобладает целевая установка идейно-эстетического характера. Проблему происхождения фольклорных жанров В. П. Аникин рассматривает прежде всего как проблему выяснения того, как в народной жизни возникла потребность в устных произведениях определенной жизненно-бытовой практической установки. Так, по словам докладчика, трудовые песни возникли тогда, когда человек постиг общественно-полезное свойство ритма, появление пословиц было вызвано стремлением сохранить для потомков результаты своего социально-трудового опыта и т. д. Фольклорные жанры знают пору зарождения, эпоху развития и расцвета, а также распада или перехода в новую жанровую организацию. Докладчик акцентировал внимание на том, что народ расстается с жанром лишь в том случае, если этот жанр оказывается непригодным для выражения новых исторических тем и идей. Обычно же происходит видоизменение жанра.

Вопросы исчезновения жанров в русском фольклоре были освещены в выступлении А. Я. Позднеева (Москва).

Доклад В. М. Потявина (Горький) привлек внимание участников конференции новизной постановки вопроса о методе изучения вариантов. Основной тезис док-

лада — неразрывная связь вариативности с общими закономерностями в развитии жанра (в пору умирания жанра вариативность гложет) — подтверждался данными, полученными при помощи счетно-вычислительных машин. Для изучения вариантов лирических песен, их идейного содержания и художественной формы докладчик предложил применять метод алгоритмизирования. Правда, при этом была сделана оговорка о том, что основные принципы этого метода нуждаются в проверке и уточнении. Поскольку, по мнению В. М. Потявина, вариант в фольклоре создается не только средствами устного слова, но и совокупностью звука, интонации, мимики, жеста, то он считает необходимым в полевой практике фольклористов широко использовать звукозаписывающие аппараты, киноаппараты и др. современные средства, пригодные для фиксации поэтической речи. Фольклористика, по словам докладчика, должна сблизиться с экспериментальной фонетикой.

О роли и месте импровизации в русском фольклоре говорила А. М. Астахова (Ленинград) в своем докладе «Импровизация в русском фольклоре (ее формы и границы в различных жанрах)». Основной тезис доклада — степень проявления и характер импровизации зависят от творческой одаренности исполнителя и от специфики жанра — раскрывался на конкретном анализе особенностей импровизации в различных жанрах. По утверждению докладчика, импровизация в разной степени присуща всем жанрам фольклора, за исключением заговоров и заклинательных обрядовых песен. В исторической песне импровизация проявляется преимущественно в вариациях словесной ткани, имен, названий; в былине — в отборе отдельных определенных формул и композиций текстов. Значительно сильнее момент импровизации в сказке, где исполнитель побуждает к ней реакция аудитории. По преимуществу импровизационными докладчик считает три жанра: частушку, причитания и колыбельные песни.

Доклады и сообщения, сделанные в последующие дни работы конференции, группировались либо по отдельным жанрам, либо по проблематике.

В Горьком впервые за послевоенные годы обсуждалась проблема специфики рабочего фольклора. Ей были посвящены доклад Р. Р. Гельгардта («Вопросы жанровой специфики рабочего фольклора») и сообщения О. Б. Алексеевой («Русская рабочая песня») и К. Е. Сергеевой («Революционные гимны и их бытование в Нижегородской губернии в 1905—1907 гг.»).

Р. Р. Гельгардт (Пермь) выдвинул тезис о том, что для выявления жанрового своеобразия рабочего фольклора необходимо широкое сравнительное изучение устной словесности рабочих ряда стран и народов. Он считает, что только такой метод изучения даст возможность выявить черты национальной, исторической и местной специфики рабочего фольклора. Иллюстрируя это положение, докладчик остановился на сопоставлении прозаических жанров горняцкого фольклора разных европейских народов.

О жанровых особенностях причитаний говорил в своем выступлении В. Г. Базанов (Ленинград). По его мнению, причитания в известной степени относятся к «потаенной» народной поэзии, так как им присущ стихийный протест. Характер импровизации в них иной, чем в других жанрах.

Народной песенной лирике были посвящены выступления С. Г. Лазутина («Жанровая специфика русской лирической песни»), Н. П. Колпаковой («Жанры свадебной лирики») и В. А. Вронской («Некоторые специфические особенности жанра народной песни»).

С. Г. Лазутин (Воронеж) основное внимание уделил выявлению эстетической функции стилистических средств в народной лирике. Докладчик говорил о том, что различные жанры фольклора отличаются друг от друга не столько словарем, грамматическими средствами, приемами и конструкциями, сколько их функцией. Специфика языка лирической песни определяется жанровой природой лирики, характером ее содержания и спецификой отражения жизни. Стилистические средства выполняют в ней в основном выразительную функцию. Спецификой языка лирической песни является более тесная (по сравнению с эпосом) связь с композицией песен. В лирике главное значение имеет выражение эмоционального отношения к явлениям действительности. Этим определяется широкое распространение в лирике символов, эпитетов и сравнений, которые в ней имеют иные функции, чем в других жанрах. Так, сравнения в лирике употребляются не в описательно-изобразительном, а в эмоциональном плане. Сравнения здесь, по существу, часто являются символами. Своеобразна и функция эпитетов. В описательно-повествовательной части песен больше встречаются изобразительные эпитеты, в повествовательной — выразительные. Докладчик остановился на явлениях, присущих всем лирическим жанрам, и указал на то, что в отдельных жанрах эти черты получают свое специфическое преломление. С. Г. Лазутин считает изучение языка всех жанров фольклора в их историческом развитии одной из очередных задач советской фольклористики.

В сообщении Н. П. Колпаковой (Ленинград) говорилось о жанровых различиях свадебных причетов и песен. По ее мнению, совпадение отдельных черт поэтики свадебной песни и причета еще не говорит о жанровом единстве. Несмотря на кажущееся сходство, они отличаются друг от друга и тематикой, и композицией, и стилистикой. Докладчица дала подробную характеристику этих различий. Она акцентировала внимание на том, что причет всегда отражает индивидуальное мастерство, тогда как песня — произведение коллективного творчества. В отличие от песен причет — монолог без определенного сюжета и завершенности. Импровизация перемежается в нем

с застывшими формулами. Содержание же песни строится на традиционной символике, стиль изложения ее гораздо логичнее.

В. В. Митрофанова (Ленинград) выступила с сообщением о загадках в песнях, рассматривая их в свете проблемы взаимовлияния и взаимопроникновения жанров. Основное внимание она уделила анализу подблюдных песен, которые, как и загадки, являются развернутой поэтической метафорой. Общность формы песен и загадок определяется общностью их функции. Загадки должны иносказательно определить предмет, подблюдные песни — судьбу.

Прозаическим жанрам русского фольклора были посвящены сообщения В. М. Сидельникова («Идейно-художественная специфика русского анекдота»), Л. Г. Барага («Героическое в волшебной белорусской сказке и в былинном эпосе»), Е. А. Тудоровской («Классификация русской волшебной сказки»), Н. Д. Комовской («Особенности сказок Горьковской области, записанных от современных сказочников») и А. И. Лазарева («Наблюдения над современными прозаическими жанрами в фольклоре Урала»).

В. М. Сидельников (Москва) уделил основное внимание жанровой классификации русского анекдота. Он предложил различать в анекдоте сатирическую новеллу с элементами сатирической сказки, сатирический сказ, анекдотические случаи или забавные факты из жизни известных исторических личностей, писателей, композиторов и т. д., и сатирические миниатюры, основанные на игре слов, на отдельных комических выражениях. Эта классификация вызвала ряд возражений со стороны участников конференции.

Интересна была классификация волшебной сказки, предложенная Е. А. Тудоровской (Ленинград). Докладчица исходила из того, что сказку нужно классифицировать по характеру ведущего конфликта. Такой подход к изучению сказки позволил ей определить классическую волшебную сказку как рассказ о вымышленной борьбе народного героя с враждебными ему социальными и стихийными злыми силами, борьбе, приводящей сначала к изгнанию (иногда к отправке с поручениями или отсылке) и скитаниям героя, затем к его чудесному подвигу (или испытанию, или состязанию) и к конечному торжеству героя над всеми враждебными ему силами. По характеру ведущего конфликта волшебные сказки распадаются на четыре типа: архаические, героические, или богатырские, сказки с семейным конфликтом и сказки с классовым конфликтом. Внутри каждого типа сказки делятся по сюжетам.

В выступлении Л. Г. Барага (Уфа) говорилось о том, что в белорусском фольклоре героика получила преимущественно сказочное выражение. Многие традиционные волшебные сюжеты получили здесь героическую трактовку. Богатырь, герой белорусской сказки, — сам носитель чудесного, поэтому в этих сказках снижается роль чудес и чудесных помощников. Основное внимание докладчик уделил раскрытию связей белорусских героических сказок с белорусскими преданиями об осилках и волотах и восточно-славянским былинным эпосом. По мнению Л. Г. Барага, белорусские волшебные сказки вобрали в себя и мотивы преданий о героических исполинах, и мотивы былинного эпоса.

А. И. Лазарев (Челябинск) остановился на анализе видоизменений, происходящих в рамках одного и того же жанра. Он рассмотрел записи сатирических сказок, преданий, сказов и других прозаических жанров, сделанные на Южном Урале в 1959—1960 гг.

Проблема историзма русского фольклора рассматривалась в выступлениях Л. Е. Емельянова («Историзм и категория жанра в русском историческом фольклоре»), Э. В. Померанцевой («К вопросу о жанре исторической сказки») и В. К. Соколовой («О некоторых жанровых особенностях исторических песен и преданий»).

Л. Е. Емельянов (Ленинград) отметил, что в той или иной степени вся народная поэзия исторична. Историзм в узком смысле слова — категория, характеризующая отношение сознания к действительности. Вопрос о типе историзма — вопрос о задачах искусства в данную эпоху.

Э. В. Померанцева (Москва) выступила против выделения особого жанра исторической сказки. Она считает, что жанра или жанрового вида исторической сказки не существует, так как самый принцип историзма, т. е. исторической достоверности, фактологичности повествования, противоречит основному принципу сказки как жанра — ее установке на вымысел. По мнению Э. В. Померанцевой, можно говорить не об исторической сказке, как жанре, а лишь о сказках исторической тематики, встречающихся среди волшебных, авантюрных и бытовых сказок.

В. К. Соколова (Москва) остановилась на вопросе о жанровом своеобразии исторических песен и преданий. Она указала, что и те и другие выделяются в особую группу, главным образом по содержанию, и не имеют отчетливо выраженных, только им присущих жанровых признаков. Исторические песни теснейшим образом связаны с другими песенными, а предания — с прозаическими жанрами. По мнению В. К. Соколовой, их следует рассматривать как внутрижанровые категории, а не как особые самостоятельные жанры. Различной жанровой принадлежностью объясняется то, что у песен и преданий даже об одних и тех же событиях разное конкретное содержание, у них свои принципы отбора и оформления исторического материала, разные сюжеты и система образов.

Характеристике идейно-художественных особенностей песен разинского цикла и разбойничьих было посвящено сообщение Л. С. Шептаева (Ленинград). Н. Н. Велецкая (Москва) рассказала о современном состоянии русской народной драмы, бытовавшей в Горьковской области в 1959—1960 гг.

С интересом было прослушано сообщение Д. М. Балашова (Петрозаводск) «Специфика жанра русской народной баллады». Он определил балладу как повествовательную песню, действие которой сосредоточено на одном конфликте. По мнению Д. М. Балашова, русская баллада обладает всеми важнейшими особенностями общеевропейского балладного жанра. Она всегда драматична, ее конфликт разрешается в резких столкновениях. Драматизм действия усиливается широким использованием в балладе средневековой символики, аллегории, народных поверий. Действие баллады всегда динамично. В ней хорошо развит диалог. Русская баллада отличается от западноевропейской формой стихосложения (тонический стих без строфической рифмы и припева). От эпоса она отличается, прежде всего, принципами типизации и способами изображения человека, от лирики — характером подхода к художественному изображению действительности. Докладчик остановился на классификации баллад. Основная масса баллад — баллады с лично-семейной бытовой тематикой. Баллады с общественной проблематикой он делит на социально-бытовые, исторические и аллегорические. К историческим балладам, по мнению Д. М. Балашова, надо отнести целый ряд так называемых исторических песен (песни о плене, бегстве из плена и др.). Временем появления баллад докладчик считает XIII—XIV века; временем наибольшего развития — XVI—XVII века. На основе анализа отдельных редакций сюжетов и выяснения времени их создания докладчик приходит к выводу, что художественная система баллад за двести — триста лет не претерпела существенных изменений.

На конференции был поставлен вопрос о жанровых особенностях современного русского песенного фольклора. Видом и типом переделок литературных песен в советском фольклоре посвятил свое сообщение Я. И. Гудошников (Воронеж). Вопросы специфики частушек рыбаков Волго-Каспия были освещены в выступлении В. П. Самаренко (Астрахань). С сообщением о жанровых особенностях советских частушек выступил А. И. Кретов (Воронеж).

Наряду со специалистами по русскому фольклору в работе конференции приняли участие фольклористы ряда союзных республик, занимающиеся изучением фольклора народов СССР.

Подводя итоги конференции, Б. Н. Путилов (Ленинград) подчеркнул плодотворность работы конференции и отметил, что последняя поставила все основные проблемы, связанные с вопросами изучения специфики жанров русского фольклора. Конференция еще раз показала, что нужно заниматься конкретно-историческим изучением жанров в их специфике, в их истории, так как специфика жанра глубоко исторична.

Материалы конференции будут опубликованы в очередном выпуске трудов Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского.

Н. Полищук

СОВЕЩАНИЕ ПО ТОПОНИМИКЕ ВОСТОКА

С 10 по 13 апреля 1961 г. в Москве происходило совещание по топонимике Востока, созванное по инициативе Топонимической комиссии Московского филиала Географического общества СССР. В организации совещания принял активное участие ряд институтов Академии наук СССР (Институт народов Азии, Институт географии, Институт этнографии, Научно-исследовательский институт технической информации). Центральный научно-исследовательский институт Геодезии, аэрофотосъемки и картографии, Институт восточных языков Московского государственного университета. В работе совещания участвовали географы, историки, лингвисты, этнографы и картографы научных учреждений Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента и других городов Советского Союза. Было проведено 6 пленарных заседаний, заслушано 29 докладов и 3 реферата. Свыше 30 чел. выступили в прениях.

Такое совещание с привлечением широкого круга ученых различных специальностей проводится впервые и свидетельствует о том, что вопрос об изучении топонимики стран Востока приобретает в наши дни особенно актуальное значение.

Топонимия Востока, указав в своем докладе А. В. Никитин (Топонимическая комиссия Московского филиала Географического общества СССР), насчитывающая тысячелетия существования, является драгоценным историческим источником. Колонизаторы отказывали поработенным народам в праве на историю, поэтому долгое время топонимия Востока не исследовалась научно, и многое бесследно погибло для науки. Подлинную историю, раскрываемую в топонимах, искажали тенденциозно, подменяли анекдотами и вымыслами. Задача советских топонимистов — разоблачать реакцион-

ные, антинаучные измышления. Данные топонимии имеют особенно большое значение для истории бесписьменных народов. Докладчик призвал участников совещания показать значение топонимики Востока для топонимической науки в целом.

В докладе А. П. Дульзона (Томский государственный университет) излагались результаты изучения гидронимического ареала -ман в южной части Сибири. Докладчик убедительно доказал, что гидронимы -ман докетского происхождения. Это видно из того, что они полностью входят в состав кетских названий. Носителями гидронимов -ман являются тюрки. Это гидронимы представляют особый интерес потому, что они дают относительную датировку в напластовании топонимии Сибири и ставят вопрос об этнической принадлежности создателей этих названий на более конкретный базис.

Выявлению древнего индоевропейского (главным образом иранского) пласта в топонимии Синьцзяна был посвящен доклад Э. М. Мурзаева (Ин-т географии АН СССР). Современную топонимию Синьцзяна, указывает Э. М. Мурзаев, формируют индоевропейские элементы, тюркские, монгольские, арабский, а также китайский языки. В результате в настоящее время бытует явление двойного и тройного обозначения одного и того же объекта. Причем наблюдается победа тюркских топонимов над более древним индоевропейским пластом. В Джунгарии тюркские топонимы побеждают монгольские. Китайская топонимия в Синьцзяне имеет сложную историю, ибо она возникла в различные исторические периоды. Для топонимии Синьцзяна характерна ее зависимость от географических ландшафтов. Наблюдается явление происхождения этнических названий от географических, например турфан-лык (человек из оазиса Турфан). В докладе был дан анализ некоторых широко известных географических названий Синьцзяна со спорными или невыясненными этимологиями (Джунгария, Кашгар, Керия, Куча, Лобнор и др.) и приведены интересные топонимические параллели между названиями Синьцзяна и окружающих его стран Центральной, Южной, Средней и Передней Азии.

Доклад В. В. Цыбульского (Ин-т народов Азии АН СССР) был посвящен выявлению и анализу географических названий в современной Турции, сохранившихся с древних времен.

Вопросам топонимики Казахстана был посвящен доклад А. А. Абдрахманова (Алма-Ата), который предложил классификацию топонимики Казахстана. Докладчик указал, что изучение топонимики Казахстана имеет большое значение для истории казахского языка. Спорным оказалось положение докладчика о тюркской принадлежности саков. В прениях по этому докладу выступил Л. М. Гумилев и Ю. Э. Брегель.

С докладом о сочинении Махмуда Кашгарского (XI в.) «Дивани лугат ат-турк» («Свод тюркской лексики») выступил Х. Х. Хасанов (Ташкент). Он показал, что работа среднеазиатского ученого, филолога и географа является ценным источником по топонимике Средней и Центральной Азии.

Ряд докладов совещания был посвящен показу значения топонимики в решении этногенетических проблем. Так, Б. В. Андрианов (Ин-т этнографии АН СССР) посвятил свое сообщение анализу некоторых топонимов Кара-Калпакской АССР (Нукус, Конград, Кипчак, Ходжейли и др.), связанных в своем происхождении с древним узбекским населением этих районов.

Выявлению роли топонимики как одного из источников в деле изучения истории туркмен Хорезма был посвящен доклад Б. И. Вайнберг (Ин-т этнографии АН СССР). Анализ топонимии Ванча был дан в сообщении А. З. Розенфельд (Ленинградский государственный университет). По утверждению автора, в ванчских топонимах можно различить два основных слоя: более древний — дотаджикский и новейший — таджикский. Более старый слой в значительной своей части может быть объяснен на основе соседних с языком Ванчской долины памирских языков, к которым относился и ванчский язык, вытесненный таджикским. Новейшие же топонимы легко этимологизируются на основе современного таджикского языка.

Проблемам изучения современной и древнеиндийской топонимики были посвящены доклады А. М. Дьякова (Ин-т народов Азии АН СССР) и В. Н. Топорова (Ин-т славяноведения АН СССР). Об очередных задачах изучения афганской топонимики совещанию доложил М. Г. Асланов (Ин-т этнографии АН СССР).

Топонимия является одним из источников для изучения этногенетических процессов, протекавших на территории юго-западной Японии. Этой теме был посвящен доклад С. А. Арутюнова (Ин-т этнографии АН СССР). Исследование топонимии дает возможность выявить в этом районе древние индонезийские и айньские пласты.

Выявлению и анализу собственно корейских географических названий был посвящен доклад Л. Р. Канцевича (редакция журнала «Народы Азии и Африки»). Докладчик обратил особое внимание на выявление разноразличных компонентов (элементарных терминов) в современных географических названиях Кореи, проследил генезис некоторых географических терминов и наиболее распространенных топонимов. В докладе была дана семантическая классификация собственно корейских топонимов. Докладчик по-новому подошел к анализу древнего этнонима и топонима Кореи — Чосон и довольно убедительно доказал его близость с одним из древнейших этнонимов Восточной Азии — суньей. Подобная трактовка представляет собой вклад в науку и дает возможность с новых позиций подойти к изучению ранней этнической истории Восточной Азии.

Роль топонимики, как важного источника при изучении ранней этнической истории Кореи, была еще раз подчеркнута в докладе Р. Ш. Джарылгасиновой (Ин-т этнографии АН СССР), показавшей, что анализ топонимов Корейского полуострова и близлежащих районов свидетельствует об этнических перемещениях древнекорейских племен с запада на восток и с севера на юг. Топонимика дает новые подтверждения в пользу положения о родстве древнекорейских племен, помогает в решении сложной проблемы этногенеза корейского народа.

Лингвистической характеристике бирманских топонимов было посвящено сообщение В. О. Златоверховой (Москва).

Выявлению доарабской топонимики в Египте и Сирии были посвящены доклады М. А. Коростовцева (Москва) и Е. А. Щукина (Москва).

Значительное число докладов было посвящено вопросам транскрипции географических названий и этнонимов советского и зарубежного Востока (М. Б. Волостнова, Е. М. Поспелов, Г. И. Донидзе, А. Д. Козловская, Г. Г. Стратанович, Т. Мхитарян, М. Я. Берзина). Во всех этих докладах с особой остротой ставился вопрос об обращении к языкам самих народов Востока. Особенно это касается только что освободившихся народов Юго-Восточной Азии и Африки.

В заключительном слове Э. М. Мурзаев отметил, что созыв подобного совещания имеет большое значение для развития топонимической науки, так как нужно привлечь внимание к ее задачам со стороны научной общественности. До недавнего времени топонимикой в плановом порядке занимались очень мало. Э. М. Мурзаев указал, что, хотя представленные на совещании доклады интересны по материалу, который в них излагался, в выступлениях недостаточно вскрыта методика изучения и анализа топонимов. В заключительном слове Э. М. Мурзаева прозвучал законный упрек археологам и этнографам, не в полную меру освещающим топонимику районов, в которых они проводят свои полевые исследования.

В дни работы совещания в помещении Института народов Азии и Института географии были организованы выставки литературы по топонимике, подготовленные библиографами Государственной библиотеки им. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки, Государственной библиотеки иностранной литературы.

Материалы совещания будут изданы отдельным сборником.

Р. Джарылгасинова

ВЫСТАВКА СОВРЕМЕННОЙ ЖИВОПИСИ ЭФИОПИИ

30 мая — 2 июля 1961 г. в Государственном музее восточных культур (Москва) впервые в Советском Союзе демонстрировались произведения современных эфиопских художников.

С эфиопской живописью XIX — начала XX в. советский зритель имел возможность познакомиться еще раньше. Летом 1959 г. на эфиопской этнографической выставке¹ в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград) экспонировались картины старых эфиопских мастеров, привезенные русскими путешественниками из Эфиопии в начале XX в. Эти же образцы старой эфиопской живописи демонстрировались летом 1960 г. в Москве в Политехническом музее на выставке «Культура и быт народов Африки».

Выставка, функционировавшая в Музее восточных культур, была посвящена эфиопской живописи и графике, причем там экспонировались произведения преимущественно современных эфиопских художников: Алле Фелеге Селама, Афеворка Текле, Гебре Марьям Вагайе, Белачеу Бекре Тсиона, Араяя Цадыка, Игезу Бисрата и талантливых учеников Алле Фелеге Селама — Абдель Рахмана Мохаммеда и Тесфае Манефиро. Выступавший на выставке Алле Фелеге Селам, директор существующего в Эфиопии художественного училища, отметил, что в Музее восточных культур представлены картины почти всех работающих в настоящее время эфиопских художников, а также произведения некоторых недавно умерших мастеров. Среди них он назвал в первую очередь Агенеху Ингида, одного из основателей реалистического направления в современном эфиопском искусстве. Агенеху Ингида создал целую плеяду художников — своих учеников и последователей, в их числе — Алле Фелеге Селам и его студенты.

На выставке были представлены два направления в современном эфиопском искусстве. Картины «Обед во дворце» (художник Тассеу), «Битва при Адуа» (художник неизвестен), «Троица», «Отъезд Яссу» (Алаке Берхане) и некоторые другие были исполнены в традиционной манере старых эфиопских живописцев, со схематичным изображением человека, отвлеченностью цвета, условностью композиции. Но большин-

¹ Об этой выставке см. подробнее «Сов. этнография», 1959, № 6.

ство художников, картины которых были выставлены в Музее восточных культур, творчески применяя национальные традиции и используя лучшие достижения мировой живописи, утверждают передовое реалистическое искусство в современной живописи Эфиопии.

Помимо того, что выставка знакомила советского зрителя с образцами эфиопского искусства, показывала пути, по которым развивается это искусство, экспонированные в

Рис. 1. Пахота (Гebre Марьям Вагайе)

Рис. 2. Жатва (Месфен Ареру)

Музее восточных культур картины представляют большой интерес для географов, историков и этнографов. Такие разносторонние художники, как Алле Фелеге Селам, Афе-ворк Текле, Абдель Рахман Мсхаммед, Игезу Бисрат и другие, передают в своих произведениях красочную природу горной Эфиопии. Картины «Император Клавдий прощается с португальцами, уезжающими на родину», «Война негуса Сахле Селассие» «Император Федор», «Сцена битвы», «Битва при Адуа», «Отъезд Яссу», «Обед во

дворце» воспроизводят сцены из исторического прошлого эфиопского феодального государства. Зрители имели возможность увидеть на картинах воссозданные талантливыми художниками феодальные междоусобные войны, раздиравшие Эфиопию в XIX в. и приносившие неисчислимые бедствия трудовому эфиопскому народу. Ярко изображена и известная всему миру битва при Адуа, во время которой 1 марта 1896 г. эфиопские армии нанесли сокрушительное поражение пытавшимся захватить Эфиопию итальянским империалистам и отстояли свободу и независимость государства. Многие из названных выше исторических картин, особенно «Обед во дворце», отражают сложную социальную структуру эфиопского государства, где господствующие феодальные отношения переплетались с остатками рабовладельческого уклада. Портретная эфиопская живопись, представленная в произведениях главным образом Агенеху Ингида, Аллс Фелеге Селама, Абдель Рахмана Мохаммеда, а также названные выше картины исторического содержания дают возможность этнографам познакомиться со старой и новой национальной одеждой эфиопов, с нарядами эфиопских воинов.

Рис. 3. Счастлив муж с заботливой женой (Гebre Марьям Вагайе)

Ареру, Игезу Бисрат, Белачеу Бекре Тсион, Тесфайе Мандефро, Арайя Цадык) — все эти картины показывают труд эфиопских крестьян, их горести и радости.

Вот картины «Пахота», «Жатва» (рис. 1 и 2). Тяжелым трудом зарабатывают свой хлеб эфиопские крестьяне: до настоящего времени они пахут на быках с по-

Рис 4. Домашняя сцена (Арайя Цадык)

Рис. 5. Свадебная церемония (Белачеу Бекре Тсион)

мощью примитивного деревянного плуга с металлическим наконечником и жнут серпом созревающие колосья тефа (разновидность проса), основного излюбленного хлебного злака эфиопов; тем временем эфиопская крестьянка занимается домашними делами: с тяжелыми глиняными кувшинами на спине отправляется она за водой, толчет в деревянной ступке перец, замешивает тесто, печет блины «ынджэру», готовит различные мясные и гороховые соусы, заботится о ребятишках. Картина «Счастлив муж с заботливой женой» рисует домашнюю жизнь зажиточной, городской семьи; мы видим здесь и служанку, которая подает еду, держа за спиной маленького ребенка (рис. 3). На другой картине — богатый эфиоп на коне, сопровождаемый вооруженными слугами; навстречу им идет крестьянка в белом платье национального покроя; на спине у нее тяжелый глиняный сосуд с водой.

На многих выставленных картинах можно было видеть различные типы эфиопских жилищ: традиционные круглого плана дома, выстроенные из стволов и ветвей деревьев, обмазанные глиной или землей, смешанной с рубленой соломой; крыши их конической формы, покрыты толстым слоем высушенной травы или соломы. Иногда дома сложены из камня. Эфиопские художники изобразили и новые жилища: четырехугольной формы, часто двухэтажные, с окнами и с крышами, покрытыми гофрированным железом.

Картина «Домашняя сцена» — произведение эфиопского художника из провинции Тигре. Он показал, каким образом тиграйские модницы достигают такой сложной прически, характерной для многих из них (рис. 4).

Колоритна и сцена свадебной церемонии. Родители невесты, деревенский священник, писарь, оформляющий брачный контракт, и гости ждут жениха с его родственниками и друзьями. Перед ними на коврике разложены подарки жениха. В соседнем помещении находятся задрапированные в белые наряды девушки и женщины; в их толпе скрывается невеста. К дому невесты приближается закутанный жених со своими родственниками и друзьями. С минуту на минуту должны начаться традиционные шуточные поиски женихом своей невесты (рис. 5).

Следует еще раз подчеркнуть, что впервые демонстрировавшаяся в Москве выставка современной эфиопской живописи дала много интересного советскому зрителю и с эстетической и с познавательной стороны. Посетители выставки имели возможность как бы окупнуться в современную эфиопскую действительность.

М. Райт

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕРИИ «ПУТЕШЕСТВИЯ, ПРИКЛЮЧЕНИЯ, ФАНТАСТИКА» (1957—1961 гг.)

В конце 1957 г. Издательство географической литературы начало выпуск серии «Путешествия, Приключения, Фантастика». К настоящему времени вышло более 70 книг этой серии. Во многих из них содержится значительный этнографический материал, преимущественно о коренном населении Америки, Океании и Африки. В некоторых книгах серии довольно подробно характеризуются традиционная культура различных народностей и ее изменение под влиянием европейской колонизации, приводятся интересные сведения о национально-освободительном движении. Необходимо сразу же отметить, что и по количеству этнографического материала, и по его ценности отдельные книги серии очень разнятся между собой. Это вполне закономерно, так как одни из них были написаны этнографами, другие натуралистами, третьи принадлежат перу людей самых различных профессий: писателей, журналистов, кинорежиссеров, художников, охотников и т. д.

Чтобы как-то охарактеризовать и оценить этнографический материал, содержащийся в книгах рецензируемой серии, нам придется вслед за их авторами совершить мысленное путешествие по континентам земного шара.

О народе полярных охотников и зверобоев, сумевших с каменными орудиями противостать суровой природе Американской Арктики, рассказывает книга выдающегося датского этнографа и исследователя Севера Кнуда Расмуссена «Великий Санный путь»¹. Описания замечательной по красоте северной природы сменяются в ней яркими сценками из жизни эскимосов, самой северной народности земли. И красной нитью проходит через всю книгу мысль о необходимости любви и уважения к человеку, пусть непохожему на европейцев ни цветом кожи, ни культурой. Книга Расмуссена насыщена сведениями о материальной и духовной культуре эскимосов. В нее вставлены многие поэтичные эскимосские легенды и предания, записанные самим автором. Лишь немногие из содержащихся в книге материалов устарели. Это относится прежде всего к популярно изложенной Расмуссеном теории происхождения эскимосов из внутренних областей Северо-Восточной Канады. В настоящее время даже К. Биркет-Смит, бывший одним из самых горячих сторонников этой гипотезы, отказался от нее и вместе с подавляющим большинством исследователей полагает, что эскимосы сформировались как народность где-то на западе Аляски и уже позднее проникли в Канаду и Гренландию. Очень интересны замечания Расмуссена о разрушающем влиянии американской капиталистической цивилизации на эскимосскую культуру. Расмуссен pessimистически смотрит на будущее эскимосов как народности с самобытной культурой. Он считает, что «белый человек, нивелируя все», подчинит себе «их мысли, фантазию, веру» (стр. 181).

Расмуссен был у эскимосов почти 40 лет назад. О том, как процесс нивелировки культуры проходит на американском Севере в наши дни, рассказывает в своей книге «Колыбель ветров» молодой американский ученый Тед Бенк, в послевоенные годы побывавший на Алеутских островах, где живет народность, родственная эскимосам по происхождению, культуре и языку². Он пишет, что «численность алеутов угрожающе сокращается, а их древняя культура подверглась почти полному разрушению. Старая экономика, на которой основывалось все существование и общее благополучие алеутов, к настоящему времени в результате аккультурации претерпела такие разительные изменения, что возврат к ней для них уже невозможен. А то, что алеуты получили взамен, ни в какой мере не восполняет утраченного» (стр. 65).

¹ К. Расмуссен, Великий Санный путь, М., 1958.

² Т. Бенк, Колыбель ветров, М., 1960.

Бенк рисует яркую картину тяжелого положения алеутов. Большую часть года коренное население недоедает. Широко распространено заболевание туберкулезом. По данным Бенка, средняя продолжительность жизни алеута с острова Атха всего 25 лет (стр. 67). Офицеры и солдаты расположенной на острове военной базы спаивают и развращают алеутских женщин, поощряя среди них проституцию. В результате широкое распространение получили не известные раньше алеутам венерические заболевания. Но автор не видит подлинных причин бедственного положения алеутов, заключающихся прежде всего в хищнической колонизации и эксплуатации природных богатств Алеутских островов и их населения американским капитализмом. Бенк считает, что причина тяжелого положения алеутов — в заимствовании новой культуры, как таковой, вне зависимости от ее классовой сущности. И поэтому Бенк осуждает американскую политику в отношении алеутов только за пренебрежение к старой культуре этой народности. Считая гибель алеутов неизбежной, Бенк пишет: «Алеутский народ исчезает, почти не жалуясь, лишь с робким упреком во взгляде, направленном на тех, кто лишил его родины и, не считаясь ни с чем, увел с принятого им пути» (стр. 190).

Кроме этих двух книг о коренном населении американского Севера, недавно вышла книга о полярных эскимосах Гренландии³. В отличие от названных выше произведений Расмуссена и Бенка книга Фрейхена не научно-популярная работа, а приключенческая повесть о жизни автора среди эскимосов. В начале XX в. Фрейхен много лет провел бок о бок с полярными эскимосами и был женат на эскимоске, по имени Наварана. Фрейхен с большой теплотой нарисовал в своей книге образы стойких и мужественных зверобоев залива Мелвилл и рассказал о их повседневной жизни. Книга много дает для понимания духовного мира полярных эскимосов, этой самой северной группы эскимосской народности.

Пессимистические взгляды Расмуссена и Бенка на будущее коренного населения Северной Америки разделяют и те авторы вошедших в рецензируемую серию книг, которые писали об индейцах.

Так, в повести известного натуралиста Э. Сетон-Томпсона «Рольф в лесах» индеец Куонерб, последний в роде Мианос-Сайневэ, с горечью говорит, выражая мысли самого автора: «Жизнь моя — это мудрость лесов, а леса исчезают быстро. Пройдет немного лет — и не будет здесь деревьев, и мудрость моя станет безумием. В стране этой (США.— Л. Ф.) поселилась теперь большая сила и зовут ее торговлей. Она съест все и даже людей... Я у заката теперь, я и мой народ, ночь спускается над нами» (стр. 184, 185)⁴.

О своеобразной и яркой культуре индейцев прерий — конных охотников на бизона — и их трагической судьбе рассказывают повести сравнительно недавно умершего американского писателя Джеймса Шульца. В течение 25 лет, с 1878 по 1903 г., Шульц жил среди индейцев племени черноногих в провинции Альберта в Канаде, куда черноногих загнали колонизаторы в 1877—1878 гг. Шульц в совершенстве овладел языком черноногих и много времени проводил со стариками, слушая их рассказы о прежней вольной жизни в прериях, записывая предания и легенды. Эти рассказы и были положены в основу почти всех повестей Шульца, в том числе и тех, которые были переведены на русский язык и вошли в серию «Путешествия, Приключения, Фантастика»⁵. В книгах Шульца подробно описывается хозяйство, культура и быт индейцев прерий в период, предшествовавший их поселению в резервациях, т. е. в 1860—1870-х годах. Повести Шульца — настоящая энциклопедия жизни индейцев прерий. В книге «Сын племени навахов» имеются также интересные сведения о быте и культуре индейцев пуэбло. Особняком стоит готовящаяся к изданию Географгизом повесть Шульца «Моя жизнь среди индейцев». Если в других своих повестях Шульц выступает лишь как слушатель индейских рассказов и преданий, то в «Моей жизни» он главное действующее лицо. Это дает автору возможность не только рассказывать о жизни индейцев, но и активно выразить свое отношение к индейской политике Соединенных Штатов, а также к хищническому характеру освоения американского Запада.

«Я, так же как и индейцы, считаю,— пишет Шульц,— что белый человек ужасный разрушитель. Он превращает покрытые травой прерии в бурые пустыни. Леса исчезают перед ним, и только почерневшие пни указывают, где некогда находился их зеленый приют. Да что, он даже иссушает реки и срывает горы. А с ним приходят преступления, голод и нужда, каких до него не знали. Выгодно ли это? Справедливо ли, что множество людей должно расплачиваться за жадность многочисленных пришельцев?».

Сам Шульц считает, что это несправедливо, но он не понимает, что дело не в белом человеке и цивилизации вообще, а в существующей в США капиталистической системе хозяйства, которая не вечна. Поэтому взгляд Шульца обращен в прошлое. Несколькими идеализируя жизнь индейцев прерий в середине XIX в., Шульц считает, что

³ П. Фрейхен, Зверобой залива Мелвилла, М., 1961.

⁴ Э. Сетон-Томпсон. Рольф в лесах, М., 1958.

⁵ Д. Шульц. Ловец орлов, М., 1958; его же, Ошибка Одинокого бизона, М., 1959; его же, Сын племени навахов, М., 1958.

только они «знали полное довольство и счастье» и были свободными «от нужды, беспокойства и забот. Цивилизация никогда не даст этого, разве что очень, очень немногим». Шульц не видит будущего для индейцев и полагает, что они обречены на неизбежное вымирание. В силу своей оторванности от рабочего класса, от прогрессивных сил Америки Шульц не мог понять, что у униженных и загнанных в резервации индейцев США есть будущее и что путь к нему — в совместной борьбе всех трудящихся — индейцев, «белых», негров — против реакционных сил Америки. Несмотря на эти недостатки, книги Шульца — ценный источник как для изучения старой культуры индейцев прерий, так и для знакомства с их историей во второй половине прошлого века.

Книги из серии «Путешествия, Приключения, Фантастика», посвященные Южной Америке, содержат гораздо меньше этнографических материалов, чем названные книги о Северной Америке⁶.

В увлекательной повести «В джунглях Амазонки» Э. Лендж рассказывает о тяжелой жизни сборщиков каучука — серингейро и об эксплуатации коренного населения этих мест — индейцев владельцами каучуконосных лесов в начале XX в. Три главы книги (XI—XIII) посвящены жизни автора среди индейцев племени мангеромас (юго-западная Амазония). Обычно путешественники изображают их кровожадными и безжалостными людоедами. Лендж опровергает эту лживую легенду о мангеромасах. Он наглядно показывает, что пресловутая свирепость мангеромасов — это лишь ответ на нападения отрядов перуанских авантюристов, часто похищающих девушек из индейских селений. Сведения о культуре мангеромасов (занятиях, жилище, быте), собранные Ленджем, невелики, но поскольку это племя почти не изучено этнографами, даже эти сведения представляют значительный интерес.

В книге известного польского натуралиста и писателя А. Фидлера рассказывается о посещении им в конце 1920-х годов резерваций индейцев короадо в штате Парана в Бразилии. Фидлер с возмущением пишет об истреблении индейцев белыми поселенцами, о вытеснении индейцев с их исконных земель и о быстром вымирании так называемых полудивилизованных индейцев. Материалов о старой или современной культуре индейцев в книге очень мало. В книге «Приключения охотника в Гран-Чако» известный чешский путешественник и ученый А. Фрич с симпатией пишет об индейцах ангаите, с которыми он был дружен, и стремится внушить читателю, что индейцы «такие же люди, как и вы, хотя и говорят на другом языке и кожа у них не такая, как у вас» (стр. 147). Этнографических сведений в этой книге еще меньше, чем в повести А. Фидлера.

Яркая картина жизни коренного населения Океании в начале 1840-х годов дается в повестях знаменитого американского писателя Германа Мелвилла «Тайпи» и «Ому»⁷. Это было критическое время в истории Океании, время, когда колониальные державы захватили многие прежде независимые острова.

Мелвилл в те годы был матросом китобойного судна, и ему довелось не только побывать, но и жить на Маркизских островах и на острове Таити. В «Тайпи» Мелвилл рассказывает, как он был в плену у жителей одной из внутренних долин острова Нухукива (Маркизские острова). Жители внутренних областей Нухукивы в тот период были еще мало затронуты европейским влиянием, и Мелвилл увидел и описал самобытную культуру племени тайпи. В частности, очень интересна глава, посвященная социальным отношениям у тайпи. Мелвилл отмечает, что «местные жители, казалось, составляли одну семью, спаянную крепкой любовью. Все относились друг к другу, как братья и сестры, и трудно было установить, кто с кем действительно связан узами крови» (стр. 84). Особенно поразили Мелвилла равенство среди тайпи, отсутствие у них принудительной власти и в то же время удивительное «единодушие, проявляемое ими при всяких обстоятельствах» (стр. 83). Но этой безмятежной жизни уже приходил конец. Летом 1842 г. Франция захватила Маркизские острова, высадив на крупнейших из них около 600 солдат.

С иронией и неприязнью Мелвилл пишет о завоевателях: «Адмирал де Пети-Туар, несомненно, доблестный и благоразумный воин! Четыре вооруженных фрегата и три корвета, чтобы запугать до порабощения горстку нагих людей! Шестьдесят восьмифунтовых пушек, чтобы разрушить хижины из ветвей кокосовой пальмы, и конгрейвовы ракеты, чтобы поджечь несколько навесов для каноэ!» (стр. 11). На основе личных наблюдений Мелвилл опровергает ложные и тенденциозные отчеты миссионеров о широком распространении каннибализма среди островитян.

Мелвилл подчеркивает, что «эти отчеты были рассчитаны на то, чтобы произвести на читателя впечатление, будто человеческие жертвы ежедневно обгаждают кровью алтари, будто постоянно происходят неопишемые жестокости и будто невежественные язычники доходят до крайних мерзостей вследствие своего грубого суеверия» (стр. 78—79). Критика миссионеров и их деятельность есть и в другой книге Мелвилла — «Ому», рассказывающей о пребывании автора на острове Таити. Население этого острова к 1840 г. подверглось значительно большему влиянию европейцев, чем жители острова Нухукива.

⁶ Э. Лендж, В Джунглях Амазонки, М., 1958; А. Фидлер, Тайна Рио-де-Оро, М., 1958; А. Фрич, Приключения охотника в Гран-Чако, М., 1958.

⁷ Г. Мелвилл, Тайпи, М., 1958; е го же, Ому, М., 1960.

И. Мелвилл показывает, что результаты этого влияния губительны для коренного населения. Он приводит данные, свидетельствующие о быстром вымирании таитян в конце XVIII — первой половине XIX в.

Как и Шульц, взгляды которого охарактеризованы выше, Мелвилл считает, что, столкнувшись с европейской цивилизацией, любая отсталая народность должна неминуемо погибнуть «Будущее таитян безнадежно. Самые ревностные старания не могут уже избавить их от уготованной им судьбы стать яркой иллюстрацией исторического закона, который всегда подтверждался. Вот уже много лет, как они пришли к такому состоянию, когда все, что есть отрицательного в варварстве и цивилизации, соединяется, а добродетели, присущие каждой из этих общественных формаций, оказываются утраченными. Подобно другим первобытным людям, вступившим в общение с европейцами, таитяне обречены оставаться в этом положении до тех пор, пока окончательно не исчезнут с лица земли» (стр. 168). Все симпатии Мелвилла на стороне гибнущих таитян, но в то же время он не счел поднят выше некоторых распространенных предрассудков своего века и вслед за колонизаторами и миссионерами повторяет утверждения о физической и умственной лени полинезийцев, их врожденном сладострастии и лицемерии (стр. 1-3). Несмотря на это, книги Мелвилла, содержащие большой и достоверный этнографический материал — ценный источник для изучения жизни народов Океании в переломный период их истории.

О современной жизни одной из групп коренного населения Океании — меланезийцев Соломоновых островов — рассказывает в книге «Охота за головами на Соломоновых островах» американская художница К. Майтингер⁸. Майтингер остроумно пародирует бульварную литературу о приключениях «отважных» белых путешественников среди «кроважанных» дикарей. Майтингер с симпатией описывает меланезийцев и на наглядных примерах показывает, как возникают и распространяются среди европейцев слухи о «свирипых дикарях». В книге дается резкая и справедливая критика так называемого мирного проникновения, а по существу процесса покорения туземцев колонизаторами. Майтингер довольно подробно анализирует деятельность колониальной администрации на Соломоновых островах и показывает, как она грабит и притесняет коренное население, бессмысленно искореняет самобытную культуру островитян и их выработанные веками полезные навыки и обычаи. Книга Майтингер много дает для понимания современного положения коренного населения Соломоновых островов и причин возникновения там национально-освободительного движения.

Широтой географического охвата выделяется книга участника экспедиции на «Витязе» в центральную часть Тихого океана Е. М. Крепса⁹. Во время этой экспедиции автор побывал на многих островах Океании. Свои собственные, по необходимости кратковременные, наблюдения быта местного населения Крепс дополняет данными, почерпнутыми в специальной этнографической литературе, например, сведениями по истории колонизации островов Океании (Фиджи, Новой Каледонии и т. д.) европейскими империалистическими державами. Книга Крепса интересна как для широких кругов читателей, интересующихся этнографией, так и для специалистов, изучающих современное положение коренного населения Океании. Отдельные неточности, в частности преувеличение роли людоедства у маорийцев, объясняются, очевидно, некритическим использованием тенденциозной зарубежной этнографической литературы (стр. 123).

Путешествия по Экваториальной и Восточной Африке посвящено несколько книг рецензируемой серии¹⁰. Из них наиболее интересна с этнографической точки зрения книга американского кинорежиссера Льюиса Котлоу «Занзабуку». Особенно много ценного этнографического материала содержит главы, рассказывающие о жизни автора в селении пигмеев-бамбути (гл. IV—VI). Котлоу — прекрасный наблюдатель, и он сумел собрать большой фактический материал не только о хозяйстве и материальной культуре, но, что значительно труднее, и о духовной культуре бамбути. С симпатией относясь к бамбути, Котлоу смог сделать единственно правильный вывод о пигмеех, определив их как «людей, ни в чем не уступающих вам, но с иной наследственностью, иными привычками и обычаями и живущих в иной природной среде» (стр. 44). Но в то же время Котлоу под влиянием «теории» венских этнографов ошибочно утверждает, что пигмеи — это остатки людей палеолита, «живые ископаемые каменного века» (стр. 44, 51). Имеющиеся в книге сведения о народностях Восточной Африки: ватусси, масаях, туркана — более кратки, и внимание Котлоу преимущественно приковано к пыльным праздникам, спортивным играм и другим красочным событиям из жизни этих людей. Но все же и эти данные представляют особый интерес.

В автобиографической повести Д. Хантера «Охотник» наиболее подробно рассказывается о способах охоты народностей Восточной Африки — масаи и вакамба, а также пигмеев Конго. В целом же этнографические наблюдения Хантера носят довольно беглый и поверхностный характер.

Особым стоит книга чешского журналиста Милоша Главсы «Спящий пробуждается», рассказывающая о путешествии по Алжиру в 1936 г. Автор смотрит на все глазами человека социалистического лагеря и ярко показывает рост национально-осво-

⁸ К. Майтингер, Охота за головами на Соломоновых островах, М., 1957.

⁹ Е. М. Крепс, На «Витязе» к островам Тихого океана, М., 1959.

¹⁰ Л. Котлоу, Занзабуку, М., 1960; О. Хантер, Охотник, М., 1960, и др.

бодительного движения в Алжире и его неодолимую силу. В книге также есть запоминающиеся зарисовки жизни городского и сельского населения в современном Алжире, и она полезна для всякого, интересующегося этой страной.

Нам остается упомянуть еще одну книгу серии, в которой есть некоторый этнографический материал¹¹. Это повесть немецкого писателя Э. Вустманна «Марбу», где несколько страниц посвящено занятиям и быту колонистов в Северной Финляндии, а также коренного населения этих мест — саамов и скольтов (стр. 35—39, 69—72)¹².

В заключение следует отметить, что не только книги В. К. Арсеньева, но и некоторые другие произведения, вошедшие в серию, уже издавались в прошлом, это относится, в частности, к «Великому Санному пути» К. Расмуссена и к некоторым повестям Дж. Шульца. Но все они давно уже стали библиографической редкостью, и поэтому переиздание их в рецензируемой серии вполне оправдано.

Надо, правда, пожалеть, что значительная часть книг рецензируемой серии лишена научно справочного аппарата (предисловий и примечаний). Например, из 11 упомянутых нами книг по Америке лишь четыре имеют предисловия. В то же время надо сказать, что качество научно-справочного аппарата в тех случаях, когда он имеется, не вызывает каких-либо возражений. Интересные и квалифицированно написанные предисловия или послесловия есть, например, в книгах «Ому», «Занзабуку», «Спящий пробуждается» и в некоторых других.

Если в будущем все выходящие в серии книги имели бы такой аппарат, их познавательная ценность намного возросла бы.

Оценивая серию в целом, следует признать, что выпуском увлекательных книжек под грифом «Путешествия, Приключения, Фантастика» Издательство географической литературы делает большое и полезное дело, знакомя широкие круги наших читателей с географией и этнографией самых различных стран.

Л. Файнберг

¹¹ Мы не останавливаемся на переизданных в этой серии книгах В. К. Арсеньева о его путешествиях по Дальнему Востоку. Содержащийся в них ценный этнографический материал неоднократно анализировался в специальной литературе.

¹² Э. Вустманн, Марбу, М., 1960.

НОВЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ (Ethnohistory. Indiana University, Bloomington, 1959—1960)

В 1954 г. в США начал выходить новый журнал «Ethnohistory» (Этноистория). Периодические издания по этнографии в Америке довольно многочисленны. Почти каждый университет, музей или библиотеки при них издают журналы «Известия», «Сообщения» самого различного типа, от объемистого «American Anthropologist», отражающего основные направления в официальной американской этнографии, до небольших листочков, содержащих информационные материалы о работе того или иного музея, его коллекциях, положении местных индейцев и пр.¹ Журнал «Ethnohistory» является органом Ежегодной Конференции по этнической истории индейцев, президентом которой избрана Дороти Либби — сотрудник университета штата Индиана. В постоянный исполнительный комитет Конференции входят этнографы, археологи из различных областей страны. Конференция по этнической истории индейцев изучает проблемы истории и этнографии коренного населения Америки и других стран. Особое внимание уделяется вопросам «аккультурации», иными словами культурного контакта между народами различного уровня развития, разных традиций. Эта проблема в условиях многонациональной страны, какой являются Соединенные Штаты, имеет первостепенное значение. Соответственно и журнал «Ethnohistory» публикует исследования, документы и материалы, касающиеся этнической истории индейцев и других национальных групп, хотя индейская тематика в нем преобладает.

Появление этого издания отражает определенные веяния в американской этнографии — стремление к историзму. Отсюда и название журнала — «Этноистория». Все больше американских этнографов начинают прямо или косвенно выступать против антиисторических методов исследования, упорно протаскивавшихся в американскую этнографию небольшой, но влиятельной группой, занимающей официальные посты в

¹ См., например: «Southwestern Journal of Anthropology», Albuquerque; «Smithsonian Miscellaneous collections», Washington; «Reports in Anthropology and Archaeology», University of Kentucky, Lexington; «The Florida Anthropologist»; «Leaflets of the Museum of American Indians», Heye Foundation, New York; «The Museum of the University of Oklahoma», Information series, Norman.

научных организациях США. Это стремление вырваться из пут бесплодных и замысловатых «теорий» моделей культур, бихейворизма, теории ценности культуры и т. п. началось не сейчас. Идеологическая борьба в американской этнографии, какой бы широкотной ни хотели представить ее официальные лидеры, идет все время. Все более широкое распространение идей марксизма вызывает серьезную тревогу в определенных этнографических кругах США. В противовес историзму и марксистскому подходу к этнографии изыскиваются новые средства. Одним из них является неозволюционизм, извращающий эволюционную теорию Моргана, но пользующийся его именем, чтобы увлечь доверчивых людей в дебри реакционной казуистики².

Убеждение в том, что человеческое общество нельзя изучать вне времени, что познать его не помогут никакие модели культуры и теории ценности, достаточно созрело в американской этнографии. Новый журнал «Этноистория» в какой-то мере отражает стремление изучать индейцев без предвзятых схем и надуманных методов.

Журнал публикует оригинальные исследования по истории и культуре индейцев и смежным проблемам. Как правило, в каждом номере помещаются несколько статей исследовательского характера, публикации литературных источников и документов, а также рецензии на этнографическую литературу. Специалист по этнографии Америки найдет здесь интересные сведения, материалы, достаточно объективно и ясно изложенные. Более всего привлекают внимание статьи о современной культуре отдельных индейских групп, об их положении в американском обществе.

Ярким примером работ этого рода является статья Этель Буассевен об индейцах наррагансетт³, живущих в штате Род Айлэнд. Наррагансетты утратили признаки племени, в том числе язык и территорию (резервационные земли их заставили продать еще в 1880 г.), но по целому ряду причин продолжают держаться друг за друга. Автор убедительно объясняет причины сохранения связей между потомками некогда довольно большого племени, сейчас почти совершенно слившимися с американцами и подчас неотличимыми от них и по внешности. Одна из этих причин — примесь негритянской крови, имеющаяся в смешанном индейско-американско-негритянском обществе наррагансеттов. Расовые предрассудки, направленные против негров в большей степени, чем против индейцев, заставляют наррагансеттов, в чьих жилах течет немало негритянской крови, утверждать свое индейское происхождение.

Немалую роль играют и экономические соображения: наррагансетты устраивают празднества с индейскими плясками, которые служат источником небольшого дохода от посещений туристов. Автор рассказывает, что существует определенное соревнование между группами индейского происхождения, устраивающими По-Во (праздники) и старающимися привлечь побольше туристов. По-Во — единственная возможность увидеть наррагансеттов в национальных костюмах. Их пляски, по свидетельству Э. Буассевен, теряют свою племенную специфику. Где-то они заимствовали, например, пляску с деревянными змеями: может быть, их вдохновил пример распространившейся на юге страны религиозной секты, в которой изуверы доводили себя до иступления плясками очень опасного характера, держа живых змей в руках; а может быть это заимствование у индейцев хопи, у которых существовали такие же пляски, известные теперь благодаря рекламе всем американцам. И еще одной причиной консервации общности наррагансеттов автор считает введение у них в 1934 г. «племенной» организации. У них имеется выборный вождь, знахарь, совет племени, который ведает организацией По-Во, помогает своим соплеменникам в различных затруднительных случаях.

Однако вывод, к которому приходит автор, вызывает сомнение. Заключая статью, Буассевен пишет: «Наличие перечисленных черт культуры способствовало сохранению организованной группы людей, которые в ином случае превратились бы в неорганизованное меньшинство»⁴. Можно восхищаться стойкостью наррагансеттов в их стремлении сохранить свою этническую общность, однако и сама Э. Буассевен ясно показывает, что будущего эта общность не имеет. То, что они держатся друг за друга, помогает им выжить в нелегких условиях нужды и расовой дискриминации. Но узлы, связывающие потомков племени, непрочны: прекратится «мода» на «индейские» зрелища, и они постепенно отомрут, а вместе с ними исчезнут и «индейские» костюмы, которые делают только для По-Во. Та же участь ожидает и другие черты материальной культуры и обрядовой жизни, еще сохраняющиеся у наррагансеттов. Что же касается «племенной» организации, то, как известно, ничего общего с традиционной формой племени она уже не имеет: нет рода, нет родовой собственности, нет родоплеменного управления. Современное «племя» является институтом чисто административного характера, построенным по образцу муниципальной системы США, но с «индейскими» названиями (вождь, знахарь и пр.). Так называемая этническая общность наррагансеттов существует в особых условиях американского общества и в настоящее время представляет собой довольно искусственное образование, которое вряд ли можно считать вслед за Э. Буассевен «успешным примером существования этнической группы»⁵.

² См. Ю. П. Аверкиев. Неозволюционизм в современной американской этнографии, «Сов. этнография», 1958, № 3, стр. 174—184.

³ E. Boissevain, Narragansett survival: a study of group persistence through adapted traits, «Ethnohistory», т. 6, № 4, 1959, стр. 347—362.

⁴ E. Boissevain, указ. раб., стр. 358.

⁵ Там же.

Будущее таких небольших индейских обществ, по мнению многих американских этнографов, в слиянии с американской нацией, и консервация старых обычаев, хотя и наполняемых новым содержанием и поэтому достаточно жизнеспособных (коммерческий характер По-Во, например), лишь тормозит и без того нелегкий путь включения индейцев в американскую нацию. отвлекает трудящихся индейского происхождения от классовых интересов, подменяя их узко национальными.

Статья Рэймонда Вуда «Заметки об этноистории понка, 1785—1804»⁶ посвящена истории одного из племен сиу — понка в тот период, когда племя это жило в северной части центральной Небраски. Археологи обнаружили поселение, принадлежность которого долгое время была неясна. По мнению автора, привлеченного исторические материалы, стоянка (Форт Понка), представлявшая собой некогда укрепленное селение, служила индейцам племени понка около 30 лет. Среди других следов их обитания здесь сохранилось большое число вещей европейского происхождения. По свидетельству историков колониального периода, понка вели торговлю с испанскими и французскими поселениями. Испанский путешественник начала XIX в. сообщал, что торговый оборот с понка в 1802 г. составил 6 тыс. пиастров; французский торговец исчислял торговый оборот французских спекулянтов с понка на 1804 г. в 1500 долларов⁷. Эти сведения о размерах торговли испанцев и французов с индейцами прерий накануне приобретения Соединенными Штатами Луизианы (1803 г.) и даже через год после покупки ими этой области, представляют несомненный интерес для восстановления истории страны и освещения роли индейцев в событиях того времени.

К этой же статье примыкает работа Л. Бинфорда «Комментарии к проблеме сиу»⁸. Статья посвящена определению этнической принадлежности племен, живших некогда на юго-востоке США, ныне исчезнувших и почти не оставивших следов в этнографической литературе. Сопоставляя данные исторических документов и результаты лингвистических исследований, Бинфорд приходит к выводу, что тутело, сапони и окканичи принадлежали к языковой семье сиу. В этом Бинфорд разделяет оспаривавшуюся в последнее время точку зрения такого знатока юго-восточных племен, как Джон Рид Свантон.

Из этой же серии статей упомянем еще работу Джека Форбса о «потерянных племенах» Юго-Запада⁹. Кропотливое изучение испанских источников и донесений иезуитов помогло Форбсу отнести к числу атапаскских некоторые охотничьи племена, жившие на территории, протянувшейся от юго-восточной Аризоны до восточной части Техаса, и в их числе племена сума, сибола и некоторые другие. Большие сомнения вызвали у него индейцы кончо и тобосо. Их он с оговорками относит к юто-аштекам. Что касается наименее известных хахуила, чинарра и чизо, также обитавших по соседству с уже перечисленными племенами, то их лингвистическая принадлежность пока осталась не выясненной¹⁰.

Большой интерес представляют статьи, в которых рассматриваются результаты влияния культурного общения индейцев с европейскими колонистами. В этом отношении привлекает внимание статья К. Ли Теннер — «Влияние белого человека на искусство индейцев Юго-Запада»¹¹. Теннер рассказывает об изменениях, которые претерпевают как традиционные ремесла доевропейского происхождения (плетение корзин, гончарное производство, ткачество, создание изображений качин у индейцев пуэбло и др.), так и возникшие под влиянием мексиканцев (поделки по серебру) и американцев (акварельная живопись). Автор различает три категории в современном искусстве индейцев Юго-Запада — навахов и индейцев пуэбло, положив в основу деления степень европейского, мексиканского или американского влияния на то или иное ремесло индейцев. В первую категорию попадают виды искусства и ремесла, связанные с обрядовой жизнью индейцев и менее всего зависящие от внешнего воздействия (например, плетение обрядовых корзин для свадеб у индейцев хоппи), во вторую — ремесла, в которых либо техника производства, либо форма изделия или орнамент претерпели непосредственное влияние американского рынка (например, производство индейцами пуэбло глиняных сосудов на продажу). К третьей категории Теннер относит совершенно новые для индейцев виды искусства и ремесла — ювелирное дело и акварельную живопись. Как известно, производство украшений из серебра индейцы пуэбло восприняли от мексиканцев и в свою очередь передали навахам. Все в этом ремесле было новым — техника производства, материал. Однако формы изделий и их отделка камнями были местными. Янгарь, бирюза — старые знакомые индейцев юго-запада Северной Америки.

⁶ W. Raymond Wood, Notes on the Ponca ethnohistory, 1785—1804, «Ethnohistory», т. 6, № 1, 1959, стр. 1—26.

⁷ Там же, стр. 15.

⁸ L. R. Binford, Comments on the «sicuan problem», «Ethnohistory», т. 6, № 1, 1959, стр. 28—41.

⁹ J. Forbes, Unknown Athapascans: the identification of the jano, johome, jumano, manso, suma and other indian tribes of the Southwest, «Ethnohistory», т. 6, № 2, 1959, стр. 97—159.

¹⁰ Там же, стр. 144.

¹¹ Clara Lee Tanner, The influence of the white man on Southwest Indian art, «Ethnohistory», т. 7, № 2, 1960, стр. 137—150.

Говоря о совершенстве индейских серебряных изделий, автор с тревогой пишет, что наиболее доходное ремесло индейцев сейчас находится под угрозой. Предприниматели наводняют рынок дешевыми машинными поделками, конкурирующими с довольно дорогими из-за своей трудоемкости кустарными изделиями индейцев.

Особо следует остановиться на самом новом искусстве индейцев США — акварельной живописи, которая вошла в культуру индейцев через школьное и специальное образование (особой известностью пользуется художественная школа в Санта Фэ). Индейцы США за последние годы начали завоевывать прочное место в американском искусстве. Выставки на индейских ярмарках в Гэллэпе (Аризона) и Анадарко (Оклахома), а также в музеях привлекают внимание знатоков и вызывают споры о характере и направлении этого вида искусства. Теннер считает, что по своему характеру это декоративное искусство. Восприняв новый для себя материал — бумагу, кисти, акварельные краски, индейские мастера, по мнению Теннера, приняли и наиболее близкую им абстрактную форму живописи. При этом Теннер ссылается на традиции индейского искусства, в частности на пиктографическое письмо, которое якобы тоже носило абстрактный характер. Трудно судить о сложном, многообразном и образительном искусстве индейцев Северной Америки доколумбова времени. Дело специалистов-искусствоведов изучать песчаные рисунки навахов, «глазной» орнамент индейцев северо-запада Северной Америки. Что касается пиктографического письма, то оно чрезвычайно далеко от абстракции: значки его в графической лаконичной форме реалистично передают изображения предметов, передают так точно, что их может понять и непосвященный. Вот эта лаконичность и реалистическая манера передачи, пожалуй, и связывают современную индейскую живопись с традициями народного искусства. Возможно, что именно в пиктографическом письме следует видеть истоки документального реализма современной индейской живописи; ведь именно в этой форме своеобразной «письменности» индейцы веками вынашивали умение лаконично обобщать образ предмета. При знакомстве с картинами современных художников индейцев, пишущих в «индейской манере», прежде всего бросается в глаза предельная реалистичность рисунка, стремление художника к документально достоверной передаче образа. Не удивительно, что работы индейских художников, демонстрировавшиеся в свое время на международной выставке в Европе, привлекли самое сочувственное внимание. Некоторые картины заставили европейских знатоков сравнить их с творениями эпохи Возрождения¹².

Несомненно за ограниченностью места продолжать детальный обзор всех статей, появившихся в журнале «Ethnohistory» за два года. Все они так или иначе показывают, как изменилось индейское общество со времени колонизации, или сообщают сведения о современном положении разных племен. Все они очень интересны, так как помогают восстановить прошлое индейцев Америки, до сих пор изученное очень слабо, и вместе с тем знакомят с еще менее известной современной жизнью малых народов США. Публикация источников и документов колониального периода, занимающая большое место в журнале, является хорошим дополнением к этим статьям и отвечает назначению журнала — восстанавливать этническую историю бесписьменных народов.

Журнал, таким образом, вводит в оборот огромный фактический материал, который предоставляет исследователю новые возможности. В этой связи интересно обратиться к работам, в которых отражены некоторые общие вопросы этнической истории, и в частности аккультурации как одного из ее этапов. За два года в журнале опубликованы две статьи такого характера. Одна из них — «Вопросы этнической принадлежности, этноисторический подход», принадлежит перу Дж. Велтфиш, вторая — «Применение этноистории в изучении аккультурации» — К. Валентайну. Обе эти статьи были сложены на очередной конференции Ассоциации американских этнографов, состоявшейся в Вашингтоне в 1958 г. Авторы этих статей по-разному подходят к своему материалу. Они согласны в одном — каждый народ, независимо от того, какой степени развития достигла его культура, имеет право на свою историю, изучение которой поможет этнографу понять сущность происходящих на наших глазах этнических процессов. В этом отношении Дж. Велтфиш и К. Валентайн, а вместе с ними и журнал, на страницах которого они выступают, — поборники историзации американской этнографии.

Острая, насыщенная конкретным материалом статья Дж. Велтфиш наглядно показывает необходимость исторического подхода к материалу в этнографическом исследовании¹³. Автор на примере индейцев пауни (языковая семья ксдо) вскрывает все значение комплексного подхода: сочетания и анализа данных этнографии, археологии, лингвистики, и, конечно, истории. В этом отношении работа Дж. Велтфиш может быть названа программной для всего этноисторического направления. Она особенно убедительна благодаря прекрасному владению автором источниками и многолетнему опыту полевой этнографической работы. В сравнительно небольшой статье она находит ответ на вопрос, почему пауни, занимавшиеся земледелием в сочетании с охотой на оленя,

¹² B. Burchardt. Plains indian painting, «Special Oklahoma today», 1958, стр. 20.

¹³ G. Weltfish, The question of ethnic identity, an ethnohistorical approach, «Ethnohistory», т. 6, 1959, № 4.

уделяли столь большое внимание охоте на бизона, требовавшей изменения жизненного уклада индейцев, хотя их прежние занятия достаточно снабжали их пищей и шкурами. Дж. Велтфиш впервые обратила внимание на роль обмена у племен кеддо и в особенности у пауни. Охота на бизона давала пауни излишки мяса и особенно шкур, которые служили источником обмена как с юго-восточными племенами (читимача, туника, таенса, натчи), так и с жителями юго-запада Северной Америки индейцами пуэбло; таким образом, размах обменных операций был чрезвычайно велик. Он способствовал обогащению пауни и вместе с тем требовал от них все большей затраты сил на коллективную охоту на бизона. Появление в прериях лошади и торговля с европейцами, вызвавшая еще больший спрос на бизоньи шкуры, во много раз увеличили влияние обмена на жизнь индейцев прерий, превратив, в частности, пауни в своего рода посредников в этой торговле. И эта посредническая роль в широких операциях обмена, втянувших многие племена, ставила пауни в особые условия. Отсюда и удивлявшее этнографов сочетание в культуре пауни земледельческого хозяйства с постоянной, а не спорадической, как это было у многих земледельческих племен, охотой на бизонов. Разобраться в этом вопросе автору помогло изучение документов колониального периода, а также археологических материалов по ранним этапам истории индейцев прерий.

Другой интересный момент статьи Дж. Велтфиш составляет попытка определить возраст этнической общности пауни. Привлекая опять-таки данные различных смежных дисциплин, Дж. Велтфиш пробует найти истоки племени пауни, проследить зарождение его, определить время выделения пауни из более обширной общности кеддо, куда, кроме пауни, входят собственно кеддо, вичита, арикара. Автора интересует не только прошлое племени, но его настоящее и судьба пауни как этнического единства в недалеком будущем. Как известно, пауни живут в западной части штата Оклахома вперемежку с остальным населением. В западной Оклахоме были когда-то поселены в резервациях индейцы прерий. Практически они, как и упоминавшиеся выше наррагансеты, почти утратили все признаки племени, которое сохраняется как административная единица, связанная с Управлением по делам индейцев; родным языком пользуются лишь в домашнем обиходе. Еще остаются память о принадлежности к одному народу и некоторые обычаи, связанные с религиозной и общественной жизнью этой распыленной, но пока сохраняющей кое-какие связи группы. Дж. Велтфиш полагает, что, несмотря на известную консервативность, это «племя» не имеет возможности сохраниться в качестве единой этнической группы. В этом убеждены и сами пауни. Велтфиш рассказывает: «Старики... оказались в затруднительном положении. Они поняли, что старый образ жизни пауни уже не может существовать, и боялись, что их воспоминания о прошлом будут лишь тормозить прогресс в среде молодежи (известно, какую роль играли наставления стариков в жизни индейцев: старики передавали традиции племени, являлись хранителями его истории, его мифов, этики народа, которые они и передавали молодому поколению.—И. З.). В то же самое время они не желали, чтобы было забыто «все, что они сделали». Они надеялись, что этнография восполнит то, что не может сделать история (т. е., очевидно, рассказать народу о его прошлом, его обычаях.—И. З.). Что касается сегодняшнего дня и будущего пауни, то утрата языка и межплеменные браки сотрут и окончательно изгладят из памяти черты племенной определенности»¹⁴.

Обращение Дж. Велтфиш к этнографии как одной из наук, способных проникнуть в будущее народа, понять направление этнических процессов, представляет совершенно бесспорным. Сочувственное отношение к судьбе малых народов, внимание к их культуре не может не привлечь симпатии к тем прогрессивным американским ученым, которые серьезно и глубоко исследуют прошлое и настоящее индейцев, прошедших через все тяготы колониального гнета и пытающихся найти свое место в обществе, где условия существования, экономического и культурного развития для индейцев и других национальных меньшинств чрезвычайно осложнены. Будущее многих индейских племен — в слиянии с американской нацией. Особенно это относится к тем индейцам, которые живут вне резерваций и лишь формально могут называться племенами, так как не имеют ни территориальной, ни экономической общности, а кроме того, утрачивают и родной язык. Но слияние это проходит в очень болезненных формах, так как тормозится экономической необеспеченностью индейцев и расовой дискриминацией, препятствующей их нормальному включению в общественную и производственную жизнь страны.

Статья К. Валентайна¹⁵ в известной мере дополняет работу Дж. Велтфиш в отношении некоторых приемов полезной работы, на которой Валентайн останавливается особенно подробно. Валентайн рассказывает о своем опыте изучения лакалаев — жителей Новой Британии (территория Новой Гвинеи). Лакалаи непосредственно столкнулись с европейцами сравнительно недавно, лет 50 назад, так что Валентайн мог широко пользоваться свежими воспоминаниями самих лакалаев, а также европейцев, живших здесь — служащих колониальной администрации, миссионеров и прочих. Дан-

¹⁴ G. Weltfish, Указ. раб., стр. 334.

¹⁵ C. Valentine, Uses of ethnohistory in an acculturation study, «Ethnohistory», т. 7, 1960, № 1, стр. 1—28.

ные этнографии и истории должны дополнять друг друга при восстановлении процесса аккультурации народа, замечает Валентайн; воспоминания очевидцев могут помочь найти ошибки в исторических материалах или восполнить пробелы, и, наоборот, исторические документы должны помочь правильно отнестись к воспоминаниям очевидцев. Справедливо отмечая, что исторические предания, мифология и воспоминания меланезийцев о минувших событиях окрашиваются присущим данному обществу мировоззрением, этическими представлениями, Валентайн заявляет, что лакалаи интерпретируют историю своего народа, придерживаясь чуждых цивилизованному миру хронологических рамок. Что же это значит? «В этой мифологической схеме, — пишет он, — прошлое до контакта с европейцами представляется утраченным золотым веком, период контакта — временем, полным трезов, которые принесло с собой европейское влияние, а будущее — как золотой век, в котором туземное общество получит все богатства, власть, привилегии, ныне предназначенные европейцам»¹⁶. Перед нами отнюдь не представление о хронологической таблице, «чуждое западному миру», а ясное осмысление колониального гнета и мечта освободиться от него. Речь идет о различном подходе к европейской колонизации, принесшей меланезийцам тяжкий труд, унижения и несправедливость, а колонизаторам огромные прибыли. И никакие «коррективы» исторических документов, о которых говорит Валентайн, не заставят меланезийцев смотреть на колониальное господство европейцев глазами угнетателей.

В подкрепление все той же мысли о необъективном отношении меланезийцев к событиям, Валентайн упрекает лакалаев в непонимании поведения европейцев, неприятии «организационных аффилиаций европейцев и азиатов, игравших важную роль в местной истории»¹⁷. Очевидно, Валентайн имеет в виду торговые компании, вербовщиков дешевой рабочей силы — цену таким «аффилиациям» лакалаи действительно знают, как это видно со слов самого Валентайна, достаточно хорошо. И тут не лакалаев, а автора статьи приходится упрекать в отсутствии объективности. В некоторых случаях Валентайн все же очень робко сам намекает на истинное положение вещей. Ему удалось, как он полагает, «восполнить недочеты» в письменных источниках, а также «исправить» в ряде случаев диктуемые «предвзвешенными представлениями европейцев о культуре лакалаев», используя биографические воспоминания, беседы о прошлом, о старых обычаях. Можно опасаться, что в этом случае автора ждет не меньшее разочарование, чем с лакалами: вряд ли вербовщиков и владельцев торговых компаний интересует прошлое народа, на котором они наживаются.

Несколько более определенно Валентайн высказывается об отношении лакалаев к проповедям миссионеров, а через них и к сложившейся в колониальных условиях обстановке. Он пишет, что мессианское движение, поднявшееся в Новой Британии и по всей Меланезии, было вызвано тем, что туземцы разочаровались в христианских проповедях: «Лакалаи глубоко разочаровались, убедившись в том, что обещания христианской религии не осуществляются»¹⁸.

Валентайн, признавая таким образом, хотя и с оговорками, право туземцев по-своему понимать события, все же стремится к весьма определенной цели. Он хочет помочь угнетателям и угнетенным понять позицию друг друга, примирить непримиримое.

Статья К. Валентайна, к сожалению, показывает, что не всякое этноисторическое исследование народов, находящихся в искусственных условиях, может быть плодотворным. Никакие экскурсы в историю, работа с документами не помогут исправить главного недочета — отсутствия непредвзятой позиции, строго научного подхода, материалистического понимания истории.

В заключение следует сказать, что общее направление журнала, выражающееся в стремлении вернуть американскую этнографию в лоно исторических дисциплин, обогатить исследование данными археологии, этнографии, лингвистики, не может не привлечь к этому новому изданию внимание специалистов. Отдельные неудачи, шаткость позиций некоторых авторов не могут умалить значения издания в целом.

И. Золотаревская

¹⁶ С. Valentine, Указ. раб., стр. 5.

¹⁷ Там же, стр. 6.

¹⁸ Там же, стр. 12.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ

Проблемы истории первобытного общества. Труды Института этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960.

Рецензируемый том Трудов Института этнографии АН СССР посвящен проблемам истории первобытного общества. В восьми статьях этого тома рассматриваются вопросы, связанные с орудиями производства и хозяйством, с историей семьи и общественной организации, с разделением труда и характером собственности первобытнообщинного строя.

Сборник открывается статьей Д. М. Карова «О развитии примитивных орудий». Автор статьи — инженер-механик, работавший в одном из новых направлений науки о первобытном обществе. Археологи и этнографы изучали орудия первобытного человека в основном типологически. Лишь недавно исследователи попытались выяснить степень эффективности этих орудий, понять, какие свойства материалов и форм орудий играли роль при их эволюции, какие физические законы лежат в основе действия древнейших механизмов. В этом направлении интересные исследования вели В. А. Желиговский совместно с М. Е. Фосс и В. П. Левашевской, а затем С. А. Семенов.

Д. М. Каров занимался тем же кругом вопросов. Многие его соображения безусловно заслуживают внимания. Так, им дан детальный анализ, с точки зрения механики, различных видов копьейных копал и охотничьих ловушек, убедительно показаны технические преимущества одних видов этих орудий перед другими, раскрыты физические принципы, интуитивно использованные первобытным человеком при создании копейных копал, лука, прядильного станка, ловушек и т. д.

Статья Д. М. Карова не лишена, однако, и существенных недостатков. Автор не изучал подлинных первобытных орудий из археологических или этнографических коллекций, а пользовался только литературой, притом достаточно случайно подобранной. В своей работе он шел не от материала, а от априорных соображений техника, в подкрепление которых подбирал примеры из этнографии. Отсюда ошибки — например, повторение давно опровергнутой мысли, что ручные рубила насаживались на рукоять. Отсюда же крайняя разрозненность использованных фактов: наряду с австралийским материалом приводятся данные об «избытке строительства» русской деревни. Другой недостаток статьи — неудобочитаемый, предельно усложненный язык.

Как и В. А. Желиговский и С. А. Семенов, Д. М. Каров сделал ряд интересных, но разрозненных наблюдений, пока что не выносящих что-либо принципиально новое в наши представления о первобытном человеке. Будущее покажет, насколько существенным для исторической науки может стать анализ механических и технологических свойств первобытных орудий. Пока что нет оснований переоценивать значение этого нового направления работ, как это делают и Д. М. Каров, и С. А. Семенов. В истории нашей науки был период, когда ученые увлекались биологическими методами классификации материала и считали, что археология и этнография исторического направления должны уступить место биологической науке «палеоэтнологии». Период этих увлечений прошёл. Не будем же переоценивать и новых интересных попыток применить данные техники к науке о первобытном обществе. Гуманитарные науки располагают и собственными методами, а не только заимствуют методы у биологов и техников.

Вторая статья сборника принадлежит перу С. Н. Замятнина. Крупнейший советский специалист по палеолиту, С. Н. Замятнин незадолго до войны закончил обобщающий труд о палеолитическом человеке. Из-за войны труд этот не был издан. В последние годы жизни С. Н. Замятнин переработал и подготовил к изданию отдельные части своей работы. В трудах Ин-та этнографии уже была напечатана одна из статей этой серии — «О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода»¹. В рецензируемом томе опубликована вторая статья — «Некоторые вопросы изучения хозяйства в эпоху палеолита». Нет сомнений, что эта статья получит такое же признание, как и первая, ибо, как всегда у С. Н. Замятнина, она отличается свежим оригинальным подходом к материалу и глубокой обоснованностью выводов.

В большинстве работ по проблемам первобытной истории советские этнографы обращаются за археологическими параллелями и фактами к книге П. П. Ефименко «Первобытное общество». Ценность этой книги, содержащей продуманную концепцию развития палеолитического человечества, не приходится отрицать. Но концепция П. П. Ефименко — лишь один из возможных вариантов исторической интерпретации археологического материала. Работа С. Н. Замятнина дает другой вариант его интерпретации и, надо сказать, во многом более убедительный. Это касается, прежде всего, вопроса о хозяйстве древнепалеолитического человека. В противоположность П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин показывает, что уже на начальных стадиях палеолита человек был не собирателем, а охотником на крупных животных. Это положение высказывалось и раньше, в частности С. П. Толстовым². Подкрепленное многочисленными фактами в статье С. Н. Замятнина оно выглядит особенно убедительным. Вывод С. Н. Замятнина о том, что охота была основой хозяйства уже в домустьерское время, должен войти

¹ «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951.

² С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4.

в этнографическую литературу, где подчас повторяются давно устаревшие теории, вроде утверждений, что до изобретения лука (т. е. до мезолита) охота не могла стать основой хозяйства первобытного человека³.

С. Н. Замятин обоснованно критикует и некоторые другие положения, вошедшие в нашу литературу, например, тезис П. П. Ефименко о мужских и женских орудиях мустьерской эпохи, предположение о существовании боласа у мустьерцев и т. д. В недавно опубликованной работе С. П. Толстова также высказаны веские соображения против интерпретации мустьерских остроконечников и скребел как мужских и женских ножей⁴.

На всех интересных выводах С. Н. Замятин здесь нет возможности остановиться. Укажем лишь на очень убедительную схему развития метательного оружия на протяжении палеолита. Жаль, что некоторые вопросы не рассмотрены в статье. Стоило бы остановиться на связи топографии стоянок с охотой, на вопросе о метательных стрелах. Отметим и одну неточность — костяные наконечники с лезвиями из кремневых вкладышей есть не только на Енисее (стр. 84), но и в Европейской части СССР (стоянка Талицкого, Амвросиевка).

Большие и важные вопросы поднимает статья Н. А. Бутинова «Разделение труда в первобытном обществе».

Очень часто археологические и этнографические работы, да и обобщающие труды по истории первобытного общества страдают отсутствием в них субъекта, производителя материальных благ. Автор же ставит производителя материальных благ в центр внимания, делает его главным объектом своего исследования.

Суть концепции Н. А. Бутинова такова: в первобытном обществе существуют четыре основные формы естественного разделения труда, которые автор соответственно называет: а) специализацией общин; б) хозяйственным циклом; в) распорядком труда в общине и г) разделением труда по полу и возрасту.

В основу работы положены систематизированные автором данные о производстве абorigенов Австралии и коренных народов Меланезии и Полинезии. Рассматривая австралийских абorigенов, папуасо-меланезийцев и полинезийцев как общества, представлявшие «соответственно ранний, развитый и поздний периоды родового строя». Н. А. Бутинов выявил существенные различия в разделении труда у этих народов, наметив «три основных ступени в развитии разделения труда». «Первая ступень, австралийская, характеризуется тем, что решающую роль играет разделение труда по полу и возрасту.

Вторая ступень представлена папуасами Новой Гвинеи и народами Западной Меланезии. Главную роль играет распорядок труда, который делит общину... на постоянные семейно-родовые группы... Третья ступень представлена полинезийцами и начинается с возникновения общественного разделения труда» (стр. 150).

Ни построенный Н. А. Бутиновым эволюционный ряд (австралийцы, меланезийцы, полинезийцы), ни его выводы о постепенном усложнении разделения труда и о конкретных формах этого усложнения не вызывают каких-либо возражений.

Однако нельзя не выразить сомнения в правоте одного из отправных положений автора Н. А. Бутинов считает, что общественное разделение труда возникает лишь в «поздний период родового строя», в эпоху его разложения. Все формы разделения труда, которые он находит у австралийцев и папуасо-меланезийцев, Н. А. Бутинов рассматривает как формы естественного разделения труда. Между тем приводимые самим же автором многочисленные факты свидетельствуют как раз об обратном. Естественное разделение труда — это разделение по полу и возрасту, т. е. разделение труда, обусловленное природными свойствами людей. А то, что Н. А. Бутинов называет «специализацией общин», есть уже результат общественного разделения труда. В самом деле, различия в природных условиях создают лишь возможность, предпосылку для обмена между общинами. Но чтобы эта возможность стала реальностью, необходимо общественное производство, причем определенному уровню развития производства соответствует и определенная степень интенсивности межобщинного обмена. Последнее Н. А. Бутинов очень хорошо показал на примере австралийцев и папуасо-меланезийцев. Остается совершенно непонятным, почему автор считает межобщинный обмен в Меланезии результатом естественного разделения труда, а межобщинный обмен в Полинезии — результатом первого общественного разделения труда, хотя двумя абзацами ниже он признает, что обмен в Полинезии «все же был гораздо слабее развит, чем в Меланезии».

Разделение труда в ходе осуществления «хозяйственного цикла» также носит естественный характер. Учитывая сезонные изменения окружающей географической среды, общественный человек соответственно изменяет формы борьбы с природой, употребляя при этом лишь такие формы, которые доступны ему при данном уровне общественных производительных сил.

Что касается «распорядка труда внутри общины», то общественный характер этой формы разделения труда еще более очевиден. Этот «распорядок есть не что иное, как

³ А. Д. Авдеев, Происхождение театра, Л., 1960.

⁴ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3, М., 1960, стр. 312—313.

соотношение индивидуального и разных форм кооперированного труда в общине. Общество выделяет для каждого необходимого ему процесса труда лишь необходимое количество своих членов. Заметим, что интересная мысль Н. А. Бутинова о «максимальной хозяйственной функции» никак не совместима с представлением о естественном характере разделения труда внутри австралийской или тем более меланезийской общины: ведь «максимальная хозяйственная функция» определяется потребностями общественного производства, т. е. она имеет отчетливо выраженное общественное происхождение.

Таким образом, общественное разделение труда в тех или иных формах было не только у полинезийцев, но и у папуасо-меланезийцев, и у австралийских аборигенов. Именно исследованию постепенного развития и усложнения форм общественного разделения труда и посвящена, прежде всего, статья Н. А. Бутинова. Что же касается общин, у которых не было общественного разделения труда, то их, как нам представляется, надо искать не среди австралийцев и еще менее среди меланезийцев, а скорее в обществе нижнего палеолита.

Не совсем ясно далее, почему Н. А. Бутинов по существу отказался от понятия «простой кооперации труда». И «распорядок труда в общине», и «хозяйственный цикл» тесно связаны именно с этим очень важным понятием политической экономии. Думается, что анализ форм простой кооперации труда позволил бы автору более четко определить характер внутриобщинного разделения труда в исследуемых им обществах.

Сказанное выше ни в коей мере не должно закрывать от нас существенных достоинств этого очень нужного для нашей науки исследования, в котором целый ряд важных и характерных черт общественной организации доклассового общества объясняется спецификой и требованиями первобытного производства. Нельзя не согласиться с Н. А. Бутиновым, что именно потребности производства объединяют людей в общину, «превращая родство из категории биологической в категорию социальную», и именно потребностями производства, а не степенью родства, определяется, как доказывает Н. А. Бутинов, численность членов первобытной общины.

В заключительном параграфе работы Н. А. Бутинов предлагает положить в основу периодизации первобытнообщинного строя степень разделения труда, так как оно должно отражать весьма точно ступень исторического развития народа. Думается, что эта мысль Н. А. Бутинова, хорошо перекликающаяся с известными высказываниями классиков марксизма, вполне плодотворна и заслуживает самых серьезных размышлений.

А. И. Першиц, автор статьи «Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории», указывает, что «задача периодизации первобытной истории заключается в том, чтобы выявить периоды становления, расцвета и разложения первобытнообщинного способа производства, в частности выявить различия в формах первобытнообщинных производственных отношений, основ которых составляли определенные формы собственности на средства производства» (стр. 154). В соответствии с этой посылкой А. И. Першиц последовательно рассматривает специфику форм собственности в периоды становления, расцвета и разложения первобытнообщинного способа производства.

В первом разделе автор, затрагивая вопрос о характере собственности в «эпоху питекантропа, синантропа и неандертальца», указывает, что эта эпоха была «периодом не существования, а лишь становления форм первобытной собственности». А. И. Першиц тем самым еще раз подчеркнул несостоятельность построений как тех, кто считает питекантропов, синантропов и неандертальцев «готовыми» людьми, жившими в условиях вполне сформировавшегося «человеческого» общества, так и тех, кто видит в них лишь высокоорганизованных животных.

Второй и третий разделы посвящены рассмотрению форм собственности в последующие две эпохи первобытнообщинного строя.

Выделенные А. И. Першицем последовательные формы первобытной собственности сами по себе представляют нам вполне закономерными, причем особенно убедительно и выпукло показал автор процесс перехода от родовой общины к соседской и специфику переплетения кровнородственных и соседских связей в этот период. Однако изображенная автором картина эволюции форм первобытной собственности оказалась, на наш взгляд, оторванной от процесса развития производительных сил. В самом деле, автор, с одной стороны, как будто относит распространение земледелия и скотоводства к третьей заключительной эпохе первобытности, а с другой — постоянно использует материал о земледельческих племенах для характеристики второй, основной эпохи первобытного общества. В то же время высокоспециализированные охота и рыболовство рассматриваются А. И. Першицем, наряду с земледелием и скотоводством, как формы хозяйства, равным образом характерные для эпохи перехода «от общей собственности к частной собственности».

Думается, что именно здесь и находится наиболее уязвимое звено в аргументации автора. И археологический, и этнографический материалы не позволяют ставить знака равенства между производительными силами и производственными отношениями охотников, рыболовов и собирателей, с одной стороны, и земледельцев и скотоводов — с другой. Переход к земледелию и скотоводству — это всемирно-исторический процесс, который где бы и когда бы он ни происходил, естественно и закономерно приводил к коренной перестройке всей системы производственных отношений бывших охотников, рыболовов и собирателей. Этот переход означал наступление новой эпохи в истории

культуры и общества -- эпохи производства новых, не существующих в природе средств к существованию. На этот переход в свое время обращали особое внимание и К. Маркс, и Ф. Энгельс. Его всемирно-историческое значение давно уже признано и советскими и зарубежными археологами, да и не только археологами. В конечном счете вся современная цивилизация есть результат этого перехода, ибо она стала возможной лишь благодаря колоссальным (и до сих пор еще не до конца использованным) потенциальным возможностям увеличения производительности труда, заложенным в земледелии и отчасти в скотоводстве.

Что же касается развития охоты и рыболовства в высокоспециализированные формы хозяйства, то это всегда случаи исключительные, связанные прежде всего (что весьма существенно) с особо благоприятными или с особо сложными природными условиями, случаи не столько подчинения себе природы, сколько приспособления к ней в исключительных специфических условиях. Нет ничего удивительного, что как это было, например, у индейцев северо-запада Северной Америки, особо благоприятные природные условия позволяют достичь сравнительно высокой производительности труда (вообще говоря не характерной для охотничье-рыболовческого хозяйства), что, в свою очередь, вызывает определенную трансформацию родового строя и даже появление социальной и имущественной дифференциации внутри рода, патриархального рабства и т. п. Однако не следует забывать и того, что у тех же индейцев северо-запада Северной Америки все социально-экономическое развитие целиком и полностью зависело от обилия лососевых в этом географически весьма ограниченном районе. Комплекс орудий производства, накопленный производственный опыт, трудовые навыки -- все это было неразрывно связано с узко локальной специфической природной средой, и условия, обеспечивавшие необычно высокую для присваивающего хозяйства производительность труда, являлись в то же время условиями, ограничивавшими развитие производительных сил. Не случайно, что специализированные охотники и рыболовы представляют собою, как правило, сравнительно немногочисленные общества, величина которых обычно не идет ни в какое сравнение с обществами земледельцев.

Достаточно хотя бы сравнить характер отношения производителей тех и других обществ к земле, чтобы убедиться в том, что отношение к кормовой территории, скажем у тасманийцев или у австралийцев, и субъективно, и объективно коренным образом отличается от отношения к земле как к средству производства у земледельцев или даже у индейцев северо-запада Северной Америки, где частная собственность на землю формировалась в чрезвычайно своеобразных и далеких от классического пути исторической эволюции условиях. Из числа этнографических работ, наиболее убедительно и рельефно показывающих это отличие, укажем хотя бы на труды Ю. Липса, исследования Ю. П. Аверкиевой и статью Г. Хрустова об институте собственности у австралийских аборигенов в журнале «Советская этнография» (№ 6 за 1959 г.).

Нам представляется поэтому методологически неверным ставить в один ряд социологические факты, хотя бы внешне и похожие друг на друга, но взятые из жизни земледельческих и скотоводческих обществ, с одной стороны, и из жизни охотников и рыболовов, пусть и специализированных, — с другой. Конечно, факты такого рода можно и должно сравнивать, но едва ли правильно приравнивать их друг к другу, как это делает А. И. Першиц (см. стр. 158, 161, 163, 165 и др.). В результате получается, что социологические факты, которыми оперирует автор, выстраиваются им в определенный эволюционный ряд без учета их отношений и связей с конкретными формами первобытного производства. А ведь как раз такая форма становится возможной лишь на определенном этапе развития производительных сил и играет вполне определенную роль в истории общественного производства.

Работа А. И. Першица делает очевидной настоятельную необходимость дальнейшего тщательного исследования как общих закономерностей развития производительных сил в первобытном обществе, так и различий между общественным строем племен и народов, еще не знающих или до недавнего времени не знавших земледелия, и общественным строем земледельцев и скотоводов.

Следующие три статьи: Д. А. Ольдерогге «Система нкита», Ю. М. Лихтенберг «Происхождение некоторых особенностей классификаторских систем родства (турано-кавказского типа)» и ее же «Австралийские и меланезийские системы родства (турано-кавказского типа)» и зависимость их от деления общества на группы» посвящены традиционному в этнографической литературе анализу кровнородственных связей в некоторых классовых обществах нашего времени.

Д. А. Ольдерогге взял на себя задачу разобраться в весьма своеобразной и запутанной системе экономических взаимоотношений, существующей у нкунду — группы племен Центрального Конго и известной в литературе под названием нкита. Суть этой системы заключается в наличии у нкунду особых взаимоотношений между женщинами нескольких взаимнобрачующихся родов: каждая замужняя женщина имеет в другом роде одну или больше нкиты, которая обязана оказывать ей всякую помощь и в свою очередь является нкитой для какой-то третьей женщины. Трудность задачи усугублялась тенденциозностью источников, преимущественно описаний, составленных бельгийскими колониальными чиновниками и юристами, преследовавшими сугубо практические административные цели.

Д. А. Ольдерогге, анализируя этот противоречивый и разнохарактерный материал, пришел к выводу, что «в основе как всей системы нкиты, так и терминологии родства

нкунду, лежат отношения отдельных родовых групп, связанных между собою рядом обязательств: отношениями взаимопомощи, взаимной защиты, взаимозависимости на экономической почве и кузенным браком» (стр. 184). Автор убедительно показывает, что у нкунду в прошлом существовал материнский род и что происхождение системы нкита уходит своими корнями в эпоху бытования у нкунду материнского рода. Образование отцовского рода вызвало существенные видоизменения в системе нкита и в других социальных институтах, в частности, все больше стали развиваться индивидуальные связи между брачующимися семьями.

Следует подчеркнуть, что одним из условий, обеспечивших успешность и убедительность исследования Д. А. Ольдерогге, явилась четкость и определенность в понимании и употреблении важнейших этнографических терминов. Так, Д. А. Ольдерогге справедливо указывает на необходимость строго отличать отцовско-правовой род от рода отца и материнско-правовой род от рода матери, показав на примере М. М. Ковалевского, П. Шибесты и некоторых других ученых, что смешение первых терминов со вторыми приводит к серьезным ошибкам и заблуждениям. Предостережение Д. А. Ольдерогге заслуживает тем большего внимания, что и во многих советских этнографических работах отсутствует необходимая четкость и определенность в употреблении уже вошедших в научный оборот научных терминов, а порою проявляется далеко не всегда оправданное стремление к введению новой терминологии.

Серьезного внимания заслуживают также упомянутые статьи Ю. М. Лихтенберга. В первой статье автор со скрупулезной тщательностью исследует систему родства австралийского племени яральде и, следуя методу, примененному Л. Я. Штернбергом при изучении систем родства гильяков, показывает тесную связь между системой родства и нормами брака у яральде. Тщательный анализ терминов родства у яральде позволил Ю. М. Лихтенбергу разбить их на целый ряд специфических групп. Термины каждой группы показывают принадлежность или к определенным группам матрилинейных секций, или к подсекциям определенных секций, или к определенной брачно-возрастной группе и т. д. Самым существенным является то, что «термины родства яральде первоначально показывали не индивидуальное родство, а принадлежность к группе матрилинейной секции или к подсекции патрилинейной секции», т. е. носили групповой характер. Более того, Ю. М. Лихтенберг удалось показать, что система родства яральде отражает родственный состав четырех локальных групп, «между членами которых некогда существовала обязательная форма брака». Ю. М. Лихтенберг прослеживает далее появление у яральде «вторых терминов родства» — терминов свойства и индивидуальных терминов родства — в связи с трансформацией социального строя яральде.

Произведенное исследование систем родства у яральде позволило автору вскрыть «под поверхностью патрилинейных кланов более древнюю материнскую организацию».

Во второй статье Ю. М. Лихтенберг производит аналогичный анализ системы родства австралийского племени аранда и также приходит к выводу, что у аранда «термины родства первоначально регулировали браки, точно устанавливали группы, между членами которых браки были возможны, и таким образом оберегали общество от внутренних конфликтов, сохраняли и цементировали первобытную общину». Ю. М. Лихтенберг и здесь удалось выявить более древний пласт терминов, связанный своим происхождением с материнской родовой организацией.

В заключительной части статьи Ю. М. Лихтенберг показывает ошибочность распространения среди этнографов убеждения, что брачные классы как форма социальной организации присущи только австралийскому обществу. Этнографические материалы, в частности, показывают наличие брачных классов и у меланезийцев, а широкое распространение классификаторских систем родства турано-ганованского типа у первобытных народов и следы этих систем у народов более развитых указывают, по мнению автора, на гораздо более широкое в прошлом бытование брачных классов.

Заключает сборник статья М. О. Косвена «К вопросу о военной демократии», в которой автор вновь излагает свою трактовку этого вопроса, уже выдвигавшуюся им в ранее опубликованных работах. М. О. Косвен давно уже предлагает делить историю первобытного общества «на следующие периоды: 1) период первобытного стада, 2) период родового строя, распадающийся на периоды матриархата и патриархата, и 3) период военной демократии». Таким образом, понятию «военная демократия» придется им важное таксономическое значение.

Само по себе существование определенного переходного периода от родового строя к классовому, — периода, во время которого происходит отчасти распад, отчасти трансформация родовых институтов, наряду с возникновением и ростом внутри общества качественно новых, антагонистичных по отношению к роду социальных форм, не вызывает сомнений у исследователей.

Еще в 1935 г. С. П. Толстов в статье «Военная демократия и проблема «генетической революции» дал четкий и убедительный анализ диалектики военно-демократического строя, несущего в себе одновременно и черты старого, и черты нового качества. Вряд ли поэтому прав М. О. Косвен, когда он вступает в скрытую полемику с положениями этой статьи, противопоставляя ей одну из более поздних работ С. П. Толстова. Видимость противоречия между положениями обеих статей возникает лишь потому, что сравниваемые цитаты вырваны из контекста — прием, едва ли заслуживающий одобрения.

Кратко напомнив историю возникновения понятия «военная демократия» (Л. Г. Морган, К. Маркс, Ф. Энгельс), М. О. Косвен переходит к анализу движущих сил, которые вызвали к жизни указанный переходный период. Он считает, что «возникновение военной демократии... спределяется в основном общим, широким и мощным подъемом производительных сил. В этом подъеме весьма значительная, — однако ни в коем случае не единственная — роль принадлежит возникновению металлургии» (стр. 245). Подробно рассмотрев вопрос о месте и роли металлургии в развитии общества, автор пришел к выводу, что «возникновение металлургии совершило революцию в технике, явилось одним из мощных факторов крутого общего подъема производительных сил и тем сыграло крупнейшую роль в развитии общества» (стр. 249). И далее: «возникновение металлургии, какое бы значение оно ни имело, было все же лишь одним из факторов подъема производительных сил. Наряду с ним действовали и должны были действовать другие факторы, должен был произойти общий переход к более высокому общему уровню материальной культуры. Нужны были и иные благоприятные условия и обстоятельства, в частности условия географические» (стр. 219).

Мы привели столь подробные выписки из статьи для того, чтобы, показав, какое важное значение придает автор «общему», «широкому», «мощному», наконец, «крутому» подъему производительных сил в исследуемую им эпоху, подчеркнуть в то же время, что автор так и не раскрывает читателю, какие же «другие факторы», помимо распространения металлургии, вызвали этот «крутой общий подъем производительных сил». Лишь в одном месте, характеризуя хозяйство военной демократии, М. О. Косвен указывает, что оно «основывается на плужном земледелии в сочетании с более или менее развитым скотоводством. Но у ахетков, — продолжает автор, — не было скотоводства. Невысско, по общему правилу, стоит развитие ремесла. Торговый обмен сравнительно мало развит, что обусловливается, в частности, и военным состоянием общества. Имеет уже место накопление хозяйственных запасов и богатства» (стр. 21). Но ведь и скотоводство, и ремесла, и торговый обмен, и накопление хозяйственных запасов и богатства — все эти черты производственной и хозяйственной деятельности зафиксированы этнографами и археологами и в обществах, которые, по единодушному мнению, не вступили еще в переходный период, т. е. в период военной демократии.

Стается плужное земледелие, но оно осталось неизвестным, например, в Полинезии, хотя полинезийскому обществу были свойственны почти все те черты «общественной жизни», которые М. О. Косвен считает характерными для периода военной демократии. (Кстати сказать, скептицизм М. О. Косвена в отношении исследований социального строя полинезийцев вряд ли обоснован). Таким образом, поставленный автором вопрос о «других факторах» резкого подъема производительных сил так и остается без ответа.

А ведь именно здесь, как нам кажется, и находится ключ к решению всей проблемы военной демократии. Черты общественной жизни в переходный период могут быть чрезвычайно многообразны, а сочетания их — бесконечными, но уровень производительных сил, на котором начинается интенсивное разложение родового строя, должен быть более или менее одним и тем же. Думается, что под производительными силами следует понимать не только технику и хозяйство, но и самих людей — главную производительную силу всякого общества. Не исключено, что путь исследования, предложенный в выше рассмотренной статье Н. А. Бутинова, и является наикратчайшим для ответа на вопрос, поставленный М. О. Косвеном.

В заключение своей статьи М. О. Косвен привел составленную им характеристику «одного из классических образцов военной демократии» — характеристику военной демократии гомеровских греков.

Как известно, подобная характеристика была сделана в свое время Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства». С тех пор исследование гомеровского эпоса продвинулось далеко вперед, изменилась датировка «Илиады» и «Одиссеи», по-иному оцениваются теперь многие содержащиеся в них сведения. Тщательный и подробный анализ того, что выяснено наукой о гомеровском эпосе и эпохе, в которую он создавался, конечно, позволил бы внести немало существенных дополнений и уточнений в характеристику Ф. Энгельса, пролить новый свет на историю и особенности общественного строя Греции XI—IX вв. до н. э. Немалым подспорьем послужил бы автору и обильный археологический материал последних десятилетий. Однако М. О. Косвен ограничился по существу изложением сведений, известных уже Ф. Энгельсу, и в его характеристике военно-демократического строя гомеровской Греции нег ничего нового. Неслучайно М. О. Косвен заканчивает свою статью обширной цитатой, в которой содержится энгельсовская оценка «греческого строя героической эпохи».

В целом сборник «Проблемы истории первобытного общества» свидетельствует, во-первых, о возросшем внимании советских специалистов к экономике первобытного общества и, во-вторых, о том, что проблема периодизации истории первобытного общества по-прежнему остается в центре внимания исследовательской мысли советской исторической науки. Основное положительное значение рецензируемого сборника заключается в том, что он со всей очевидностью показывает необходимость и плодотворность дальнейших исследований в указанных направлениях.

НАРОДЫ СССР

В. К. Соколова. *Русские исторические песни XVI—XVIII вв.* Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. серия, т. LXI, М., 1960, 329 стр.

Послевоенные годы отмечены в нашей фольклористике особенно интенсивным изучением исторической песни. Обращение большого числа исследователей к этому жанру было, разумеется, не случайным. Историческая песня — благодарный материал для позитивного решения многих назревших вопросов исторического изучения русского фольклора. В отличие от сказки, лирической и обрядовой песни, причета и некоторых других жанров, в исторической песне исследователь находит обычно не только художественное выражение идей, порожденных определенной эпохой, но и некоторое число «датирующих деталей» — имен, известных из письменных документов, географических названий, политических терминов и т. д., необходимых для более или менее надежного отнесения песни к тому или иному историческому периоду. Это позволяет затем с определенной степенью достоверности истолковывать идеи, выраженные песней, наметить этапы исторической эволюции поэтических форм и т. д.

Работы В. К. Соколовой, Б. Н. Путилова, А. М. Астаховой, А. Н. Лозановой, М. О. Скрипиля, Э. С. Литвин, Л. В. Домановского, Л. И. Емельянова, М. Я. Парижской, Е. А. Александровой и др. об отдельных сюжетах и циклах исторических песен, как правило, удачно сочетавшие целеустремленность конкретных исследований с постоянным обсуждением теоретических и текстологических проблем, заметно продвинули изучение многих важных вопросов истории и теории этого жанра. Вместе с тем наметилась острая потребность перехода от частных и подготовительных работ к более широкому, обобщающему развитию исторической песни, по крайней мере в рамках отдельных эпох, периодов, этапов. Обзор всего хода развития исторической песни, принятый несколько лет назад авторами соответствующих разделов трехтомника «Русское народно-поэтическое творчество» (1953—1955 гг.), был слишком беглым, по необходимости мозаичным и, самое главное, уже несколько устарел по материалу и методу исследования. В связи с этим появление в конце 1960 г. рецензируемой книги наряду с монографией Б. Н. Путилова, посвященной генезису русской исторической песни и ее развитию на раннем этапе существования (XIII—XVI вв.)¹ и первым томом свода всех записанных вариантов исторических песен, подготовляемого Институтом русской литературы АН СССР², не может не восприниматься как в высшей степени своевременное и закономерное.

Монография В. К. Соколовой охватывает важнейший этап развития исторической песни как жанра: XVI — начало XVIII в., т. е. время ее расцвета и интенсивного проявления ее характерных особенностей. Отдельные главы книги начали появляться в виде предварительных сообщений и статей с 1951 г. (см. «Русские исторические песни XVI века. Эпоха Ивана Грозного» в кн.: «Славянский фольклор», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XIII, М., 1951, стр. 7—78). Таким образом, книга готовилась длительное время, и это обусловило ее капитальный характер.

В соответствии с поставленной автором задачей монография как бы делится на две основные части. В первой из них предлагается обзор сюжетов и вариантов исторических песен рассматриваемого периода, выясняется состав и характер всех известных циклов, намечаются особенности песен различных тематических и жанровых групп. Обзор этот осуществлен в высшей степени обстоятельно — здесь рассмотрено более 120 песен, причем некоторые из них записаны в значительном количестве вариантов (например: «О сыне Разина» — 122 варианта, «Кострюк» — 96, «Иван Грозный и сын» — 70, «Взятие Казани» — 53 и т. д.). Такое детальное и вместе с тем широкое по своим масштабам исследование оказалось возможным только потому, что ему предшествовала многолетняя и в высшей степени плодотворная работа автора не только по учету опубликованных (и частично затерянных в полузабытых изданиях) вариантов, но и по выявлению их во многих архивохранилищах страны (Институт русской литературы, Гос. литературный музей, Гос. исторические музеи, рукописные фонды публичных библиотек им. В. И. Ленина и М. Е. Салтыкова-Шchedрина, Архив Академии наук СССР, ее Карельского и Казанского филиалов, фольклорные фонды ряда учебных заведений и т. д.). Исследователю удалось систематизировать весь этот обширный и во многом разнохарактерный материал, установить сюжетный состав русских исторических песен XVI — начала XVIII в., создать прочную материальную базу для их дальнейшего изучения. Представляется несомненным, что монография В. К. Соколовой станет настоящей книгой всех интересующихся русской исторической песней. Однако нельзя не пожалеть, что в книге не всегда с достаточной подробностью сообщаются результаты работы по учету существующих записей, и только в некоторых случаях (см., например, песни о Лжедмитрии и др.) приводятся полные библиографические данные.

¹ См. рецензию: Э. С. Литвин, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 17—176.

² Исторические песни XIII—XVI вв. Составитель Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский, Изд-во АН СССР, М — Л., 1960, 696 стр. (387 текстов и 72 нотации).

Вместе с тем нет оснований упрекать автора монографии в пренебрежении к текстологическим вопросам. В разделах о песнях начала XVII в., о разинских песнях, когда заходит речь о некоторых текстах из сборников Чулкова, Сахарова, Листопадава, Громова и др., подробно излагаются результаты текстологического изучения сомнительных текстов, и это позволяет думать, что и в других случаях подобная работа совершена с такой же тщательностью. Вероятнее всего, полные перечни вариантов с указанием на недостоверные и сомнительные тексты не приводятся ради экономии места, однако издательство должно было бы учесть капитальный характер книги и не пожалеть еще одного-двух листов для выполнения и этой важной задачи.

При анализе отдельных песен в той же первой части книги проводится систематическое сопоставление сюжетов с историческими фактами или обстоятельствами, на почве которых они сложились, и отдельных циклов со смежными жанрами — былинами, преданиями, лирическими песнями, а в некоторых случаях с письменными документами, современными песням. Разумеется, по отношению к различным циклам и отдельным сюжетам характер и количество новых фактов, добытых исследовательницей, неодинаково и неравномерно. В одних случаях, когда ее предшественниками было сделано много и сравнительно удачно, В. К. Соколова основной своей задачей считает критическое обобщение и подведение итогов, в других случаях (ряд песен эпохи Ивана Грозного, начала XVII и начала XVIII в.) ей приходится идти по целине или касаться сравнительно мало изученного и почти не учтенного и не систематизированного материала. Значительный интерес представляют и довольно широко проведенные сопоставления сюжетов с Ермаке с разинскими песнями, песен о борьбе казаков с татарами и турками с аналогичными украинскими песнями, песен о татарском полоне с песнями южных славян на близкие темы и многократные сопоставления исторических песен с близкими преданиями и легендами. Таким образом, книга В. К. Соколовой не только обобщает новейшие достижения в области изучения исторических песен, что само по себе уже важно, но и сильно «выравнивает» этот важный раздел фольклористических знаний, вносит в него новые точки зрения и новые аспекты.

Вторая часть книги представляет собой обобщение наблюдений над поэтическими особенностями отдельных песен и циклов, которые накопились в процессе их обзора в первой части. Здесь характеризуются различные типы сюжетов, основные особенности композиции, приемы построения образов и художественные приемы, характерные для исторической песни (монолог и диалог, сравнения и символика, определения и эпитеты, типические формулы и т. п.). При этом отмечаются различия отдельных групп, циклов и типов песни. Следует подчеркнуть, что здесь осуществлена первая попытка суммарной характеристики поэтических особенностей исторической песни, охватывающая столь значительный этап ее развития. Решение подобной задачи для любого жанра представляло бы значительные трудности, но особенно сложно оно для исторической песни, столь разнообразной и по своим жанровым разновидностям, что это давало повод призывать даже к полному отказу от термина, который охватывал бы и песню «Гнев Грозного на сына» и «Плач сержанта у гроба Петра», и «Авдотью Рязаночку» и «Горы Воробьевские». В заключительной главе второй части автор делает чрезвычайно плодотворную попытку охарактеризовать областные традиции основных районов бытования исторической песни — Русского Севера, Поволжья, казачьих районов, Сибири, центральных и западных областей. Специфические черты областных разновидностей здесь связываются со своеобразными процессами этнического и исторического характера.

Итак, перед нами капитальное исследование, отличающееся тщательностью и полнотой. Понятно, что в подобной книге не может не быть более удачных и менее удачных разделов, как несомненных, так и спорных выводов и приемов исследования. Естественно, что некоторые вопросы трактуются самим автором как заведомо дискуссионные. В краткой рецензии мы не можем подвергнуть анализу достоинства и недостатки трактовки отдельных сюжетов или отдельных поэтических особенностей жанра, исследуемого в книге. Остановимся лишь на некоторых самых общих вопросах.

Во введении и затем на протяжении всей книги рассматривается вопрос о границах и природе вариативности исторической песни. Этот вопрос представляет значительный теоретический интерес прежде всего потому, что в нашем распоряжении находятся сравнительно поздние записи. Кроме того, в послевоенные годы имело место как преувеличение роли изменчивости и шлифовки (см., например, некоторые главы трехтомника, статью Т. М. Акимовой о былинах середины XIX в.), так и стремление в какой-то мере отказаться от их учета (статьи Б. Н. Путилова, М. М. Плисецкого и др.). Постоянно имея в виду возникшую дискуссию, В. К. Соколова стремится избежать обеих крайностей, беспристрастно рассмотреть этот вопрос, не торопясь с генерализацией выводов, полученных в результате изучения отдельных групп песен. Она показывает, что некоторые из них почти не подвергаются варьированию или оно не касается принципиальных моментов сюжета (например, песня о взятии Казани или о сыне Разина), другие варьируются довольно значительно и существенно (Кострюк, отравление Скопина и др.). Так же осторожно и вместе с тем внимательно относятся исследовательница к повторяющимся сюжетам или сюжетным схемам, которые могут «прикрепляться» к различным событиям и историческим лицам (например, взятие города «посредством подкопа, русский воин в плену у неприятеля и др.) и к оригинальным сюжетам, накрепко связанным только с одним событием или одним лицом. И все

же теоретическая сторона подобных вопросов во многом еще остается неясной. Причины изменчивости или стабильности текстов и сюжетов предстоит еще выяснить. Для этого накоплен значительный материал. Попытка же связать механику этого процесса с тематической классификацией песен (песни «военно-исторические» — повторения сюжетов; песни «о внутренних противоречиях и классовой борьбе» — оригинальные сюжеты) представляется недостаточно убедительной.

Демонстрируя изменчивость некоторых песен и образовавшиеся в результате этого довольно значительные расхождения между вариантами, В. К. Соколова тем не менее не всегда ведет их изучение на основе необходимой группировки по версиям или редакциям (см., например, раздел о песне о Кострюке). В некоторых случаях редакции выделяются по географическому принципу, в других — по типу трактовки сюжета или основной проблемы. Вероятно, здесь сказалась общая неясность некоторых методологических вопросов нашей науки, переходный или полемический характер приемов исследования, возникших в последние годы.

Заблуживо накапливает В. К. Соколова наблюдения над соотношением факта и вымысла, реального и эстетического. И здесь она стремится не преувеличивать ни в одну, ни в другую сторону, не предлагать никакого единого решения. Сюжеты некоторых песен явно вымышлены, в других они более или менее прочно связаны с известными историческими фактами. Исследовательница анализирует аргументацию последователей «исторической школы» и, принимая то, что не противоречит современному пониманию исторического процесса и специфики художественного отражения действительности, решительно отвергает домыслы и натяжки (см., например, песню о бое под Серпуховом и др.). Вместе с тем она считает необходимым (где это возможно) сопоставить сюжеты песен с дошедшими до нас письменными документами. Делается это обычно для установления сходства между ними, иногда — для выявления отличий.

Положительная черта рецензируемой книги — желание автора учитывать посадское население в числе социальных групп, участвовавших в создании отдельных песен (Кострюк, Скопин и др.). Для окончательного утверждения этой точки зрения по отношению к отдельным песням, вероятно, потребуются дополнительные изыскания, однако в целом это вполне оправдано — посад бесспорно играл важную роль в истории русского фольклора XVI—XVII вв., и стремление подчеркнуть это — несомненная заслуга автора, свидетельство того, что общие категории — «народ», «трудовые массы» — в некоторых случаях перестают удовлетворять наших фольклористов.

В непосредственной связи с этим стоит еще один вопрос общеметодологического свойства: подмечая противоречивость отдельных версий или видимое несоответствие выраженных в них идей нашим общим представлениям о народной идеологии той или иной эпохи, автор стремится отыскать социальные группы, которые могли бы участвовать в создании этих труднообъяснимых песен или их отдельных вариантов. Бесспорно, сам по себе тезис о том, что песни создавались различными социальными группами и даже, для известного периода, различными классами, не может вызвать возражения; по отношению к некоторым песням он высказывался и прежде. Однако нельзя не вспомнить, что все эти песни, кем бы они ни были созданы, записаны после 200—350 лет их бытования в крестьянской или низовой посадской (городской) среде. Вероятно, надо в каждом отдельном случае искать объяснение, которое позволило бы нам гонять, почему та или иная песня не забывалась, продолжала чем-то интересовать исполнителей, оставалась в пределах их идеологического и эстетического кругозора.

Каждый, кто познакомится с исследованием В. К. Соколовой, невольно обратит внимание на следующее обстоятельство: отдельным песням XVI — начала XVII в. отведено в ней больше количество страниц, чем целым циклам песен начала XVIII в. Вместе с тем и те и другие изучены и трактуются с достаточной тщательностью. Дело тут, видимо, в бесспорном измелечании исторической песни к XVIII веку: она превращается в солдатскую песню, только иногда поднимаясь до больших общегосударственных и общенациональных проблем, подобных тем, которые породили старшую историческую песню. В то же время образовалась особая разновидность — песни крестьянских восстаний, переплетающиеся с песнями казаков, которые, как известно, были по своему происхождению теми же крестьянами, бежавшими на окраины Русского государства в надежде уйти от социального, политического и экономического гнета феодалов. Случайно ли произошло такое расщепление жанра в XVII—XVIII вв., т. е. в период завершения создания позднефеодального государства и бурного выявления социальных противоречий внутри него — первых подземных толчков надвигающегося кризиса феодальной системы? Подобный вопрос не может не возникнуть при чтении монографии, она дает обильный материал для его возбуждения и по существу ставит его — в этом мы видим тоже одну из заслуг автора.

Книга В. К. Соколовой, как мы уже говорили, вызовет несомненный интерес и принесет бесспорную пользу. В ней сосредоточен, систематизирован и изучен обширный материал, который не может не явиться почвой для дальнейших теоретических дискуссий вокруг этого интереснейшего жанра русского фольклора.

К. Чистов

«Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии». Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Н. В. Новикова. Редакционная коллегия: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путников. «Памятники русского фольклора», Институт русской литературы АН СССР. Вологда, 1960, 232 стр.

В истории собирания и изучения русского фольклора большую роль сыграли представители прогрессивной интеллигенции 1860—1890-х годов — последователи революционных демократов. В ряду таких имен, как Ф. Д. Студитский, И. А. Худяков, Д. Н. Садовников, Е. Линева, почетное место принадлежит Николаю Александровичу Иваницкому, собирательская деятельность которого в 1880—1890-е годы представляла значительный этап в деле изучения этнографии и фольклора русского европейского Севера.

Произведения вологодского фольклора всех основных жанров, записанные Н. А. Иваницким, вошли в классические сборники русского фольклора, но до самого последнего времени не было издания, которое давало бы целостное представление об этом замечательном собирателе и всем собранном им материале. Единственный сборник Н. А. Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии», вышедший в 1890 г.¹, — не переиздавался; многое из собранного Иваницким никогда не было опубликовано и хранится в архивах Академии наук СССР, Рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ), Географического общества Союза ССР. Свыше трехсот песен, собранных Н. А. Иваницким в Вологодской губернии и переданных им П. В. Шейну, вошли в сборник «Великорус»; тексты многих песен перепечатаны из «Вологодского статистического сборника» 1883—1885 годов в собрании А. И. Соболевского («Великорусские народные песни», тт. I—VII). Поэтому следует особенно приветствовать книгу, подготовленную к печати Институтом русской литературы АН СССР, недавно вышедшую в Вологодском книжном издательстве.

Книга задумана как первый сводный сборник фольклорных материалов, «собранных, записанных и частично напечатанных Н. А. Иваницким на протяжении 1880—1891 гг.», как «наиболее полное по своему составу из всех существующих публикаций собирателя» (стр. XXVII).

В основу издания положены сборник «Материалы по этнографии Вологодской губернии», опубликованный Н. А. Иваницким в 1890 г. (откуда взяты в основном сказки и легенды настоящего издания), и архивные материалы. Большая часть песен взята из рукописного сборника Н. А. Иваницкого, датированного 1891 г., «Вологодские народные песни», который хранится в архиве АН СССР; малые жанры — из рукописных сборников 1888 и 1890 гг., находящихся в отделе рукописей ИРЛИ.

В обстоятельной вступительной статье Н. В. Новиков дает обаятельный образ Н. А. Иваницкого — одного из ярчайших представителей «демократически настроенной части русской интеллигенции пореформенной эпохи», взгляды которой сложились «под непосредственным воздействием идеологии революционных демократов 60-х годов» (стр. XIII). Н. В. Новиковым удачно использованы малоизвестные публикации и архивные материалы, уточняющие отдельные даты жизни Н. А. Иваницкого, устанавливающие новые факты его биографии, более полно характеризующие Н. А. Иваницкого как ученого и общественного деятеля.

Новые материалы убедительно обосновывают непосредственную связь Н. А. Иваницкого с революционно-демократическими кругами русского общества. Особенную ценность представляет в этом отношении впервые публикуемое письмо Н. А. Иваницкого к М. А. Маркович (Марко Вовчек), обнаруженное автором статьи в рукописном отделе ИРЛИ. Это письмо дает также возможность уточнить даты ссылки Н. А. Иваницкого, оставшиеся до настоящего времени спорными. Помогают уточнению фактов биографии Н. А. Иваницкого и сохранившиеся в «Записке С.-Петербургского обер-полицейстера» отрывки из утерянного дневника Иваницкого. Содержащиеся в них «суждения о разных случаях городской и общественной жизни» (стр. IX), послужили одним из основных поводов к высылке Н. А. Иваницкого в Вологодскую губернию в 1888 г.

Собирательскую деятельность Н. А. Иваницкого автор статьи показывает на общем фоне истории собирания и изучения фольклора Вологодского края. Начиная с 1830-х годов, внимание русской научной и литературной общественности привлекает богатая поэтическая традиция этого края. Этнограф и журналист Н. И. Надеждин, литератор И. П. Сахаров, учитель Ф. Д. Студитский, историки Н. И. Саввантов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев описывают богатство и художественное совершенство вологодской устно-поэтической традиции, собирают вологодские песни и сказки, обряды и поверья, публикуют их на страницах журналов «Москвитини», «Отечественные записки», в неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей».

В 1860-х годах в журнале «Современник» (в статьях В. А. Александрова, Н. С. Преображенского) описываются обычаи вологодских крестьян — хороводы, посиделки и вечерки, святочные игры и «кудеса», приводятся тексты песен.

¹ «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. LXIX, Труды Этнографического отдела, т. II, вып. I. 1890.

Местная интеллигенция и особенно сосланные в Вологодскую губернию представители революционной интеллигенции много внесли в дело исследования народной жизни и народного поэтического творчества края.

Для Н. А. Иванникова — ботаника, этнографа и поэта — Вологодский край был и родиной, и местом ссылки. Этому краю он посвятил лучшие свои стихи, а разностороннему изучению его — всю свою жизнь.

Взгляд революционных демократов на фольклор как на одно из главных средств познания жизни, быта и мировоззрения трудового народа определяет собирательскую работу Н. А. Иванникова.

Сборник Н. А. Иванникова «Материалы по этнографии Вологодской губернии» был первым крупным этнографическим трудом, посвященным русскому населению Вологодского края. «По тщательности отбора фольклорно-этнографических фактов, их достоверности, широте и глубине освещения «Материалы» Иванникова явились для Вологодской губернии тем же, чем «Материалы» П. С. Ефименко для соседней Архангельской губернии», — справедливо замечает Н. В. Новиков (стр. XXIII). В содержании большого этнографического очерка края, в отборе фольклорного материала, в построении книги четко выявляются передовые демократические воззрения ее составителя.

Руководствуясь в этнографическом изучении края программой, изданной Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Иванникий в то же время нарочито выделяет черты классового расслоения и сближения пореформенной Вологодской деревни. Он последовательно подчеркивает разницу в быте, одежде, жилище и питании зажиточного и бедного крестьянина, проявляющееся на деле «враждебное отношение крестьянства к бывшим помещикам и богатому духовенству» (стр. XIV).

Произведения фольклора даны в книге как самостоятельный раздел и, кроме того, в обширный этнографический очерк края включены пословицы и поговорки, приметы, обрядовые песни, былички, показанные в их живом бытовании, иллюстрирующие различные стороны быта и нравов крестьян. Отношение крестьян к другим сословиям особенно ярко выражено в антипоповских и антибарских пословицах и сказках, отобранных Н. А. Иванником. «На конкретном этнографическом материале Вологодской губернии Иванникий с присущей ему объективностью и добросовестностью сумел подметить многие из тех черт в жизни пореформенного крестьянства, — пишет Н. В. Новиков, — на которые В. И. Ленин обратит особое внимание в своем гениальном труде «Развитие капитализма в России» (стр. XIV).

«Материалы» Н. А. Иванникова и до нашего времени остаются ценным источником для изучения не только этнографии и фольклора края, но и общественных отношений и настроений русского крестьянства 1880—1890-х годов. Интерес к социальной стороне фольклора сказался и в отношении Н. А. Иванникова к народной песне. В фольклорном собрании Иванникова песни являются «самым богатым отделом» (стр. XXIII). Они привлекают собирателя не только своей поэтической прелестью, но отражением в них душой жизни народа. Сочувственным интересом к народной жизни продиктовано и отношение Иванникова к новой песне и к частушке. Появление новой песни в репертуаре народа Иванникий считает естественным явлением, порожденным новыми формами жизни, а самые песни — не лишенными художественного своеобразия. Частушку собиратель не только включает в свои собрания, но и пытается определить ее специфику как жанра.

Н. В. Новиков усматривает черты передового мировоззрения и в самостоятельно разработанной Иванником системе классификации песен, в основу которой положены два признака — «содержание и употребление» (стр. XXVI).

В статье дана и характеристика Иванникова как поэта. Н. В. Новиковым использована обнаруженная недавно среди бумаг академика А. А. Шахматова тетрадь, содержащая около двухсот стихотворений Иванникова, дающих представление о нем, как о переводчике и поэте-лирике, простые и искренние произведения которого выражали глубокую неудовлетворенность окружающей действительностью (стр. XVIII).

Книга, подготовленная к печати Н. В. Новиковым, вполне отвечает требованиям, которые можно предъявить к академическому изданию фольклора.

Так, в целом удачно решена трудная задача отбора материала из-за лимитированности объема сборника. Не приходится, например, жалеть о том, что не вошли в сборник малоинтересные и нехудожественные былички и легенды (см. «Материалы» № 20, 21, 27, 32, 51—54). «Перечень текстов, не вошедших в сборник», помещенный в конце книги, дает полное представление о жанровом составе, количестве и местонахождении не включенных текстов. В книге видна и большая текстологическая работа, проведенная составителем. Так, в результате сверки с материалами Иванникова в архиве Географического общества Союза ССР, составитель вносит существенные изменения в тексты тех сказок, которые в «Материалах» публиковались с значительными стилистическими исправлениями собирателя. Заменены некоторые варианты: сказка № 33 «Поп-жулик», например, публикуется по рукописи крестьянина Василия Коренного, хранящейся в архиве Географического общества, тогда как в «Материалах» она дана в записи М. Кукулина со слов того же сказочника. В целом составитель бережно относится ко всем установкам Иванникова. В книге сохранены примечания и объяснения Иванникова к пословицам, раскрывающие не только смысл данной пословицы, но подчас и ее происхождение. Так же бережно перенесены со ссылкой на собирателя в

«Примечания» варианты к отдельным частям песен и пояснения Иваницкого к текстам песен и сказок. Несомненно увеличивает познавательную ценность книги и весь ее научный аппарат: примечания к отдельным текстам, словарь местных слов, библиография научных и литературных трудов Н. А. Иваницкого и литературы о нем.

Сохраняет Н. В. Новиков и разработанную Иваницким систему классификации песен, указывая при этом на трудность «прикрепления той или иной группы песен к определенной рубрике» (стр. XXV—XXVI) и на несовершенство этой системы как на явление типическое. «Для нас,— пишет автор,— она дорога тем, что является проявлением самостоятельной творческой мысли собирателя и, как мы видели, связана с его передовым общественно-политическим мировоззрением» (стр. XXVI). Поэтому вызывает недоумение, что Н. В. Новиков частично изменяет этому принципу, перегруппировав расположение песен внутри рубрик, чтобы «устранить чрезмерную пестроту», а главное — перенеся пять песен в другие рубрики (см. примечание 138 к стр. XXVII).

Если к ошибкам Иваницкого мы подходим с мерилom истории науки и находим в них то, что характерно для данного собирателя и его времени, то поправки современного исследователя должны быть основательно мотивированы. Почему песню № 631 перенесли из бытовых в сатирические? Песня эта восходит к былинно-балладе о Чуриле и Катерине и во многих областях переродилась в хороводную игровую. Отнесение ее в разряд бытовых могло быть результатом наблюдений собирателя над характером ее бытования.

Понимая термин «бытовые песни» очень широко, Иваницкий относил к ним семейные, рекрутские, солдатские, разбойничьи, тюремные и фабричные песни. Перенесение хотя бы одной песни из раздела в раздел закономерно вызывает вопрос о правильности классификации и всех остальных песен. Почему в таком случае оставлять в числе бытовых типичную игровую песню № 169 о сиротинке «Как Иванушка, коломчатый мужик»? Почему соглашаться с Иваницким, что «Зорюшка, зорюшка, вечерняя заря» — песня бытовая, хотя все ее многочисленные варианты широко известны как песни любовные? И уж, конечно, не бытовая, а повествовательная (по терминологии Иваницкого) песня № 239 «Из-под камушка» (сюжет «Муж жену губил»). Таких «ошибок» в классификации песен у Иваницкого можно найти значительное количество. Пересмотр и перегруппировка всех песен лишили бы хорошую книгу ее документальности и ценности для истории науки.

Нельзя не пожалеть, что не перепечатаны из «Материалов» мелодии, записанные М. Кулиным и редактированные Ю. П. Мельгуновым, к семидесяти песням, тексты которых в большей части записаны Н. А. Иваницким.

Хочется особо отметить прекрасное оформление книги. Художник С. В. Куликов использовал в заставках и концовках мотивы вологодского кружева, вышивок и шитья, резьбы по дереву и с большим вкусом разместил по разделам книги. Удачно также оформление обложки книги.

Данная прекрасно выполненная работа убедительно показывает, что Вологодское издательство хорошо справилось бы и с переизданием крайне нужной книги Б. М. и Ю. М. Соколовых «Белозерские песни и сказки», напечатанной в 1915 г. и давно ставшей библиографической редкостью.

Хотелось бы также, чтобы неоднократно проявленный Вологодским книжным издательством интерес к фольклору своего края послужил примером другим областным издательствам.

С. Минц

Русская народная поэзия. Фольклористические записки Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. № 1, Горький, 1961, 196 стр.

Издание Горьковским университетом «Фольклористических записок» — знаменательное явление. Оно показывает, что на местах выросли кадры фольклористов, что история и судьбы народного поэтического творчества все больше привлекают внимание нашей общественности.

«Записки» открываются статьей В. М. Потявина «Книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». В статье раскрывается важное методологическое значение для фольклористики теоретических положений основополагающего философского труда В. И. Ленина. Автор отмечает также противоречивость и ошибочность некоторых высказываний о фольклоре в статье А. М. Горького «Разрушение личности», отождествившего, под влиянием идей богостроительства, народное поэтическое творчество с мифологией и религией. На ошибочность этих положений Горькому указывал в свое время В. И. Ленин, и очень уместно напомнить об этом фольклористам, которые порою любое высказывание Горького воспринимают как догму.

Актуальна и содержательна статья В. Е. Гусева «О современном народно-поэтическом творчестве». Состояние и перспективы развития фольклора вызывают горя-

чие споры, но, как правильно отмечает В. Е. Гусев, участники их чаще исходят из априорных положений, а не из анализа фактов. Указанная статья выгодно отличается от подобных высказываний. Она основана на большом материале, собранном в течение ряда лет экспедицией Пушкинского Дома, работавшей под руководством автора в Костромской области. О некоторых итогах работы этой экспедиции В. Е. Гусев уже сообщал на научных совещаниях и в печати («Русский фольклор», «Советская этнография»). В данной статье он поставил своей задачей показать, насколько сложна картина современного состояния фольклора; в разных районах, а иногда и соседних селах, есть свои особенности, вызванные условиями развития района, занятием населения, уровнем культуры и пр. Вместе с тем, собранные материалы дают возможность сделать некоторые общие выводы.

Большое внимание В. Е. Гусев уделяет самодельности, которую у нас нередко полностью отождествляют с народным творчеством. Анализ характера самодельности в районах работы экспедиции показывает, что она очень неоднородна и что далеко не всё в ней может быть отнесено к фольклору; в то же время современное народное творчество не может быть сведено к организованной художественной самодельности. Статья В. Е. Гусева дополняется его же сообщением «Состояние народного творчества в Островском районе Костромской области».

В. Е. Гусевым собраны ценные материалы, поставлены важные вопросы и сделаны некоторые обобщения. Но судить о состоянии и закономерностях развития современного народного творчества в целом нельзя на материалах только одной области. Для этого нужны систематические и планомерные наблюдения по единой программе в разных районах нашей страны. К этому и призывает автор фольклористов.

В ряде статей выясняются особенности отдельных видов и жанров русского фольклора. Мало исследованному и дискуссионному жанру посвящена статья И. К. Кузьмичева «Жанровая природа современного сказа». Обстоятельный и интересный анализ поэтических особенностей народной лирики дается в работе Н. П. Колпаковой «О некоторых изобразительных средствах русской народной лирической песни», являющейся частью капитального исследования автора по народной песне. В статье В. М. Сидельникова говорится о характере русской народной дореволюционной сатиры.

Б. Н. Путилов в статье «Текстологические заметки к песням разинского цикла» возвращается к не раз поднимавшемуся им вопросу о важности научной атрибуции фольклорных текстов. Тщательно сопоставляя тексты нескольких песен о Разине из разных сборников, Б. Н. Путилов убедительно вскрывает случаи скрытых перепечаток, сознательной редакторской правки текстов, фальсификаций. Для изучения истории фольклора такая работа по выявлению сомнительных текстов имеет очень большое значение.

В рецензируемом сборнике уделено внимание и фольклору Поволжья, что вполне закономерно — в издании, выходящем в Горьком, волжское народное творчество должно занимать подобающее место. В богатом и своеобразном фольклоре Поволжья в прошлом значительное место занимали былины. Их репертуар и своеобразные черты, обусловленные особенностями колонизации и быта русского населения Среднего Поволжья, рассматриваются в статье А. М. Астаховой «Былинная традиция в Поволжье». Как и все исследования А. М. Астаховой, данная работа отличается использованием всех возможных материалов, тщательностью анализа и обоснованностью выводов.

Горьковские фольклористы правильно избрали одним из основных объектов своего исследования Сормово — крупнейший промышленный центр со славными революционными традициями. О некоторых результатах проводимой работы сообщается в статье А. М. Цирюльниковой «Жанровые разновидности дореволюционной песни рабочих Сормова».

В разделе «Сообщения и материалы» основное место занимают заметки о работе фольклорных экспедиций, которые дополняют помещенные в разделе «Хроника» сообщения о фольклорной работе в ряде городов и научных учреждений РСФСР. Публикацию подобных материалов можно только приветствовать; ее нужно всемерно расширять, так как без взаимного ознакомления и учета проводимой работы нельзя правильно планировать экспедиции и исследования по русскому фольклору.

Очень хорошо, что наряду со статьями исследовательского характера и заметками в «Записках» опубликованы и фольклорные тексты. Но к отбору их следует подходить более критически. Едва ли можно считать фольклором рассказы и плач о молодоговардейцах (Ульяне Громовой, Сергее Тюленине и Иване Земнухове), записанные от их родителей. Печатать следует действительно фольклорные произведения, получившие более или менее широкое распространение.

В целом же № 1 «Фольклористических записок» получился содержательным и интересным. Он несомненно привлечет к себе внимание фольклористов. Горьковский университет сделал полезное дело, взяв на себя почин такого рода издания. Большая заслуга в этом принадлежит ответственному редактору В. М. Потявину, отдающему много сил и энергии для развития фольклорной работы в Горьком.

Надо пожелать только, чтобы издание не ограничилось одним выпуском и чтобы за № 1 последовали другие.

В. Соколова

А. К. Алекперов, *Исследования по археологии и этнографии Азербайджана*, Баку, 1930, 249 стр.

А. К. Алекперов — один из первых археологов и этнографов-азербайджанцев, работавших в советское время. Изданная недавно книга «Исследования по археологии и этнографии Азербайджана» представляет собой научное наследие этого ученого. В сборник входят восемнадцать статей, преимущественно археологической и этнографической тематики, большая часть которых публикуется впервые.

Основная научная деятельность А. К. Алекперова приходится на вторую половину 1920-х и 1930-е годы, т. е. на период, когда краеведческая работа в республике только зарождалась. А. К. Алекперов сотрудничает в «Обществе обследования и изучения Азербайджана», в «Археологическом комитете», принимает активное участие в подготовке и проведении Первого Всесоюзного тюркологического съезда, ведет большую музейную работу, организует научные выставки и т. д. В течение нескольких лет А. К. Алекперов состоит научным сотрудником Института истории, языка и литературы Азербайджанского филиала АН СССР (АзФАН), а с 1937 г. руководит в нем отделом истории материальной культуры. А. К. Алекперов — инициатор и участник ряда археологических и этнографических экспедиций, автор свыше тридцати научных работ, из части которых и составлен рецензируемый сборник.

Первую половину сборника составляют археологические работы. В публикуемой впервые статье «Секция материальной культуры за первый год работы» говорится об основных задачах, стоявших перед созданной в 1933 г. секцией АзОЗФАНа¹ в деле изучения истории материальной культуры и этнографии края. Прежде всего необходимо было «сосредоточить в Академии наук весь материал, имеющий отношение к вопросам материальной культуры (рукописные работы, дневники археологических и этнографических обследований) и требующий своей систематизации и обработки» (стр. 10).

В круг интересов секции входило также изучение отсталых форм хозяйства, культуры и быта населения сельских районов, и с этой целью Академией совместно с Наркомхозом было организовано несколько поездок в плоскостные хлопководческие районы (Таузский, Бардинский, Агдамский, Агджабединский) и горные местности — Гильский район и южную часть Нагорного Карабаха. Значительное место в работе Секции занимало изучение религиозно-бытовых пережитков среди населения, различных сект ислама, которые в 1930-х годах кулаки использовали против коллективизации и социально-культурного строительства в азербайджанской деревне (стр. 17). С приездом в Баку акад. И. И. Мешагинова, возглавившего руководство обществоведческими секторами АзОЗФАНа СССР, были начаты раскопки средневекового городища Орен Кала, связанного с древней ирригационной системой Гяурарха (ныне канал им. Орджоникидзе) в Мильской степи.

В статье «История материальной культуры за 15 лет» (печатается впервые) дагестская сводка археологических исследований, проведенных в Азербайджане за годы Советской власти².

Азербайджан, указывает автор, находился на стыке трех культур: ахеменидско-сасанидской, римско-византийской и скифо-хазарской, этим объясняется обилие и разнообразие памятников старины в крае. До революции они фактически оставались без всякой охраны, разрушались, а при случае и преступно уничтожались царской администрацией. Бесследно исчезли знаменитый минарет в Мильской степи, Шамхорский столб; на месте уникального памятника средневекового азербайджанского зодчества — дворца ширваншахов в Баку, порталы которого искусствоведы называют «застывшей музыкой», бакинская епархия намеревалась построить городской собор; он уцелел лишь потому, что интендантское правление использовало его в качестве складского помещения (стр. 20—21).

Отдельные археологические раскопки, проводившиеся на территории республики в дореволюционное время (Э. Реслер и др.), носили характер кладоискательства и мало что давали для освещения истории Азербайджана. К тому же буржуазные исследователи исходили из порочных методологических позиций, полагая, что все культурные ценности народов Закавказья «привнесены из других культурных очагов», эти суждения соответствовали интересам русского царизма, прикрывавшего подобными теориями угнетение окраинных народов. В этом последнем, отмечает А. К. Алекперов, «точка зрения местного национализма смыкалась с великодержавничеством, с той разницей, что мусаватисты искали очаги культуры Азербайджана... в каких-то мифических тюркских очагах» (стр. 20). Далее А. К. Алекперов показывает, что планомерная работа по охране, выявлению и научному изучению исторических памятников стала возможна только при Советской власти, когда в республике был создан ряд музеев и научных учреждений: АзОЗФАН, «Общество обследования и изучения Азербайджана», АзЦУОП³, АзКомстар⁴, и начали проводиться систематические археоло-

¹ Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР.

² Статья, по всей видимости, написана в 1937 г.

³ Азербайджанское центральное управление охраны памятников.

⁴ Азербайджанский комитет старины.

тические раскопки, давшие первое представление о древнейших периодах истории края. На территории Азербайджана были открыты мегалитические сооружения (на северо-восток от оз. Гокча), многочисленные курганные группы, в том числе с каменными насыпями (возле селений Ходжалы и Кедабек, по р. Гянджа-чай), обширные поля кувшинных погребений (возле Дезема, Гянджи, в районе Тертера, в Мильской степи и в бывшем Кярягинском, ныне Физулинском районе), и такие яркие археологические культуры, как культура крашеной керамики (Кызыл-Ванк, Зурнабад, Мильская степь) и Яллойтепинская культура южных предгорий Большого Кавказского хребта (стр. 26—27). В статье дается краткая характеристика этих культур, устанавливаются границы их распространения (в том числе за пределами Азербайджана) и намечается примерная последовательность этих культур во времени по отношению друг к другу. Вместе с тем автор отмечает, что на данной стадии изучения было бы ошибкой обязательно распределять все указанные выше культуры в хронологическом порядке, ибо не исключена возможность, что в отдельных случаях мы имеем дело просто с «различными хозяйственными системами разных районов, наложившими сасй отпечаток на ту или другую культуру» (стр. 28). В подтверждение этого А. К. Алекперов ссылается на Страбона, который говорит о разнообразии хозяйственных укладов в древней Албании и разных уровнях культуры населения (стр. 28).

Две следующие статьи в сборнике посвящены кувшинным погребениям Азербайджана. Первая статья «Кувшинные погребения в Азербайджанской ССР» представляет собой развернутые тезисы доклада, прочитанного на втором Иранском конгрессе в Ленинграде в сентябре 1935 г. В ней, суммируя все известные в его время сведения о захоронениях в кувшинах на территории республики, автор пытается выделить в этом обряде отдельные локальные варианты и увязать их с определенными историческими эпохами и археологическими культурами. По мнению А. К. Алекперова, кувшинные погребения Мильской степи и Нахичеванской АССР типологически близки аналогичным древне-вавилонским и палестинским погребениям II—I тыс. до н. э. Кувшинные погребения принадлежали населению, занятому земледелием, основанным на искусственном орошении. Погребения в районе Тертера смыкаются с Яллойтепинской культурой последних веков до н. э., а нухинские урновые захоронения относятся уже, по всей видимости, к эпохе сасанидов (стр. 33, 35). А. К. Алекперов отмечает совпадение ареала распространения кувшинных погребений с торговым путем из стран Востока на Запад по рекам Куре и Риону, вплоть до границ Грузии, где данному обряду захоронения соответствуют погребения в глиняных саркофагах и черепичных могилах в районе Гори и Мцхета и в Западной Грузии в долине Риона. Все они датируются римским временем (стр. 34). Кувшинные погребения в районе Мильско-Карабахской степи А. К. Алекперов связывает с известным албанским племенем гаргаров (стр. 34).

Вторая статья «Культура кувшинных погребений Азербайджана» (публикуется впервые), посвященная описанию двух археологических экспедиций, — 1927 г. в Мильскую степь и 1929 г. в район Барды, Тертера и Гянджи, — особенно интересна тем, что в ней автор выдвигает вопрос о пересмотре принципов археологической классификации древнейших периодов истории.

Периодизация археологических культур после каменного века (палеолита и неолита) на основе металлических орудий (эпоха меди, бронзы и железа), по мнению А. К. Алекперова, является мало удовлетворительной, потому что, во-первых, в рассматриваемые эпохи из металла изготовлялись преимущественно не орудия труда, а оружие и украшения, а во-вторых, производство этих последних «...обуславливалось не только развитием хозяйственных форм, но наличием этих металлов в данном районе» (стр. 37). В то же время во все указанные эпохи перед археологом проходит в массовом количестве хозяйственно-бытовой керамический материал. Глина распространена повсеместно, и гончарные изделия, по мнению А. К. Алекперова, могут характеризовать те или иные ступени человеческого общества гораздо полнее, чем металлические орудия. «Но если мы проследим эволюцию развития глины — замечает автор, — то перед нами станет любопытная и интересная картина — одни и те же формы повторяются. Белую инкрустацию Азербайджана можно проследить и в Средней Европе. Крашеная керамика Кызыл-Ванка повторяется в Эламе, в Анау, в Триполье и даже в Китае... Это свидетельствует об одинаковых условиях, приводящих к одинаковым результатам... Тут играли роль хозяйственные потребности, которые в свою очередь вытекали из географического положения данного района... Поэтому, наряду с классификацией меди, бронзы, железа мы должны иметь классификацию по глине, по ее основным признакам: ручные, примитивно-гончарные, крашеная керамика, черно-глиняная керамика и пр. Классификация эта, выявляя этапы развития глиняных изделий, отражает этапы человеческой культуры и хозяйства» (стр. 38). Эта своеобразная научная идея об археологической периодизации по керамике не нашла последователей.

Много внимания А. К. Алекперов уделял поискам и изучению культуры крашеной керамики в Азербайджане. Этой теме в сборнике посвящены две статьи: «Археологическое обследование Нахичеванских районов Азербайджанской ССР в 1936 г.» (публикуется впервые) и «Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванского царства» (опубликована в сб. «Советская археология», т. IV, М.—Л., 1937 г.). Главный тезис, выдвигаемый автором в этих работах, состоит в том, что древности Нахичеванской АССР I тысячелетия до н. э. и, в частности, культура крашеной керамики находятся

в тесной связи с расцветом Ванского (Урартского) царства халдов (стр. 49, 57—62). Своими исследованиями в области крашеной керамики А. К. Алекперов заинтересовал не только советских, но и зарубежных ученых: по его инициативе в Баку приезжал чешский ученый Грозный, который высоко оценил научную работу А. К. Алекперова. И хотя в наши дни отдельные выводы и предположения А. К. Алекперова и не получили полного подтверждения, но тем не менее его указания на близость крашеной керамики Азербайджана к культурам древнего Востока неоднократно постулировались последующими азербайджанскими археологами⁵.

Последняя из археологических работ сборника «Раскопки Оренкалы» публикуется также впервые. В статье излагается история открытия городища и результаты его обследования в 1933 и 1936 гг. Автор предположительно отождествляет Орен Калы со средневековым азербайджанским городом Билаганом и допускает идентичность Билагана с Байлаканом⁶. Основание Билагана автор связывает с созданием оросительной системы Гяурарх. Одновременно А. К. Алекперов выдвигает предположение, что современное название городища не является собственным именем, но происходит от древнего наименования степи Аран (стр. 67, 68).

Во второй части рецензируемой книги собраны в основном этнографические работы, кроме того две статьи по архитектуре и камнеобработке, одна об эпосе Кёроглу и, наконец, одна обзорная статья о разведочном археолого-этнографическом маршруте.

Этнографические статьи не равноценны. Наиболее значительны для азербайджанской этнографии статьи «Азербайджанцы», «Женская одежда Азербайджана» и особенно «Культы Азербайджана и антирелигиозная работа». Опубликованная впервые в этом сборнике статья «Азербайджанцы» представляет собой одну из первых попыток со стороны этнографов-марксистов изложить в кратком виде этногенез азербайджанского народа на основании письменных (восточных и русских), источников, а также данных этно- и топонимики, антропологии и этнографии. В этой попытке автор решительно отвергает пантюркистские доводы реакционных идеологов из среды турецких националистов и азербайджанских буржуазных националистов-мусавитов. Все приведенные автором данные четко рисуют основные этапы этногенеза азербайджанцев, сложившихся из местных аборигенных племен, а также отдельных иранских, семитских (арабских) и вливавшихся несколькими волнами тюркоязычных племен.

Вторая из наиболее значительных этнографических статей «Женская одежда Азербайджана» (также публикуемая впервые) отнюдь не ограничивается только описанием одежды, включая много теоретических вопросов, в основном, на наш взгляд, вполне верно поставленных и решенных. Достоинством статьи является то, что в ней, хотя и кратко, описывается и мужская одежда, привлекается материал по одежде всех основных народов Азербайджана. С некоторыми положениями автора мы не можем согласиться. Нам кажется сомнительным утверждение А. К. Алекперова о том, что комплекс женской одежды складывался главным образом в соответствии с хозяйственной деятельностью и что национальная традиция играла здесь второстепенную роль (стр. 126—127). Правда, далее, на стр. 127, автор сам смягчает категорический тон этого утверждения. Некоторую свободу, элемент индивидуальности, которые вносят женщины в создание одежды для детей, автор объясняет тем, что на детей не давят так, как на взрослых, законы обычного права. Думаем, что еще более, чем обычное право, на одежду взрослых влияло мусульманское право — шариат.

Статья «Культы Азербайджана и антирелигиозная работа» содержит чрезвычайно интересный материал и глубока в исследовательском отношении. Замечательна также ее практическая направленность. Автор публицистически остро ставит вопрос об антирелигиозной пропаганде, о необходимости вести ее глубоко и с полным знанием дела, чтобы не получилось так, что в районах, где исповедуют ислам суннитского толка, борются с шиитской религиозной церемонией «шахсей-вахсей». Также справедливо автор указывает, как неправильно было бы успокаиваться лишь на том, что в каком-то районе удалось без особенной борьбы закрыть мечети. При этом часто упускалось из виду, что в этом же районе сохранили всю свою силу «священные» роши или «святые» места (пýры) и т. д. Автор прекрасно осведомлен об иерархии духовенства в Азербайджане и о положении духовенства всех рангов, причем речь идет и об официальных духовных лицах и о неофициальных. Большим достоинством статьи является детальное «районирование» религиозных верований в Азербайджане, т. е. религиозных представлений среди населения определенных местностей Азербайджана. Отдельные мелкие недочеты статьи многократно перекрываются ее большими достоинствами.

Очень интересна небольшая, но содержательная статья «Кукольный театр и игры в Азербайджане» (впервые была опубликована в кн. «Труды Азербайджанского филиала АН СССР», XXV, историческая серия, Баку, 1933, стр. 63—68). К сожалению, чувствуется некоторая незаконченность темы, статья даже оканчивается несколько не-

⁵ См.: Я. И. Гуммель, Крашеная керамика в долине Ганджа-чая, Изв. АзФАНа, № 5, Баку, 1939, стр. 40; С. М. Казиев, Родовой строй в древнем Азербайджане, Изв. АзФАНа, № 12, Баку, 1944, стр. 65.

⁶ И. Джафарзаде отрицает тождество Орен Калы с Байлаканом и полагает, что это древний Юнан. См. его «Раскопки городища Оренкала в 1951 г.», Труды Ин-та истории и философии, т. 4, Баку, 1954, стр. 133—135.

ожиданно и производит впечатление незавершенности. Возможно, что у автора в ту время не было еще достаточно материала.

В статье «У айрумов» (впервые опубликована в Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 5, Баку, 1927 г.) А. К. Алекперов задается целью выяснить этногенез этой этнографической группы азербайджанцев, проживающей в пределах Азербайджанской ССР, в глухих горах Кедабекского, Дашкесанского, Кельбаджарского, Ханларского и ряда других западных районов. О происхождении айрумов ходили самые невероятные предположения и догадки: одни считали их выходцами из Анатолии (М. Г. Велиев⁷), другие — из Персии (И. И. Мещанинов⁸), третьи видели в них остатки древнейших абригенов Кавказа и т. п.⁹ А. К. Алекперов, ознакомившись с материальной культурой айрумов Дашкесанского района и изучив вопрос по письменным источникам, пришел к любопытному выводу, что айрумы являются потомками и армян-халкедонитов и принявших этот религиозный толк албанцев, и те и другие в исторической литературе упоминаются под именем «хай-хором» (стр. 90). Эта гипотеза автора не находит себе подтверждения в исторической действительности: мы знаем, что в обыденной жизни армян-халкедонитов звали просто «хором»¹⁰. К тому же, если бы айрумы были религиозными раскольниками, то мы встречали бы их разбросанными по различным уголкам Армении и Азербайджана и даже за их пределами. Собственно с халкедонитами так и случилось. «Их потомки,— указывал в середине прошлого столетия А. Худобашев,— в весьма малом числе находятся в настоящее время в Кесарии, Ахене, Такате, Эрзеруме и в Константинополе и сохраняют, за малыми исключениями, совершенно тот же язык, те же обычаи, как и армяне, с тем только различием, что содержат вероисповедание церкви греческой и зависят от греческого патриарха»¹¹. Айрумы же живут только в пределах Малого Кавказа.

Значительная по объему статья «К вопросу об изучении культуры курдов» (была опубликована в кн. «Труды Азербайджанского филиала АН СССР», XXV, историческая серия, Баку, 1936, стр. 33—61) разносторонне рисует культуру курдов. А. К. Алекперов с редким умением увязывает этнографический материал с классовой дифференциацией в курдской деревне, разоблачая способы эксплуатации неимущих крестьян кулаками и зажиточными крестьянами под видом взаимопомощи и совместной обработки земли так называемым «сборным плугом» (т. е. собранными усилиями нескольких хозяев пахотным комплексом, состоящим из плуга и 7—8 пар быков или из рала и 4—5 пар быков). Большую часть статьи составляет раздел «Религиозное верование» (очевидно, в чисто редакционном отношении лучше было бы озаглавить его во множественном числе: «Религиозные верования»). Раздел включает гораздо более широкий круг вопросов, чем только собственно религиозные верования. Автор рассматривает здесь такие социальные вопросы, как положение женщин, пережитки матриархата. Особенно хорош материал по вопросу так называемых «священных» мест — пиров. Тут приводится типология пиров, хотя и не совсем бесспорная, на наш взгляд, но безусловно не формалистическая, и не вешеведческая, основанная на характере почитания пиров населением. К сожалению, и относительно этой статьи приходится делать упрек, уже высказывавшийся нами ранее: статья заканчивается весьма неожиданно, обрываясь на незавершенной мысли.

К числу обзорных или отчетно-итоговых статей относятся следующие две статьи сборника. Одна из них — «Задачи этнографии в Азербайджане» (впервые опубликована в «Советской этнографии», 1932 г., № 5—6, стр. 187—195) свидетельствует о том, что автор понимает задачи азербайджанской этнографии как чрезвычайно острую проблему, призванную активно вмешиваться в жизнь и быт. Здесь снова проходит мысль о необходимости глубокого подхода к антирелигиозной пропаганде. Безусловно правильно А. К. Алекперов понимает положение наименьшинств в Азербайджане и, справедливо протестуя против религиозного, вероисповедного критерия в этом вопросе, требует учета культурно-бытовых и языковых особенностей.

Во второй статье «Поездка в Зангезур и Нахкрай» (была опубликована в «Известиях Об-ва обследования и изучения Азербайджана», Баку, 1927, стр. 210—216) автор в очень кратком по объему тексте излагает, помимо маршрута поездки, и беглые заметки о крепостных сооружениях, поселениях, жилищах, свадьбе, отдельных археологических находках и прочем.

Наконец, следует сказать о статьях А. К. Алекперова, не относящихся собственно ни к археологии, ни к этнографии, но помещенных в данной книге.

⁷ М. Г. Велиев /Бахарлы/, Азербайджан (физико-географический, этнографический и экономический очерк), Баку, 1921 г.

⁸ См. К. Каракашлы, Об айрумах. Изв. Об-ва обследования и изучения Азербайджана, № 8, вып. I, Баку, 1929, стр. 4, 42, прим. 1.

⁹ Сводку мнений о происхождении айрумов см. в указанной работе К. Каракашлы.

¹⁰ Ср. у А. Д. Ерицева: «православных» армян... просто народье называет хормами, т. е. греками» (Списки населенных пунктов Эрзерумской области, находившейся во временном управлении России. Приложение к Изв. Кавказского отдела Русского географического об-ва, т. 8, вып. I, Тифлис, 1883, стр. 17).

¹¹ А. Худобашев, Обзорение Армении, СПб., 1859, стр. 386.

Две небольшие работы в сборнике посвящены исследованию азербайджанского зодчества. В статье «Архитектурные памятники Апшерона» автор дает обзор средневековых памятников Апшеронского полуострова и устанавливает основные периоды их строительства, кратко характеризуя главные особенности архитектурного стиля каждого периода. Выяснение генезиса художественных форм надмогильных памятников апшеронского селения Бузовны составляет основную канву в другой статье «Могильные памятники в Бузовнах». В обеих этих работах А. К. Алекперов выступает не только как историк, но и как эрудированный искусствовед.

Третья статья — «Эпос Кероглу» (впервые была опубликована в газете «Бакинский рабочий», 28 апреля 1937 г., № 99) посвящена популярному не только среди азербайджанцев, но и других родственных народов героическому эпосу. Автор в небольшой газетной заметке характеризует эпос с точки зрения его содержания и литературной формы.

Таково содержание рецензируемой книги. Большим достоинством собранных в ней статей является их практическая направленность. Почти всюду автор активно привлекает этнографические и археологические данные для решения животрепещущих вопросов. Делает он это очень целенаправленно и последовательно.

Серьезные претензии приходится предъявить издателям книги, чрезвычайно небрежно отредактировавшим ее, оставившим порою разговорные обороты речи или очень тяжелые фразы первоначального текста. Большую досаду вызывают многочисленные (их более 200!) опечатки в книге. Очень недостает иллюстраций; они оживили бы безусловно интересную и ценную книгу, выход которой в свет следует приветствовать.

В. Кобычев, А. Трофимова

Пословицы и поговорки народов Востока. Сост. Ю. Э. Брегель, предисловие В. П. Аникина. Ответ. ред. И. С. Брагинский, М., 1961, 736 стр.

«Пословица — украшение речи», говорит татарский народ. «Краса речи — пословица», утверждают узбеки. Та же мысль своеобразно высказана в казахской и киргизской пословицах: «Украшение джигита — борода, украшение речи — пословица». «Красота речи — пословица, красота подбородка — борода». «Пословица — соль речи», лаконично и выразительно констатирует арабский фольклор. И та же мысль развивается в амхарской пословице: «Речь без пословицы, что еда без соли».

В народных оценках пословиц постоянно подчеркивается их значение как обобщения народного опыта, веками накопленных знаний. «Имеешь ум — следуй за умом, нет его — следуй за пословицей», советуют туркмены. «В пословице нет лжи, в дождевой воде нет соли», говорят монголы.

Мудрость народных пословиц подчеркивается полным национальным своеобразием каракалпакским изречением: «Если нет овец, откуда возьмется войлок, если нет мысли, откуда возьмется пословица?».

Народ прекрасно сознает разницу между пословицей и поговоркой, которую никак четко не установят фольклористы: «Пословицу сказал — дорогу указал, поговорку сказал — душу утешил». Ясно формулирует башкирский народ.

Недаром М. А. Шолохов писал о пословицах: «Может быть, ни в одной из форм языкового творчества народа с такой силой и так многогранно не проявляется его ум, так кристалически не отлагается его национальная история, общественный строй, быт, мировоззрение, как в пословицах»¹.

Выпущенная недавно Издательством восточной литературы книга «Пословицы и поговорки народов Востока» интересна именно как материал, отражающий национальную историю, быт и мировоззрение народов Востока, как сокровищница народной мудрости.

За последние годы в Советском Союзе вышло множество различных по своему характеру, научному значению, художественному качеству сборников пословиц. Рассчитанные на различные контингенты читателей, все эти сборники старых и новых пословиц — русских, народов СССР, а также зарубежных — созданы в стремлении показать высокие образцы народного мышления и словесного искусства, «чистое золото» народной мудрости. Однако, за немногими исключениями, эти сборники не соответствуют тем высоким требованиям, которые на сегодняшний день могут и должны быть предъявлены к изданиям фольклора, подлинного народного устнопоэтического творчества. Слошь и рядом в них представлен случайный материал, отобранный недостаточно бережно и критично. Часто пословицы даны в плохом, неточном и малохудожественном переводе, не разграничены с афоризмами, лозунгами, литературными изречениями, ничего общего не имеющими с народной пословицей. Рецензируемый сборник «Пословицы и поговорки народов Востока», в котором представлено паремическое творчество сорока девяти народов Востока, заслуживает особого внимания не только

¹ В. Даль, *Пословицы и поговорки русского народа*, М., 1957, стр. III.

потому, что в Советском Союзе впервые издан столь широкий по своему охвату сборник пословиц, но и по своему качеству.

Ценно то, что все включенные в сборник пословицы переведены с подлинных текстов. Правда, это повлекло за собой некоторую неполноту сборника и неравномерность того, как количественно представлены пословицы отдельных народов, ибо в распоряжении составителей не было изданий пословиц по ряду восточных языков. Однако они правильно поступили, не отказавшись от своей установки давать пословицы только в переводе непосредственно с языка оригинала.

Несмотря на эти явные, но легко объяснимые пробелы, сборник пословиц народов Востока поражает богатством своего материала и радует тем, что сделан на достаточно высоком теоретическом и художественном уровне. Составители стремились в своей книге показать, как в пословицах и поговорках отражалась жизнь народов Востока, их история и их мышление во всей своей противоречивости. Поэтому они с полным основанием, помимо высокоидейных пословиц, составляющих основное содержание сборника и сохранивших свое значение и на сегодняшний день, включили в свою книгу и ряд устаревших пословиц, связанных с патриархально-родовым бытом, а также небольшое количество пословиц, отражающих идеологию господствующих классов. Таким образом, сборник исторически верно отражает противоречивость народного мировоззрения.

Тексты в сборнике в основном даны в хорошем переводе. Интересно, что многие из переводчиков (например, И. В. Баролина, Б. А. Каррывев, М.-З. О. Османов и некоторые другие) выступают и как непосредственные собиратели переведенных ими пословиц. Однако при сравнительно удачном отборе и неплохом в целом переводе пословиц в сборник все же проникли и малохудожественные или недостаточно понятные, — очевидно, в результате неудачного перевода — тексты, например: «Если в свадьбе не примем участия, то нашу мать выдадут замуж», или «Гость ненавидел гостя, а хозяин обоих», или «Если теща меня полюбит — пошлет в печь, если возненавидит — все равно пошлет в печь».

Некоторые переводы недостаточно точны, например: «Мысль умного ценнее уверенности глупого». В ряде случаев пословицы звучат уж очень не по-русски или переведены каким-то канцелярским языком, например: «Невестка кушать стесняется, только сразу по банану глотает», или «Сам умирать не желает, а рису на поминках поест не прочь», «Лжец на память слаб», «На вершине горы и снег приобретает вкус» (разрядка моя — Э. П.). Однако эти неудачные тексты, к счастью, теряются в массе высокохудожественных и мудрых, подлинно народных пословиц, и поэтому не опровергают той высокой оценки, которую, на наш взгляд, заслуживает книга «Пословицы и поговорки народов Востока».

До сих пор мы не имеем такой классификации пословиц, которая полностью удовлетворяла бы требованиям современной науки и запросам читателей. Составители сборника «Пословицы и поговорки народов Востока» пошли по линии наименьшего сопротивления, дав пословицы каждого народа в алфавитном порядке. С этим неудобным и формальным принципом распределения материала можно, на худой конец, примириться специалистам, так как в конце книги дан предметно-тематический указатель, помогающий найти ту или иную пословицу. Однако при такой классификации материала или, вернее, при отсутствии классификации, рядовому читателю, на которого в первую очередь рассчитан сборник, трудно составить себе представление о характере пословичного репертуара каждого народа, его тематике, идейном содержании, а тем более о той тематической и идейной общности, которая наличествует в пословицах восточных народов. А именно эта черта — идейная близость, единая устремленность, единые идеалы трудящихся народов Востока, независимо от того, где они живут, — наиболее поразительная, волнующая особенность их пословичного творчества. Неудачным представляется и то, что в алфавитном порядке следуют друг за другом народы, пословицы которых представлены в книге. Было бы не только логичнее, но и гораздо нагляднее и познавательнее для читателя объединить пословицы народов, родственных по языку или близких друг другу географически.

В конце книги даны примечания, в которых указаны использованные при составлении сборника источники, даны необходимые краткие сведения о народах, в репертуаре которых бытуют включенные в сборник пословицы, и о языках, с которых они переведены. Несколько комическое впечатление производит повторяющаяся в этих примечаниях формулировка: «На абхазском языке говорят абхазцы...», «На армянском языке говорят армяне», «На грузинском языке говорят грузины», «На лакском языке говорят лаки», «На японском языке говорят японцы» и т. д., и т. д. Вместе с тем, примечания эти недостаточно однотипны. В одних примечаниях даются сведения о народе и языке, с которого переведены пословицы, в других только о народе, в третьих только о языке.

Сборник предваряется небольшой статьей В. П. Анникина, в которой даны сведения о пословице как жанре и краткая характеристика идейного содержания пословиц народов Востока. Нельзя не согласиться с автором статьи, что большинство пословиц и поговорок, приведенных в книге, «пронизано пафосом утверждения гуманных идей и чистых чувств» и что «соприкосновение с их миром доставляет человеку радость и глубокое душевное волнение».

Э. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Ј. Вукмановић, Паштровићи. Антропогеографско-етнолошка испитивања. Цетинье, 1960, 462 стр.

На черногорском побережье Адриатики, к югу от г. Будва и западу от Скадарского озера, лежит область Паштровичи. Она занимает узкую приморскую полосу общей площадью в 65 км², с населением 2135 чел. (по переписи 1957 г.). Историческая судьба этой области очень своеобразна. В начале XV в. община Паштровичи, признав суверенитет Венецианской республики, сумела вместе с тем отстоять свою автономию, сохранив самоуправление, свободу от налогов и некоторые другие вольности. Автономия помогла жителям этой небольшой общины сохранить неизменными свои правовые и административные порядки и в известной мере способствовала консервации ее внутреннего уклада. В частности, здесь долго сохраняется деление на «племена», явный пережиток архаических общинных отношений. С другой стороны, свобода от податей и самоуправление дали основание жителям Паштровичей считать себя дворянами — «племичами», и их дворянский статус был закреплен договором 1423 г. с Венецией. Однако образ жизни большинства этих племеней-дворян был весьма прост: они сами обрабатывали свои пашни, пасли скот и ловили рыбу; и если наиболее сильные семьи и владели зависимыми крестьянами — «кметами», то основная масса паштровичей оставалась обычными свободными крестьянами, наследственными владельцами дедовых земель и участниками общинных сходок¹. За ними в литературе укрепилось название крестьян привилегированного состояния, крестьян с титулом «дворяне» («сельаци-племићи»), а их автономные органы власти, сохранившиеся в течение столетий, принято рассматривать как типичное общинное самоуправление².

Это длительное сохранение общинных порядков в Паштровичах заставляет с особым интересом отнестись к исследованию И. Вукмановича, собравшего обширный этнографический материал, относящийся к этой области. Монография состоит из 20 глав, основными из которых являются: «Поселения», «Население», «Племена и их расположение», «Хозяйство», «Одежда», «Общественная жизнь», «Обычаи». Особый раздел посвящен характеристике каждого села в отдельности, его земельных распорядков, состава и движения населения за последние годы.

Часть глав представляет чисто этнографический интерес. В гл. IV — «Поселения» (стр. 43—56) — автор рассказывает о расположении сел, как правило небольшого состава (в среднем 24 дома), заселков и пастушеских поселений — «торов», описывает архитектуру как современных, так и немногих сохранившихся старинных домов. Гл. VIII — «Хозяйство» — посвящена характеристике земледелия в сложных условиях приморской полосы, где мало пахотной земли, где речные потоки постоянно смывают слой плодородной почвы. Поэтому ведущим занятием населения стало разведение неприхотливых оливок: посевы кукурузы и пшеницы занимают значительно меньшее место, и еще меньшую роль играет виноградарство; заметное место в хозяйстве паштровичей занимает скотоводство, для которого Паштровска Гора предоставляет обширные пастбища. В гл. IX—XI И. Вукманович характеризует домашний быт, пищу и одежду жителей этой области. Он полагает, что этническое единство паштровичей наиболее полно отразилось в характере их народной одежды. Последняя близка к черногорской и еще сохраняется в быту, особенно среди женщин. Мужская национальная одежда в настоящее время быстро исчезает (стр. 205).

В гл. XIII—XV автор уделяет внимание описанию обычаев, народных верований и игр, характеристике паштровичского фольклора. Здесь интересен раздел, посвященный свадебным обрядам, сопровождаемым традиционными песнями (стр. 302—330). Примечательно, что в свадебных обычаях не удается отметить элементов матрилокального брака, который, по мнению некоторых исследователей, до сих пор сохраняется в этом районе и будто бы свидетельствует о существовании пережитков матриархата³. До наших дней здесь, как и в других областях Далмации⁴, встречаются случаи побрабниства, заключаемые чаще всего в знак примирения обидчика и обиженного. Однако они становятся все более редкими, а посестримство исчезло почти полностью (стр. 335—336).

¹ И. Божић, Паштровићи, «Историски часопис», год. IX—X, 1960, стр. 174.

² А. Соловьев, Сельаци-племићи у историји југословенског права, «Архив за правне и друштвене науке». Орган Београдског правног факултета, књ. 48, Београд, 1935, стр. 464.

³ S. Kulišić, Tragovi arhaične porodice u svadbenim običajima Crne Gore i Boke Kotorske, «Glasnik zemaljskog muzeja u Sarajevu», sv. XI (Ethnologia), Sarajevo, 1956, стр. 225—234; ер же, Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne, Hercegovine i Dalmacije, «Glasnik...», sv. XIII (Ethnologia), 1953, стр. 51—75.

⁴ См. также: VI. Cvitanović, O običajima pobratimstva-posestrinstva na otoku Yžu (kod Zadra) i oko njim otocima, «Radovi Historijskog instituta IAZU u Zadru», sv. 2, 1955, стр. 375—386; M. Gavazzi, Vitalnost običaja pobratimstva-posestrinstva u sjevernoj Dalmaciji, «Radovi...», sv. 2, cp. 17—35.

Наибольший интерес для историка и этнографа в исследовании Й. Вукмановича представляют разделы, посвященные общинным отношениям в паштровичских селах. Эти отношения характеризуются сохранением альменды: автор отмечает наличие и в наши дни общинной собственности на лес, выгоны и водоемы, носящей название «комуны» или «ксмуниты», принадлежащей как отдельным селам, так и всей области Паштровичи (стр. 360). В Паштровичах сохраняются большие семьи, или задруги. Состав задруги, по наблюдению автора, может быть невелик, и она не обязательно должна состоять из нескольких поколений. «Когда в одном доме имеются два или несколько женатых братьев, они составляют «друштво» или «задругу» (стр. 342), при этом число членов отдельных задруг в настоящее время не превышает 15 чел. Последняя большая задруга в составе 24 чел. разделилась в 1921 г. (стр. 343). В остальном же — в отношениях между членами большой семьи, их имущественных правах, положении дома — облик современных редких задруг ничем не отличается от их характеристики, давно известной из литературы.

Но пережитки большесемейных отношений выражаются не только в наличии задруг. В еще большей степени они отражаются в бытующих в Паштровичах «племенах» и «братствах» (анализ этих общинных организаций дан в гл. VI и XII рецензируемой книги). Паштровичи до сих пор представляют собой совместное поселение 11 племен, каждое из которых является общиной, состоящей из нескольких сел или сел, окруженного кольцом заселок; в течение столетий (вплоть до 1838 г.) племя располагало собственной «комунитой». Таким образом, племя не совпадает с селом. Племя имеет общее имя, возводит свое происхождение к общему предку; очень долгое время оно располагало собственным судом, который вершился на основании племенных обычаев. Число семей, входящих в состав племени, может быть различным; оно колеблется от 6 (племя Миджор) до 104 (племя Митровичи). Однако понять характер племени можно не путем анализа его отношений с семьями, а наблюдая за входящими в его состав братствами. Каждое племя состоит из нескольких братств, и именно этот последний коллектив является самой оригинальной и выразительной ячейкой паштровичской общинной организации.

Как отмечает автор, братство возникает посредством раздела братьев с увеличением числа их потомков. Члены братства поселяются по соседству и нередко составляют обособленную часть села; они рассматривают себя как кровных родственников, не заключая браков между собой и не идут в сваты. Впрочем, в последнее время несколько разросшихся братств (и среди них самое большое — Митровичи) нарушили этот запрет, за что подверглись осуждению со стороны соседей. Почти все братства обладают общим имуществом — пастбищами и водоемами, а некоторые даже мельницами, гумнами и пасеками (стр. 241). Братство в Паштровичах — это беспрерывно размножающаяся и развивающаяся ячейка, определяющая собой всю общественную структуру этой небольшой области. Недаром Й. Вукманович находит, что каждое племя — это не что иное, как разросшееся братство (стр. 242. Разрядка моя. — М. Ф.). Братства не только разрастаются, но и исчезают: в составе каждого племени автор устанавливает следы некогда существовавших, а ныне вымерших братств. Й. Вукманович пытается найти братству соответствующее место в системе родовых отношений; он сближает его с классическим родом, определение которого заимствует у Энгельса (стр. 242). Однако нам кажется, что здесь применима иная характеристика.

Наличие в составе братства индивидуальных семей, каждая из которых представляет самостоятельное домохозяйство, а следовательно, отсутствие в братстве коллективного производства и общей земли (комуниты ввиду ее незначительного удельного веса в счет не идет) устраняет всякую мысль об аналогии между братством и родом. Но зато множество других черт в облике братства заставляет видеть в нем не род, а тот общинный организм, мысль о котором была впервые высказана в трудах советских ученых, а именно патронимия⁵. В самом деле, мы наблюдаем в братстве наличие общего имущества параллельно с существованием индивидуального землевладения и производства; кровное родство, связующее его членов; наконец, основное — происхождение в результате семейного раздела братьев, в итоге сегментации большой семьи. Все эти черты являются характерными признаками патронимии⁶. На историческом и этнографическом материале, относящемся к южным славянам, исследователи долго строили выводы о существовании одной лишь задруги или племен. К задружному быту или племенным отношениям сводилось все многообразие общинных и родственных отношений, характерных для Балканского полуострова. Лишь в последнее время наметился интерес к братству⁷ и была сделана попытка выделить братство в ка-

⁵ М. О. Косвен, Семейная община. К истории вопроса, «Изв. АН СССР, серия истории и философии», т. III, № 4, 1946, стр. 349—362; его же, Патронимия у древних германцев, «Изв. АН СССР», та же серия, т. VI, № 4, 1949, стр. 356—359; его же, Очерки истории первобытной культуры. М., 1957, стр. 136—137.

⁶ М. О. Косвен, Семейная община. Опыт исторической характеристики, «Сов. этнография», № 3, 1948, стр. 19.

⁷ Š. Kušić, O postanku i karakteru, našeg «bratstva», «Pregled», Sarajevo, 1957, N 2—3, стр. 133—138; его же, Arhaično bratstvo u Crnoj Gori i Hercegovine, «Glasnik...», sv. XII (Ethnologia), 1957.

честве самостоятельной ступени в развитии общинных отношений у южных славян⁸. Значение работы И. Вукмановича заключается в том, что она позволяет судить о характере братства. Собранный им обильный материал дает основания рассматривать братство, которое до наших дней существует у паштровичей, в качестве яркого и выразительного примера патронимии⁹.

В заключение хотелось бы отметить некоторые недостатки в работе И. Вукмановича. Прежде всего, это относится к архитектонике книги: характеристика племен должна была бы войти в анализ общественных отношений или по крайней мере сопутствовать им, а не находиться в разных местах книги (см. гл. VI и XII); к вопросу о задруге автор обращается дважды — на стр. 239 и 342—343, причем второе, наиболее подробное описание задруги почему-то упрятано в главу о народных обычаях. Указатель терминов страдает неполнотой: в нем отсутствует «соджина», «багаш», «кмет», «мотика» и ряд других понятий, упомянутых в тексте.

М. Фрейденберг

⁸ O. Mandić, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnij Hrvatskoj*. «Historijski zbornik», god V, 1952, стр. 252—298.

⁹ Этого-то и не заметил М. Р. Барьяктарович в своей рецензии на книгу И. Вукмановича (см. «Стваранье», Цетинье, 1960, № 11—12, стр. 1005—1006).

Knut B. Westman och Harald von Sicard. *Den Kristna missionens historia*, Stockholm, Svenska Kyrkans Diakonistyrrelses bokförlag, 1960, 382 стр.

В издательской продукции капиталистических стран видное место занимает литература религиозного содержания, здесь преобладают тексты Библии, Евангелия, нередко в переводе на языки различных народов мира. Это не удивительно, если вспомнить, что на Западе существует широкая сеть религиозно-миссионерских организаций, ведущих свою проповедь в различных уголках земного шара. Существует и обширная периодическая литература — журналы, являющиеся органами этих организаций и обобщающие практический опыт церковной и миссионерской деятельности, материалы по их истории и разрабатывающие теорию миссионерства как своего рода «науку».

Одни из крупнейших организационных центров миссионерства — Дания, где с 1889 г. издается общескандинавский миссионерский журнал «Nordisk Missions Tidsskrift», и Швеция, где с 1912 г. выходит общешведский орган миссионеров «Svenk Missionstidskrift», помимо ряда других, выходящих в Стокгольме и Упсале.

Рецензируемый труд двух авторов выделяется среди изданий этого рода как попытка дать своеобразную энциклопедию по теории и истории христианского миссионерства. Аналогичные попытки предпринимались учеными богословами еще в средние века. Правда, они были значительно более ограничены как по рассматриваемому периоду, так и по территории. Шведские миссионеры Вестман и Сикар обобщили труды своих предшественников, охватив период от «исходного пункта христианской миссии — явления бога в образе Христа для спасения людей» и до наших дней.

Авторы известны в миссионерских кругах как маститые богословы. К написанию книги каждый из них шел своим особым путем. Вестман, преподаватель университета в Упсале (Швеция), с 1937 г. читал курс богословия и собрал значительный материал по теории и истории христианского миссионерства. Харальд Сикар многие годы работал миссионером в Южной Родезии и опубликовал значительное число статей и сообщений (с 1926 по 1957 г. — 193), частично в местном миссионерском журнале на языке туземцев Южной Родезии, частично в Швеции, Англии, Швейцарии и ФРГ. Целью этих статей была популяризация христианского учения и обобщение опыта миссионерской работы. С осени 1958 г. оба автора объединились для написания «Истории христианской миссии».

Как и следовало ожидать, эта проблема решается авторами односторонне, что видно хотя бы из их сообщения, что «миссионерская наука является наукой об экспансии христианства среди нехристианских народов» (стр. 7). Авторы твердо стоят на идеалистических позициях и стремятся показать историю миссионерства в свете христианских идей человеколюбия и братской помощи отсталым народам для приобщения их к «слову Господню». От ученых богословов нельзя ожидать понимания и освеще-

ния в их работе классовой сущности религии, а также показа, чьи интересы защищает и отражает любая религия в классовом обществе. Они стараются обойти молчанием и тот факт, что миссионеры в средние века были авангардом европейских захватчиков в отдаленнейших уголках мира и остались им в эпоху развития и загнивания капитализма, когда начались национально-освободительные, антиколониальные войны и народные выступления.

К счастью, авторы вскользь оговариваются, что белые не всегда несли с собой счастье и мир народам новых земель. «Встреча между белыми и цветными на австралийском континенте была мрачной трагедией, одной из печальнейших страниц в колониальной истории», — говорят ученые миссионеры (стр. 303). Да, полное уничтожение белыми столет назад всего туземного населения острова Тасмания — наиболее яркое свидетельство этим словам. Но и тогда, когда пришельцы не уничтожали весь народ физически, они разрушали привычный быт и стирали достижения культуры аборигенов, стремясь сделать их послушными рабами нового образа жизни. Так, в Австралии и Океании «.....в своем пуританском рвении миссионеры пытались уничтожить (eliminate) все туземное», — свидетельствуют Вестман и Сикар (стр. 293). Говоря о современном положении миссионерства, авторы признают, что одно из особенностей его — «близкое сотрудничество миссионерства с колониальными властями» (стр. 327), которое вредит работе миссионеров и грозит самому существованию миссий в этих странах.

Народами колониальных и слабразвитых, зависимых стран с полным основанием делаются невыгодные для миссионерства выводы о его роли как проводника политики колониального порабощения. Особенно бросаются в глаза приводимые авторами примеры «благотворительной» деятельности миссий и колониальной администрации в Конго до того, как эта страна завоевала независимость. Авторы, выпустившие рецензируемую книгу до этого события, пытаются показать идиллическую картину дружбы между колонизаторами и местным конголезским населением, заботу и внимание колонизаторов и миссионеров о населении колоний. Ученые богословы говорят: «Администрация Бельгии (в Конго. — Г. А.) заботлива и добра: она проводит политику благополучия на основе гуманных законов. Африканцам дают хорошее воспитание, и в этом состоит своеобразие отличия деятельности администрации бельгийского Конго от работы французской и португальской администрации. Родной язык народа получает распространение в подготовительных классах народной школы. В последнее время богатые рудные месторождения повлекли за собой быстрое экономическое развитие» (стр. 102). Каким «раем» была бельгийская колония Конго и какова там действительная роль миссионеров — католических и протестантских — хорошо показали события последнего времени, когда «заботливые и добрые» бельгийские колонизаторы и их соратники-миссионеры выступили душителями независимости молодой республики. И таких мест идеализации деятельности миссий, особенно на африканском континенте, в монографии много.

Авторы писали свою книгу в наше время, всего полтора-два года назад, когда нельзя было не видеть бурного начала эры краха колониализма. Близкое сотрудничество миссионеров и колониальных властей заставляет встревожиться богословов. Ведь свергая колониализм, народы сбросят и проводников колониализма — миссионеров. И Вестман и Сикар стараются отмежевать миссию от колониализма, от союза с ним. Они пишут: «С окончанием эры колониализма это сотрудничество также должно закончиться» (стр. 327). Хороший вывод, но не поздно ли? И возможно ли вообще такое отмежевание?!

Конечно, вряд ли можно было ожидать, что идеалисты смогут дать исчерпывающий, хотя и краткий курс истории христианской миссии. Сам метод буржуазного объективизма, применяемый авторами, исключает это. А если учесть упрямое желание авторов показать прежде всего, если не только, положительную роль миссионерства, как движения, несущего «слово божье», школы и больницы, благотворительность и мир, и принимать во внимание только эти факты, то книга в целом, конечно, сможет дать только извращенное изображение истории и места христианской миссии в истории человеческого общества.

Да, у христианской миссии на ее знамени были начертаны человеколюбивые идеи. Но в основе ее деятельности лежало другое: взамен старой религии подчинить новообращенных новой религии, а с нею и новой власти — колониализму, уничтожить самобытную «языческую» культуру, а с нею и историю самого народа.

Рядом со «словом божьим» врывалась «цивилизация» христианских стран, в которых господствовала эксплуатация человека человеком, и симптомами этой «цивилизации» были порабощение и туберкулез, алкоголь и сифилис. И если авторы показывают грызню и даже войну между собой миссионеров (например, на стр. 298), закабаление тех или иных народов, неприглядную роль миссионеров как «сотрудников колониальных властей», то это выдается лишь за достойные сожаления частные факты.

Вся история христианского миссионерства по Вестману и Сикару делится на четыре крупных периода или этапа:

- 1-й: Миссия древнего мира — 0-й — 500-й г. н. э. (стр. 17—34).
- 2-й: Миссия средневековья — 500-й — 1100-й г. н. э. (стр. 37—55).
- 3-й: Миссия более нового времени — 1500-й — 1800-й г. н. э. (стр. 59—82).
- 4-й: Возникновение и рост мирового движения миссионерства — 1800-й — до наших дней (стр. 85—148).

Можно согласиться (лишь с оговоркой, что второй период кончается, а третий начинается 1400-ми годами), что хронологически этапы этой периодизации близки к научной. Но в избрании авторов миссия действует по мере своего развития как бы сама по себе, а не в качестве придатка господствующего класса той страны, откуда исходит миссия. Вестман и Сикар, раскрывая содержание периодов, ничего не говорят о социальной подоплеке миссионерства в разные этапы его истории. Они сосредоточивают внимание на географических направлениях распространения христианской миссии. Так, в первый период христианская миссия распространялась «от точки возникновения — явления Христа» в Палестине — через первых апостолов и христиан на Ближний Восток и страны бассейна Средиземного моря. Во второй период происходит христианизация народов Европы и снова Ближнего Востока, где возобладала новая религия — ислам. В третий период «миссия получает новые возможности» (стр. 59) — распространяется параллельно колониальным захватам во всем мире, иногда предшествуя им. А в четвертом периоде происходит организационное оформление миссионерства в объединения и союзы различных общин и толков христианской церкви (католики; протестанты, баптисты и др.), углубление и усиление их деятельности на «поле мира».

Такая идеалистическая трактовка содержания перечисленных этапов истории христианского миссионерства, конечно, не имеет ничего общего с научным, материалистическим пониманием этого явления.

Полезна ли чем-нибудь рецензируемая книга для советского читателя? Да, это ценная книга. Несмотря на неприемлемую методологию авторов и заведомую идеализацию деятельности христианской миссии в целом, книга содержит хотя и односторонний, но значительный и разнообразный фактический материал, обрисовывающий общие и частные цели и задачи миссионерства в изложении самих богословов. При критическом отношении читателя этот материал раскрывает истинную роль христианской миссии как слуги господствующих классов.

Композиционно книга делится на введение, пять разделов по истории миссионерства и заключение. Во вводной части «Немного о миссии как науке» (стр. 7—14) авторы говорят, что христианство с самого начала своего существования имело тенденцию к «экспансии» своего учения. Но только к концу XIX в. «наука» о христианской миссии приобрела характер особой теологической дисциплины. Эта «наука» имеет две отрасли: историю миссии и теорию миссии. Первая, являясь отраслью общей истории христианской церкви, имеет свое особое содержание, описывает организацию и распространение христианства в нехристианских странах.

Теория миссии охватывает изучение принципов и методов миссионерской работы, «практические педагогические» проблемы о средствах и методах деятельности миссионеров. Отмечается важная роль знания миссионерами истории и географии, а особенно этнографии и истории религии народов тех стран, где ведется проповедь.

Авторы дают краткий историографический обзор мировой литературы, карт и статистических источников по истории и теории христианской миссии, сообщают о крупнейших библиотеках христианской миссионерской литературы (стр. 8—14).

В разделе «Первый крупный период миссии» (стр. 17—34) ученые богословы показывают, как в соперничестве с иудейской религией и в борьбе с язычеством Греции и Рима христианство сначала проникло, а затем стало государственной религией Римской империи, Египта, Эфиопии, Армении, Грузии. Конечно, это проникновение дается только как борьба теологических идей, а не как социальное явление — как появление новой идеологической надстройки в виде христианской религии, более удобной для осуществления эксплуатации, чем предыдущие религии. Авторы не говорят, что христианство сначала было духовным присоединением эксплуатируемых, потерявших веру в счастье «в этой жизни», а затем орудием эксплуататоров для дальнейшего закабаления народных масс. Раздел завершается краткой историей зарождения ислама на Ближнем Востоке.

В разделе «Второй крупный период миссии» (стр. 37—55) авторы повествуют о распространении христианства в языческой части Европы, включая скандинавские народы, славян и Русь, и в странах ислама на Ближнем Востоке. Авторы подчеркивают, что обращение в христианство означало для языческих народов приобщение к «остаткам античной культуры» (стр. 48), и не уклоняются от показа одного из самых распространенных в этот период методов христианской миссии — крестовых походов как на Ближний Восток, так и в Прибалтику, Финляндию, против восточных славян, когда идеи католического христианства распространялись силой огня и меча. Но отчетливой оценки (положительной или отрицательной) авторы этому методу не дают, оставляя его, как они сами говорят, на совести католической церкви.

С началом колониальных захватов, как признают авторы, «миссия получает новые возможности» (стр. 59) и начинается третий крупный период христианской миссии (стр. 59—82) — экспансия христианской миссии в Голый Свет, Африку, Южную Азию. В католических странах Европы образуются миссионерские общества, прежде всего создается крупная организация в Риме — высшее управление для католической миссии. В то же время в ряде стран происходит церковная реформация, и протестантская миссия, отвергая крестовые походы «как метод миссии» (стр. 63), включается в распространение христианства в нехристианских странах. Особенно много фактов приводится о христианской миссии лютеранской церкви скандинавских стран.

К четвертому крупному периоду христианской миссии (стр. 85—148) авторы относят время с конца XVIII в. и до наших дней, т. е. фактически период развития и за-

гнания капитализма. Сообщается, что с начала XIX в. миссионеры начинают объединяться в международные миссионерские общества. Раздел насыщен богатыми статистическими данными о работе католических и протестантских миссий. В свете событий последнего года особенно привлекают внимание факты о миссии Бельгии в Конго. Авторы свидетельствуют о пристальном внимании христианских миссионеров Бельгии к своей, теперь бывшей, большой колонии. Они пишут: «Бельгия имеет весьма немного протестантов, но все-таки с 1910 г. существует небольшое протестантское общество для работы в Конго. Его существование является хорошей помощью для многочисленных евангельских миссионеров в большой африканской колонии этой католической страны» (стр. 102). «Сильная католическая Бельгия показала в миссии великую самоотверженность — в 1953 г. она имела 2300 миссионеров, посвященных в сан священника» (стр. 136).

Значительный интерес представляет последняя часть раздела о четвертом крупном периоде — «Вклад миссии православной церкви» (стр. 141—148). О православной церкви говорится как о «самой консервативной среди всех христианских общин» (стр. 141). Авторы систематизируют краткий, но насыщенный фактами материал о 18 патриаршествах православной церкви: константинопольском, московском, александрийском, антиохийском, нерусалимском и др. Они сообщают о первых православных миссионерах в Египте, Киеве (X—XI вв.), о деятельности православных миссий в Сибири, Крыму, на Аляске, Алеутских островах, в Китае и Японии в XVI—XIX вв., упоминают о конфликте в начале XX в. между русскими православными миссионерами и англо-американскими миссионерами в Корее.

Вестман и Сикар приводят также данные о современном положении православной церкви в СССР, в которых утверждают, что в Советском Союзе в настоящее время насчитывается «30 млн. активно посещающих церкви православных христиан», что 80% новорожденных детей в Москве родители крестят, что в праздновании пасхи в 1958 г. в Москве принимало участие 10 тыс. христиан. Неизвестно, на какие данные опираются ученые богословы, когда утверждают тут же, что «государственное радио начало транслировать короткие сообщения о ходе богослужения в торжественных случаях» (стр. 148).

Большая часть монографий — пятый раздел книги (стр. 149—326) посвящена рассмотрению возникновения и истории христианской миссии буквально в каждой стране и колонии Африки (стр. 151—178) и Азии (стр. 186—291), а также в Австралии и Океании (стр. 295—306), Северной Америке (среди коренного населения Канады, США и Гренландии — стр. 307—314), в Восточной Индии и Латинской Америке (стр. 315—326). Богатый хронологический и статистический материал о численности христиан различных общин в разных странах значительно повышает ценность всего раздела, хотя объективистское изложение требует постоянного критического отношения к тексту. При описании христианской миссии в Северной и Восточной Африке и в Азии авторы приводят многочисленные примеры борьбы с мусульманским прозелитизмом за влияние в этих районах. Вестман и Сикар также сообщают некоторые детали по этнографии неевропейских народов, об их языках, диалектах и дохристианских верованиях.

Заключительный раздел книги посвящен кратким выводам о современном положении христианского миссионерства (стр. 327—332). Оно, по мнению авторов, не очень радостное. С одной стороны, крушение колониальной системы, с которой народы колониальных и зависимых стран справедливо связывают миссионерскую деятельность, с другой — различные комиссии Организации Объединенных Наций захватывают поле благотворительной деятельности, на котором ранее господствовали миссионеры. В то же время в еще недавно колониальных или слаборазвитых странах — Индии, Бирме, ряде арабских стран и других, ставших на путь самостоятельного развития, древние религии их народов — ислам, буддизм, индуизм — вступили, по словам авторов, в полосу «ренессанса». «Западные страны также все более становятся полем миссионерской деятельности других мировых религий: ислама, буддизма и индуизма... И то, что нехристианские религии, благодаря реакции против империализма западных стран, переживают ренессанс, является вполне объяснимым», — говорят ученые богословы (стр. 330).

«Имеет ли христианская миссия задачу, чтобы все народы Земли сделали учениками Христа?» — спрашивают авторы. И сами тут же отвечают: «Нет, никоим образом» (стр. 331). Почему же христианская миссия не претендует на тотальную христианизацию народов? Оказывается, вся «беда» в том, что существуют «расхождения во мнениях на необозримом поле деятельности» христианской миссии. В мире насчитывается, как сообщают авторы, около 800 млн. христиан, которые составляют почти $\frac{1}{3}$ всего населения земного шара (они приводят цифру населения Земли в 2,7 млрд. человек, стр. 331), ислам объединяет 315 млн. человек, индуизм — около того же числа, буддизм (без Китая) — более 100 млн. человек. Но, печалятся авторы, христианство, считающееся чем-то единым, в действительности подразделяется на наибольшее среди всех мировых религий число религиозных групп, а отсюда возникают расхождения в «методах» и «содержании» работы миссий, и существует еще встречная миссия враждебных христианству мировых религий!

Авторы не видят, что человечество достигает все новых высот в развитии науки, что прогресс человеческих знаний не оставляет в будущем места для обветшалых и бездоказательных догм религии, что дело не в «ренессансе» религий, которые

продолжают исповедовать народы бывших колониальных или зависимых стран, и вовсе не в том, что отдельные течения христианской веры не могут найти одного общего языка.

Суммируя наши выводы по рецензируемой монографии, можно сказать, что авторы-идеалисты, стоя на позициях буржуазного объективизма, сделали все, чтобы систематизировать громадный фактический (хронологический, статистический, этнографический) материал. Их метод не дал им возможности увидеть и показать подлинную роль и место христианского миссионерства в истории человечества, не дал возможности оценить его место в наши дни, в условиях загнивания империализма и краха колониализма, соратником которого было и остается миссионерство. Однако сам материал, систематически сгруппированный в историческом и географическом плане, представляет большую ценность. Он, несомненно, интересен для широких кругов советского читателя — для учителей и студентов, городской и сельской интеллигенции. В переводе на русский язык, снабженная критическим предисловием и необходимыми подстрочными примечаниями, эта книга явилась бы полезной настольной книгой для тех советских граждан, которые ведут атеистическую пропаганду.

Г. Анохин

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Национальные меньшинства Вьетнама. Ханой, 1959, 248 стр. (на вьетнамском языке)

За последние годы в Демократической Республике Вьетнам опубликован ряд монографических исследований и статей по вопросам истории, литературы, фольклора и этнографии народов Вьетнама. Среди них обращает на себя внимание коллективный труд «Национальные меньшинства Вьетнама», подготовленный сотрудниками группы исследования национальностей при Центральном комитете по делам национальных меньшинств тт. Ла ван Ло, Нгуэн хыу Тхау, Май ван Чи, Нгок Аня и Мак нхы Дыэнга. Во введении к книге член Комитета Зыэнг конг Хоат называет ее «предварительным ознакомлением с национальными меньшинствами Вьетнама» (стр. 3). Авторы поставили себе цель показать, какие национальности населяют Вьетнам, их численность, области расселения, особенности экономического и культурного состояния, борьбу национальных меньшинств против колонизаторов и преобразования в жизни этих народов после победы Августовской революции 1945 г. Практическое назначение работы, по словам составителей, состоит в том, чтобы «дать товарищам, работающим среди национальных меньшинств, а также читателям, интересующимся национальными меньшинствами, некоторые материалы» (стр. 5). Авторы использовали сведения как уже опубликованные, так и полученные ими от местных работников из районов расселения национальных меньшинств. Ввиду недостаточной изученности некоторых малых народов сборник содержит описание лишь наиболее значительных по численности и этнографическим особенностям национальных меньшинств: тай, нунг, хоа, мыэнг, тхай, ман, мео, кса, тям (чам), кхмеров и основных этнических групп плато Центрально-южного Вьетнама. Каждому из этих народов посвящена отдельная глава, и только малые народы областей Чыэнг-шэна и Тай-нгугена рассматриваются вместе. Подобная структура вполне оправдана, так как при крайней дробности населения плоскогорий Южного Вьетнама, одинаковой географической среде и примерно сходном образе жизни нет необходимости отводить специальные разделы для народов этих областей.

Сборник открывается главой «Численность, положение и характерные черты национальных меньшинств Вьетнама». К труду приложена сводная этно-лингвистическая таблица народов Вьетнама и этнографическая карта страны.

Этнографы Демократической Республики Вьетнам проделали большую работу по выяснению этнической и языковой принадлежности своих соотечественников, а также уровня их общественно-экономического развития. Из 25 млн. населения страны 87% составляют кинь (вьет) и 13% национальные меньшинства (по данным на май 1959 г.). Авторы считают выполненные исследования далеко не окончательными и, в частности, указывают, что до сих пор еще не проведено разграничение понятий национальности (dân tộc), народности (bộ tộc) и племени (bộ lạc) (стр. 1).

В первом, общем разделе авторы дают сведения о природных богатствах и географических условиях расселения национальных меньшинств. Здесь же приводятся родовые названия, краткие обзоры этнической истории народов, социальной организации, пережитков родового строя, способов хозяйствования, истории национальных меньшинств в период французской колонизации и после победы народно-демократической революции. Такого же плана авторы придерживаются и в главах, посвященных каждому рассматриваемому народу, иногда лишь изменяя последовательность изложения.

Национальные меньшинства Вьетнама¹

№ п. п.	Названия народов	Численность	Районы расселения
А. Китайско-тибетская семья			
I. Тибето-бирманская группа			
1	У-ни	4 969	Районы Лао-кай, Синь-хо, Мыэнг Те (авт. окр. Тхай-Мео)
2	Ко-сунг	1 511	В районе Мыэнг Те (авт. окр. Тхай-Мео)
3	Кха Пе, Кха То	189	То же
4	Манг-ы	641	» »
5	Кса, среди которых различают ветви: кса кхао, кса кзу, кса сип, кса фо, кса кха. В 4-м округе еще проживают тинь (р-н Ба-тхы-ок) ²	18 872	Живут рассеянно среди народа тхай, главным образом в районах Тхуан-тяу, Шонг-Ма, Туан-зяо, Мыэнг Ла, Май-шэн, Мыэнг Лай, Мыэнг Те (авт. окр. Тхай-Мео), Тыэнг-зыэнг (пров. Нге-ан)
6	Ко-те	118	В Мыэнг Те (авт. окр. Тхай-Мео)
7	Ти-ла	64	То же
8	Ло-ло	2 138	В районах Бао-лак (пров. Као-бан) и Донг-ван (пров. Ха-жианг)
9	Пу-пяо	359	В г.г.с.е. Донг-ван (пров. Ха-жианг)

II. Таи-китайская группа

а) Народы, говорящие на тайских языках			
10	Тхай, разделяющиеся на 2 основных ветви: тхай ден и тхай чанг. В 4-м округе проживают тхай ден, тхай мыэй, тхай кханг, тхай понг, тхай хат, ман-тхань, ханг тонг	344 628	В автономном округе Тхай-Мео, в горных районах провинций Тхань-хоа и Нге-ан
11	Лао, в основе близкий народу тхай	3 448	В районах Сонг Ма, Фонг-тхо, Тхан-уйен (авт. о.р. Тхай-Мео)
12	Лы	1 254	В районах Синь-хо, Фонг-тхо (авт. окр. Тхай-Мео)
13	Тай, обычно называемые тхо. В районе Хай-нинь их называют также фен. Однако наименование тай наиболее правильное	437 019	Повсеместно в высокогорных и се-рединных районах Бак-бо от левого берега р. Хонг (Красной) до залива Бак-бо. Особенно многочисленны в провинциях Ланг-шэн, Као-банг, Бак-кам, Туйен-куанг, Ха-жианг, Тхай-нгун, Йен-бай
14	Нянг, также называемые зяй	14 387	Наиболее компактно живут в районах Бат-сат, Мыэнг-кхыэнг, Бао-тханг (пров. Лао-кай), Донг-ван (пров. Ха-жианг). Фонг-тхо (авт. окр. Тхай-Мео)
15	Нунг, разделяющиеся на ветви: нунг фан-синь, нунг тяо, нунг тунг сии или суонг, нунг лой, нунг куйжин, нунг ан, нунг инь	270 810	В районах расселения тай, главным образом в приграничных с Китаем провинциях Ланг-шэн, Као-банг, Ха-жианг, Бак-жианг
16	Као-лан	2 729	Большей частью в пров. Туйен-куанг
17	Па-зи (кит. Ба-и. — <i>Ред.</i>)	533	В районе Мыэнг-кхыэнг (пров. Лао-кай)
18	Ту-зи	663	В районах Мыэнг-кхыэнг и Бак-ха (пров. Лао-кай)
19	Тху-лао	528	То же
20	Тюнг-ча (кит. чжун-цзя. — <i>Ред.</i>)	180	В районе Ви-суйен (пров. Ха-жианг)

¹ Данные по народам, перечисленным в п. 6, 7, 18, 20, 21, 29, 30, требуют дополнительного исследования и уточнения.

² По мнению некоторых этнографов, языки кса кхао (р-на Мыэнг Те) и кса фо относятся к китайско-тибетской семье, а языки кса кау и кса кхао (р-на Мыэнг Ла) — к мон-кхмерской.

(продолжение)

№ п. п.	Названия народов	Численность	Районы расселения
21	Фу-ла	1 634	В районах Мыэнг-кхыэнг, Бат-сат, Бак-ха (пров. Лао-кай), Хоанг-шы-фи (пров. Ха-жианг)
22	б) Народы, говорящие на китайских языках Са фанг, по происхождению китайцы из пров. Юньнань	7 227	В районах Туа-тюа, Синь-хо, Мыэнг Те (авт. окр. Тхай-Мео), пров. Лао-кай и Ха-жианг
23	Куй-тяу, по происхождению китайцы из пров. Гуйчжоу	1 540	В районах Бао-лак (пров. Као-банг), Фонг-тхо (авт. окр. Тхай-Мео)
24	Сан-ти	6 824	В районах Куанг-йен и Хай-нинь
25	Сан-зю (кит. шань-яо. — <i>Ред.</i>), также называемые чай	34 000	Компактными группами населяют провинции Тай-нгуен, Туйен-куанг, Хон-гай, Хай-нинь
26	Хоа, по происхождению китайцы, называемые также хакка и нгай (хоа не употребляют наименование нгай)	80 538	Большая часть проживает в пров. Хай-нинь, а также в районах Куанг-йен, Хон-гай, Као-банг, Ланг-шэн

III. Группа мяо-яо

27	Мео (кит. мяо <i>ред.</i>), состоящие из 5 основных ветвей: мео чанг, мео хоа, мео до, мео ден, мео мснг шуа	182 747	Наиболее многочисленны в районах Лонг-ван (пров. Ха-жианг), Лунг-финь, Син-ма-кай, Фа-лонг, Мыэнг-кхыэнг (пров. Лао-кай), Туа-тюа. Та-синь-тханг, Тхау-уйен, Чам-тау, Ланг-ньи, Фу-йен, Дьен-бьен-фу (авт. окр. Тхай-Мео)
28	Ман, называемые также яо (кит. мань — <i>ред.</i>) Ветви: ман тьен, ман до, ман куан тьет, ман шэн дау (или ман ло жанг), ман кок нганг, ман дай бан, ман лан тен, ман куан чанг	177 900	Повсюду в высокогорных и средних районах Бак-бо и высокогорных районах пров. Тань-лао. Наиболее компактными группами населяют районы провинций Ха-жианг, Туйен-куанг, Као-банг, Лао-кай, Йен-бай, Шэн-ла (авт. окр. Тхай-Мео)
29	Кэ-лао	549	В Ви-суйен, Хоанг-шы-фи (пров. Ха-жианг)
30	Ла-ти	3 169	В Хоанг-шы-фи и некоторое число в Бан-ха (пров. Лао-кай)

IV. Группа лак-вьет

31	Мыэнг, в р-не Май-да, называемые также ао-та, в Куан-бинь — нгуон, шать, в 4-м округе (р-н Куй-тяу) — тхо	366 738	В городах: от Йен-бай, через Футхо, Шэн-ла, Шэн-тай, Ха-донг, Хоа-бинь, Нинь-бинь до высокогорных районов пров. Тхань-хоа. В пров. Куанг-бинь живут нгуон и шать, близкие по происхождению к мыэнг
32	Дан-лай, называемые также ли-ха или ха-зо	632	В Кон-куонг, Тьэнг-зыэнг (пров. Нге-ань)
Итого:		1 993 038	

Б. Мон-кхмерская семья

I. Группа седанг-ма-пуок

33	Пуок	3 658	В р-нах Ван-тян, Йен-тяу, Шонг Ма, Мыэнг Те, Май-шэн (авт. окр. Тхай-Мео)
34	Май	904	В пров. Куанг-нинь и Туйен-хоа (Куанг-бинь)
35	Бру	855	В Куанг-нинь, Бо-чать (Куанг-бинь)
36	Кхуа	892	В Туйен-хоа (Куанг-бинь)
37	Рук	189	То же
38	Ван-кьеу	23 000	В западных районах пров. Куанг-чи и Куанг-бинь
39	Той-ой	6 000	В высокогорных р-нах пров. Куанг-чи

(продолжение)

№ п. п.	Названия народов	Численность	Районы расселения
40	Кха-ту	20 000	В р-нах Бен Хьен и Бен Жианг (северо-запад пров. Куанг-нам)
41	Стиенг	20 000	В р-нах Жи-ринь и Тай-нинь
42	Же	18 000	На севере Дак-Жлай (пров. Конг-тум) до Бен Жианг (пров. Куанг-нам)
43	Ве	12 000	В Бен Жианге (пров. Куанг-нам)
44	Тям (чам), со времени войны. Сопротивления этот народ обычно называют тям ре, чтобы отличить от народа тям (чам) или тем-хань, проживающего в Нинь Бинь Тхуан. Ре — наименование рукава реки Ча-кхук	90 000	В уездах Шэн-ха, Минь-лонг, Ба-тэ (пров. Куанг-нгай), Ан-лао (пров. Бинь-динь)
45	Седанг, в составе которого различают ветви: тэ-драх («редкий лес»), кмранг («густой лес»), дуон, хре, кор (называемые также та-кор), ха-ланг, ка-зонг	80 000	Живут рассеянно в горных р-нах севера пров. Конг-тум, в западных р-нах пров. Куанг-нам и Куанг-нгай. Все ветви седанг обычно проживают далеко друг от друга
46	Банар, среди которых различают банар конг-тум, гэ-лар, зо-ланг, бе-нам, а-ла-конг, тэ-ло	99 000	В окрестностях г. Конг-тум, на восточных склонах горного хребта и южной части плато Конг-тум до юго-западного р-на пров. Бинь-динь
47	Мнонг, среди которых есть ветви: кил, гар, рлам, дип. буданг, ди-при, бунор, прех, конг	40 000	На плато Ланг-бианг и на юго-западе плато Дарлак
48	Лат	10 000	В северных и восточных областях расселения народа срэ (Жи-ринь)
49	Те-лоп или ноп		
50	Кэ-зон		
51	Тэ-ла		
52	Ла-зя	6 000	К северо-западу от г. Конг-тум
53	Ронгао		
54	Ма, которые делятся на ветви: то, шоп,* жо или тью ма, тью шоп, тью то, тью жо («тью» означает «человек»)	30 000	В р-нах среднего и нижнего течения рек Да-дынг и Да-хуай, плато Ланг-бианг и Жи-ринь
55	Срэ, называемые также тью срэ или кохо	30 000	На востоке Жи-ринь до Дранга

II. Мон-кхмерская группа

56	Кхмер	450 000	В западных и восточных областях Нам-со. Наиболее плотно населяют провинции Шок-чанг, Ча-винь, Жать-за, Бак-льеу, Винь-лонг, Тяу-дои и Ха-твен
Итого		940 498	

B. Малайско-полинезийская семья

I. Группа эде-джарай-раглай

57	Джарай, среди которых различают ветви: хдрунг, хбау, а-рап, тэбуан	160 000	На плато Плай Ку
58	Эде, народ делится на ветви: кпа, адхам, ктух, длие-руе, бло, мдхуа	120 000	На плато Дарлак
59	Бих	40 000	На юго-западе Бан-ме-тхуот
60	Тюру		На западе Нинь-тхуан
61	Раглай		На севере Кхань-хоа до северной части Бинь-тхуан
62	Ла-оанг или ноанг		На северо-западе Бинь-тхуан

(продолжение)

№ п. п.	Названия народов	Числен- ность	Районы расселения
II. Группа тям (чам)			
63	Тям, т. е. тем-тхань, более правильное наименование которых чам, называемые также тямпа. В окрестностях города Фан жи тямь, смешанные с кинь, носят название кинь-кьеу	45 000	В долинах Фан-жанг, Туй-фонг, Фан-жи, Фан-тхит, находящихся в областях Нинь-тхуан, Бинь-тхуан
Итого		365 000	
Всего		3 298 546	

Глава о народе тай — самом многочисленном в Северном Вьетнаме — начинается с демографии и описания основных занятий. Читатель получает вполне удовлетворительное представление об областях проживания тай и наиболее точную, по сравнению с ранее опубликованной, информацию о численности этого народа (стр. 37). Однако основные занятия и особенно материальная культура тай (как, впрочем, и некоторых других народов) показаны схематично. Например, авторы не говорят, каким образом тайские крестьяне обрабатывают поля, какъв календарь сельскохозяйственных работ, что представляют собой орудия труда, жилище, хозяйственные постройки, домашняя утварь и т. п.

Говоря об этнической истории тай, авторы правильно ставят вопрос о родстве тай и тхай, соседнего крупного народа, проживающего в автономном районе Тхай-Мен. Было бы желательно, чтобы процесс этногенеза тай, связываемый с происхождением народа чжуан, получил более детальное отражение в работе. Спорным представляется тезис о миграции и национальном становлении тай. На стр. 39 говорится, что тай появились во Вьетнаме в IV в. до н. э., т. е. тогда же, когда и кинь. «Часть тай в верхнем течении р. Хонг (северо-восток Бак-бо) вошла в тесный контакт с кинь и стала близкой к последним по языку и обычаям. Другая часть (на западе Бак-бо) сохранила свои национальные особенности». Надо думать, что в данном случае авторы имели в виду не народ тай, а те древние тайязычные этнические группы, на основе которых сформировались современные народы тай, чжуан и др.

Говоря об этногенезе в целом, трудно выделить из широкого пласта народов юэ, населявших южный Китай за несколько веков до н. э., определенную этническую группу с современным названием кинь, тай, чжуан и т. п. Появление предков тай к IV в. до н. э. на территории северного Вьетнама точнее было бы рассматривать как проникновение этнических групп, известных в древнекитайских хрониках под названиями юэ и мань. Эта этническая общность вошла в контакт с другой (впоследствии явившейся предками народа кинь). Часть осела на севере Бак-бо, другая на западе, в пределах нынешнего Лаоса, Таиланда и Бирмы.

Не совсем правильно представляется понятие «национальная особенность». В применении к далеким предкам народа тай — это скорее «этнос», единство происхождения, культурно-бытовая специфика, отличавшая одну группу от другой.

В этой же главе авторы отмечают тесную близость народов тай и нунг, вплоть до признания их одной национальностью (стр. 40). Это положение аргументируется фактом совместного проживания и возможностью их «легкого смешения». Отрицать территориальное единство, как одно из условий становления народности, безусловно нельзя. Но в данном случае следовало бы сразу оговорить, что вьетнамские нунги — это то же, что и китайские чжуаны, разумеется, с известными диалектными различиями и особенностями быта и культуры.

Интересными, насыщенными новым фактическим материалом представляются страницы, где речь идет о классовом расслоении тайского общества в прошлом и изменении в производственных отношениях и культуре тай после 1945 г. (стр. 42—46). Составители главы описывают некоторые пережитки родовых и патриархальных отношений в семье и общественной жизни. Это не простое перечисление вредных остатков прошлого, но показ путей их ликвидации (стр. 49).

В разделе о языке и письменности составители подчеркивают единство тайского языка с языками тхай, нунг, нянг, которые принадлежат к одной ветви с языком народа чжуан провинции Гуанси Китайской Народной Республики. Областные диалектные различия возникли в результате влияния языков кинь (в районе Тай-нгуен) и тхай (в районе Лао-кая). Еще несколько лет назад тай не имели своей единой письменности, понятной широким массам. Для записи торговых сделок они использовали китайскую иероглифику и основанную на иероглифах особую национальную письменность

«ном тай», не получившую распространения. Лишь демократическая власть помогла этим народностям приступить к созданию письменности на научной основе (стр. 50).

Хорошо изложен материал по устному народному творчеству. Приведены примеры различных жанров фольклора и литературных произведений. Совершенно новыми являются страницы, посвященные героической совместной борьбе народов тай и кинь против французского господства (стр. 54—58). Глава о народе тай заканчивается сведениями об успехах в восстановлении и развитии экономики и культуры тайского народа. Быстрыми темпами идет кооперирование тайского крестьянства. К 1959 г. уже насчитывалось 12 179 временных групп трудовой взаимопомощи, 1672 группы постоянной трудовой взаимопомощи и 242 кооператива (стр. 59).

Глава «Народ тай» структурно представляет собой «образец» для последующих глав (за исключением заключительной главы о горных народах плато Центрально-Южного Вьетнама). Все они охватывают тот же круг вопросов, иногда лишь в иной последовательности и объеме. Это в значительной степени облегчает читателю ориентироваться в сборнике.

Глава «Народ нунг» также открывается демографическим очерком. Численность нунг составляет 270 810 чел. по сведениям хроник эпохи Тан (618—907 гг.), нунг (точнее, следует говорить о предках этого народа) жили в Южном Китае еще на рубеже нашей эры. Их появление во Вьетнаме авторы связывают с разгромом Сунами в XI в. государства «Наньтяньго», созданного гун Чжи-гао. Вторая большая волна пришельцев отмечена после поражения Тайпинского восстания (стр. 62).

Значительное сходство материальной и духовной культуры нунг с материальной и духовной культурой тай позволило составителям сборника с полным основанием ограничиться показом специфики основных занятий и быта нунг. Весьма существенные особенности отмечены в комплексе брачных обычаев. В отличие от обычаев тай, «в провинциях Лао-кай и Ха-жанг вдовы нунг выходят замуж за братьев мужа, чтобы имущество не перешло в чужую семью. Когда вдова выходит замуж, ее имущество принадлежит семье мужа. Если она выйдет замуж в другую семью, то не только нужно оставить имущество детям в доме умершего мужа, но и заплатить за вторичный брак» (стр. 65—66). У нунг в большей степени сохранились нормы брачных отношений, свойственные периоду существования брачных экзогамных групп.

Более широко, чем тай, нунг используют китайский язык и письменность в повседневной жизни, в торговых делах, при составлении жертвенных обращений, культовых надписей, записи сказаний, песен и поэм.

О достижениях народа нунг в развитии национальной культуры после изгнания французских колонизаторов говорят следующие факты: если раньше было всего несколько десятков грамотных нунгов, то к 1949 г. только в школах I и II ступеней учились соответственно 11 197 и 513 учеников (стр. 72).

Далее следует глава «Народ хоа». Логичней было бы поместить здесь описание народа тхай, который сами авторы считают единым с тай, тем не менее они переходят к китайезычным хоа. Происходя из Северного Китая, хоа (китайское название хуа) появились во Вьетнаме после XIII в. По уровню хозяйства хоа не отличаются сколько-нибудь от кинь (собственно вьетнамцев), а по языку и духовной культуре — от хань (китайцев). В связи с этим авторы особое внимание уделили народному искусству хоа, воспринявшему элементы богатой китайской культуры (стр. 74—80), а также антифеодальной и антиколониальной борьбе народа хоа.

В главе «Народ мыэнг» среди этнических названий мыэнгов авторы указывают на группу ао-та. «А?» означает «господин», а «та» — «п्राдед». Мыэнги называют их «пришельцами», «чужаками». Происхождение ао-та пока не выяснено. Категорическое отнесение этой этнической группы к народу мыэнг требует пояснения и аргументации. На стр. 86 приведены две гипотезы о времени и путях появления мыэнгов во Вьетнаме, однако, к сожалению, авторы не дают их оценки и не указывают источника этих этногенетических теорий. Согласно первой гипотезе, «мыэнги появились во Вьетнаме раньше кинь. Затем в IV в. до н. э., сюда пришли кинь, жившие в долине р. Янцзы. Два народа смешались, поэтому их языки взаимно близки».

Вторая гипотеза предполагает, что «мыэнги и кинь родственны народу лак-вьет и пришли во Вьетнам из долины Янцзы. Миграция проходила несколькими волнами. Возможно, что мыэнги являются небольшой частью народа лак-вьет и пришли раньше, осев в горных районах. Кинь — тоже часть лак-вьет — пришли позже и заняли равнинные районы. Они испытали культурное влияние китайцев в период их господства на севере страны».

Сопоставляя главу о мыэнгах с рядом предшествующих исследований, в частности с крупной монографией Кузины «Мыэнги. География и социология» (Париж, 1946, стр. 22, 61), можно сказать, что глава о народе мыэнг в рецензируемом труде составлена не только на основе иного мировоззрения, но и с использованием новейших фактических данных. Это прежде всего относится к разделу об экономических и культурных преобразованиях у мыэнг, проводимых под руководством Партии трудящихся Вьетнама и правительства Д-В.

Глава «Народ тхай» по последовательности расположения материала несколько отличается от предыдущих. Более подробно, чем в главе «Народ тай», описан процесс миграции тхай с территории Южного Китая. Авторы допускают здесь неточность, когда говорят с тхай на ранних стадиях их исторического развития, т. е. когда еще

прочно сохранялись родоплеменные отношения, как об определенном сложившемся народе (стр. 104). В этой главе заострено внимание на внутренней организации тайского общества, что делает ее более интересной.

Из группы народов мяо-яо в сборнике представлены основные — мео и ман (яо). Так же как и советские, вьетнамские этнографы рассматривают мео и ман с точки зрения их лингвистической принадлежности как отдельную ветвь большой китайско-тибетской языковой семьи.

Своеобразие образа жизни мео и ман состоит в том, что они населяют горные районы, живут разбросано в небольших поселениях, насчитывающих в среднем от двух до семи домов и занимаются главным образом подсечно-огневым земледелием.

О народе ман составители пишут: «Судя по китайским историческим сочинениям, уже в эпоху Ся (2207—1766) на юге жил народ мань, расселявшийся вдоль рек Янцзы и Сицзян. Термин «мань» в феодальный период обычно использовали для обозначения родов и племен, которые, с точки зрения феодалов, были варварами». (стр. 119—120).

Далее авторы высказывают предположение о вхождении в прошлом современных ман Вьетнама в состав народов Южного Китая. Вполне соглашаясь с этим, хотелось бы, чтобы авторы яснее показали этническую принадлежность современных ман Вьетнама и причины сохранения за ними этого этнонима.

В главе «Народ мео» сказано, что мео пришли во Вьетнам из провинций Сычуань и Гуйчжоу (стр. 136). На следующей странице составители сборника пишут: «Однако по историческим документам и фольклору мы имеем возможность считать, что родина, откуда вышли мео, находится на севере Китая и что они привыкли жить в холодном климате». Остается неясным, из каких конкретно источников брали сведения авторы и какой точки зрения сами они придерживаются.

Недостаток источников и слабая изученность проблемы заселения Вьетнама национальными меньшинствами, о чем упоминают составители и редакторы (стр. 123), заставляет ограничиться по вопросам этногенеза соображениями, высказанными в сборнике. Главное достоинство рецензируемой работы — современность, введение в научный обиход фактов, ранее не отмеченных в этнографической литературе. Прежде всего это относится к разделам, освещающим социальный строй, национальную культуру и перемены в быту малых народов Вьетнама. В сборнике значительное место отводится показу того, как благодаря помощи и разъяснительной работе партийных и административных работников Демократической Республики Вьетнам население горных районов постепенно перестает выжигать массивы ценных пород деревьев под поля и меняет местожительство, спускаясь в равнинные местности, более удобные для земледелия. Лишь после 1954 г. свыше 2000 семей перешло на жительство в долины, где они продуктивно возделывают целинные земли (стр. 126).

В настоящее время мео, ман и другие народы ДРВ знакомятся с передовыми агротехническими методами; они начинают строить помещения для домашнего скота вне жилых домов. На примере поселка Тхин-дам (пров. Као-банг) можно видеть культурный рост манского населения. При французском господстве здесь было лишь трое грамотных ман, а сейчас открыта деревенская школа, где детей обучают местные преподаватели. Жители все реже и реже прибегают при заболеваниях к помощи колдунов. На собранные коллективом деньги куплена аптечка (стр. 131).

Авторы не скрывают и трудностей, которые еще испытывают национальные меньшинства. Невысокий жизненный уровень был обусловлен многовековой социально-экономической отсталостью, гнетом французских колонизаторов, вьетнамских чиновников и феодализирующихся старейшин. В целях облегчения управления и эксплуатации малых народов господствующая верхушка разжигала и поддерживала межнациональную вражду. Немалый ущерб населению приносили большие расходы, связанные с отправлением религиозных обрядов, похоронных и свадебных церемоний.

Иногда, как, например, в описании народа мео, встречается смешение различных сюжетов в одном разделе, что приводит к нарушению стройности повествования. Так, со стр. 139 по 142 идет описание основных занятий, классового расслоения, форм эксплуатации при французских колонизаторах, организации административного управления. Затем без выделения в особую рубрику следует красочное описание праздников, игр, свадебных обрядов, песен и музыки. Далее авторы вновь характеризуют методы угнетения мео до 1945 г., развитие сельского хозяйства в послевоенный период и другие социально-экономические вопросы.

Очень хорошо поступила редакция сборника, включив отдельную главу о группе кса. Несмотря на сравнительную малочисленность (18 000 чел.), эта группа представляет большой этнографический интерес. До недавнего времени в работах французских востоковедов не существовало единого мнения о лингвистической и этнической принадлежности кса. Последние исследования позволяют сделать вывод о делении кса на две группы различной языковой принадлежности. Кса фо и кса кхао района Мьэнг-Те говорят на языке, относящемся к тибето-бирманской ветви китайско-тибетской языковой семьи, а кса района Мьэнг-Ла говорят на языке мон-кхмерской семьи (стр. 122). Причина этого явления еще окончательно не установлена, но есть основания предполагать, что кса являются наиболее древним народом, входившим в широкий пласт протомон-кхмеров на территории Вьетнама. С течением времени, под влиянием различных исторических факторов (ассимиляция, вытеснение другими народами в горные районы) кса оказались расчлененными. Вероятно, одна часть кса восприняла и другой язык,

в данном случае, очевидно, тибето-бирманский. Проживая длительное время в областях, заселенных тайскими народами, кса стали двуязычными и испытали сильнейшее культурное влияние тхай. Несколько десятков лет кса находились в подчинении у тайских старейшин — фиа тао, которые рассматривали их как слуг и рабов (стр. 155). Последнее обстоятельство не могло не наложить отпечатка на общественную и экономическую структуру кса и предопределило низкий уровень их жизни. Спасаясь от преследований и угнетений, кса уходили в труднодоступные места высоко в горы, где и до сих пор расположено большинство их поселений.

В главе «Народ кса» много места уделяется различиям между этническими подразделениями кса кау и кса кхао. Авторы не проводят специального исследования, ограничиваясь лишь констатацией фактов, тем не менее глава о кса представляет основу для дальнейшего изучения отмеченных выше проблем.

На этом кончается описание национальных меньшинств, населяющих Демократическую Республику Вьетнам.

Народы Южного Вьетнама представлены в сборнике тьямами, кхмерами и тхыэн-гами (т. е. горцами).

В этнографической литературе еще дискутируются проблемы появления на территории Вьетнама народа тям (чам), равно как и процессы сложения их высокой самобытной культуры. Авторы, опираясь на семейные предания, пишут, что предки тямов появились на юге Вьетнама примерно 2500 лет назад, одновременно с проникновением на север сраны народа лак-вьет. Отвергая гипотезу материкового происхождения тямов, авторы полагают, что «они пришли морским путем с островов (?) и родственны малас-полинезийцам» (стр. 160).

В этой главе рассматриваются главным образом две группы тямов из областей Тям-нинь — Бинь-тхуан и Тяу-док. Жители первой области известны как искусные земледельцы и строители ирригационных сооружений, а жители второй — как рыболовы. У тех и других развито также и ремесленное производство: их ткани не только охотно покупают соседние народы, но ранее даже экспортировались во Францию (стр. 164).

Рассматривая семейно-брачные отношения, авторы особое внимание обращают на переходную форму семьи. Если у тямов Тям-нинь — Бинь-тхуан еще сильны пережитки материнской семьи, то у тямов Тяу-дока они выражены в слабой степени. Здесь мужчина — глава семьи, хозяин производства и имущества. Лишь в вопросах брака руководящая роль принадлежит женщине. До сих пор распространены браки, которые являлись нормой в условиях существования брачных групп. По обычаю, в случае смерти жены муж женится на одной из ее сестер и наоборот. Существуют и кросскузенные браки между детьми сестры отца и брата матери. У тямов области Тяу-док в брак могут вступать дети младших и старших братьев отца и младших и старших сестер матери, но у тямов области Тям-нинь — Бинь-тхуан при материнском счете родства последняя форма брака строго запрещена (стр. 167).

В разделе о языке и письменности тямов составители сборника, перечисляя элементы языкового заимствования, упоминают и «мусульманский» язык (стр. 168). Тем самым они допускают некритическое осмысление этого термина, который употребляют иногда для арабских языков буржуазные лингвисты.

Глава «Кхмеры Южного Вьетнама» рассказывает о самом многочисленном (450 000 чел.) национальном меньшинстве страны. Горные кхмеры, говорящие на языках той же мон-кхмерской семьи, но резко отличающиеся от равнинных кхмеров по условиям хозяйства и быта, рассмотрены особо, что не вызывает возражений и совершенно правомерно.

Кхмеры Нам-бо родственны кхмерам Камбоджи, но в течение 300 лет, находясь в тесном контакте с вьетнамцами, они восприняли многие стороны жизни последних. Кхмеры переняли у кинь способы обработки полей, орудия труда, конструкцию жилищ, одежду. Наряду с этим, авторы прослеживают национальное своеобразие в культурной и религиозной жизни кхмеров, особенно проявляющееся в буддийском культе, танцевальном и песенном творчестве, праздниках и обрядах (стр. 183—184).

Заключительная, самая большая по объему глава носит название «Национальные меньшинства областей Чыэнг-шэн и Тай-нгуэн». Отбросив презрительное собирательное название «мои» (дикарь), данное французскими колонизаторами горным народам плато Центрально-южного Вьетнама, авторы используют термин «тхыэнг» (горцы).

Область хребта Чыэнг-шэн простирается с севера на юг от провинции Куанг-бинь до провинции Тай-нинь. Юго-западная часть Чун-бо составляет область Тай-нгуэн. На этой территории живет около тридцати народов, говорящих на разных языках и отличающихся друг от друга по культуре и общественному устройству. На стр. 194 дан перечень национальных меньшинств по признаку их расселения, что помогает определить общие этнические границы. В разделе «Исторические сведения» приведен список народов тхыэнг, составленный на основе лингвистических данных (стр. 196). Отмечая, что происхождение тхыэнг еще не совсем ясно, составители сборника ссылаются на существующие в науке две гипотезы о так называемой индонезийской и мон-кхмерской основе этих народов (стр. 197). Вслед за этим высказывается мнение, что «народы Чыэнг-шэна и Тай-нгуэна были одной первоначальной расой, которая впоследствии раздробилась на этнические группы, различные в языковом отношении». Очевидно, авторы имели в виду теорию Гейне-Гельдерна о древнейшем пласте аустро-азиатского населения Юго-Восточной Азии, которую разделяют далеко не все этнографы. Тем не

менее представляется правильным положение об автохтонном происхождении предков тхыэнг, которые первоначально заселяли побережье океана, а после появления тямов и кхмеров были оттеснены в горы.

Горные индонезийцы и кхмеры наиболее отстали в своем развитии по сравнению с другими национальными меньшинствами. Основным их занятием является подсечно-огневое земледелие, и только у горных тямов, би, срэ, банаров и мнiong-рлам развито поливное земледелие (стр. 199). В годы колониального господства французов население Чыэнг-шэна и Тай-нгуена было вынуждено вести бродячий образ жизни в поисках средств к существованию: в течение пяти—шести месяцев в году женщины и дети собирали в лесах корни и съедобные травы. Нехватка тканей вынуждала изготавливать одежду (чаще всего это была просто набедренная повязка) из древесной коры (стр. 201).

Во время войны Сопротивления в освобожденных областях и партизанских районах с помощью народной власти ДРВ часть тхыэнг познакомилась и освоила новые приемы пахоты, боронования и прополку, удобрение полей. В результате на 30—40% возросли урожай риса, маниоки, кукурузы и батата. Исчезла постоянная угроза голода.

Кроме земледелия, у ряда народов (эде, банары, джарай) развито скотоводство. В некоторых деревнях перед войной ежегодно выращивали до 500 буйволов, хотя методы разведения скота были крайне отсталыми: домашние животные находились на подножном корму. Французские колонизаторы уничтожили большую часть скота, что резко ухудшило и без того низкий жизненный уровень населения.

Важную роль в хозяйстве горцев играет охота. У одних народов охота является подсобным промыслом, у других, например, стиэнг — занимает ведущее место. Мнiong и бу-данги обменивают пойманных диких слонов на буйволов, быков, бронзовые гонги и глиняную посуду, а 50—60 лет назад слонов обменивали на рабов (стр. 202).

Собираемость и заготовки лесных продуктов широко распространены у тхыэнгов, особенно в области Тай-нгуен.

До прихода колонизаторов национальные меньшинства Центрально-южного Вьетнама почти полностью обеспечивали свои потребности в тканях, глиняных и железных изделиях. Затем в связи с ввозом иностранных товаров, не выдержав конкуренции, местное ремесленное производство почти полностью прекратилось. Только некоторые из ремесел, как ковка мотыг у народа седанг, ткачество одеял и лагуги (род набедренной повязки) у эде, гончарство у срэ и би частично сохранились (стр. 203).

Общественная организация тхыэнгов до сих пор сохраняет многочисленные остатки родовой строя. Во многих деревнях еще встречаются длинные дома, разделенные перегородками на части — «беп», каждую из которых занимает отдельная семья. Деревни «нок» состоят обычно из родственных больших семей, которые совместно добывают пищу и отправляют религиозные обряды. В деревнях банар, седанг и джарай есть общинные дома, а также большие дома для холостых юношей и девушек.

В последние годы в обществе тхыэнг усилился процесс расслоения рода и становления феодальных отношений. Поля подсечно-огневого земледелия («жай») по-прежнему остаются в собственности всего коллектива деревни, тогда как некоторые участки в долинах уже принадлежат отдельным лицам. Продажа жай не практиковалась: право пользования землей передавалось соотечественникам по сговору с обязательным подношением перевозчику кувшина рисового пива и курицы (стр. 209). Но на равнинах, граничащих с районами расселения кинь, купля — продажа земли была распространена, и в результате имущественного неравенства в обществе тхыэнг появились богатые, зажиточные, бедняки, батраки и люди, отработывавшие свои долги (стр. 210).

Семейные отношения у тхыэнг характеризуются наличием двух форм* семьи: материнской (эде, джарай, би, раглай) и отцовской (тям, ван-кьеу, кха-ту, стиэнг). Особую, переходную форму семьи имеют народы банар, седанг, мнiong, ма: мужчины обладают одинаковой властью с женщинами, в брачных делах обе стороны несут одинаковые расходы, браки могут быть как патрилокальные, так и матрилокальные, дети не принадлежат ни к «роду» матери, ни к «роду» отца, а получают свои собственные имена (стр. 227). Описанная выше организация семьи любопытна отсутствием родовой принадлежности индивида, и авторам нужно было пояснить, каков характер и организация такой семьи.

В разделе о языке, письменности и фольклоре авторы дают две сравнительные таблицы счетных и коренных слов, а также анализ грамматического строя языков ряда народов тхыэнг.

Заключительные страницы сборника посвящены истории борьбы горных народов против французских колонизаторов и условиям их существования при режиме Нго Динь Дьема.

Редакция сборника в кратком заключении выражает надежду продолжить углубленное этнографическое изучение национальных меньшинств Вьетнама.

Мы также надеемся в скором времени увидеть новые исследования этнографов Демократической Республики Вьетнам, которые дополняют научные материалы, помещенные в рассмотренном сборнике.

А. Мухлинов

НАРОДЫ АФРИКИ

Джек Коуп. *Прекрасный дом*. Пер. с английского. М., 1960, 379 стр.

Освободительная борьба все ярче разгорается в Африке. Пламя ее перекидывается с одной колонии на другую, распространяясь быстро, как лесной пожар. Все новые и новые страны обретают свободу. Борьба эта принимает острые формы и в таких странах, которые на протяжении десятилетий считались незблемым оплотом колонизаторов — в Анголе, Конго. Никогда не угасало пламя освободительной борьбы и в Южно-Африканской Республике — наиболее прочной крепости колониализма и расизма. Это государство, несмотря на многочисленные протесты африканской и мировой общественности, проводит традиционную для него политику расового угнетения, подавления африканских народов. Политика эта была принята на вооружение этим государством давно — еще со времени англо-бурской войны. С тех пор прошло 60 лет, многое изменилось в мире. Другой стала Африка, решительно вступившая на путь освободительной борьбы, но политика ЮАР приняла разве что еще более сзирелые, открыто расистские формы. Недавно разыгравшаяся кровавая драма в Шарневиле невольно воскрешает в памяти другую трагическую страницу из истории Южной Африки — восстание зулусов 1906 года и зверское подавление этого восстания. Это стихийное восстание имело огромное значение для освободительного движения народов Южно-Африканского Союза и всей Африки. Оно явилось протестом против жестокой расовой политики, проводимой правительством: зулусов сгоняли с земель, вводили новые и новые налоги, которые африканцы не могли платить. Правительство, чувствуя приближение восстания, предприняло ряд провокационных мер с целью заставить зулусов выступить до того, как подготовка к восстанию была закончена, и разгромить восстание. При первых же выступлениях зулусов была приведена в боевую готовность хорошо вооруженная армия и отряды милиции. Карательные отряды получили приказание не брать в плен восставших. Погибли сотни и сотни африканцев, в том числе женщин, детей и стариков.

События, произошедшие в 1906 г. в ЮАС, получили освещение в мировой прессе: некоторые газеты, и газеты ЮАС в первую очередь кричали о кровожадности зулусов, о необходимости решительно и безжалостно расправляться с мятежниками; в других газетах лишь сообщалось о числе убитых: почти нигде не говорилось о причинах восстания и о виновниках массового уничтожения людей.

События 1906 года послужили основой для романа южно-африканского писателя Джека Коупа «Прекрасный дом». В противовес колониальному роману, воспеваящему «цивилизаторскую миссию» «белых» по отношению к народам колоний, Коуп поставил целью восстановить историческую правду средствами художника-романиста.

Обращение Коупа к истории вызвано не только его стремлением правдиво изобразить борьбу зулусского народа за свое освобождение в начале 20-го века. Писатель ищет в истории ответа на жгучие вопросы современности. В своем произведении писатель выражает протест широких демократических слоев ЮАС, борющихся против расовой дискриминации, против всех форм колониализма. На этой основе рождается гуманизм Коупа, это и определяет демократическую направленность его творчества.

Писатель утверждает в своем романе глубоко прогрессивную идею преемственности в истории народа. Неслучайно эпиграфом к роману взяты строки, в которых говорится о том, что дух вождя восставших — Бамбаты живет в Натале и во всей Южной Африке. В обстановке растущего освободительного движения, когда народы один за другим сбрасывают колониальный гнет, обретая независимость, Коуп подчеркивает связь между героическим прошлым зулусов и их настоящим, говорит своим романом о том, что революционные традиции зулусского народа живы. Всей системой художественных образов романа, всей логикой повествования роман убеждает в неизбежности победы африканцев, подлинных хозяев своей земли. Один из главных героев романа зулус Коломб Пела говорит: «Наша мощь будет неуклонно расти, мы добьемся победы. Это будет победа не только Бамбаты, не только всех зулусов, это будет победа Африки». (стр. 332).

Коуп затрагивает в своем романе ряд важных социальных проблем. Со страниц романа встают яркие картины колониального режима, бедственного положения угнетенных масс, образы борцов за освобождение народа и портреты бюстатей южно-африканского порядка.

В романе показаны причины возникновения протеста, вылившегося в восстание. Это восстание закономерно и неизбежно. Коуп изображает стадии, через которые оно проходит: о том, что созревает взрыв, подозревают немногие; Том Эскин догадывается о приближении восстания по убитым домашним животным — символический намек на то, что белых поселенцев постигнет такая же участь, для того, кто знаком с обычаями зулусов, ясно, что население ожесточилось и готово перейти к решительным действиям. И действительно, руководители и инициаторы восстания собирают оружие, подготавливают людей к выступлению. Но несмотря на подготовку, восстание было в основном стихийным. Оно вспыхнуло как естественная реакция доведенных до отчаяния людей. Правительство ЮАС введением подушного налога довело до предела терпение народа, условия для выступления были подготовлены самими властями.

Следующий этап — это период, непосредственно предшествующий массовому выступлению зулусов. Никто, даже вожди и старейшины, не могут помешать выступлению

негодующих масс. Коуп подчеркивает единство зулусов, слитых в одном желании — защитить свои права и протестовать против несправедливости. Вести о подготовке восстания и о первых выступлениях повстанцев доходят до города Питермарицбурга. Власти принимают контрмеры. Город охвачен тревогой и паникой.

Восстание распространяется на все новые районы. Крестьяне покидают свои хижины и присоединяются к Бамбате, руководителю восстания. Назревают решающие события. Власти стягивают все новые резервы, вооруженные пулеметами, винтовками и гранатами. В лагере восставших идет подготовка к решительному сражению. Но несмотря на размах восстания, читатель чувствует, что оно обречено на неудачу: стихийность и плохая подготовка, почти полное отсутствие современного огнестрельного оружия, разрозненность действий, раздоры между вождями — все это не может не привести к провалу. Кульминационный момент — сражение между правительственными войсками и вооруженными ассаями зулусами — это кровавая драма, это избивание плохо вооруженных людей, предпринятое карателями для устрашения африканцев.

Именно в драматических событиях, в ходе восстания со всей отчетливостью вырисовываются черты характера основных персонажей романа.

Одним из центральных образов является Том Эрскин, англичанин, лейтенант войск милиции. Обеспеченный молодой человек, сын крупного земельного магната, он выступает против жестокостей и несправедливости порядков и законов Южно-Африканского Союза. Ради справедливости, ради высоких принципов гуманизма Том Эрскин порывает со своим кругом, жертвует всем — даже любовью своей жены Линды, взгляды которой резко противоположны понятиям Тома. Взгляды Эрскина изменяются, становясь все более радикальными по мере того, как он сталкивается со все новыми несправедливостями. В войне буров с англичанами — двух хищников, вступивших в борьбу за право грабить и эксплуатировать народы Южной Африки, Том Эрскин участия не принимал; не вполне разобравшись в событиях, не разгадав хищнической природы белых поселенцев — буров, Том в какой-то степени сочувствовал им, отказался принять участие в войне на стороне англичан. Но дальнейшие события показали, что потомки голландских поселенцев — это жестокие колонизаторы; события, развернувшиеся в ЮАС в 1906 г., со всей ясностью показали, на что способны колонизаторы в своем стремлении удержать власть и сохранить свое господство. И эти события — восстание зулусов и расстрел восставших — женщин, стариков, и детей — шаг за шагом привели Тома Эрскина к убеждению, что он не с бурами, а с угнетенным, бесправным народом.

Для многих «белых» колонистов африканские народы — это безликая масса низших существ, отсталых, неразвитых, злобных и проч., с которыми можно прийти к согласию лишь с помощью грубой силы; для Эрскина, который с детства знал зулусов, научился любить и уважать этих гостеприимных, великодушных и смелых людей, зулусы — это народ со своими обычаями, с традициями и законами. Знание людей, их нужд помогло понять Тому, как они страдают, как на каждом шагу попираются их права. В Эрскине нарастает протест; сперва это только возмущение, резкие высказывания в адрес буров, безжалостно подавляющих восставших, затем — переход к действию. Куда приведет его этот путь — читатель может только догадываться. Оптимистическая концовка романа позволяет предполагать, что Том Эрскин не сойдет с выбранного им пути, что он всегда будет отстаивать принципы гуманизма, добра, справедливости.

Автор не навязывает читателю мысль о том, что в ЮАС много людей, подобных Эрскину. Напротив, мы видим, что Том почти исключение. Думается, что Джек Коуп, великолепно знающий южно-африканскую действительность, отдавал себе отчет в этом, когда работал над своим романом. Но тот факт, что он ввел в роман героя, подобного Эрскину, говорит о глубине социального конфликта в Южно-Африканском Союзе: позитивные крайние острый должен быть конфликт и велика трагедия угнетенного народа, если даже некоторые представители правящих классов не только начинают сознавать это, но считают необходимым выступить в защиту народа.

Коуп выводит в романе ряд представителей привилегированных слоев общества — разумеется «белых», наделяя каждый персонаж какой-либо отдельной, запоминающейся чертой. Взятые вместе, в совокупности, эти люди создают собирательный образ — «белого» угнетателя, хитростью, жестокостью и оружием держащего в подчинении миллионные массы африканцев. «Белые», введенные в романе, — внешне разные люди: консервативный, с пуританскими взглядами на жизнь фермер Стоффель, беспринципный, отвратительный судья Хемп, его сын молодой офицер Атер Хемп, цель жизни которого, как и других подобных ему — упрочить положение господствующего класса, к которому он принадлежит. Он готов уничтожить всякого, кто попытается выступить против этого класса. Близок Атеру и другой офицер, полковник Эльтон, также ревностный хранитель порядков Южно-Африканского Союза; страх утратить свое господство лишает его элементарной человеческой гуманности: он своими руками добывает раненых; а ведь именно «белые» и он первый, создали миф о кровожадности зулусов. Показателен образ Линды — жены Эрскина; она проникнута до мозга костей презрением и ненавистью к африканцам и эту ненависть она готова перенести на всякого, кто защищает зулусов. Она настолько во власти расистской идеологии, привитой ей всем укладом южно-африканской жизни, что даже идет на разрыв с любимым человеком, который видит в зулусах людей, а не низшие существа. Тонко, намеком, Коуп показывает деятельность миссионерши мисс Брокенша, те взгляды, которые она прививает зулусам; один из наиболее преданных ей людей — Пеяна, становится предателем своего народа; пособником кара-

телей. Мисс Брокенша сумела заставить его служить «белым» не силой оружия и заковом, а миссионерским словом.

Всех этих людей — фермера Стоффеля, судью Хемпа, его сына Атера объединяет одно качество — страх перед народом, который они обманом, оружием, миссионерскими проповедями хотят повергнуть в рабство. Они сознают, что их господство не вечно. Презрение к «низшим» лишь маскирует их страх перед грядущим восстанием; их жестокость — это месть ни в чем неповинным людям за этот вечный страх от сознания, что они ограбили, обманули африканцев, и что возмездие свершится.

С любовью и симпатией рисует писатель образы простых людей из народа, проникнутых мужеством, свободолюбием, любовью к родине. Полна ненависти к угнетателям старуха Коко. Ни полная лишений жизнь, ни жестокость туземщиков не сломили ее воли. Она вселяет отвагу в сердца восставших. Люси, жена Коломба, как и многие другие женщины-зулусы, рука об руку с мужем борется за свободу, принимает участие в подготовке восстания. С болью в сердце вспоминают зулусы о том времени, когда их родина была свободной. В памяти старика-зулуса Но-Ингиля не стираются воспоминания о времени «...когда здесь еще не было белых, когда еще не появились добрые миссионеры, которые приехали просвещать и заодно посмотреть, нельзя ли прибрать к рукам его землю».

Если авторы колониальных романов стремятся представить «туземцев» либо примитивными и забытыми, либо кровожадными варварами, Коуп в своем романе воспекает вольнолюбивый дух зулусского народа, показывает духовную красоту, высокие моральные качества людей из народа. Автор противопоставляет жестокости карательных отрядов «белых» гуманность восставших зулусов: зулусы строго следуют приказу своего вождя Бамбата не убивать женщин, детей и невооруженных мужчин, в то время, как каратели безжалостно добивают раненых зулусов.

Один из главных героев романа Коломб Пела мечтает о том времени, когда его родина будет свободна. Он тесно связан со своим народом, готов служить ему до конца. Образованный человек, Коломб не имеет возможности в условиях жестокого расового режима ЮАС стать полноправным гражданином, ибо африканца, получившего образование, считают «подозрительным», чуть ли не преступником, элементом, опасным для общества. Ненавидя угнетателей своей страны, Коломб ни в коей мере не заражен национализмом. Он считает, что африканцы должны перенять у европейцев то, что может быть полезным для них, и в гостеприимном Черном Доме, в Африке, на его освобожденной родине найдется место для тех «белых», которые этого пожелают.

Факты, на которых основан роман «Прекрасный дом», исторически достоверны; объективность Коупа делает роман произведением, ценным с точки зрения истории. Помимо этого, роман обладает еще одним достоинством, которое делает его интересным не только для широкого читателя, но и для специалиста-этнографа. Внимательное изучение жизни зулусов дает Коупу возможность сообщить интересные этнографические сведения. В картине боевых действий зулусов против регулярной армии правительства мы находим сведения о том, как зулусы готовятся к бою; описание боевых танцев и песен, исполняемых для поднятия боевого духа; у зулусов принято перед боем упрекать вождя в трусости — такой прием якобы приносит победу; описывает Коуп знахаря, магической смесью делающего воинов «неуязвимыми» для вражеских пуль; трудно сказать, широко ли распространено у зулусов употребление рвотной смеси «для очищения» или это прием, применяемый каким-то отдельным знахарем, несомненно, однако, что всевозможные заговоры — от пуль, от стрел и копий, заклинания и прочее широко употреблялись у африканских народов в то время и, вероятно, кое-где бытуют и по сей день.

В книге мы находим сведения об особенностях военной тактики зулусов (внезапное нападение, окружение) и другие подробности: боевой клич «Узуру!», леопардовые шкуры, бычьи хвосты, которые надевают некоторые воины для устрашения врага.

В описании свадьбы встречается интересный обычай зулусов — невеста после свадьбы несет на голове вязанку хвороста — символ домашнего очага и уюта. У зулусов принято давать прозвища, которые обычно основываются на какой-либо наиболее запоминающейся черте характера или наружности человека; в романе Том Эрскин получает прозвище «Вимбиндлела» — что означает «Том, хранитель дороги» — это говорит о его честности и твердости. Его называют «Тот, перед которым отступает преступник».

Эти этнографические подробности, а также некоторые другие — описание одежды и атрибутов власти вождя, типических черт характеров зулусов, их манеры держаться друг с другом и др. — расширяют наши знания о жизни и быте этого африканского народа.

Роман Джека Коупа «Прекрасный дом», проникнутый оптимизмом, верой в победу демократических сил, актуально звучит в наши дни, когда все шире разворачивается борьба народов ЮАР за свое освобождение.

В. Вавилов, М. Новикова

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

Н. М. Wright. *New Zealand, 1769—1840. Early Years of western contact.* Cambridge, Massachusetts 1959, стр. X + 225.

Книга американского ученого Райта посвящена интересному и мало изученному периоду в истории маори. Количество европейских поселенцев (пакеха) на Новой Зеландии в первой половине XIX в. было сравнительно невелико. По данным 1843 г., на каждых 10 маори приходился лишь один пакеха. Это был период, когда не маори подчинялись европейским обычаям, а наоборот, европейцы подчинялись обычаям маорийским (стр. 129, 140). Тем не менее, наличие европейцев оказывало преобразующее влияние на хозяйство маори. Европейцы ввозили на Новую Зеландию новые орудия труда, оружие, одежду. Маори могла получить эти предметы, естественно, только путем обмена. Поэтому хозяйство маори быстро утратило натуральный характер и превратилось в товарное; профиль его определялся спросом на рынке.

В этот период отношения между маори и европейцами строились на основе взаимной выгоды и взаимного уважения. «Это был, — пишет Райт, — золотой век в отношениях между маори и пакеха» (стр. 195).

Райт изучал материалы, относящиеся к этому периоду, в архивах Новой Зеландии, Англии и США. Эти архивные материалы (в первую очередь дневники и письма миссионеров и путешественников) содержат весьма ценные сведения о маори.

До выхода в свет книги Райта довольно широко была распространена версия, будто бы до прибытия на Новую Зеландию миссионеров хозяйство и культура маори были разрушены тредерами и китобоями. Эта искажающая действительность версия сочинена, конечно, миссионерами. Райт показывает на фактах, что общение с китобоями и тредерами в целом принесло маори не вред, а пользу.

С другой стороны, Райт сообщает интересные сведения о взаимоотношениях между миссиями и отдельными миссионерами. Миссионеры часто писали доносы друг на друга, некоторые из них погрязли в пьянстве и разврате. Миссии разных толков враждовали: католики поливали грязью протестантов, а те, в свою очередь, называли католиков «представителями сатаны» (стр. 51). В конце концов одержали верх протестанты: в их руках была печать, а маорийское население в своем большинстве было к этому времени грамотным. В 1845 г. на каждых двух маори приходилось по одному экземпляру Нового Завета, и это решило исход вражды в пользу протестантов (стр. 53).

Владение архивными материалами позволило Райту показать несостоятельность и другой, не менее широко распространенной версии, будто уменьшение численности маори произошло, в основном, до англо-маорийских войн 1860—70 гг. Эта версия сочинена английскими колониальными чиновниками с целью снять с колонизаторов ответственность за истребление маори в ходе этих войн. Факты опровергают эту версию. До 1840 г. численность маори несколько уменьшилась в результате войн между племенами с применением огнестрельного оружия, ввезенного европейцами. Но это падение численности происходило постепенно, и поэтому «последствия его для населения в целом были не очень значительны» (стр. 102). После 1840 г., пишет Райт, численность маори не уменьшилась, наоборот, она даже стала увеличиваться (стр. 194). В эти годы насчитывалось около 125 тыс. маори (стр. 101). Между тем, на рубеже XX в. маори были на грани гибели, их оставалось 40 тыс. чел. Сказались результаты кровопролитных англо-маорийских войн и политики ограбления маорийских земель, проводившейся в последующие годы англо-новозеландским правительством.

Книга Райта имеет и существенные недостатки. Автор не уделил достаточного внимания экономической стороне дела, материальной основе взаимоотношений между маори и пакеха; его интересует в первую очередь идеология. Книга его состоит из трех частей: 1) прибытие европейцев на Новую Зеландию, 2) уменьшение численности маори и 3) изменения в культуре, причем третья часть, по существу, посвящена вопросу об обращении маори в христианство.

Конечно, не идеология определяет историю, а более прозаические вещи. Пока пакеха не отнимали у маори землю, маори хорошо относились к ним, и даже включили в свою религию некоторые черты христианства. Но когда начался грабеж маорийских земель, маори изменили свое отношения к пакеха и отказались от христианской веры (стр. 197). Автор же, не видя реальных причин, скользит по поверхности событий, давая им подчас наивные объяснения. Так, уменьшение численности маори в XIX в. он склонен отнести за счет того, что два разных народа, встретившись, не смогли, будто бы, понять друг друга (стр. 102, 201). Основная вина, по мнению Райта, ложится при этом на маори. Он пишет: «Маори жили в таком духовном мире, который никем, кроме самих маори, не может быть понят» (стр. 13—14). Все это, конечно, очень далеко от действительности, и свидетельствует скорее о слишком большом незнакомстве автора с самобытной культурой маори. Глава о культуре маори до прибытия европейцев является, во всяком случае, очень слабой в рецензируемой книге.

В настоящее время численность маори достигла 160 тыс. и непрерывно растет. Предполагается, что в 1930 г. их будет 237 800 чел., а в 2000 г.— 577 400 чел.¹.

Вопрос об отношениях между маори и пакеха приобретает все большее значение. Прогрессивная общественность Новой Зеландии выступает с требованием равноправия маори, в частности отмены отдельного голосования маори на выборах в новозеландский парламент и т. д. В этой связи книга Райга может принести пользу, так как она напоминает о том времени, когда маори и пакеха жили в мире и дружбе. Следовательно, мир и дружба, равноправие и взаимное уважение могут существовать между ними и сейчас. Борьба за эти идеалы имеет все шансы на победу.

Н. Бутинов

---

¹ S. R. Morrison, *The Maori community today and tomorrow*, «Waiaariki Regional Young Maori Leaders' Conference», Auckland 1960, стр. 2. По другим данным, в 2000 г. будет 700 тыс. маори. см. J. K. H u n n, *Report on Department of Maori Affairs*, Wellington, 1961, стр. 18.

СОДЕРЖАНИЕ

Величайший исторический документ современности	3
Вопросы общей этнографии и антропологии	
С. И. Брук, В. И. Козлов (Москва). Основные проблемы этнической картографии	9
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
Т. А. Жданко (Москва). Быт колхозников рыболовецких артелей на островах южного Арала	27
Л. С. Толстова (Нукус). Каракалпакки Бухарской области Узбекской ССР	44
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
А. И. Першиц (Москва). Племя, народность и нация в Саудовской Аравии	52
И. А. Сванидзе (Москва). Сельское хозяйство и поземельные отношения у народа баротсе	63
Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии	
Г. Б. Федоров (Москва). Население юго-запада СССР в I — начале II тысячелетия нашей эры	80
Из истории этнографии и антропологии	
Н. Н. Степанов (Ленинград). М. В. Ломоносов и русская этнография (К 250-летию со дня рождения)	107
Народы мира	
Информационные материалы	
А. И. Собченко (Ленинград). Население Анголы	124
Сообщения	
Г. Г. Громов (Москва). Древнейшие в России этнографические рисунки (Таблица из рукописного сборника XVII в)	134
Г. А. Нерсесов (Москва). Алжир в 1881—1882 гг. (по письмам русского журналиста)	140
Хроника	
К. Якимова (Москва). Первое заседание рабочего Оргкомитета VII Международного конгресса антропологов и этнографов	146
Н. Полишук (Москва). Научная конференция, посвященная специфике жанров русского фольклора	148
Р. Джарылгасинова (Москва). Совещание по топонимике Востока	152
М. Райт (Москва). Выставка современной живописи Эфиопии	154
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
Л. Файнберг (Москва). Этнографические материалы в географической серии «Путешествия, Приключения, Фантастика»	158
И. Золотаревская (Москва). Новый американский этнографический журнал	162
Вопросы общей этнографии	
В. Бахта, А. Формозов (Москва). Проблемы истории первобытного общества	168
Народы СССР	
К. Чистов (Петрозаводск). В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVIII веков	174
С. Минц (Москва). Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии	177
В. Соколова (Москва). Русская народная поэзия	179
В. Кобычев, А. Трофимова (Москва). А. К. Алекперов. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана	181
Э. Померанцева (Москва). Пословицы и поговорки народов Востока	185
Народы зарубежной Европы	
М. Фрейденберг (Великие Луки). J. Вукмановић. Паштровићи. Антропogeографско-етнолошка испитивања	187
Г. Анохин (Москва). Knut B. Westman och Harald von Sicard. Den kristna missionens historia	189
Народы зарубежной Азии	
А. Мухлинов (Ленинград). Национальные меньшинства Вьетнама	193
Народы Африки	
В. Вавилов, М. Новикова (Москва). Джек Коуп. Прекрасный дом	202
Народы Океании	
Н. Бутинов (Ленинград). H. W. Wright. New Zealand, 1769—1840; early years of western contact	205

SOMMAIRE

Le plus grand document historique de notre temps	3
Problèmes d'ethnographie générale et d'anthropologie	
S. I. Broutk, V. I. Kozlov (Moscou). Problèmes fondamentaux de cartographie ethnique	9
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S.	
T. A. Jdanko (Moscou). Mode de vie des kolkhoziens-pêcheurs des îles de l'Aral méridional	27
L. S. Tolstova (Noukous). Les Karakalpaks de la région de Boukhara (R. S. S. d'Ouzbekistan)	44
Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers	
A. I. Perchitz (Moscou). Tribu, nationalité et nation en Arabie Saoudite	52
I. A. Svanidzé (Moscou). Économie rurale et rapports fonciers chez le peuple Barotsé	63
Problèmes d'ethnogénèse, de paléoethnographie et d'ethnographie historique	
G. B. Fedorov (Moscou). Le peuplement du sud-ouest de l'U.R.S.S. en I — commencement du II millénaire de notre ère	80
Histoire d'ethnographie et d'anthropologie	
N. N. Stepanov (Léningrad). M. V. Lomonossov et l'ethnographie russe (Pour le 250 anniversaire)	107
Peuples du monde	
Matériaux d'information	
A. I. Sobtchenko (Léningrad). Population d'Angola	124
Communications	
G. G. Gromov (Moscou). Les plus anciens dessins ethnographiques en Russie (Page d'un manuscrit du XVII ^e s.)	134
G. A. Nersessov (Moscou). L'Algérie en 1881—1882. (Notes d'un journaliste russe)	140
Chronique	
K. Jakimova (Moscou). Première séance du Comité d'organisation du VII ^e Congrès International des sciences anthropologiques et ethnologiques	146
N. Polechtchuk (Moscou). Conférence scientifique consacrée aux genres spécifiques du folklore russe	148
R. Djarylgassinova (Moscou). Conférence sur la toponymie d'Orient	152
M. Raït (Moscou). Exposition de la peinture moderne d'Éthiopie	154
Critique et bibliographie	
Articles de critique et aperçus	
L. Fainberg (Moscou). Matériaux ethnographiques dans la série «Voyages, aventures, fantaisie»	158
I. Zolotarevskaïa (Moscou). Une nouvelle revue ethnographique aux U.S.A.	162
Problèmes d'ethnographie générale	
V. Bachta, A. Formozov (Moscou). Problèmes d'histoire de la société préhistorique	168
Peuples de l'U.R.S.S.	
R. Tchistov (Petrozavodsk). V. K. Sokolova, Chants historiques russes des XVI—XVIII ss.	174
S. Mintz (Moscou). «Chansons, contes, proverbes, et devinettes, recueillis par N. A. Ivanitzky dans la province de Vologda»	177
V. Sokolova (Moscou). Poésie populaire russe	179
V. Kobytchev, A. Trofimova (Moscou). A. Alekperov, Recherches sur l'ethnographie d'Azerbaïdjan	181
E. Pomérantzéva (Moscou). Proverbes et dictons des peuples d'Orient	185
Peuples d'Europe étrangère	
M. Freidenberg (Velikie Louki). J. Voukmanovitch. Pachtrovitchi. Anthropogeo-graphisko-ethnolochka ispitovania (Recherches anthropologo-ethnographiques)	187
G. Anokhine (Moscou). Knut B. Westman och Harald von Sicara, Den Kristna Missionens Historia, Stockholm. 1960. (Histoire des missions chrétiennes)	189
Peuples d'Asie étrangère	
A. Moukhlinev (Léningrad). Minorités nationales de Viet-Nam	193
Peuples d'Afrique	
V. Vavilov, M. Novikova (Moscou). Jack Coup, La belle maison	202
Peuples d'Océanie	
N. Boutinov (Léningrad). H. M. Wright, New Zealand. 1769—1840: early years of Western contact	205